

II-10.
P-150.

О П

РЕПЕРТУАРЪ

И

ПАНТЕОНЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

В. МЕЖЕВИЧЕМЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

1846.

ТОМЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ,
въ типографіи Карла Крайя
1846.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. КУЗЬМИНОВА
ТЕАТРА ДРАМЪ

6007.758
4954.7009

РЕПЕРТУАРЪ

ПАМЯТНИКЪ

В. МЕЖЕРЯКЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
законенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, 31 Марта 1846 года.

Ценсоръ *А. Никитинъ*.

1846

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

С. ПЕТЕРБУРГЪ

1846

РЕПЕРТУАРЪ ПАНТЕОНЪ.

№ 5.

СОДЕРЖАНІЕ.

1846.

- I. Элегія. (Изъ А. Шенье). *В. И. Золотницкаго* 193
- II. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ РУССКАГО ТЕАТРА. С. Петербургскіе театры въ 1845 году. 1) Александринскій; 2) Михайловскій (а, Французскій; б, Нѣмецкій); 3) Большой-театръ (а, Итальянская опера; б, Русская опера; с, Валетъ) 196
- III. Художнику. Стихотвореніе *А. Фета* 228
- IV. Людовикъ XI. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Соч. *Казимира Деласина* . . . 229
- V. Философія и исторія музыки. Штейбельтъ. Статья *С. К.* . . . 329
- VI. Метелла. Повѣсть *Ж. Занды* . . . 338
- VII. Юмористика. Этюды замѣча-

- тельнѣйшихъ юмористовъ прошедшаго и нынѣшняго времени. Рабеле. — Осы. Юмористическая всякая всячина *Альфонса Карра* и другихъ 380
- VIII. Смясъ. Четыре стихотворенія актера-поэта *П. С. Моголова*. — Исторія скрипокъ *Оль-Буля*. — Прадонъ, соперникъ *Расини*. — Балъ, почти баснословный, въ Парижѣ. — Первое представленіе комедіи *Бомарше: «Свадьба Фигаро»*. — Фельетонная критика во Франціи. — Какъ *Тартини*, авторъ «Сонаты Дьявола», сдѣлался музыкантомъ. — Новый *Ватель*. (Сюжеты для водевиля.) — Анекдоты и Мелочи 449

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ. (АПРѢЛЬ.)

- I. Иностранныя театры. — Парижскіе. *Généviève ou la jalousie paternelle*, комедія-водевиль *Скриба*. — *Le carillon de St-Mandé*, водевиль *Сирадена и Далена*. — *Un mari qui se dérange*, водевиль *Кормена и Гранже*. — *Le nouveau Juif errant*, водевиль *Варпера*. — *Jean Baptiste*, драма *Мишель-Массона, де-Вильнёва и Фредерика Тома*. — *Mademoiselle ma femme*, комедія-водевиль *Лсарапа и Лабина*. — *Un conte bleu*, водевиль *Лачитта и Ф. Тома*. — *Un homme grave*, водевиль *Е. Сувестра*. — *Le lait d'annesse*, водевиль *Дюпёти и Габріэля*. — *Frisette*, водевиль *Леграна и Лабина*. — *Une fille du régent*, комедія *Александра Дюма* 25

- II. Русскіе театры
С. Петербургскіе.
1) Александринскій-театръ. Открытіе русскихъ спектаклей. — Новый дирижёръ оркестра *В. М. Кажинскій*. — Цансіонеръ-артистъ петербургскихъ теа-

- тровъ, *Я. М. Брянскій*. — Горь отъ ума и новый дебютантъ, московскій артистъ *г. Самаринъ*. — Черный Дугласъ, драма. — Бенефисъ *г. Куликова; Евгений Онегинъ*, драматическое представленіе. — Мыльные пузыри, шутка. — Оставной театральнй музыкантъ и княгиня, оригинальная драма. — Артисты между собою или чей фантъ вынется, что тому дѣлать, дивертиссемента 34
- 2) Михайловскій-театръ. а) Нѣмецкіе спектакли. *Abendunterhaltungen* — *г-на Гемузеуса* — *г-на Горлицке* — *г-жи Ваксъ*. б) Открытіе спектаклей. — *Le tuteur de vingt ans*. — *Le major Grayachon*. — Бенефисъ *г-на Верне: Un procès criminel*. — *Riche d'amour*. — *Sur les toits* 48
- Провидальныя.
Воспоминаніе о таганрогскомъ театрѣ. — Тифлискій театръ 51
- III. Разныя извѣстія 68
- Корреспонденція Репертуара и Пантеона 71

Къ этому номеру приложено изображеніе современнаго костюма — модная картинка, гравированная на стали въ Парижѣ.

ВЪ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

ПОДЪ ФИРМОЮ

„АЛЕКСАНДРЪ СМИРДИНЪ,“

на *Невсколѣ проспектъ, у Казанскаго моста, въ
доль Ангельгардта,*

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ КНИГИ:

(Цѣны на серебро.)

РИМСКІЯ Письма, 2 части. (Соч. автора путешествія ко св. мѣстамъ) С. П. Б. 1846. Цѣна 2 р. 86. Вѣс. за 3 ф.

ИСТОРИЯ Русской Словесности, преимущественно древней. Публичныя лекціи С. Шевырева. Часть 1-я М. 1846. Цѣна 1 р. 50 коп. Вѣс. за 2 ф.

ИСТОРИЯ Консульства и Имперіи во Франціи. Соч. Тьера, перев. Ѳ. Кови. Части 1-я и 2-я, съ портретомъ Наполеона, Тьера, и Богарне. С. П. Б. 1846 г. Цѣна каждой части 1 р. Вѣс. за 2 ф.

СТИХОТВОРЕНІЯ Кольцова, съ портретомъ автора, его факсимиле и статьей о его жизни и сочиненіяхъ, писанною Бѣлинскимъ. С. П. Б. 1846 г. Цѣна 2 р. Вѣс. за 2 ф.

АНЕКДОТЫ всѣхъ вѣковъ и народовъ. Часть 1-я С. П. Б. 1846 г. Цѣна 2 р. Вѣс. 2 ф.

КАРМАННЫЙ Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Издав. Н. Кириловымъ, и посвященный Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Павловичу, выпускъ 1-й и 2-й С. П. Б. 1845 — 1846 г. Цѣна каждому выпуску 1 р. Вѣс. за 1 ф.

ГРАФИНЯ Монсорё. Романъ Александра Дюма, въ шести частяхъ. С. П. Б. 1846 г. Цѣна 2 р. Вѣс. за 3 ф.

ЭЛЕГИЯ.

(Изъ А. Шенье.)

О ночь! я обещалъ измѣннику любить,
Ея уста клялись мнѣ въ-вѣкъ не измѣнить, —
Ты слышала слова обѣта роковаго;
Неблагодарная, въ объятіяхъ другаго,
Въ любви и вѣрности клянется ужъ не мнѣ,
А ты по прежнему ей внемлешь въ тишинѣ.

И ты, на мраморъ стоящая лампада,
Сіянье тихое, влюбленнаго отрада!
Изъ узкаго стекла на насъ лія свой свѣтъ,
Ты также слышала взаимный нашъ обѣтъ.
Увы! ея любовь, какъ твой огонь безъ масла,
Все уменьшалася и наконецъ погасла.
Обѣты въ вѣрности возлюбленной моей,
Печезли безъ слѣда, какъ дымъ среди полей.
У ложа милаго, огонь твой поправляла
Моя рука, чтобъ насъ ты ярче озаряла,
А ты попрежнему ночную гнала тьму,
А ты сопернику свѣтила моему.
Ты, также какъ она, коварна и безбожна:
Когда страдаю я — тебѣ свѣтить возможно —
Указывать инымъ очамъ, лишеннымъ сна,
Какъ вѣроломна и какъ хороша она.

— Поэтъ несчастливый! меня ты обвиняешь
 Въ неблагодарности, но, вѣрно, ты не знаешь,
 Что для тебя, пока въ тотъ вечеръ я жила,
 Я дѣлала все, все, что только я могла.
 Вчера прекрасный ликъ ея блисталъ слезами,
 Ковра она едва касалася ногами.
 День тихо догорѣлъ — я начала свѣтить.
 Она легла въ постель. Я не могу забыть —
 Страдала какъ она, недугъ свой проклиная,
 На томные глаза сонъ тихій призывая.
 Простясь съ ней, ты ушелъ. Узнай-же ты теперь,
 Что чуть переступилъ ея порогъ, какъ дверь
 Вновь отворилася, и предъ ея очами
 Явился юноша съ роскошными кудрями.
 Дрожащимъ голосомъ красавица твоя
 Сказала: «О уйди, виновна слишкомъ я!»
 А взоръ ея межъ тѣмъ молилъ, чтобъ онъ остался...
 Красавецъ смѣлый, къ ней все больше приближаясь.
 Въ нѣмомъ молчаніи слилися ихъ уста.
 Я видѣла: ея альбастровое тѣло
 Коралломъ, лиліей и розами блестѣло, —
 Какъ, — помнишь-ли, — когда показывалъ мнѣ ты
 Ее, въ блистаніи чудесной наготы;
 Когда неслася ночь на крыльяхъ, къ изголовью
 Прижавшись, ее ты озираешь съ любовью;
 Когда твой страстный крикъ свѣтитъ меня молилъ,
 А голосъ сладостный ея меня бранилъ?
 Амура я твоимъ заступникомъ считала,
 Его напрасно дать мнѣ голосъ умоляла,
 Дарованный теперь: неумолимъ былъ богъ,
 А я измѣнницѣ дала-бы злой упрекъ.
 Однакожъ, я, чтобъ въ грудь коварную запало
 Раскаянье и страхъ — вдругъ ярко запылала,
 И неожиданно, сверкая и треща,
 Посыпался огонь вокругъ моего луча.
 Она смутилася и, полная тревоги,
 Дрожащимъ голосомъ, произнесла: «О боги!
 «Зачѣмъ, когда во мнѣ разсудокъ умолкалъ,
 «Моей невѣрности свидѣтель здѣсь стоялъ!»
 Она приближалась ко мнѣ, и, обнимая

Ее, сказалъ онъ: «Пусть горитъ, насъ освѣщая.»
Погаснулъ мой огонь.... Съ меня примѣръ возьми:
Не ты ей миль — другой, другую — полюби:
Другъ, погаси, молю тебя, свое страданье,
Какъ погасило мой огонь ея дыханье.

В. ЗОЛОТНИЦКІЙ.

=

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ РУССКАГО ТЕАТРА.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

въ 1845-мъ году.

I.

РУССКАЯ ТРУППА и АЛЕКСАНДРЫНСКІЙ ТЕАТРЪ.

Девятнадцатаго февраля 1846 года, «Театральная Лѣтопись», вмѣстѣ съ послѣднимъ ударомъ смычка, послѣ паденія занавѣси, скрывшей отъ насъ на долго «Лучію» въ особенности и театральныя представленія вообще, — вставала съ своихъ креселъ веселая и довольная. Она радовалась по той-же самой причинѣ, по которой, слишкомъ десять мѣсяцевъ тому назадъ, грустная и задумчивая, садилась въ свои кресла, въ день открытія спектаклей послѣ великаго-поста, 16-го апрѣля 1845 г., въ первый пѣмецкій «абендунтергальтунгъ». Говорятъ, что обыкновенно это бываетъ совсѣмъ не такъ, что должно радоваться, когда начинаются спектакли, и жалѣть, когда они оканчиваются. Очень можетъ-быть. «Театральная Лѣтопись» сознается въ томъ, что

она не раздѣляетъ общаго убѣжденія. Вѣдь и такъ многіе увѣряютъ, что она видитъ все въ превратномъ видѣ....

Одно только нарушало радость «Театральной Лѣтописи» въ великій день закрытія театровъ: это мысль, что изъ *Лѣтописи* она должна сдѣлаться *Исторіей*, что должна представить читателямъ обзоръ дѣятельности русскихъ театровъ за истекшій театральный годъ, и что обязанность эта для нея чрезвычайно-тяжела, весьма-затруднительна, совершенно-великопостна.

И въ-самомъ-дѣлѣ! Непріятна и неблагодарна обязанность критика. Но долгъ театрального рецензента еще несприятнѣе и неблагодарнѣе...

И не-смотря на это, мы готовимся отдать отчетъ въ томъ, что сдѣлалъ прошлый театральный годъ. Взглянемъ сперва на то, какими пьесами подарилъ онъ насъ, и что было особенно-замѣчательнаго между этими пьесами. Подробный отчетъ мы отдавали объ нихъ въ свое время, при появленіи каждой новости; теперь сдѣлаемъ только общій сводъ имъ, и въ нѣсколькихъ словахъ припомнимъ ихъ недостатки или достоинства.

Въ прошломъ году было сыграно пьесъ новыхъ 57, возобновленныхъ 18, всего 75, въ томъ числѣ драмъ 19, комедій 14, водевилей 42. Вотъ всѣ эти новости, въ томъ порядкѣ, въ какомъ являлись на русской сценѣ.

1) *Правитель и Отецъ*, драма, передѣланная изъ *The Two Foscari* Байрона. Извѣстно, что ни одна пьеса Байрона не писана имъ для сцены. Хотя были попытки разыграть ихъ на лондонскихъ театрахъ, но успѣхъ никогда не сопровождалъ появленіе ихъ на сценѣ. Въ русской передѣлкѣ драма вышла очень-плоха. Не-смотря на это, въ ней есть мѣста, которыхъ не могъ написать никто, кромѣ Байрона. Играна 3 раза.

2) *Сопрано*, комедія-водевиль, (съ франц.) Играна 3 раза.

3) *Параша Сибирячка*, возобновленная для дебюта г-жи Самойловой 2-й и потомъ г. Славина. Играна 4 раза.

4) *Мужъ въ дверь, а жена въ Тверь*, водевиль, удержавшійся на репертуарѣ. Игранъ 14 разъ въ теченіе года, самый спосный изъ всѣхъ оригинальныхъ произведеній.

5) *Дѣвѣ Невѣсты*, комедія, (съ франц.) Играна 8 разъ.

6) *Три Польки*, французскій вздоръ, удержавшійся на сценѣ магическимъ именемъ этого всемогущаго танца.

7) *Сынъ и Любви*
 и
 8) *Демужница* } возобновлены для дебютовъ г. Зимина.
 Играны по разу.

- 9) *Купеческая полька на Нижегородской Ярмаркѣ*, водевиль г. Григорьева 2-го. Игранъ разъ пять.
- 10) *Петербургскій ростовщикъ*, водевиль г. Некрасова. Игранъ 3 раза.
- 11) *Съ больной головы на здоровую*, комедія, передѣланая съ французскаго. Играна 5 разъ.
- 12) *Корсиканская месть*, водевиль, переводъ съ французскаго. Игранъ 10 разъ.
- 13) *Въ людяхъ ангелъ не жена*, извѣстная комедія-водевиль г. Ленскаго, возобновлена для дебюта г. Н. Самойловой. Играна 3 раза.
14. *Коварство и любовь*. Первый разъ возобновлена для дебюта г. Максимова 1-го въ роли Фердинанда, потомъ для дебюта г. Александрова въ той-же роли.
- 15) *Юаннъ, Герцогъ Финляндскій*, возобновленъ для дебютовъ гг. Славина и Зимина. Игранъ 5 разъ.
- 16) *Война съ тещей*, комедія г. Ленскаго, передѣланная съ французскаго. Играна 8 разъ.
- 17) *Сто тысячъ*, водевиль г. Оедорова, съ франц. Игранъ разъ 15.
- 18) *Спасскій омнибусъ*, водевиль. Игранъ 3 раза.
- 19) *Первый дебютъ*, водевиль, передѣланъ съ французскаго: возобновленъ для г-жи Н. Самойловой. Игранъ 3 раза.
- 20) *Фениксъ*, водевиль *Князя Шаховскаго*. Возобновленъ для дебюта г-жи Гориной. Игранъ 1 разъ.
- 21) *Пять мѣтъ въ два часа*, старинная комедія-водевиль, очень недурно написанная и разыгранная. Играна 3 раза.
- 22) *Сынъ обезглавленнаго*, драма въ стихахъ, имѣющая право называться оригинальною, потому-что цѣликомъ выкрадена изъ романа. Самая замѣчательная нелѣпость, явившаяся въ нынѣшнемъ году. Играна 3 раза.
- 23) *Капризы дьвушки*, оригинальная комедія. Играна 3 раза.
- 24) *Модный магазинъ*, водевиль съ французскаго. Игранъ 3 раза. Довольно грязноватая вещь.
- 25) *Школа эсеницинъ*, комедія Мольера. Возобновлена для дебюта г-жи Колосовой. Играна 2 раза.
- 26) *Расинъ*, драма-біографія въ стихахъ и прозѣ. Заслуживаетъ вниманія хотя-бы и по тому только, что знакомитъ съ жизнью Расина. Играна 3 раза.
- 27) *Женихъ съ мышки*, водевиль, передѣланъ съ французскаго, П. Оедоровымъ. Игранъ 5 разъ.
- 28) *Ножка*, водевиль, передѣланъ съ французскаго. Возобновленъ для г-жи Колосовой. Игранъ 2 раза.

- 29) *Маленькія непріятности чело́вческой жизни*, водевиль, переведенный съ французскаго. Игранъ 2 раза.
- 30) *Воля за гробомъ*, комедія, напрасно названная драмою, написанная однимъ авторомъ по-французски, а другимъ переведенная довольно-плохо по-русски, піеса, надъ которой трудились многіе втуны! Играна разъ 8.
- 31) *Кеттлѣ*. Возобновлена для дебюта г-жи *Лилъевой*. Играна 2 раза.
- 32) *Свѣтскій случай*, очень-недурная комедія въ стихахъ, стариннаго репертуара. Играна 4 раза.
- 33) *Новая школа музсей*, оригинальная комедія въ стихахъ. Играна 3 раза.
- 34) *Заколдованный принцъ*, комедія-водевиль, переведенная съ нѣмецкаго. Играна разъ 20.
- 35) *Матросъ*, возобновленъ для дебюта г. *Славина*.
- 36) *Мачиха и падчерица*, драма г. *Соловьева*. Играна 3 раза. Шумное паденіе.
- 37) *Что и деньги безъ ума*, довольно-сносный водевиль, передѣланный съ французскаго. Игранъ 5 разъ.
- 38) *Станиславъ*, водевиль, передѣланный съ французскаго. Игранъ 3 раза.
- 39) *Букеты*, водевиль *Графа Соллогуба*. Вздоръ, написанный умнымъ чело́вкомъ, и потому нравится. Игранъ 9 разъ.
- 40) *Смѣхъ и горе*, комедія-водевиль г. *Григорьева* 1-го. Играна 5 разъ.
- 41) *Мужъ, достань мнѣ собачку*, того-же автора. Играна 4 раза.
- 42) *Елена, или она за-мужемъ*, извѣстная комедія Скриба, возобновленная для г-жи *Колосовой*. Играна 1 разъ.
- 43) *Смерть или честь*, драма Полеваго, возобновленная для дебюта г. *Александрова*. Играна 2 раза.
- 44) *Вицъ - мундиръ*, водевиль *П. Каратыгина* 2-го. Игранъ разъ 10.
- 45) *Нѣчего дѣлать*, водевиль, передѣланный съ французскаго, тѣмъ-же авторомъ. Игранъ 5 разъ.
- 46) *Женскій эгоизмъ*, очень-недурная комедія, передѣланная съ французскаго. Играна 7 разъ.
- 47) *Поль и Полина*, водевиль, передѣланный съ французскаго. Игранъ 5 разъ.
- 48) *Балъ въ загородномъ саду*, французскій водевиль, замѣча-

тельный только тѣмъ, что въ немъ 17 паръ танцуютъ польку. Игранъ разъ 5.

49) *Черный день на Черной-рыцкѣ*, оригинальный водевилъ г. Яковлевскаго. Величайшая нелѣпность. Игранъ 5 разъ.

50) *Гаврило Ивановичъ Михляевъ*, русская быль, соч. г. Славина. Довольно-безцвѣтная, хотя и не пошлая вещь. Игранъ 7 разъ.

51) *Квартира на Бугоркахъ*, водевилъ, передѣланный съ французскаго, г. Оедоровымъ. Игранъ 5 разъ.

52) *Двушка морякъ*, гиль весьма-сухая. Играна 9 разъ.

53) *Небо и Земля*, драма г. Соловьева. Играна 3 раза.

54) *Альбомъ-Обличитель*, передѣлка французскаго водевиля. Вздорная и скучная вещь.

55) *Цыгане*, сцены изъ поэмы Пушкина.

56) *Имянины Городничаго*, несовсѣмъ дурная комедія. Играна 7 разъ.

57) *Смерть Ляпунова*, драма г. Гедеонова. Лучшая піеса, явившаяся въ этомъ году. Играна болѣе 20-ти разъ. Огромный и вполне-заслуженный успѣхъ.

58) *Максимовъ въ провинціи*, пошлая передѣлка нѣмецкой піесы. Играна 3 раза.

59) *Избытокъ счастья*, водевилъ г. Акселя. Игранъ 3 раза.

60) *Три жениха и двѣ невесты съ половиною*, водевилъ того же автора.

61) *Вотъ какъ лечатся иные въ Гельсингфорсъ*, водевилъ, передѣланный съ французскаго г. Оедоровымъ. Игранъ 3 раза.

62) *Езопъ у Ксанва*, комедія Шаховскаго. Играна 3 раза.

63) *Два рода безумія*, нелѣпнѣйшая драма, упавшая съ триумфомъ. Играна 3 раза.

64) *Дочка Его Благородія*, водевилъ доморошеннаго произведенія. Блистательное паденіе. Игранъ 3 раза.

65) *Святки*, одна изъ тѣхъ пошлостей, которыя для отличія отъ другихъ носятъ названіе *интермедій*. Играна 3 раза.

66) *Москаль Чаривникъ*. Возобновленъ для дебюта г. Домбровскаго. Игранъ 4 раза.

67) *Клара д'Обервиль*, драма, переведенная съ французскаго на русскій языкъ. Играна 7 разъ.

68) *Жена и карты*, водевилъ г. Григорьева 1-го. Игранъ 6 разъ.

69) *Пигмалионъ*, лирическая сцена въ стихахъ, съ французскаго. Играна 2 раза.

70) *Роза и Розетта*, водевиль, переведенный съ французскаго. Игранъ 2 раза.

71) *Казусный случай*, оригинальная комедія. Играна 2 раза.

72) *Пажы герцога Вандомскаго*, водевиль, переведенный съ французскаго. Игранъ 5 разъ.

73) *Охотникъ въ рекруты*, народный водевиль, лучшей изъ всѣхъ, — какіе только у насъ были до-сихъ-поръ. Игранъ 6 разъ.

74) *Странствующій Жидъ*, драма, переведенная съ нѣмецкаго. Играна разъ 7.

75) *Балъ и маскарадъ для дѣтей*, водевиль, переведенный съ французскаго г. *Федоровымъ*. Игранъ 5 разъ.

Итого семьдесятъ-пять новыхъ или возобновленныхъ пьесъ!

Въ числѣ ихъ изъ 13	новыхъ драмъ,	9	оригинальн. и	4	переводы.
— 6	возобновл.	—	2	—	4
— 8	новыхъ комедій	5	—	3	—
— 6	возобнов.	—	1	—	5
— 36	новыхъ водевилей	17	—	19	—
— 6	возобн.	—	1	—	5

Итого изъ 75 нов. и возобн. пьесъ: 35 оригинальныхъ, 40 переводы.

Богатство репертуара, судя по количеству — изумительное. Въ этотъ годъ было всѣхъ русскихъ драматическихъ спектаклей 215, слѣдовательно, больше трети новыхъ. Въ прошломъ году всѣхъ спектаклей вообще было 233, но вновь монтированныхъ спектаклей также 75. — Тоже самое число пьесъ поставлено въ меньшее время, стало-быть, перевѣсъ все-таки на сторонѣ нынѣшняго года.

Но изъ этихъ 75-ти пьесъ, многія-ли можетъ отмѣтить въ своихъ спискахъ исторія театра и драматической литературы? Изъ драмъ и комедій: «Смерть Ляпунова», «Расинъ», «Война съ тещей», «Свѣтскій случай», «Новая школа мужей», «Езопъ у Ксанона» и «Клара д'Обервиль»; изъ водевилей: «Заколдованный принцъ», «Букеты», «Имянины городничаго» и «Охотникъ въ рекруты». И все тутъ. Все остальное имѣетъ минутный, переходящій интересъ или не имѣетъ вовсе никакого интереса. Изъ новыхъ авторовъ, въ лицѣ *С. А. Геденова* театръ сдѣлалъ весьма-пріятное пріобрѣтеніе. Изъ другихъ въ этотъ годъ трудились для театра Гг. *Григоревъ 1-й*, *Каратыгинъ 2-й*, *Федоровъ*, *Аксель*, *Сла-*

винъ, Ленскій, Р. и В. Зотовы, Куликовъ, Соловьевъ, Григорьевъ 2-й, Некрасовъ. Имена остальныхъ погибли въ забвеніи, и упоминать объ нихъ не стоить.

Но все-таки нынѣшнимъ годомъ мы довольны болѣе, чѣмъ прошлымъ. Прошлый послалъ на насъ два быча: «Героевъ преферанса» и «Польку», въ разныхъ видахъ, сверхъ-того, онъ прославился цвѣтобѣсемъ и г-номъ *Ризлеемъ*, швырявшимъ своихъ дѣтей. Нынѣшній годъ далъ намъ одну хорошую драму, избавилъ насъ отъ «Героевъ преферанса»; «Польку» видѣли мы также очень-рѣдко, больше въ бенефисы, и самое цвѣтобѣсіе значительно уменьшилось.

Бросимъ теперь общій взглядъ на составъ нашей труппы, и посмотримъ, какіе успѣхи оказала она въ прошломъ году.

1) Первое мѣсто принадлежитъ г. *Каратыгину* 1-му. Въ нынѣшнемъ году онъ игралъ для открытія русскихъ спектаклей *Короля Лира*, потомъ *Велисарія*, *Ермака*, *Русскаго моряка*, *Неизвѣстнаго* (въ *Нарашѣ Сибирячкѣ*), и наконецъ, сыгравши *Кина*, уѣхалъ слишкомъ на полгода за-границу. Вернувшись въ ноябрѣ, онъ опять сыгралъ *Кина*, потомъ *Гамлета*, потомъ опять *Велисарія* и еще нѣкоторыя изъ старыхъ ролей. Изъ новыхъ онъ являлся въ роли *Гонзалеса Кока* (въ драмѣ «Небо и земля»), въ *Цыганахъ*, (игранныхъ имъ уже прежде), *Ляпуновъ*, *Кларъ д'Обервилъ*, *Пигмалионъ* и *Странствующемъ Жидѣ*. Вотъ вся статистика его спектаклей. Болѣе всего ему пришлось играть *Ляпунова*. Справедливость требуетъ замѣтить, что публика прощалась съ нимъ, какъ съ достойнымъ своимъ любимцемъ, когда онъ уѣзжалъ за-границу, и привѣтствовала по возвращеніи самымъ блистательнымъ образомъ.

2) Г. *Сосницкій* въ нынѣшнемъ году изъ новыхъ ролей сыгралъ прекрасно *Заруцкаго* (въ *Ляпуновѣ*), *Клода Лансело* (въ *Расинѣ*), въ *Войнѣ съ тещей*, *Новой школѣ мужей*, *Михляевъ*, *Имянинахъ городничаго*, *Кларъ д'Обервилъ* и *Странствующемъ Жидѣ* (доктора *Баленье*).

3) Г. *Мартыновъ* былъ слабъ только въ одной пьесѣ *Роза и Розетта*, въ роляхъ бриллианщика, которая вовсе не шла къ нему. Во всемъ остальномъ былъ превосходенъ; въ-особенности удались ему роли *писаря* (въ *Ляпуновѣ*), въ водевилѣ *Сто тысячъ* (ревниваго мужа), въ *Охотникѣ съ рекруты*, *Имянинахъ городничаго*, *Расинѣ*, *Новой школѣ мужей*, *Букетахъ*, и въ-особенности *Заколдованномъ принцѣ*, который ему обязанъ большею частью своего успѣха. Этотъ удивительный комикъ совершен-

ствуется съ каждымъ годомъ. Имъ и теперь уже можетъ гордиться нашъ театръ.

4) *Г. Максимовъ* 1-й, актеръ также съ замѣчательнымъ талантомъ, которому не достаетъ только старанія и желанія, чтобы сдѣлаться лучше, игралъ хорошо въ водевилѣ *Избытокъ счастья*, въ *Воль за гробомъ*, въ драмѣ *Правитель отецъ*, недурно въ *Коварствъ и любви*, и *Новая школа мужей* и слабо въ *Ляпуновъ*; сверхъ того, большой упрекъ падаетъ на него за то, что въ свой бенефисъ, онъ изъ своей собственной персоны состряпалъ пьесу подъ названіемъ *Максимовъ въ провинціи*.

5) *Григорьевъ* 1-й былъ хорошъ въ роли *Дагобера* (*Странствующій жидъ*) и въ *Имянинахъ городничаго*; недуренъ въ *Новой школѣ мужей* и *Коварствъ и любви* (*Президента*).

6) *Каратыгинъ* 2-й круглый годъ не сыгралъ никакой замѣчательной роли.

7) *Смирновъ* 1-й былъ очень-хорошъ въ роли *Людвика XIV*, въ драмѣ *Расинъ*. Въ немъ есть много матеріаловъ для драматическаго артиста и, что важнѣе всего, много старанія.

8) *Смирновъ* 2-й былъ недуренъ въ «*Фениксѣ*», въ роли *Грибляка*. Ныѣшній годъ онъ, слава Богу, не все танцевалъ польку.

9) *Третьяковъ*, актеръ весьма-старательный и необходимый, былъ превосходенъ въ роли *Корнеля* (въ драмѣ *Расинъ*) въ *Ляпуновъ*, въ *Коварствъ и любви* (*Миллеръ*), и даже недуренъ въ роли *Уголино*.

10) *Самойловъ* въ ныѣшнемъ году создалъ роль *Юродиваго* въ *Ляпуновѣ*, такъ типически сыгралъ ее, такъ художнически вѣрно и хорошо, что мы за нее прощаемъ ему даже удивительно-дурно сыгранную роль въ свой бенефисъ, въ драмѣ *Мачиха и падчерица*. Въ роли *Родена* былъ онъ не такъ хорошъ, какъ мы ожидали. —

11) *Марковецкій* былъ чрезвычайно-хорошъ въ водевиляхъ *Охотникъ въ рекруты*, *Корсиканская мечь* и *Станиславъ*. Въ этомъ молодомъ артистѣ также много таланта чисто-комическаго, чѣмъ также отличается и

12) *Петровъ* 2-й.

Кромѣ этихъ лицъ, у насъ есть еще много актеровъ, которые на своихъ мѣстахъ бывають очень-хороши и роли свои играютъ всегда старательно. Въ послѣднее время доказательствомъ этому служила постановка на сцену драмы *Смерть Ляпунова*, гдѣ самый послѣдній ратникъ изъ народа игралъ прекрасно и былъ на своемъ мѣстѣ. Изъ этихъ второстепенныхъ лицъ упомянемъ съ

похвалою о Гг. *Прусаконъ*, *Фальевъ*, *Максимовъ* 2 мѣ, *Шемаевъ*, *Васильевъ* 2-мѣ, *Сосновскомъ*, *Калининъ*, *Радинъ*, *Леоновъ*, *Воронцовъ*, *Сергеевъ*, *Разказовъ*, *Воробьевъ* и *Аббе*.

Посмотримъ теперь, какія лица прибыли въ нашу труппу въ теченіе нынѣшняго года.

1. Г. *Зиминъ* дебютировалъ въ *Сынъ любви*. Изъ большихъ ролей игралъ потомъ въ *Деумуженищъ* и *Иоаннъ Герцогъ Финляндскомъ*. Во всѣхъ этихъ трехъ піесъ былъ весьма-слабъ, но въ послѣдствіи, перейдя на второстепенныя роли, нѣкоторыя изъ нихъ игралъ сносно.

2) Г. *Славинъ*. Съ самаго начала подалъ большія надежды, но въ послѣдствіи времени не осуществилъ ихъ и совершенно-разочаровалъ всѣхъ своихъ приверженцевъ. Онъ сыгралъ почти всѣ лучшія роли Каратыгина 1-го. Въ *Гамлетъ* онъ игралъ довольно-просто и натурально. Въ *Кинъ* были у него прекрасныя минуты, но за то были и такія, которыя заставляли всѣхъ смѣяться. Это-же повторилось и при всѣхъ послѣдующихъ его роляхъ: въ *Иоаннъ Герцогъ Финляндскомъ*, *Неокинъ*, *Уголинъ*, *Жизни изрока*, *Парашъ Сибирячкъ*, *Матрость*. Ни въ одной изъ этихъ ролей онъ не былъ ни лучше, ни хуже. Это одинаковость игры и совершенное отсутствіе всякаго признака усовершенствованія, расхолодили зрителей, сначала принимавшихъ его очень-хорошо. Во всѣхъ новыхъ роляхъ онъ былъ также безцвѣтенъ, и въ особенности не хорошъ въ *Сынъ обезглавленнаго* и въ *Расинъ*. Отъ всей души желаемъ, чтобы онъ стараніемъ и ученіемъ изгладилъ невыгодное впечатлѣніе, которое онъ произвелъ въ послѣднее время въ публикѣ, и приобрѣлъ любовь ея. —

3) Г. *Толчиновъ* 4-й явился въ бенефисъ своего отца, сыгралъ всего одну роль поважнѣе въ водевилѣ *Капризы дѣвушки*, но сыгралъ ее очень-хорошо. Въ этомъ молодомъ человѣкѣ есть талантъ.

4) Г. *Александровъ* дебютировалъ въ *Коварствѣ и любви*, въ роли *Фердинанда*, и потомъ, послѣ значительнаго промежутка времени, въ драмѣ *Смерть или честь*, въ роли *Гюга Бидермана*. Кромѣ бездарности, мы до сихъ-поръ ничего отъ него не видали.

5) Г. *Несвятскій* дебютировалъ удачно въ *Стряпчелъ подъ столомъ*, въ роли *Жовіалля*, и весьма-неудачно въ роли *Мартынова*, въ *Заклдовааннмъ принцѣ*. Подождемъ дальнѣйшихъ дебютовъ.

6) Г. *Брянскій*, сыгравши только одну роль, въ старинной комедіи *Езонъ у Ксанва*, доказалъ, что талантъ никогда не ста-

рѣбета. Публика также съ своей стороны доказала ему, что любовь ея не измѣняется отъ времени и что она не такъ скоро забываетъ своихъ любимцевъ. Всѣ люди, истинно-любящіе театръ и его славу, искренно-радовались триумфу Я. Г. Брянскаго.

7) Г. *Домбровский*, харьковскій актеръ, сыгралъ всего двѣ роли: въ *Москаль чаровникъ* и *Комедіи съ дядюшкой*, обѣ написанныя на малороссійскомъ языкѣ, и потому не можемъ судить, хорошъ-ли г. Домбровскій въ русскихъ пьесахъ. —

1) Г-жа *В. Самойлова* 2-я въ настоящее время первая артистка въ драмахъ и комедіяхъ. Сценическое поприще г-жи Самойловой только-что начинается,—передъ нею лежитъ впереди широкая дорога успѣховъ и славы. Природа дала ей все, чтобы сдѣлаться знаменитой актрисой. Трудъ и ученіе должны довершить остальное. Для того, чтобы быть геніальной артисткой — нужно только одно: не думать о себѣ, что я-де геніальная артистка. Условіе это необходимо. Мы объ этомъ твердимъ чуть не во всякомъ номерѣ «Репертуара и Пантеона». Для таланта нѣтъ точки, на которой-бы онъ могъ остановиться. Усовершенствованіе не имѣетъ границъ. Одна жалкая посредственность думаетъ о себѣ, что лучше ея ничего не можетъ быть. А между-тѣмъ, какъ намъ кажется, г-жа В. Самойлова больше вѣритъ восторженными похвалами своихъ поклонниковъ и безтолковыми ихъ рукоплесканіямъ, жалуясь на привязчивую критику, которая, хваля ея почти за каждую роль, въ тоже время такъ неучлива, что замѣчаетъ и ея недостатки. Въ-самомъ-дѣлѣ, какая странная критика! Ужъ если разъ начала хвалить, такъ и хвалила-бы съ плеча! Съ своей стороны, мы весьма сожалѣемъ о заблужденіи г-жи В. Самойловой, которая видитъ въ насъ какихъ-то непримиримыхъ враговъ своего таланта, за тѣ только, что мы не расхваливаемъ ее на-появъ, и проситъ разныхъ исписавшихся и отжившихъ журналистовъ защитить ея отъ нашихъ нападеній и гоненій. Впрочемъ мы не обвиняемъ ее за это. Многие-ли не только въ литературѣ, но и въ жизни вообще, понимаютъ у насъ, что хвалить безусловно значить быть врагомъ человѣка, и что тотъ, кто желаетъ намъ добра, указываетъ наши недостатки и даетъ средство отъ нихъ избавиться....

Въ нынѣшнемъ году г-жа *В. Самойлова* сыграла нѣсколько новыхъ ролей прекрасно, ни одна не была сыграна ею неудовлетворительно, хотя во многихъ были у нея слабыя мѣста. Вообще, не укрѣпивши еще настоящимъ образомъ грудь свою и органъ, въ сильныхъ роляхъ она замѣтно слабѣетъ и не выдерживаетъ

ихъ съ одинаковымъ совершенствомъ до конца. Это въ особенности было замѣтно въ драмѣ *Клара д'Обервилъ*, гдѣ впрочемъ у нея были мѣста, которымъ могла-бы позавидовать любая опытная актриса. Кромѣ того, она очень-хорошо сыграла *Веронику* (*Уголино*), *Луизу* (*Коварство и Любовь*), *Парашу Сибирячку*, *Марію Шамеле* (въ *Расинѣ*), *Любиньку* (въ *Мачихѣ* и *Падчерницѣ*), *Долоресъ* (*Небо и Земля*), *Адриенну де Кардовиль* (въ *Страпствующемъ Жидѣ*), и наконецъ роли въ комедіяхъ: *Война съ тещей*, *Новая школа мужей* и *Женскій Эгоизмъ*. Въ комедіяхъ она была особенно-хороша.

2) Г-жа Н. Самойлова 1-я, со смерти В. Н. Асенковой, владычествуетъ абсолютно и нераздѣльно въ русскихъ водевиляхъ, и въ своемъ амплуа очень-мила. Ей-бы не слѣдовало играть только знатныхъ дамъ, напвннхъ пансіонерокъ, сентиментальныхъ дѣвушекъ и вообще тѣхъ ролей, въ которыхъ есть чувство и энергія, какъ это мы уже не однажды ей замѣчали. Но она самая милая субретка, какую только мы запомнимъ на русской сценѣ. Роли веселыхъ, рѣзвыхъ дѣвушекъ также прекрасно ею исполняются. Попеняемъ ей также за то, что въ послѣднее время она слишкомъ-часто играетъ мужскія роли. Замѣчательныя роли ея были въ пьесахъ: *Въ людяхъ ангелъ не жена*, *Первый Дебютъ*, *Дѣв Невѣсты*, *Заколдованный Принцъ*, *Что и деньги безъ ума*, *Поль и Полина*, *Дьбушка-Морякъ*; очень-недурно также сыграла она роль *Земфиры* въ *Цыганахъ*.

3) Г-жа *Гринева*, актриса съ замѣчательнымъ талантомъ, по который не подвигается ни на шагъ впередъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ она вышла на сцену. Сыграла очень-мило *Корделию* въ *«Королѣ Лирѣ»* и *Луизу Дюпаркъ* въ *Расинѣ*.

4) Г-жа *Левкьева* очень-рѣдко являлась въ нынѣшнемъ году на сцену, по причинѣ болѣзни. Мы не замѣтили въ ней также никакого усовершенствованія. Польку танцуетъ съ прежнимъ успѣхомъ.

5) Г-жа *Сосницкая* прекрасно сыграла нѣсколько новыхъ ролей ея амплуа, въ которомъ она незамѣнима. Лучшія были: въ драмѣ *Небо и Земля*, *Воля за гробомъ*, *Дѣв Невѣсты*, *Война съ тещей*, *Пажы Герцога Вандомскаго*.

6) Г-жа *Гусева* была очень-хороша, какъ и всегда, въ роляхъ русскихъ простонародныхъ женщинъ и вдовъ 14-го класса.

7) Г-жа *Дюръ* не сыграла въ нынѣшнемъ году ни одной особенно-замѣчательной роли, кромѣ роли *Леди Мильфортъ* (*Коварство и Любовь*).

8) Г-жа *Валберхова* вновь сыграла роль старой графини въ *Новой Школѣ мужсей*, но публика, вѣроятно, не слыхала больше половины этой роли. Органъ г-жи Валберховой до того слабъ, что изъ мѣсть далекихъ отъ сцены ее рѣшительно не слыхать.

9) Г-жа *Гримова* очень рѣдко являлась на сцену. Въ ней есть замѣчательный комическій талантъ.

10) Г-жа *Линская* очень-недурно сыграла нѣсколько комическихъ ролей.

Изъ другихъ актрисъ, чрезвычайно-рѣдко появляющихся на сценѣ, упомянемъ съ похвалою о г-жѣ *Куликовой*, *Рамазановой*, *Копыловой* и *Михайловой*.

Обратимся теперь къ дебютанткамъ.

1) Г-жа *Лилева*, знакомая намъ по русской и итальянской оперѣ, дебютировала на Александрынской сценѣ, въ водевилѣ *Дочь русскаго актера*, и сыграла очень-удачно роль, составившую славу г-жи Левкѣевой. Второй дебютъ ея въ водевилѣ *Кетли* былъ не такъ блистателенъ. Она можетъ быть очень-хорошей водевильной актрисой.

2) Г-жа *Горина*, изъ балетной труппы выпорхнувши на сцену въ роли *Зефиреты* (Фениксъ или Утро Журналиста), поскользнулась на водевильныхъ подмосткахъ, говоря аллегорически, и болѣе на нихъ не показывалась.

3. Г-жа *Колосова* съ триумфомъ и шумомъ вышла также изъ сильфидъ и пери въ отставку, и поступила въ драматическую труппу. Она сыграла *Школу Женщинъ*, *Ножку*, *Приключеніе на водахъ*, *Елену* и еще нѣсколько другихъ, менѣе значительныхъ ролей.

«Сѣверная Пчела» почитаетъ милую дебютантку весьма-талантливою актрисой».

4) Г-жа *Жулева*
и
5) Г-жа *Розанова*. { Обѣ эти очень-милыя дѣвушки общаются много въ будущемъ. Онѣ еще воспитанницы Театральнаго Училища и играли въ концѣ года весьма-незначительныя и даже вздорныя роли, чтобы судить объ нихъ слишкомъ-строга. Такія пьесы, какъ *Дочка Его Благородія* и *Три жениха*, не выкажутъ никакого таланта. Онѣ были впрочемъ особенно-милы въ *Новичкахъ ея любви* и въ роляхъ *Розы* и *Бланки*, въ «Странствующемъ Жидѣ». Подождемъ будущаго года и будущихъ успѣховъ. Мы почему-то на нихъ надѣемся.

6) Г-жа *Асенкова* была послѣднею дебютаткою нынѣшняго года. Мы знаемъ многихъ лицъ, которыя пошли въ театръ толь-

ко для этого магическаго имени, въ первый разъ послѣ того, какъ исчезла со сцены покойница В. Н. Асенкова. Любопытство было возбуждено въ сильной степени; благосклонно встрѣтила публика молодую артистку. Довольно-мило сыграла она свои маленькія роли въ *Розль и Розеттль* и *Пажакхъ герцога Вандомскаго*. Отъ другой дебютантки больше-бы и не требовали. Но, намъ кажется, что имя Асенковой не должно было являться подъ такими ничтожными ролями. *Noblesse oblige*, говорятъ Французы. *Les noms célèbres obligent encore plus*, скажемъ мы.

Вотъ и весь составъ нашей группы въ настоящее время. Въ нынѣшнемъ году она сдѣлала нѣсколько весьма-пріятныхъ приобрѣтеній, и вообще замѣтно совершенствуется, хотя есть еще въ нашей группѣ господа въ родѣ г-на *Антолини*, но гдѣ-же ихъ не бываетъ?

Въ нынѣшнемъ году русская труппа потеряла одного довольно-замѣчательнаго актера г. *Громова*. Последнее время онъ находился въ припадкѣ помѣшательства и умеръ въ домѣ умалишенныхъ. Онъ поступилъ на нашу сцену въ 1842 году изъ Москвы, и игралъ сначала трагическія роли весьма-недурно, но потомъ въ последнее время оказался у него замѣчательный комическій талантъ. Онъ весьма-удачно игралъ между-прочимъ *Осина* въ *Ревизорѣ*, и отставнаго маіора-селадона въ водевилѣ: *Что имѣемъ не хранимъ, потерявши плачемъ*.

Теперь нѣсколько словъ о бенефисахъ. Ихъ было столько-же, какъ и въ прошломъ году — 17, въ числѣ коихъ дасть

былъ бенефисъ госпожѣ *Гусевой*, которая вполне заслуживала этого своею долговременною и полезною службою. Среднее число піесъ, иггранныхъ каждый бенефисъ, было — 4. Пять бенефисовъ дали по 2 новыхъ піесъ, четыре по 3, семь — по 4, и наконецъ одинъ бенефисъ (г-на *Сосницкаго*) состоялъ изъ 5-ти новыхъ піесъ. Всего въ бенефисы играно было 55 новыхъ піесъ, стало-быть, Дирекцію было возобновлено и вновь поставлено 20. Въ этомъ году г-жа *В. Самойлова* 1-я получила *первый* бенефисъ. Замѣчательно, что полька свирѣпствовала наиболѣе въ бенефисахъ. Изъ 17 только 4 были безъ дивертиссементовъ и польки. *Гусева*, *Толменовъ*, *Каратыгинъ* 2-й и *Г. Сосницкій*, счумбли какъ-то обойтись безъ этого неизбежнаго танца. *Г. Григорьевъ* въ свой бенефисъ далъ даже цѣлый балетъ *Мельники*, сыгранный маленькими воспитанниками Театрального Училища. Остальные бенефицианты угощали публику на перерывѣ полькою. Мы однако-же не разъ замѣчали, что многіе не досиживали до этой торжественной минуты. И это составляетъ для насъ уже отрадное явленіе....

Обзоръ прошедшаго года мы оканчивали грустнымъ восклицаніемъ; — за нынѣшній можемъ порадоваться отъ всей души. Много сдѣлалъ онъ и еще больше оставляетъ за собою надеждъ. Прощаемся съ нимъ съ чувствомъ приятнымъ и отраднымъ. Утѣшительно думать, что не даромъ канулъ онъ, этотъ годъ, въ прошедшее, что онъ не потонетъ въ пучинѣ забвенія, что объ немъ можно будетъ вспомнить съ удовольствіемъ и благодарностію....

Кромѣ русскихъ спектаклей, на Александринскомъ-театрѣ въ этотъ годъ было нѣсколько нѣмецкихъ, шло нѣсколько оперъ и балетовъ въ лѣтнее время. Изъ оперъ на немъ были играны *Жизнь за Царя* (въ бенефисъ Петрова) *Цалпа*, *Аскольдова Мо-*

гила, Ольга, дочь изгнанника. Изъ балетовъ Воспитанница Амуре и Мельники. Объ нихъ мы поговоримъ въ своемъ мѣстѣ. Сверхъ того, вскорѣ послѣ открытія театра, былъ *бенефисъ* г-на Ризлея — *Игры Илуса*, съ двумя русскими водевилями.

 II.

МИХАЙЛОВСКИЙ ТЕАТРЪ.

а) Французская труппа.

Едвали на какомъ-нибудь парижскомъ театрѣ есть труппа, равная нашей. Отдѣльные таланты есть, разумѣется, и выше и лучше, но нигдѣ, ни въ одной труппѣ, не собрано столько замѣчательныхъ сюжетовъ во всѣхъ родахъ и амплуа. Въ настоящее время намъ-бы надобно было еще приобрести перваго любовника. Отеутетвіе Брессана весьма-ощутительно.

Посмотримъ сперва, какія новости видѣли мы въ прошломъ году на французской сценѣ:

- 1) *La duchesse de la Vaubalière*, довольно-пустая драма, игранная для дебюта г. Варле. Полу-успѣхъ.
- 2) *Les deux demoiselles à marier*, очень-хорошенькій водевиль. Успѣхъ.
- 2) *Les petites misères de la vie humaine*. Также.
- 4) *Une parisienne*, комедія-водевиль. Успѣхъ.
- 5) *Le chevalier de Grignon*. Полу-успѣхъ.
- 6) *Claire ou la préférence d'une mère*, скучная драма. Полу-успѣхъ.
- 7) *Le vieilles amours*, водевиль. Успѣхъ.
- 8) *Carlo et Carlin*, водевиль. Полу-успѣхъ.
- 9) *Jacquart*, превосходная комедія-водевиль. Успѣхъ.
- 10) *Le client ou les repressailles*, пустой водевиль. Паденіе.

- 11) *Juliette*, драма-водевиль. Полу-успѣхъ.
- 12) *Les Saltimbanques*, старинный водевиль. Большой успѣхъ.
- 13) *Un moyen dangereux*, очень-недурная комедія. Успѣхъ.
- 14) *L'oncle à succession*, пошлая комедія. Громкое паденіе.
- 15) *Fargeau le nourrisseur*, недурная комедія-водевиль. Успѣхъ.
- 16) *Farinelli*, комедія-водевиль. Успѣхъ.
- 17) *Mathilde ou la jalousie*, извѣстная драма Скриба, возобновленная для дебюта г. Бертона. Успѣхъ.
- 18) *Le mari de la veuve*, также возобновленная комедія Дюма, играется съ удивительнымъ ансамблемъ. Огромный успѣхъ.
- 19) *Le protégé*, водевиль. Полу-успѣхъ.
- 20) *Les duels ou la famille d'Arcourt*, смѣшной водевиль. Большой успѣхъ.
- 21) *Les mémoires des deux jeunes mariées*, чрезвычайно-умная комедія. Огромный успѣхъ.
- 22) *La belle Amélie*. Полу-успѣхъ.
- 23) *L'homme aux trente écus*, смѣшной вздоръ. Полу-успѣхъ.
- 24) *Le roman de la pension*, хорошенькая пьеса. Успѣхъ.
- 25) *Jeanne et Jeanneton*, превосходная пьеса, какъ все, что пишетъ Скрибъ. Успѣхъ.
- 26) *La belle et la bête*, недурной водевиль. Успѣхъ.
- 27) *Ainée et cadette*, скучная исторія. Полу-паденіе.
- 28) *Louissette ou la chanteuse des rues*, водевиль. Успѣхъ.
- 29) *Le verre d'eau*, комедія, возобновленная для перваго дебюта г-жи Плесси.
- 30) *Faute de s'entendre* — также.
- 31) *Une chaîne* — также.
- 32) *Le legs*, старинная комедія Мариво, возобновленная для г-жи Плесси.
- 33) *La vie en partie double*, забавный водевиль. Успѣхъ.
- 34) *Rodolphe ou le frère et la soeur*, — Плесси, и, слѣдовательно, успѣхъ.
- 35) *L'école des maris* — Мольера. Успѣхъ.
- 36) *Père et parrain*, пошлая пьеса. Паденіе.
- 37) *Porthos à la recherche d'un fournement*, довольно-забавный водевиль, заимствованный отчасти изъ «Трехъ мушкетеровъ». Успѣхъ.
- 38) *Estelle ou le père et la fille*—Плесси.—Огромный успѣхъ.
- 39) *Tartuffe* — Плесси. Также.
- 40) *Un piquenique à Krestoffsky*, большая глупость. Заслуженное паденіе.

- 41) *Le lansquenet*. Полу-успѣхъ.
- 42) *Le troisième mari*, водевиль. Полу-успѣхъ.
- 43) *Une fille d'Eve*. Также.
- 44) *La marquise de Senneterre* — Плесси. Огромный успѣхъ.
- 45) *Les deux Pierrots* — глупость. Паденiе.
- 46) *Le bonheur sous la main*. Полу-успѣхъ.
- 47) *Une campagne à deux*. Также.
- 48) *L'image*, превосходная пiеса Скриба. Большой успѣхъ.
- 49) *La gageure imprévue*, старинная, но очень-умная комедiя.
- 50) *Les rendez-vous bourgeois*, старинная уморительная оперетка.
- 51) *Valérie*, — Плесси. Огромный успѣхъ.
- 52) *La pêche aux beaux pères*, недурная пiеска. Полу-успѣхъ.
- 53) *L'amour à 15 ans*, произведенiе французскаго автора, живущаго въ Петербургѣ. Полу-успѣхъ.
- 54) *Raphaël et Croquinet*. Также.
- 55) *Un secret*, драма г. Арну, возобновленная для г-жи Плесси.
- 56) *Les independants*, комедiя Скриба, умная пiеса. Г-жа Плесси.
- 57) *L'escadron volant de la reine*, смѣшной водевиль. Полу-успѣхъ.
- 58) *Misanthropie et repentir*, драма Коцебу. Нѣсколько утомительна.
- 59) *Une confidence*, довольно-пустая комедiя, превосходно-разыгранная.
- 60) *La tutrice*, комедiя Скриба. Успѣхъ.
- 61) *Le bal d'enfants*, смѣшной и умный водевиль.
- 62) *L'honneur ou la mort*, драма Н. А. Полеваго. Полу-успѣхъ.
- 63) *Le code des femmes*, прекрасная и умная комедiя.
- 64) *La fée de tous les tems*. Паденiе.
- 65) *La fausse Agnès*, вздорная комедiя Детуша.
- 66) *Vert-Vert*, устарѣлый фарсъ. Полу-паденiе.
- 67) *L'île de Robinson*, смѣшной фарсъ. Полу-успѣхъ.
- 68) *Don Juan d'Autriche*, сцены изъ драмы Делавиня. Торжество г-жи Плесси.
- 69) *Le jeu de l'amour et du hasard*, довольно-пустая комедiя Мариво, разыгранная удивительно.

Итого 69 пiесъ, изъ числа которыхъ 53 новыхъ, 16 возобновленныхъ. Драмъ и высокыхъ комедiй 14, остальное принадлежитъ къ области водевиля и легкой комедiи. Всѣхъ французскихъ

спектаклей въ теченіе года было 151, слѣдовательно, также болѣе трети новыхъ. При этомъ не надо забывать, что французская труппа играла по три и по четыре раза въ недѣлю. Бенефисовъ было 16, въ которые поставлено 47 новыхъ и возобновленныхъ пьесъ. Изъ 16-ти бенефициантовъ только двое дали по двѣ пьесы (гг. *Варле* и *Алланъ*), г-жа *Пажисъ* — четыре, всѣ остальные бенефицианты и бенефициантки — по три. Г-жа *Плессен* играла 20 ролей, участвовала въ 62-хъ спектакляхъ. Изъ этихъ пьесъ очень-многія принадлежатъ къ исторіи литературы, также какъ и исторіи театра.

Въ прошломъ году, въ нашемъ *обзорѣ*, мы не отдавали отчета въ спектакляхъ Михайловскаго и Большаго-театра, *по причинамъ, отъ насъ независящимъ*. Считаеиъ долгоиъ поговорить въ нынѣшнемъ году подробнѣе о составѣ нашей французской труппы. Она состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ.

1) Г. *Алланъ*. Первый драматическій и комическій актеръ въ настоящее время. Собственно къ его амплу относятся роли благородныхъ мужей, отцовъ и въ комедіяхъ роли волокитъ и интригантовъ. Никто лучше не выполнилъ-бы роли знаменитаго Ричелье въ извѣстной комедіи Дюма: *Mlle de Belle-Île*. Въ послѣднее время, явившійся въ роляхъ злодѣевъ, — достигъ и въ этомъ амплу высокой степени совершенства. Въ драмахъ *Les deux serruriers* и *Mlle Lafaille* онъ приводилъ всѣхъ въ ужасъ. — Г. Алланъ одинъ изъ замѣчательныхъ европейскихъ талантовъ и равныхъ ему немного даже на парижской сценѣ. Роли свои онъ играетъ съ изумительной отчетливостію и натурою. Въ изученіи и обдумываніи ихъ немногіе могутъ съ нимъ сравняться. Въ нынѣшнемъ году лучшія изъ его ролей были въ пьесахъ: *Fargeau le nourisseur* — честнаго и благороднаго крестьянина, *Le mari de la veuve* — свѣтскаго мужа, *Les mémoires de deux jeunes mariées*, *La belle Amélie* — превосходный характеръ моряка, *La belle et la bête* — типъ бѣшенаго дикаря, котораго укрощаетъ женщина, *Le verre d'eau* — министра Волииброка, *Rodolphe, Porthos* — беззаботнаго гуляку мушкетера, *La gaigeure imprévue* — мужа, котораго дурочить жена, *Une confi-*

dence — маркиза время Людовика XV, *Le bal d'enfans* — записнаго гуляку-гусара, *L'honneur ou la mort* — благороднаго ремесленника, мстящаго за честь своей сестры, *Le code des femmes*, *Don Juan d'Autriche* — Филиппа IV, свирѣпаго, суроваго и влюбленнаго. Во всѣхъ этихъ роляхъ былъ онъ удивителенъ.

2) *Bertonz*, въ нынѣшнемъ-же году поступившій на сцену, на ампуа Брессана, и дебютировавшій въ роли *Farinelli*, въ пьесѣ того-же названія. Не приобрѣтя еще любви публики, этотъ актеръ пользуется однако-же ея благосклонностію. Брессана онъ не можетъ замѣнить, хотя въ роляхъ молодыхъ повѣсѣ едва-ли не лучше его. Вообще, какъ комическій любовникъ, онъ очень-хорошъ, но въ драмахъ довольно-холоденъ, неразвязенъ и натянутъ. Впрочемъ отъ него еще многого можно ожидать въ будущемъ. И Брессанъ только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ученія и практики сдѣлался любимцемъ публики: первые дебюты его были встрѣчены очень-холодно. Лучшія роли г. Бертонъ были: *Farinelli*, *Le mari de la veuve* — верхъ совершенства, *Le protégé*, *Les duels*, *Les mémoires de deux jeunes mariées*, *La belle Amélie*, *Faute de s'entendre*, *L'école des maris*, *La gageure imprévue*, *Une confidence*, *La tutrice*, *La fausse Agnès* и *Don Juan d'Autriche*. Очень ослабъ онъ былъ въ *Le verre d'eau*, *Une chaîne*, *Louise de Lignerolles* и *La marquise de Senneterre*.

3) *Verne*, неподражаемый комикъ, играющій также въ совершенствѣ роли свѣтскихъ мошенниковъ, долгое время былъ въ отпуску. Замѣчательнѣйшія его роли были въ пьесахъ: *Le chevalier de Grignon*, *Les vieilles amours*, *Une chaîne*, *La vie en partie double*, *Les rendez-vous bourgeois*, *Le independants*, *La tutrice*, *Vert-Vert* и *L'île de Robinson*.

4) *Alexandre* въ послѣднее время также приобрѣлъ благосклонность публики нѣкоторыми ролями злодѣевъ и ролью *Russell*, въ драмѣ *Mlle de Lafaille*. Въ нынѣшнемъ году онъ не сыгралъ ни одной особенно-замѣчательной роли. Былъ очень-хорошъ въ пьесахъ *Père et parrain* и *Le Client*.

5) *Varlé*, также въ нынѣшнемъ году поступившій на нашу сцену, дебютировалъ въ довольно-скучной пьесѣ: *La Duchesse de la Vaubalière* и не произвелъ особаго впечатлѣнія. Въ нѣкоторыхъ роляхъ онъ впрочемъ недуренъ, какъ напримѣръ: *Les deux demoiselles à marier*, *Le Client*, *L'école des maris*.

6) *Doedel*, весьма старательный и замѣчательный актеръ, въ особенности въ роляхъ комическихъ стариковъ. Въ нынѣшнемъ

году превосходно сыгралъ въ пьесахъ: *L'homme aux trente écus, Louise, Raphaël et Croquinet, Jeanne et Jeanneton.*

7) *Ружэ* — артистъ неподражаемый на роли Жокрисовъ и дураковъ. Въ особенности былъ хорошъ въ *Carlo et Carlin, Fargeau, L'homme aux trente écus, Louise, L'école des maris, La pêche aux beaux-pères, Raphaël et Croquinet, Le bal d'enfants, La fausse Agnès, L'escadron volant de la reine.*

8) *Готэ*, также очень-замѣчательный комикъ, напрасно беретъ иногда за патетическія роли, въ родѣ *Жакара*. Очень-хорошо игралъ въ *L'homme aux trente écus, La belle et la bête, Porthos, Les rendez-vous bourgeois, Le bal d'enfants, L'île de Robinson.*

9) *Курси* — очень недурень въ вторыхъ роляхъ молодыхъ любовниковъ. Въ послѣднее время замѣтно усовершенствовался. Былъ очень-хорошъ въ водевилѣ *Ainée et Cadette.*

10) *Аликс* также въ нынѣшнемъ году появился на нашей сценѣ; играетъ очень-недурно второстепенныя комическія роли. Въ особенности былъ хорошъ въ водевилѣ *L'image.*

Кромѣ упомянутыхъ уже нами трехъ дебютантовъ (Гг. *Варле, Бертон* и *Аликс*), въ нынѣшнемъ году ихъ было еще два, Гг. *Удино* и *Шамарандъ*. Первый игралъ нѣсколько ролей благородныхъ отцовъ и, кромѣ того, министра въ *La Calomnie* и *Тартюффа*. Во всѣхъ роляхъ былъ одинаково дурень, особенно не удалась ему роль отца въ пьесѣ: *Estelle ou le père et la fille*. Г. *Шамарандъ* дебютировалъ также въ *Тартюффѣ*, въ роли *Клеанта*, и потомъ сыгралъ незначительную роль въ водевилѣ *Une campagne à deux*, обѣ съ весьма-небольшимъ успѣхомъ.

Кромѣ главныхъ нечисленныхъ нами персонажей, во французской труппѣ есть нѣсколько лицъ на незначительныя роли, исполняемыя ими добросовѣстно. Изъ нихъ назовемъ Гг. *Виктора, Ежселл, Алерма, Андре, Эрнеста* и *Фредерика*.

Изъ женскихъ персонажей, труппа наша сдѣлала въ прошломъ году такое приобрѣтеніе, за которое до-сихъ-поръ Парижъ не перестаетъ бранить Петербургъ и Россію:

1) Г-жа *Илесси* перешла къ намъ съ полною славою, въ самыя цвѣтушія лѣта, прямо со сцены Французскаго театра (*Théâtre Français*), который до-сихъ-поръ не можетъ никѣмъ замѣнить ее. Петербургъ еще долго будетъ восхищаться этою удивительною актрисою, потому-что она ангажирована на шесть лѣтъ. Всевозможныя похвалы и гибернолы истощены уже для того, чтобы достойно оцѣнить неоцѣненную артистку. Кто не видалъ ея, тотъ не

можетъ постигнуть, до какой степени совершенства можетъ дойти сценическое искусство, какъ глубоко можетъ трогать и потрясать душу актриса съ умомъ и чувствомъ. Она сыграла въ этотъ годъ 20 ролей, и каждая роль была для нея новымъ торжествомъ. Вотъ всѣ пьесы, въ которыхъ являлась она, въ хронологическомъ порядкѣ: 1) *Le verre d'eau*, 2) *Faute de s'entendre*, 3) *Une Chaîne*, 4) *Le legs*, 5) *Rodolphe*, 6) *L'école des maris*, 7) *Estelle*, 8) *Tartuffe*, 9) *La marquise de Senneterre*, 10) *La gageure imprevue*, 11) *Valérie*, 12) *Un secret*, 13) *Les indépendants*, 14) *Misanthropie et repentir*, 15) *Une confidence*, 16) *La tutrice*, 17) *Le code des femmes*, 18) *La fausse Agnès*, 19) *Don Juan d'Autriche* и 20) *Le jeu de l'amour et du hasard*.

2) Г-жа Алланъ. Эта талантливая и прекрасная актриса, столько лѣтъ нераздѣльно царствовавшая на михайловской сценѣ, и съ прибытіемъ Г-жа Плесси не потеряла уваженія тѣхъ, которые постоянно восхищались ею въ теченіе столькихъ лѣтъ. Правда, теперь она уже не можетъ играть всѣхъ первыхъ ролей, но не-смотря на это, талантъ ея съ лѣтами нисколько не уменьшился, а напротивъ, приобрѣлъ больше силы. Въ нынѣшнемъ году она была особенно хороша въ пьесахъ: *Une parisienne*, *Claire*, *Mathilde*, *Le mari de la veuve*, *Louise de Lignerolles*, *Le verre d'eau*, *Tartuffe*, *La marquise de Senneterre*, *Une confidence*, *L'honneur ou la mort*.

3) Г-жа Александръ-Мейеръ, также съ давнихъ лѣтъ любимица нашей публики, была въ этомъ году больна и играла немного новыхъ ролей. Лучшія были въ пьесахъ: *Les deux demoiselles à marier*, *La belle et la bête*, *Le verre d'eau*, *Père et parrain*, *Vert-Vert*.

4) Г-жа Фальконъ играетъ очень-мило вторыя роли молодыхъ любовницъ. Особенно замѣчательныхъ ролей въ нынѣшнемъ году у нея не было.

5) Г-жа Коррежъ исполняетъ роли благородныхъ матерей довольно-слабо, но очень-недурна въ нѣкоторыхъ комическихъ роляхъ, какъ на-примѣръ, въ водевилѣ *L'escadron volant de la reine*.

6) Г-жа Пажъ пользуется большимъ уваженіемъ одной части петербургской публики, которая восхищается ею болѣе, чѣмъ прочими актрисами. По-несчастью, мы не принадлежимъ къ этому числу и въ игрѣ ея не видимъ ничего, что-бы могло особенно плѣнить насъ. Нельзя сказать, чтобы она дурно исполняла свои роли, но въ самомъ исполненіи ихъ есть что-то холодное, ненатуральное, натянутое (*guindée*); намъ всегда кажется, что, играя

какую нибудь роль, она въ это время думаетъ совсѣмъ не о своей роли, а о чемъ нибудь другомъ. Въ нынѣшнемъ году она поправилась въ пьесахъ: *Les mèmores de deux jeunes mariées*, *Louisette*, *La vie en partie double*, *Porthos* и *L'image*.

7) Г-жа *Эстёрз* очень-хорошо играетъ роли гризетокъ, лоретокъ и мужекія. Особенно была хороша въ *L'homme aux trente écus*, *Louisette*, *Raphaël et Croquinet*. Въ пей вообще мало жизни и одушевленія.

8) Г-жа *Додель* очень хорошая актриса на роли комическихъ старухъ. Была удивительно-хороша въ пьесѣ *Les Saltimbanques*.

9) Г-жа *Анна* также недурно играетъ роли служанокъ.

10) Г-жа *Бра* является довольно-рѣдко на сцену, но весьма-удовлетворительно играетъ небольшія роли.

11) Г-жа *Куртенз* въ послѣднее время чрезвычайно-рѣдко появляется на сценѣ. На своемъ мѣстѣ также недурна.

Кромѣ г-жи Плессен, въ нынѣшнемъ году было на французской сценѣ 5 деюбтантокъ :

1) Г-жа *Флорансз* появилась въ чрезвычайно-пустой комедіи *L'oncle à succéssion*, сыграла роль свою очень-дурно и исчезла со сцены, — если и навсегда, то мы не въ потерѣ.

2) Г-жа *Матильда* первый разъ вышла въ комедіи *Le mari de la veuve*, и потомъ изъ замѣчательныхъ ролей сыграла въ водевилѣ *Jeanne et Jeanneton*. Очень-миленькая актриса, много граціи, души и наивности.

3) Г-жа *Мерà* сыграла очень-мило всего двѣ роли въ *Jeanne et Jeanneton* и *Faute de s'entendre*, и уѣхала въ Москву. Очень-жаль.

4) Г-жа *Инеса* сыграла очень-дурно двѣ роли: въ *Ainée et Cadette* и *Louise de Lignerolles*.

5) Г-жа *Шамарандз*, по нашему мнѣнію, также очень-плохая актриса. Мы говоримъ это такъ откровенно потому, что она играла роль *Истины* въ водевилѣ *La fée de tous les temps* и, слѣдовательно, не должна оскорбляться истинною.

Вотъ весь составъ нашей французской труппы. Болѣе двадцати замѣчательныхъ талантовъ во всѣхъ амплуа: это очень-

много. Ансамбль, съ которымъ разыгрываются французскія піесы, вошелъ въ пословицу. Костюмировка и монтировка піесъ всегда превосходны, оркестръ, дирижируемый Мауреромъ, прекрасно исполняетъ свое дѣло, — однимъ-словомъ, какъ-бы ни была нуста піеса, игранная на французской сценѣ, всегда можно быть увѣреннымъ, что она будетъ разыграна со всевозможнымъ стараніемъ. Это одна изъ главныхъ причинъ, почему Михайловскій-театръ предпочтительно передъ другими посѣщается съ лучшею и избранною публикою.

Кромѣ Михайловскаго-театра лѣтомъ, французскіе спектакли давались на Каменно-Островскомъ театрѣ и даже на Петергофскомъ, (4-ре спектакля). На Михайловскомъ-же, въ свою очередь, были нѣсколько русскихъ спектаклей и балетъ *Мельники*.

в) Нѣмецкая труппа.

По принятому нами правилу, представимъ сначала общій реестръ новыхъ и возобновленныхъ піесъ, монтированныхъ въ нынѣшнемъ году. Подробный и полный отчетъ о нѣмецкой труппѣ и нѣмецкихъ спектакляхъ также въ первый разъ появляется въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ».

- 1) *Jurist und Schauspieler*, комедія. Полу-успѣхъ.
- 2) *T. F. oder der Enthusiast*, очень-миленькій водевиль. Большой успѣхъ.
- 3) *Er muss auf's Land*, передѣлка извѣстной комедіи *Le mari à la campagne*. Успѣхъ.
- 4) *Die Pariser Polka in St. Petersburg*, передѣлка русскаго водевиля, *nach Grigorieff!* Большой успѣхъ.
- 5) *Der Arzt*, комедія. Полу-успѣхъ.
- 6) *Die Rückkehr zur Heimath*, также.

- 7) *Demokrit und Heraklit*, переводъ водевиля П. Каратыгина. Успѣхъ.
- 8) *Belisar*, трагедія Шенка, возобновлена. Успѣхъ.
- 9) *Die Räuber*, возобновлены для Кунста. Большой успѣхъ.
- 10) *Zopf und Schwerdt*, извѣстная комедія Гуккова. Большой успѣхъ.
- 11) *Hedwig oder die Banditenbraut*, комедія. Полу-успѣхъ.
- 12) *Das Strudelköpfschen*, трагедія. Полу-успѣхъ.
- 13) *Bayard*, трагедія. Полу-успѣхъ.
- 14) *Der Verräther*, комедія Гольбейна. Полу-успѣхъ.
- 15) *Menschenhass und Reue*, комедія Коцебу. Успѣхъ.
- 16) *Der verwunschene Prinz*, комедія-водевиль. Успѣхъ.
- 17) *Die Heimkehr*, драма Гувальда. Полу-успѣхъ.
- 18) *Die drei Polka*, передѣлка французскаго водевиля. Успѣхъ.
- 19) *Graf Zriny und Soliman II*, трагедія Кернера. Успѣхъ.
- 20) *Die eifersüchtige Frau*, комедія Коцебу. Полу-успѣхъ.
- 21) *Fländrische Abentheuer*, опера Лорцинга. Успѣхъ.
- 22) *Die Schuld*, превосходная трагедія Мюльнера. Успѣхъ.
- 23) *Die beiden Schützen*, тоже нѣчто въ родѣ оперы. Ни успѣхъ, ни паденіе.
- 24) *Der Weiberfeind*, комедія. Полу-успѣхъ.
- 25) *Abbälino*, трагедія. Полу-успѣхъ.
- 26) *Das Opfer der Spielhölle*, раздирательная драма. Успѣхъ.
- 27) *Peter Kranau*, прекрасная и интересная драма. Успѣхъ.
- 28) *Mutter und Sohn*, драма. Полу-паденіе.
- 29) *Die Sängerin und die Näherin*, нѣмецкій водевиль. Успѣхъ.
- 30) *Die Ochsenmenuette*, оперетта, съ мотивами изъ Гайдена.
- 31) *Hass allen Weibern*, комедія, написанная александринскими стихами.
- 32) *Das Landhaus an der Heerstrasse*, водевиль. Успѣхъ.
- 33) *Das Wort ein Eid*, драма изъ Лопе-де-Веги. Успѣхъ.
- 34) *Der Weltumsegler wider Willen*. Забавный фарсъ. Успѣхъ.
- 35) *Holland in Noth*, пошлость и заслуженное паденіе.
- 36) *Vater und Tochter*, передѣл. съ французскаго. Успѣхъ.
- 37) *Hahn und Hektor*, комедія Раупаха. Смѣшно, хоть и глупо.
- 38) *Onkel Plaudertasche*, передѣлка русскаго водевиля Дядюшка-болтушка. Большой успѣхъ.
- 39) *Der Achtgroschen-Vetter*, пустой фарсъ.
- 40) *Das Abentheuer in der Judenschenke*, старый, забавный вздоръ.

- 41) *Vor hundert Jahren*, комедія Раупаха. Полу-успѣхъ.
- 42) *Die Zeihe — eine Krähwinkeliade*. Большой вздоръ.
- 43) *Spieler und Mörder*, пустая драма.
- 44) *Die verhängnissvolle Kulabäka*, вздорный фарсъ.
- 45) *Kunst und Natur*, комедія. Полу-успѣхъ.
- 46) *Pauline*, драма. Полу-успѣхъ.
- 47) *Die Geschwister*, также.
- 48) *Das Tournier zu Kronstein*, драма. Полу-успѣхъ.
- 49) *Nehmt ein Exempel dran*. Ни то, ни сѣ.
- 50) *Onkel und Nichte*, комедія. Полу-паденіе.
- 51) *Vier Schildwachen auf einem Posten*, вздоръ.
- 52) *Doctor Faust's Hauskäppchen*. Полу-успѣхъ.
- 53) *Scheiben Tony der beste Schütz*, народная трагедія, весьма-скучная.
- 54) *Die Tochter des Regiments*, извѣстная опера Донидзетти, обращенная въ водевилъ.
- 55) *Die Marquise von Willete*, страшная драма изъ царствованія Людовика XIV. Успѣхъ.
- 56) *Die Abendstunde*, драма.
- 57) *Die Geheimnisse des Ballets und der grossen Opern*, ни сколько не интересно.
- 58) *Der alte Junggeselle*, шутка довольно-неостроумная.
- 59) *Die Studenten*, комедія, написанная *петербургскимъ* Нѣмцемъ. Не совѣмъ дурно.
- 60) *Das Urbild des Tartüffe*, превосходная драма Гупкова. Успѣхъ.
- 61) *Johann der muntere Seifensieder*, водевилъ. Глупость.
- 62) *Johanna von Montfaucon*, страшная драма, въ родѣ Коцебу.
- 63) *Der letzte Mensch*. Нелѣпость, до того громадная, что имя ея автора г-на *Гаффнера* надо сохранить для потомства.
- 64) *Der wandernde Jude*, также глупость не послѣдней руки.
- 65) *Erich der Geizhals*, драма. Полу-успѣхъ.
- 66) *Die Mordhöhle*, передѣлка французскаго фарса.
- 67) *Er hat den Hals gebrochen, Schwank*, не совѣмъ-остроумно.
- 68) *Die Brandschatzung*, комедія Коцебу.
- 69) *Der Liebe grösstes Opfer*, слезная драма.
- 70) *Jeremias Hirschtödter und Ambrosius Bärenfeind*, вздоръ.
- 71) *Das Posthaus*, комедія Коцебу.
- 72) *Esse, trinke, lebe, schlafe, träume, stehe auf, kleide dich*

an, komme nach Haus, und bessre dich, oder der lustige Fritz, шутка такая-же длинная и тяжелая, какъ ея названіе.

И того 72 пьесы! Дѣятельность изумительная, если мы вспомнимъ, что нѣмецкіе спектакли бывають также только три раза въ недѣлю, и что ихъ почти совсѣмъ не было въ теченіе лѣта. Изъ этихъ пьесъ только 35 были поставлены бенефициантами, въ 17 бенефисовъ, остальные 37 дирекціею. *Кунстъ* и *Ферзингъ* имѣли по два бенефиса.

Обратимся теперь къ составу нѣмецкой труппы.

1) Первый трагическій актеръ, г. *Миллеръ*, не безъ дарованія, но холоденъ и манеренъ; послѣдній недостатокъ, впрочемъ, свойственъ почти всѣмъ нѣмецкимъ актерамъ и собственно зависитъ отъ того, что они держатся старинной классической школы. Органъ у г. *Миллера* чистъ и звученъ, мѣстами замѣтно даже въ немъ много жару, но однообразное чтеніе много вредитъ ему.

2) *Ладдей*, превосходный актеръ для ампула благородныхъ отцовъ. Сверхъ-того очень-хорошо играетъ въ комедіяхъ роли Тартюффовъ. Читаетъ прекрасно, манерности нисколько. Въ роли отца, въ пьесѣ *Vater und Tochter* (переводъ *Estelle ou le père et la fille*) трогаетъ до слезъ.

3) *Бозардъ*, режиссёръ труппы, актеръ съ замѣчательнымъ дарованіемъ, но также имѣетъ склонность рисоваться. Рѣдко является на сценѣ. Въ нынѣшнемъ году сыгралъ превосходно *Влчцаго Жуда* и *Роллера* (въ «Разбойникахъ» Шиллера).

4) *Голландъ*, превосходный актеръ, который хорошъ рѣшительно въ каждой роли, какую-бы ни игралъ. Въ послѣднее время занималъ комическія ампула. Былъ удивителенъ въ пьесахъ: *T. F. oder der Enthusiast*, *Er muss auf's Land*, *Die Räuber*, *Der Weltumsegler wider Willen* и проч.

5) *Шварцъ*, прекрасный актеръ на роли злодѣевъ, интригантовъ, свѣтскихъ мошенниковъ и даже благородныхъ отцовъ въ драмахъ, какъ на-примѣръ стараго графа Мора въ *Разбойникахъ*. Въ нынѣшнемъ году, въ драмѣ *Странствующій Жидъ*, онъ въ совершенствѣ сыгралъ *Родена*, изобразилъ съ непонятнымъ искусствомъ это ужасное созданіе.

6) *Моръ*, комическій актеръ, которому не много найдешь равныхъ по простотѣ и безыскусственности, съ какими онъ играетъ свои роли. Одно появленіе его возбуждаетъ громкій смѣхъ. Въ нынѣшнемъ году былъ особенно-хорошъ въ пьесахъ: *Jurist und Schauspieler*, *Die Pariser Polka*, *Demokrit und Heraklit*, *Der*

Weltumsegler, Onkel Plaudertasche, Das Abenteuer in der Judenschenke и т. д.

7) *Замтз* также замѣчательный комикъ. Много природы и непринужденности. Былъ очень-хорошъ въ пьесахъ: *Der verwunschene Prinz, Die beiden Schützen, der Weltumsegler, Hahn und Hektor* и проч.

8) *Ферзингз* является также иногда въ нѣмецкихъ пьесахъ, больше въ операхъ. Нынче въ особенности былъ хорошъ въ оперѣ *Flandrische Abenteuer*.

9) *Видеманнз* очень-недурной комикъ на вторыя роли.

10) *Толлертз* играетъ вторыя роли молодыхъ любовниковъ, иногда довольно-сносно, большей частью плохо.

11) *Горнике* недурной актеръ на второстепенныя роли злодѣевъ.

12) *Делле (Dölle)* очень-хорошій актеръ въ роляхъ стариковъ.

13) *Гунпманнз* незначительныя роли выполняетъ съ большимъ стараніемъ.

Кромѣ-того, въ нѣмецкой труппѣ почти всегда всѣ мелкія роли играютъ съ усердіемъ и отчетливостью. Изъ лицъ на эти роли съ похвалою назовемъ: гг. *Дамье, Польца, Герца, Шпринка, Урлауба* и *Беркгольца*.

Женскія роли въ нѣмецкой труппѣ исполняются слѣдующими персонажами:

1) Г-жа *Граффз*, первая любовница въ драмахъ и комедіяхъ. Въ нѣкоторыхъ роляхъ очень-недурна. Читаетъ хорошо, есть много жару и чувства, но мало природы. Еще очень-молода и можетъ значительно усовершенствоваться.

2) Г-жа *Ферзингз*, прекрасная драматическая актриса на амплу благородныхъ матерей.

3) Г-жа *Альбрехтз* превосходная комическая старуха, лучше которой вряд-ли есть на другой сценѣ.

4) Г-жа *Армандз* играетъ вторыя роли въ драмахъ. Весьма-недурная актриса.

5) Г-жа *Гизель* дублируетъ иногда съ г-жою *Граффз* на роли первыхъ любовницъ. Читаетъ хорошо, простоты мало.

6) Г-жа *Замтз*, очень-хорошая субретка, играетъ премію роли въ водевиляхъ.

7) Г-жа *Друвановская*, очень-рѣдко являющаяся на сцену, актриса не безъ дарованія.

8) Г-жа *Бейерз* очень-милая актрисы на роли молоденькихъ дѣвушекъ.

9) Г-жа *Ваксъ*, недурна въ роляхъ комическихъ старухъ. Кроме-того, маленькія роли выполняются недурно г-жами *Миллеръ*, *Толлертъ* и *Горишке* и дѣвицами *Герлакъ* и *Толлертъ*. Послѣдняя только въ нынѣшнемъ году поступила на сцену и дебютировала довольно-удачно въ небольшой комедіи: *Nehmt ein Exempel dran*. Была еще одна молодая дебютантка въ это время, г-жа *Гравертъ*, перешедшая въ нѣмецкую труппу изъ балета. Она дебютировала въ комедіи: *Das Strüdelköpfchen* и потомъ явилась въ извѣстной драмѣ Коцебу: *Menschenhass und Reue*, въ незначительной роли *Лотхенъ*. Болѣе мы не видали ея имени на афишѣ. Успѣхъ дебютовъ былъ незначительный.

Изъ забѣжныхъ гостей, въ нынѣшнемъ году являлись къ намъ играть гостинныя роли: гг. *Кунстъ*, *Левенбергъ* и г-жа *Новакъ*.

1) *Кунстъ* явился на нѣмецкой сценѣ прямо послѣ открытія театровъ. Онъ былъ уже здѣсь и прежде, и потому публика приняла его какъ стараго знакомаго. Онъ сыгралъ у насъ 15-ть ролей. Вотъ всѣ онѣ въ хронологическомъ порядкѣ:

1) *Belisar*, 2) *Die Räuber*, игранные два раза; во второй разъ онъ игралъ въ нихъ двѣ роли *Карла* и *Франца Мора*, отъ-чего пьеса много потеряла, а искусство ничего не выиграло; 3) *Zopf und Swerd*: роль короля *Фридриха-Вильгельма* принадлежитъ къ числу лучшихъ ролей его; 4) *Hedwig oder die Banditenbraut*, 5) *Bayard*, 6) *Menschenhass und Reue* — превосходная роль, 7) *Die Heimkehr*, 8) *Graf Zriny*, 9) *Die eifersüchtige Frau*, 10) *Die Schuld* — одна изъ лучшихъ ролей, 11) *Der Weiberfeind*, 12) *Abällino*, 13) *Das Opfer der Spielhölle*, 14) *Peter Kranau*, прекрасная роль стараго разбойника, 15) *Mutter und Sohn*. Талантъ *Купета* слишкомъ извѣстенъ, чтобы объ немъ распространяться. Въ немъ замѣтенъ иногда только одинъ важный недостатокъ, — недостатокъ простоты.

2) Г. *Левенбергъ* своими дебютами не произвелъ особеннаго впечатлѣнія на зрителей.

3) Г-жа *Новакъ*, дебютировавшая въ пьесѣ *Kunst und Natur* и потомъ игравшая въ драмахъ *Pauline und die Geschwister*, также не повредила нашей публикѣ.

Изъ всего, сказаннаго нами, видно, какъ богатъ составъ нашей нѣмецкой труппы. Дѣятельность ея изумительна, ансамбль всегда

прекрасный, и если въ чемъ можно упрекнуть нѣкоторыхъ нѣмецкихъ актеровъ и въ особенности актрисъ, — это въ неумѣнн костюмироваться и соображаться съ требованиями историческихъ піесъ и даже часто — вкуса.

=

Нѣмецкая труппа потеряла въ нынѣшнемъ году одного замѣчательнаго комика, еще недавно поступившаго на нашу сцену. Мы говоримъ о г. *Гейтмюллеръ*. Въ немъ былъ большой талантъ, и много неподдѣльнаго комизма.

=

III.

БОЛЬШОЙ ТЕАТРЪ.

а) *Итальянская опера.*

Въ нынѣшнемъ году сезонъ итальянской оперы былъ не такъ блистателенъ, какъ въ прошедшемъ. Въ этомъ однакоже публика еще, можетъ-быть, болѣе виновата, чѣмъ артисты.... Вотъ всѣ оперы, игранныя нынче, въ порядкѣ появленія ихъ на сценѣ:

- 1) *Лукреція Борджіа*, играна 5 разъ.
- 2) *Линда ди Шамуни*, играна 2 раза.
- 3) *Донъ Паскуале*, играна 8 разъ.
- 4) *Семирамида*, играна 4 раза.
- 5) *Любовный эликсиръ*, играна 6 разъ.
- 6) *Ломбардцы*, играна 10 разъ.
- 7) *Беатриче ди Тенди*, играна 4 раза.

- 8) *Севильскій цирюльникъ*, играна 5 разъ.
- 9) *Марія ди Роганъ*, играна 8 разъ.
- 10) *Тамплиеръ*, играна 6 разъ.
- 11) *Лучія*, играна 9 разъ.
- 12) *Фаворитка*, играна 3 раза.
- 13) *Соннамбула*, играна 4 раза.

Итого, изъ числа 13-ти оперъ, 5 новыхъ (*Ломбардцы*, *Беатриче*, *Марія ди Роганъ*, *Тамплиеръ* и *Фаворитка*) и 8 старыхъ играны были 72 раза (включая сюда 8 бенефисовъ, 3 спектакля вновь-возобновленнаго абонементна и 2 для иностранцевъ). Сверхъ того, одинъ бенефисъ (г-на Тамбурины) и одинъ спектакль въ пользу Сестеръ Милосердія были составлены изъ сценъ и отдѣльныхъ дѣйствій изъ разныхъ оперъ. Слѣдовательно, всего спектаклей, въ которыхъ участвовали Итальянцы, было 74. — Кромѣ этихъ тринадцати оперъ, ими еще играны два раза (въ бенефисы Тамбурины и Гарціи) сцены изъ комической оперы *Пьэко: Prova del opera seria*. Изъ этихъ оперъ только двѣ принадлежатъ Россини, двѣ Беллини, семь *Донидзетти*, и наконецъ Дирекція дала по одной оперѣ двухъ композиторовъ, въ первый разъ являющихся на петербургской сценѣ: *Верди* и *Николаи*. О томъ, какая опера болѣе нравилась публикѣ, можно судить по тому, сколько разъ каждая изъ нихъ была играна. Въ прошломъ году было 17 оперъ, четырьмя болѣе нынѣшняго сезона.

Составъ Итальянской труппы былъ слѣдующій:

- 1) *Тамбурины*, пѣлъ во всѣхъ операхъ, кромѣ *Беатриче* и *Тамплиера*.
- 2) *Сальви* (primo tenore) пѣлъ въ 9 операхъ (кромѣ *Линды*, *Дона Паскуала*, *Семирамиды* и *Беатриче*).
- 3) *Боріони* (secundo tenore) пѣлъ въ 5-ти операхъ: *Борджіи*, *Донъ Паскуале*, *Любовномъ эликсирѣ*, *Ломбардцахъ*, *Беатриче*.
- 4) *Бенедетти* (secundo tenore) пѣлъ въ 2-хъ операхъ: *Линдъ* и *Ломбардцахъ*.
- 5) *Росере* (basso parlante), пѣлъ въ 4-хъ операхъ: *Линдъ*, *Донъ Паскуале*, *Любовномъ эликсирѣ* и *Севильскомъ цирюльникѣ*.
- 6) *Корради* (basso), пѣлъ въ 6-ти операхъ: *Борджіи*, *Любовномъ напитокѣ*, *Ломбардцахъ*, *Беатриче*, *Лучіи* и *Фавориткѣ*.
- 7) *Лавіа* (теноръ), не пѣлъ только въ двухъ операхъ: *Донъ Паскуаль* и *Любовномъ эликсирѣ*.
- 8) *Чекони* пѣлъ въ *Борджіи* и *Лучіи* небольшія партіи; болѣешую часть сезона былъ боленъ.
- 9) *Фератерри* (баритонъ), пѣлъ въ одномъ *Тамплиерѣ*.

10) Петровъ пѣлъ въ Борджіи, Ломбардцяхъ, Севильскомъ Цирюльникъ, Маріи ди Роганъ и Тамп.іеръ.

11) Леоновъ пѣлъ въ Борджіи и Маріи ди Роганъ.

12) Ферзингъ пѣлъ въ Борджіи, Семирамидь, Ломбардцяхъ и Тамп.іеръ.

13) Този пѣлъ въ Борджіи и Донъ Паскуаль.

14) Клейнъ пѣлъ въ Борджіи.

1) Віардо-Гарція пѣла въ 7-ми операхъ: Донъ-Паскуаль, Любовномъ эликсиръ, Севильскомъ Цирюльникъ, Маріи ди Роганъ, Тамп.іеръ, Фавориткъ и Соннамбуль.

2) Кастелланъ пѣла въ 6-ти операхъ: Борджіи, Линдъ, Семирамидь, Беатриче, Лучіи и Соннамбуль. Долгое время была больна.

3) Мольтини пѣла въ Ломбардцяхъ, Беатриче, Тамп.іеръ и Лучіи.

4) Віетти пѣла въ Борджіи, Линдъ, Семирамидь, Маріи ди Роганъ.

5) Лилъева пѣла въ Любовномъ эликсиръ, Ломбардцяхъ, Лучіи, Фавориткъ, Соннамбуль.

6) Каратыгина пѣла въ Линдъ и Соннамбуль.

7) Стѣпанова пѣла въ Ломбардцяхъ.

Объ исполненіи и достоинствѣ оперъ мы уже говорили по мѣрѣ ихъ появленія на сценѣ; о постановкѣ считаемъ излишнимъ упоминать: роскошь ея, просто, изумительна. Пожелаемъ на будущій годъ, чтобы всемогущая мода приняла оперу подъ свое покровительство.

b) Русская опера.

Оперныхъ русскихъ спектаклей круглый годъ было 32, давали всего 9 оперъ, восемь старыхъ и одну новую. Новая опера, написанная г. *Бернардомъ*, называлась *Ольга*. Послѣ двухъ представленій на Александринскомъ и одного на Большомъ-театрѣ, она мирно скончалась. De mortuis aut bene, aut nihil. Старыя оперы

были: 1) *Аскольдова могила*, 2) *Русланъ и Людмила*, 3) *Жизнь за Царя*, 4) *Робертъ*, 5) *Волшебный Стрѣлокъ*, 6) *Цампа*, 7) *Сумбурицица жена* и 8) *Водовозъ*. Послѣдней давали только одинъ актъ передъ балетами. Составъ оперы былъ все тотъ-же: гг. *Петровъ*, *Леоновъ*, *Артемовскій*. *Михайловъ* оставилъ сцену. Изъ примадоннъ: г-жа *Степанова*, *Лильева*, г-жа *Петрова* 2-ая. Г-жа *Петрова* 1-ая не пѣла круглый годъ.

с) Балетъ.

Балетовъ въ нынѣшнемъ году было еще меньше, чѣмъ въ прошломъ. Вновь поставлены, для малолѣтнихъ воспитанниковъ Театральнаго-училища, — два. Одинъ совершенно-новый, *Два волшебницы*, и другой возобновленный, *Мельники*. Послѣдній былъ игранъ и на Михайловскомъ, и на Александринскомъ, и на Большомъ. Въ нихъ особенно отличалась г-жа *Ришаръ*, общающаяся со временемъ сдѣлаться замѣчательной танцовкой. Взрослые танцовали только въ трехъ балетахъ. *Воспитанница Амура* (г-жа *Яковлева* 1), *Возстаніе въ Сераль* (г-жа *Никитина*) и *Дая* (г-жа *Смирнова*). Г-жа *Андреевна* около года за границею. Успѣхъ ея въ Парижѣ извѣстенъ изъ журналовъ; она предшествовала успѣху въ Миланѣ. Въ нынѣшнемъ году мы понесли большую потерю со смертью прекрасной танцовки *Шлефохтъ*. Ей осталась впрочемъ достойная преемница г-жа *Прихунова*, напоминающая покойницу въ особенности граціею. Г-жа *Яковлева* и *Никитина*, также недурныя танцовки, но имъ еще много надобно учиться, особенно послѣдней, въ которой чрезвычайно мало одушевленія и граціи. Танцовры у насъ есть прекрасные. *Югансонъ* въ Парижѣ приобрѣлъ-бы себѣ огромную славу. Кордебалетъ превосходенъ, — отъ-чего-же у насъ нѣтъ балета? Отвѣтъ очень-простой: отъ-того-что у насъ нѣтъ балетной публики. Дюжина театраловъ не наполнить театра. Въ этомъ отношеніи итальянская опера имѣла, какъ намъ кажется, большое вліяніе на упадокъ балета и русской оперы. Такова мода вообще: если она къ чему-нибудь одному привяжется, то пренебрегаетъ всѣмъ остальнымъ...

ХУДОЖНИКУ.

Не слушай ихъ, когда съ улыбкой злою
Всю жизнь твою поставятъ да позоръ,
И надъ твоей вѣнчанной головою
Толпа взмахнетъ безславія топоръ.
Когда ни сны, ни чистыя видѣнья,
Ни ошмѣя мольбы твоей святой,
Ни рядъ годовъ наукъ, трудовъ и бдѣнья
Не выкупятъ тебя у черни злой....
Имъ весело, когда мольбой презрѣнной
Они чело святое заклемятъ....
Но ты прости, художникъ вдохновенный,
Ты имъ прости: не вѣдать, что творять.

А. ФЕТЬ.

ЛЮДОВИКЪ ХІ.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

Соч. Казимира Делавиля.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Людовикъ ХІ.

Дофинъ.

Герцогъ Немуръ.

Комминъ.

Куатье, докторъ короля.

Францискъ де-Поль.

Оливье ле-Демъ.

Тристанъ, великій-префектъ.

Марія, дочь Комминя.

Графъ де-Людь.

Кардиналъ д-Альби.

Графъ де-Дрѣ.

Герцогъ Краонъ.

Марсель, }

Ришаръ, } крестьяне.

Дидье,

Марта, жена Марсея.

Кроуфордъ.

Шотландцы.

Кушцы.

Герольдъ.

Офицеры.

Дамы.

Рыцари.

Дѣйствіе въ замкѣ Плессі и въ окрестностяхъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Поле; вдали, въ сторонѣ, замокъ Плесси; впереди нѣсколько хижинъ. Ночь.

СЦЕНА I.

ТРИСТАНЪ, РИШАРЪ, СТРАЖИ.

ТРИСТАНЪ (*Ришару*). Ты кто?

РИШАРЪ.

Ришаръ, пастухъ.

ТРИСТАНЪ.

Стой... Гдѣ живешь?

РИШАРЪ (*показывая на свою хижину*). А вотъ!

ТРИСТАНЪ.

Ты знаешь запретилъ король

Въ часы такіе выходить...

РИШАРЪ.

Для больного,

Я шелъ къ священнику угодника Мартына.

ТРИСТАНЪ.

Назадъ, иль завтра-жъ на столбѣ увидятъ
Твои родные королевскій судъ.

РИШАРЪ. Мой сынъ...

ТРИСТАНЪ.

Назадъ!

РИШАРЪ.

При смерти...

ТРИСТАНЪ.

Говорятъ

Назадъ, или Тристанъ...

РИШАРЪ (съ ужасомъ удаляясь къ жилищю). Помилуй Боже
И сохрани здоровье короля!

СЦЕНА II.

ТРИСТАНЪ, СТРАЖИ.

ГОЛОСЪ ИЗЪ ВНУТРИ. Кто идетъ?...

ТРИСТАНЪ.

Велкій-префектъ.

ТОТЪ-ЖЕ ГОЛОСЪ.

Часовой

Къ оружію, — ко мнѣ всѣ стражи.

ОФИЦЕРЪ (выходя изъ замка съ солдатами).

Лозунгъ?

ТРИСТАНЪ (тихо). Вѣрность.

ОФИЦЕРЪ (также).

Парижъ.

(Входятъ въ замокъ).

СЦЕНА III.

КОММИНЬ, одинъ входитъ, съ свиткомъ пергамента въ рукахъ,
и садится у подошвы дуба. Свѣтаетъ.

Подъ этой тѣнью сядемъ...

Мнѣ для работы миръ и тайна нужны...

Какъ тихо: шумъ до слуха не доходитъ;

Лишь въ вышинѣ, привѣтствуя разсвѣтъ,

Щебечутъ птицы, да солдатъ шотландскій

Кричитъ на стражѣ — короля Франнузовъ

Наемный стражъ... Одинъ я: перечтемъ.

Чась первый дня мнѣ дорогъ: мой онъ; — всѣ-же

Другіе — господиня моего.

(Развертываетъ манускриптъ).

Мои записки!... О когда-бъ король

Увидѣлъ свитокъ этотъ, для потомства

Назначенный, гдѣ каждый день его

Чертою славы иль стыда отмѣченъ...

Онъ вздрогнулъ-бы предъ царствіемъ своимъ...

Добра и зла, великихъ дѣлъ и казней
Необъяснимое для смертныхъ сочетанье!

(Читаетъ; докторъ Куатье проходитъ въ глубинѣ театра, смотритъ на него, и потомъ входитъ въ хижину Ришара).

Здѣсь — что за страхъ постыдный, — непонятный,
Тамъ — что за храбрость!... Кротости такъ много
Сначала, — и потомъ, какъ много палачей!

То подозрителенъ, то странно-легковѣренъ,
То благороденъ, то какъ тигръ жестокъ.

И этотъ замокъ — короля живаго
Могила... Что за страшная картина
Какъ я боюсь передавать ее!

Все кажется, что мнѣ пергаментъ самый
Измѣнить и продать меня ему.

Какъ узникъ заключенъ въ твердыню неприступной,
Борясь со смертію за день послѣдній свой,

Истерзанъ страхомъ, самъ себя терзая,
И между-тѣмъ упорно на челѣ

Держа вѣнецъ тяжелый, и ревнуя

Къ наслѣднику, — живя лишь половиною,
Но царствуя всецѣло, — вотъ онъ, вотъ!

(Остается погруженнымъ въ чтеніе).

СЦЕНА IV.

КОММИНЬ, КУАТЬЕ.

КУАТЬЕ *(выходя изъ хижины и обращаясь къ Ришару и другимъ крестьянамъ)*. Ну, съ Богомъ! — можете надѣяться, друзья:

Изъ травъ моихъ питье ему скорѣе, —

И соки ихъ ему залечать раны.

КОММИНЬ *(не видя Куатье)*. За сходство моего портрета я боюсь;
Не поплатиться-бъ мнѣ за это головою.

КУАТЬЕ *(ударяя его по плечу)*. Привѣтъ мой господину Д'Аржантону.

КОММИНЬ. Кто говоритъ со мною? Вы? Простите,
Задумался...

- КУАТЬЕ. И я смутил васъ, а?
- КОММИНЬ. Грядущее такъ страшно накануне
Кончающейся власти.
- КУАТЬЕ. Да, конечно.
- КОММИНЬ. Кончина короля — забота для министра.
Но вы, мэтръ Куатье, котораго премудрость
Замедлила кончину короля,
Зачѣмъ вы здѣсь? — вамъ быть прилично тамъ,
Куда зовутъ васъ славныя заботы.
- КУАТЬЕ. Король и все король! Пусть подождетъ.
- КОММИНЬ. По-крайней-мѣрѣ,
Хоть столько-же, какъ подданные, онъ
Заботы стóитъ.
- КУАТЬЕ. За него лечу я...
- КОММИНЬ. Всегда упрекъ.
- КУАТЬЕ. Не льстить-же мнѣ, какъ вы.
- КОММИНЬ. Его люблю я; что васъ раздражаетъ?
- КУАТЬЕ. Что? Преступленье... Вечеромъ вчера
Одинъ пастиухъ взглянулъ на эти стѣны,
И сторожа чуть-чуть его не застрѣлили!
- КОММИНЬ. Пусть королю пожалуется онъ.
- КУАТЬЕ. Да, чтобъ Тристанъ о немъ по своему подумалъ?
- КОММИНЬ. Такъ гнѣвайтесь на гнусное орудье.
- КУАТЬЕ. Которое терпимо господиномъ?
- КОММИНЬ. Бойтся онъ, вы знаете.
- КУАТЬЕ. Убийцы...
- А смерть въ груди онъ носитъ и питаетъ
Безплоднымъ страхомъ, — и на самого себя
Онъ обратилъ теперь свою жестокость.
Онъ самъ себя терзаетъ день и ночь...
Онъ самъ, жестокий... Бѣдный мой Немуръ!
- КОММИНЬ. Немуръ — преступникъ.
- КУАТЬЕ. Жертва онъ — и я
Благоговѣнье къ памяти его
Храню досель: — когда-то неизвѣстный
И бѣдный, имъ воспитанъ я, и онъ,
Онъ первый просвѣтилъ мой умъ познаваемъ,
И помогалъ мнѣ милостями часто
Въ моемъ неблагодарномъ ремеслѣ.
Когда мнѣ Монпельерскій факультетъ
Далъ степень доктора безплодную, — Немуру

Повѣрилъ я, осмѣлился съ совѣта
 Его явиться при дворѣ — и тамъ,
 Среди лстецовъ, привыкшихъ къ поклоненью,
 Я страненъ былъ и грубостью моею
 И рѣзкостью... Меня за эту странность
 Сочли искуенымъ, — и къ моимъ ногамъ
 Весь этотъ гнусный дворъ упалъ съ поклономъ,
 Когда, чела не прояснивъ несколько,
 Я взялся за того, предъ кѣмъ дрожали вы.
 Немуръ меня возвысилъ — я-жъ безсильный
 Неправый гнѣвъ не могъ смягчить... Тогда
 Людовикъ былъ здоровъ еще и крѣпокъ,
 И будущаго полонъ, — голосъ мой
 Съ презрѣнемъ онъ отвергъ, — забывши о расплатѣ,
 И моего отца втораго голова
 На плахѣ пала, и во мракъ темницы
 Его семейство бросили... Одинъ
 Изъ сыновей, одинъ еще живетъ:
 Я съ вами спасъ, остатокъ драгоцѣнный
 Повѣрилъ вамъ, — изъ жалости-ль, изъ чести-ль
 Но были вы сообщникомъ моимъ.
 Да! вы...

КОММИНЬ.

Куатье!

КУАТЬЕ.

Вы сами.

КОММИНЬ.

Тише, ради неба.

КУАТЬЕ.

Такъ не держайте-жъ поносить Немура...
 Не въ силахъ я отъ жолчи удержаться,
 Когда со мной притворство вижу въ васъ,
 Когда, боясь доноса, вы отъ друга
 Святые слезы скрыть хотите тщетно!

КОММИНЬ.

Я не люблю безплодныхъ сожалѣний
 И вредной правды... Требуется отъ насъ
 Обонхъ тайны общая печаль.

КУАТЬЕ.

Вы будете молчать до самой смерти,
 И развѣ лишь, свободная отъ страха,
 Изъ гроба ваша тѣнь возстанетъ съ правдой.

КОММИНЬ.

Быть-можетъ; но когда за преданность мою
 Ручается вамъ многое, что нужды
 Что, посѣдѣвъ среди притворныхъ козней,
 Привыкъ я лгать глазами и лицомъ?
 Съ Немуромъ связанъ дружбою, какъ вы,

Не больше-ль, чѣмъ пустое сожалѣнье
 Я показалъ?... Вы помните: погибъ онъ,
 И утолилось мщенье короля,
 Казалось вамъ, — и вы за сыновей
 Не опасались, — кто открылъ вамъ очи?
 Я, — ихъ судьбу ужасную предвидя.
 Одинъ повѣрилъ мнѣ, — и къ бѣгству все устроивъ,
 Его друзьямъ я вѣрнымъ поручилъ.
 И гдѣ-же вновь убѣжище нашелъ онъ?...
 Въ объятіяхъ семейства моего!
 Бургундскій Карлъ его въ Пероннѣ принялъ,
 Но только какъ надежное оружье.
 Противъ врага... И вотъ причина вамъ,
 Зачѣмъ отца я обвиняю словомъ.
 Вамъ безопасно править королемъ,
 Но мнѣ иной, печальный жребій выпалъ...
 И наши роли разныя... Король
 Дрожитъ предъ вами, передъ нимъ дрожу я.

КУАТЬЕ. Но Арманьяковъ лень ужъ тоже-ль не отъ страха

Вы приняли? — Кровавый, страшный даръ!

КОММИНЬ. Немуръ, женись на дочери моей,
 Получить вновь спасенный мною лень
 Своихъ отцевъ, — она была въ изгнаньи
 Его подругой, — и они любили
 Другъ-друга; я узналъ; призвавъ Марію,
 Я отложилъ теперь опасный бракъ
 До лучшихъ и счастливейшихъ временъ.

КУАТЬЕ. Когда его не будетъ?

КОММИНЬ. Чтѣ? кого?

КУАТЬЕ (показывая на башни Плесси). Его.

КОММИНЬ. Потихе. Лучше мнѣ скажите
 Вы одобряете-ль намѣренья мой?

КУАТЬЕ. Дивлюся я, признаться вамъ, умѣнью
 Соединить любовь отца съ расчетомъ
 Политика... Кто знаетъ? Арманьяки
 Опять подняться могутъ... И Немуръ,
 Любимецъ герцога, солдатъ любимецъ,
 И вамъ самимъ небезполезный зять.
 И если вамъ грозитъ опасность здѣсь,
 То вамъ въ Бургундіи готово мѣсто.

КОММИНЬ. Не слишкомъ благородной цѣли, Куатье,

Вы ищите въ намбреньяхъ отца.
 Что при дворѣ вы такъ не говорите?
 КУАТЬЕ. Ну! Не совѣтовали-бъ вы, когда-бъ боялись!
 Друзьямъ моимъ я лѣстить вѣдь не привыкъ,
 Ихъ угощать люблю я рѣзкой правдой.
 КОММИНЪ. Не угошайте ей Людовика больного.
 КУАТЬЕ. Когда-жъ ее услышитъ онъ? Въ могилѣ?
 КОММИНЪ. Теперь его беречь должны вы, не терзать.
 КУАТЬЕ. Безъ этого онъ самъ меня терзалъ-бы.
 По правдѣ такъ! Завидуютъ мнѣ много, —
 А знаетъ-ли про участь кто мою?
 Я рабъ, хотъ говорю какъ властелинъ,
 И лгу, когда зову себя свободнымъ,
 Я не себѣ принадлежу — другому;
 Меня клянуть въ отсутствіи моемъ,
 Въ присутствіи — терзаютъ. Если онъ
 Идетъ куда, за нимъ идти я долженъ
 И гордую главу я долженъ преклонять
 Подъ иго слишкомъ тяжкое холоповъ.
 Съ нимъ запертой въ печальномъ этомъ замкѣ,
 Когда опустятъ мостъ тройной, и клики
 Сторожевыхъ начнутся — у постели
 Сажуся я и раздѣляю съ нимъ
 Бессонницу страданья и недуга,
 Меня, боясь сказать хотя во снѣ
 Какую правду — лестью осыпаетъ,
 Меня-же гонитъ въ часъ невзгоды онъ,
 И въ часъ недуга призываетъ снова, —
 Мое лишь имя на его устахъ,
 Когда его терзаютъ угрызенья
 Бессонной ночью: криками страданій
 Меня онъ умоляетъ — и за то
 Безжалостно смѣюся я надъ тѣмъ
 Печальнымъ жизни призракомъ, который
 Меня напрасно хочетъ обмануть
 Могуществомъ и силой.... Самъ несчастный,
 Его я также дѣлаю несчастнымъ,
 И ужасомъ плачю ему за скуку,
 И оба мы такою неразрывной,
 Ужасной цѣпью связаны, — осуждены
 Другъ-съ-другомъ быть, другъ-друга ненавида,

Доколѣ смерть той связи не прерветь,
И между насъ не встанетъ, — и доколѣ
Отнявши жизнь у одного, другому
Ее не возвратитъ.

КОММИНЬ.

Сюда идутъ....

КУАТЬЕ.

Вы дочери боитесь?

СЦЕНА V.

ТЪ-ЖЕ, МАРІЯ.

КОММИНЬ.

О иди,

Бѣги, лети ко мнѣ, мое дитя —

Ты не мѣшаешь намъ.

МАРІЯ.

Я вижу снова васъ!

(Куатье)

Матрѣ, каково здоровье короля?

КУАТЬЕ.

Душа его поддерживаетъ.... Насъ

Онъ мучитъ всеми муками своими.

МАРІЯ.

Надѣетесь-ли вы страданье исцѣлить?

КУАТЬЕ.

Гдѣ умерла природа — знанье тамъ безмолвно.

Онъ мучится, винитъ мое искусство,

Комминя, васъ....

МАРІЯ.

Отсутствіе мое?

Позволил самъ онъ.

КОММИНЬ.

Твоему желанью

Увидѣть человѣка Божія, не могъ

Онъ воспротивиться, тѣмъ болѣе, что самъ

Ждетъ отъ него спасенья; но потомъ

Сердился онъ.

КУАТЬЕ.

Таковъ обычай сильныхъ.

КОММИНЬ.

Твоя веселость дѣтская — печали

Разсѣваетъ у него, и тѣло

Страдаетъ меньше, если духъ покоенъ.

Теперь онъ въ башнѣ и одинъ совѣмъ,

Съ нимъ даже пѣтъ и дамы де-Божё.

КУАТЬЕ.

Ей было-бъ съ нимъ не скучно, если-бъ только

Ту скуку согласился раздѣлять

Людвикъ Орлеанскій.

- КОММИНЬ. Что вы говорите?
- КУАТЬЕ. Что говорятъ повсюду, сирь Комминь.
- КОММИНЬ. Я не слыхалъ.
- КУАТЬЕ. Вы глухи ко всему.
- (Маріи) Ну что-же, видѣли-ль пустыника святаго!
Францискъ де-Поль идетъ — и каждый монастырь,
И каждая деревня съ умиленьемъ
И съ колокольнымъ звономъ ждуть его.
Едва, едва упрощенный — одинъ онъ,
Какъ говоритъ по-крайней-мѣрѣ Римъ,
Спасетъ Людовика — а наши тщетны
Усилія: — пускай-же онъ поможетъ,
И если призраку онъ силы возвратитъ,
Его своимъ учителемъ тогда
Я назову въ смиреніи и страхѣ.
- МАРІА. Не сомнѣвайтесь... Или не достигъ
До васъ о немъ всеобщій слухъ, старикъ
Котораго коснулся онъ въ Фонді,
Вдругъ сталъ здоровъ и свѣжъ.... Онъ въ Римѣ встрѣ-
тилъ
Безумную, и выгналъ изъ нея
Духовъ нечистыхъ, зрѣніе слѣпнымъ,
Языкъ пѣмымъ, разслабленнымъ движеніе
Онъ возвращаетъ, — мертвымъ говорить,
И изъ могилъ встаютъ они живые....
- КУАТЬЕ. Я вѣрю вамъ.
- МАРІА. И какъ онъ простъ, мой Боже!
Не носитъ онъ ни митры золотой,
Ни тѣхъ благочестивыхъ украшеній,
Какія носитъ римскій пунцій, — нѣтъ
На немъ одеждъ пурпуровыхъ, и кроткій,
Простой и бѣдный, съ вѣтвію въ рукахъ,
Въ одеждѣ шерстяной — еще смиреннѣй,
Чѣмъ въ тишинѣ пустыни онъ теперь.
- КУАТЬЕ. Ну что-же говорилъ святой отшельникъ,
Когда увидѣлъ тѣ богатыхъ носилки,
Въ которыхъ носятъ Турекаго прелата,
Да лошадей, на коихъ разъѣзжаетъ
Почтенно-тучный Вьенскій монсенъеръ?
- МАРІА. Пѣшкомъ они съ нимъ оба рядомъ шли,
Дофинъ ему сопутствовалъ къ нимъ страшнымъ

Стѣнамъ, за ними разныхъ деревень
 Шли пастыри, да сюзерены съ свитой;
 Я видѣла и рыцарей щиты,
 И бѣлые покровы дамъ — всѣ вмѣстѣ
 Соединились. Крестъ сіялъ подъ яснымъ небомъ,
 И предъ святымъ склонялись королевскія знамена,
 Украшенные лиліями; — дѣти
 Предъ нимъ курили ладонъ, и народъ
 Къ его рукъ тѣснился жадно, — много вѣрныхъ
 Занимъ пришло изъ Амбуаза. Долго
 Съ благоговѣньемъ я смотрѣла на картину эту.
 Когда-жъ дорога повернула въ горы,
 Я съ Бертою отправилась тропинкой,
 И ихъ опередила.

КОММИНЬ.

Ну, иди же,

И расскажи объ этомъ королю.

МАРІА (Комминю). Два слова, батюшка.

КУАТЬЕ.

Прощайте, я бѣгу.

КОММИНЬ.

Вы слишкомъ добры.

КУАТЬЕ.

Ждетъ меня король

Ужъ на порогѣ потаенной двери,

Знакомой только мнѣ лишь и ему,

И ужъ давно, навѣрно, воспоминаеть

О томъ, что онъ король.

КОММИНЬ.

Отъ васъ узнаеть онъ

Все, что она должна ему сказать.

КУАТЬЕ.

Понятно; — если-жъ будетъ благодарность,

То благодарность будетъ пополамъ.

КОММИНЬ.

Я не сказалъ....

КУАТЬЕ.

Но приняли однако?

Прощайте-же....

СЦЕНА VI.

КОММИНЬ, МАРІА.

МАРІА.

Пронія его

Мнѣ ненавистна.

КОММИНЬ.

Отъ него сносить

Намъ должно то, что сносить самъ король.
 Познаній жадный, все проникнуть онъ хотѣлъ,
 Сомнѣнїе его невольно раздражило.
 Мы судимъ о другихъ лишь по себѣ,
 И недовольство горькое собою
 Его другихъ учило презирать.

Но отъ-чего при немъ ты не хотѣла

Мнѣ говорить? одни мы, — отвѣчай.

МАРІА. Въ моихъ глазахъ ужель не угадали

Вы радости?

КОММИНЬ.

По поводу чего?

МАРІА. Вы сами ради будете, когда

Узнаете.

КОММИНЬ.

Но больше за тебя.

МАРІА. Бургонскій посланный, что ждетъ король,

Деревню всю своей наполнилъ свитой;

Его гербы, герольда, экинажъ

Я видѣла.

КОММИНЬ.

Но кто-жъ онъ?

МАРІА.

Графъ Ретель.

Узнала Берта это, ей сказалъ

Дамуазель, который знамя носить,

Гдѣ, какъ вассаль, подъ лліями левъ.

КОММИНЬ. Ретели — домъ старинный.. Но у нихъ

Наслѣдника не доставало, помню;

По-крайней-мѣрѣ, я въ Пероннѣ не видалъ,

И удивляюсь, что его не знаю.

МАРІА. Онъ, говорятъ, въ Нанси оставилъ

И герцога, и рыцарей, и лагерь.

КОММИНЬ. Немура также, милое дитя?

МАРІА. Объ участи изгнанника, надѣюсь,

Васъ извѣститъ письмо.

КОММИНЬ.

Тебѣ, мое дитя,

Оно расскажетъ, что Немуръ тоскуетъ

Сильнѣе о тебѣ, чѣмъ объ отчизнѣ.

МАРІА. Вы думаете?.. Богъ знаетъ — забвенъ

Легко въ отсутствіи.

КОММИНЬ.

Да, если счастливъ кто;

Но въ немъ тоска твой образъ сохранить, —

Блаженство для него одно воспоминанье,

И о тебѣ оно...

МАРІЯ.

О нѣтъ, люблю я
Сильнѣе чѣмъ любима. Сколько разъ,
Хоть безъ надежды исцѣлить его страданья,
Но сколько разъ хотѣла я, отца
Ему отдать, съ нимъ говоря о васъ.
Онъ улыбался, но горька была его улыбка.
Невыносимымъ мукамъ находилъ
Въ моемъ онъ состраданьи утѣшенье,
И самъ любилъ меня моей любовью.
Печальный мрачный, убѣгалъ всегда онъ
Отъ праздниковъ придворныхъ и турнировъ
Подъ своды старые соборовъ. Мщенье
Онъ призывалъ молитвами страданій
Передъ крестомъ Спасителя святымъ;
При имени Людовика, о мщеніи
Мечталъ онъ, — грозный, мрачный, сжавъ рукою
Книжалъ...

КОММИНЬ.

Его ты утѣшала, вѣрно?

МАРІЯ. Увы — дрожала я и плакала, а онъ,

Мнѣ отирая слезы, звалъ сестрою...

КОММИНЬ.

О, пусть онъ смерти мщенье предоставитъ,

А царствованье новое измѣнитъ

Все прежнее.

МАРІЯ.

Не сомнѣваюсь я...

Мнѣ монсенъеръ Дофинъ ужъ обѣщалъ.

КОММИНЬ.

Дофинъ, я знаю, дочь моя, съ тобою,

Съ одной тобою счастливъ, за тобой

Слѣдитъ онъ слишкомъ даже

МАРІЯ.

Отъ-чего?

Ребенокъ!

КОММИНЬ.

Да, но будущій король.

МАРІЯ.

Должна-ли я бѣжать его, когда

Онъ простоудушно спрашивать приходитъ

Объ именахъ своихъ великихъ предковъ?

КОММИНЬ.

Всегда опасны женщины уроки...

И ученикъ опасенъ благородный...

Надѣйся на любовь къ Немуру, но страшись

Тшеславія, Марія, — осторожнѣй

Благоразумнѣй будь. Агнеса дама,

Уроки мужества давая Карлу

Седьмому, — славу лишь одну любила,
И между тѣмъ, блистательный позоръ
Былъ жребіемъ ея. И сколько слезъ,
И сколько мукъ ей стоилъ онъ — и противъ
Нея вооружалася измѣна,
И бѣдная погибла отъ отравы

МАРІА. О ужасъ!.. Но кого подозрѣваютъ,
Кого винять?..

КОММИНЬ. О Боже! никого!

Пойдемъ, — тебѣ въ Плесси дорога,
Тамъ бѣдный узникъ ждетъ тебя давно

МАРІА. Въ лѣсу сосѣднемъ слышите-ли пѣсни?

Кортежъ недалеко, — за этимъ вотъ холмомъ.

КОММИНЬ. Пойдемъ, пора.

СЦЕНА VII.

ФРАНЦИСКЪ ДЕ-ПОЛЬ, ДОФИНЪ, НЕМУРЪ, РИШАРЪ, МАРСЕЛЬ,
МАРТА, ДИДЬЕ, ДУХОВЕНСТВО, ДАМЫ, РЫЦАРИ, НАРОДЪ.

НАРОДЪ, (*поетъ*)

Скорбящихъ утѣшеніе,

Владычица, пошли

Людovicу спасеніе

И немощь исцѣли

И Францію спаси, о Дѣва,

Отъ Божіаго гнѣва!

ФРАНЦИСКЪ ДЕ-ПОЛЬ НЕМУРУ, (*который къ нему подходитъ*).

Мой сынъ, я буду слушать васъ (*Дофину*).

Принцъ, вы мнѣ долгъ позволите исполнить?

И сильнымъ я и слабымъ помогать

Равно обязанъ.

ДОФИНЪ.

Мой отецъ, да будетъ

По слову вашему, — мы все пойдемъ впередъ;

Когда-же вы соединитесь съ нами,

Людовикъ самъ васъ встрѣтитъ на порогѣ,
И склонитъ голову вѣнчанную предъ вами. (Рыцарямъ).
За мною, рыцари!

СЦЕНА VIII.

ПРЕЖНИЕ, КРОМЪ ДОФИНА И ЕГО СВИТЫ.

(Крестьяне, на колыняхъ предъ Францискомъ)

- КРЕСТЬЯНКА. Отецъ мой, помогите
Сестрѣ моей.
- МАРСЕЛЬ. Дозвольте прикоснуться
къ одеждѣ вашей.
- РИШАРЪ. Удостойте, мужъ великій,
Войти въ простую хижину мою,
И сынъ мой, вѣрю я, получить исцѣленье.
- ФРАНЦИСКЪ. Лишь Богу, чада, поклоненье подобаетъ,
Я — бѣдный смертный, также какъ и вы;
Взгляните, — въ посохъ для поддержанья
Нуждаюсь я, — я слабъ и дряхль — и лѣта
Мою главу покрыли сѣдинами, —
По немощи моей судите обо мнѣ.
И, человекъ, я людямъ сострадаю,
Старикъ — жалю старости недуги:
Лекарство имъ — терпѣнїе одно.
За васъ молиться буду я. Господь,
Единъ Господь пошлетъ вамъ исцѣленье.
Не ослѣпляйтесь, чада, суевѣрьемъ.
Благословлять могу я, не цѣлить.
- РИШАРЪ (Маршалю). Когда-бы былъ я герцогомъ или графомъ,
Онъ исцѣнилъ-бы сына моего.
- МАРСЕЛЬ. Его-бы воскресилъ онъ.
- ФРАНЦИСКЪ. Съ миромъ, чада,
Теперь идите, — послѣ вѣстѣ наши
Соединимъ взаимныя молитвы.
- МАРСЕЛЬ (Ришару). Онъ короля излечитъ.
- РИШАРЪ. Завтра.

МАРСЕЛЬ.

Мы недостойны чуда.
 (Всѣ удаляются).

Да но мы

СЦЕНА IX.

ФРАНЦИСКЪ ДЕ-ПОЛЬ, НЕМУРЬ.

ФРАНЦИСКЪ. Подойдите.

НЕМУРЬ. Здѣсь насъ никто не слышитъ?

ФРАНЦИСКЪ.

Только я,

Мой сынъ, да Богъ.

НЕМУРЬ.

Онъ съ вами, мой отецъ!

ФРАНЦИСКЪ. Со всѣми онъ, кто сердцемъ чистъ, мой сынъ.

НЕМУРЬ. О, помолитесь за меня.

ФРАНЦИСКЪ.

Я долженъ.

НЕМУРЬ. Чтобъ нынѣ я почилъ въ отрадномъ мирѣ.

ФРАНЦИСКЪ. Кто? вы, мой сынъ?

НЕМУРЬ.

Молитесь.

ФРАНЦИСКЪ.

За спасенье

Дней вашихъ?

НЕМУРЬ.

Нѣтъ, души.

ФРАНЦИСКЪ.

Я много

И долго жилъ, — мнѣ ближе смерть, чѣмъ вамъ.

НЕМУРЬ. Быть-можетъ.

ФРАНЦИСКЪ.

Вы собираетесь на битву?

НЕМУРЬ. Шагъ каждый жизни — къ смерти шагъ.

ФРАНЦИСКЪ. Но молодость не думаетъ объ этомъ.

НЕМУРЬ. Различія не знаетъ смерть.

ФРАНЦИСКЪ.

Но вамъ

Надѣяться по праву можно.

НЕМУРЬ.

И бояться

Тѣмъ болѣе.

ФРАНЦИСКЪ.

На что рѣшились вы?

НЕМУРЬ. На то, къ чему ведетъ мученій путь.

ФРАНЦИСКЪ.

Старикъ совѣтъ вамъ можетъ добрый дать:

Скажите мнѣ.

НЕМУРЬ.

Не долженъ.

- ФРАНЦИСКЪ. Отъ-чего?
- НЕМУРЪ. Молчаньемъ обязалъ меня пославшій.
- ФРАНЦИСКЪ. Кто?
- НЕМУРЪ. Тѣнь его и я объ этомъ знаемъ.
- ФРАНЦИСКЪ. На страшное готовитесь вы дѣло?
- НЕМУРЪ. Я повинуюсь.
- ФРАНЦИСКЪ. Чѣмъ велѣньямъ?
- НЕМУРЪ. Неба.
- Когда взываетъ кровь....
- ФРАНЦИСКЪ. Ну что-же?
- НЕМУРЪ. Крови
- Кровь требуетъ.
- ФРАНЦИСКЪ. Оставьте Богу мщенье.
- НЕМУРЪ. Уже-ли Онъ сообщникъ злодѣяній?
- Когда-бъ Онъ ждалъ, гдѣ было-бъ правосудье?
- ФРАНЦИСКЪ. Злодѣевъ вѣчность ждетъ: когда-бъ Онъ не терпѣлъ,
Гдѣ было-бъ милосердые и любовь?
- НЕМУРЪ. Священникъ, духовникъ земнаго государя,
О тайнѣ знаетъ этой.
- ФРАНЦИСКЪ. Правосуденъ онъ?
- НЕМУРЪ. Да, правосуденъ — онъ сказалъ: ни
И соверши — благословите, отче!
- (Становится на колѣни)
- ФРАНЦИСКЪ. Господь тебя да просвѣтитъ, мой сынъ.
- НЕМУРЪ. Теперь-же вы убійцу прокляните.
- ФРАНЦИСКЪ. Я рабъ Того, Кто на крестѣ простилъ,
И проклинать не долженъ.
- НЕМУРЪ. Но меня
- Благословите...
- ФРАНЦИСКЪ. Я благословляю.
- Но что могу я?... Если зла ты хочешь,
Къ чему тебѣ мои молитвы въ часъ послѣдній?
Когда-жъ добра — то будутъ говорить
Твои дѣла на небѣ за тебя.
- Прости.
- НЕМУРЪ (поднимаясь). Аминь — я подчиняюсь волѣ неба.
- ФРАНЦИСКЪ. Увижу-ль васъ я?
- НЕМУРЪ. То одна моя надежда.
- ФРАНЦИСКЪ. И здѣсь-ли?
- НЕМУРЪ. Нѣтъ.
- ФРАНЦИСКЪ. Близъ короля?

НЕМУРЪ.

ФРАНЦИСКЪ. Иду васъ ждаты.

НЕМУРЪ.

Предъ Богомъ.

Иль слѣдовать за мной!..

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Тронная зала въ замкѣ Плесси-Лё-Туръ.

СЦЕНА I.

МАРІЯ *(одна, сидитъ у стола и плететъ вѣнки изъ цвѣтковь, лежащихъ передъ нею въ корзинѣ).*

Сначала лиліи, — за ними листья дуба,

И розы полевья, хорошо:

А между розъ и листьевъ, — кипарисъ...

Нѣтъ, это дерево могилой вѣетъ,

И въ немъ больной увидитъ предсказанье.

Нѣтъ, средь лилей вплету цвѣтокъ счастливый,

Неувядающій.

СЦЕНА II.

МАРІЯ, ДОФИНЬ.

ДОФИНЬ *(въ полголоса и подходя тихо).* Какъ лстятъ царямъ!

МАРІЯ *(обарачиваясь).* Вы, Монсеньоръ, подслушали.

Марія.

ДОФИНЪ.

Васъ вижу вновь я наконецъ.

МАРІА (*дѣлая движеніе удалиться*). Простите.

ДОФИНЪ. Меня бѣжите вы?

МАРІА.

Благочестивый.

Меня объѣтъ зоветъ въ часовнѣ Дѣвы

Пречистой за лѣсомъ, — ей нынче праздникъ.

И самъ король пойдетъ молиться ей.

ДОФИНЪ. Какъ странно перемѣчивы желанья

Его души! — Хотѣлъ онъ нынче утромъ

Охотиться съ борзыми, коихъ онъ

Самъ воспиталъ — а завтра, можетъ-быть,

Ему желанье въ голову придетъ

Смотрѣть на соколиную охоту,

И Англій попробовать подарокъ,

Или ночью охотой съ фонарями

За совѣми ночными любоваться...

Его разсѣять — тщетныя усилья...

Мнѣ жаль его: — блаженство такъ легко...

Оно вездѣ кругомъ меня, — во снѣ-ли,

Въ минутѣ-ль пробужденья, или въ яркомъ днѣ,

Въ картинѣ-ли полей, раскинутой широко,

Иль въ воздухѣ, которымъ я дышу...

У васъ въ очахъ, когда вы улыбнетесь...

МАРІА. Въ семнадцать лѣтъ все люблю, монсеньоръ;

А старикъ грядущаго боится...

Но даже ихъ цвѣты, веселье деревень,

На горестномъ ихъ пути развеселяютъ.

Пора ужъ мнѣ.

ДОФИНЪ. Пойдемте вмѣстѣ.

МАРІА. Одна пойду скорѣе я.

ДОФИНЪ. Постоите,

Я такъ хочу.

МАРІА (*улыбаясь*). Король сказалъ: хотимъ.

ДОФИНЪ. Я васъ прошу, — останьтесь.

МАРІА. На минуту.

ДОФИНЪ. Мнѣ тяжело, Марія.

МАРІА. Вамъ? возможно-ль?

ДОФИНЪ. И очень. Тяжело мнѣ по причинѣ.

Любовь моя къ отцу надъ нимъ безсильна.

Когда поутру жду я отъ него,

Съ печалью въ сердцѣ, слова или взгляда,
Отъ сердца, — онъ хоть разъ одинъ ко мнѣ
Оборотился-ль съ разговоромъ?
Меня онъ даже видить-ли?... Увы!
Меня не любить онъ.

МАРІА. Какая мысль!

ДОФИНЪ. Боюсь-ся — но для чего-же съ дѣтства
Услать меня далеко отъ себя?..
Я помню черный Амбуазскій замокъ,
Мою темницу, гдѣ, покинутый, я выросъ,
Безъ воспитанья. — Боже! никогда
Исторія мнѣ грудь не волновала...
Что знаю я? Едва читать умѣю,
И надо мной смѣются всѣ. Но что-же
Мнѣ дѣлать? я читалъ одну лишь книгу:
«Цвѣтникъ войны.»

МАРІА. Король для васъ ее писалъ.

ДОФИНЪ. Тамъ много правилъ строгихъ и прекрасныхъ,
Быть-можетъ, но...

МАРІА. Что, но?

ДОФИНЪ. Прескучныхъ.

МАРІА. (съ ужасомъ.) Что вы?

То сочиненье короля...

ДОФИНЪ. И здѣсь,

И съ нимъ, я точно также несвободенъ.
Едва проснусь — смотрю, ужъ безпокойно
За мной слѣдятъ... За что меня боятся?
Что сдѣлалъ я?... зачѣмъ меня вручили
Заботамъ гнуснымъ Мэтра Оливье?

МАРІА. Съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ министръ, его зовутъ ми-
нистромъ.

ДОФИНЪ. Онъ ничего не говоритъ мнѣ вовсе....

Мой дядя Д'орлеанъ — вотъ этотъ не таковъ.

МАРІА. Принцъ, это имя говорится при дворѣ
Вполголоса.

ДОФИНЪ. Уроки ихъ различны.

Оливье говоритъ, что Франція — король,
А тотъ!... Племянникъ мой, мнѣ говорилъ онъ разъ,
Король для Франціи, — и кажется, онъ правду
Мнѣ говорилъ.

МАРІА. Я думаю.

- ДОФИНЪ. Его
Люблю я очень, меньше васъ конечно.
- МАРІЯ. Онъ самъ васъ очень любить.
- ДОФИНЪ. Въ день отъѣзда
Онъ мнѣ подарокъ сдѣлалъ: посмотрите
(*Вынимаетъ книгу, спрятанную у него на груди*).
- МАРІЯ. Великій Боже, эта книга....
- ДОФИНЪ. О!
- МАРІЯ. Чудесная — о битвахъ, о турнирахъ.
- МАРІЯ. Когда-бъ король увидѣлъ....
- ДОФИНЪ. Не хотите-ль
Читать со мною вмѣстѣ?
- МАРІЯ. Нѣтъ, о, нѣтъ!
- ДОФИНЪ. Но отъ чего-же?
- МАРІЯ. Я боюсь.
- ДОФИНЪ. Мы двое.
- МАРІЯ (*уходя*). Нѣтъ.
- ДОФИНЪ. Такъ одинъ?
- МАРІЯ (*возвращаясь и смотря черезъ плечо Дюфина*). Посмотримъ хоть заглавье.
- ДОФИНЪ. Вы любопытны...
- МАРІЯ. Принцъ, читайте.
- ДОФИНЪ. Вы!
- МАРІЯ. Меня поправьте, если ошибусь я.
- МАРІЯ. Извольте.
- ДОФИНЪ. Ахъ, какъ весело учиться....
Я понимаю это подлѣ васъ.
- МАРІЯ (*сидя къ столу*). Начнемъ-же.
- ДОФИНЪ (*кладя книгу на колѣни Маріи*). Извольте, я готовъ.
- МАРІЯ. Да встаньте, принцъ.
- ДОФИНЪ. Мнѣ хорошо.
- МАРІЯ (*вставая*). Такъ лучше.
- ДОФИНЪ (*читая*). «Хроника Франціи, отъ воплощенія Слова
Въ годъ....
Что-же?
- МАРІЯ. Цыфры, — мимо ихъ.
- МАРІЯ. А отъ чего?
- ДОФИНЪ. Вы злы (*Читаетъ*).
«Повѣствованье
О доблестныхъ и славныхъ графахъ Дюнуа,
Лагирѣ...»

- МАРІА. Ну?
- ДОФИНЪ. Лагиръ и....
- МАРІА. Ну, что-же?
- ДОФИНЪ. Лагиръ и....
- МАРІА. «Ксентраль».
- ДОФИНЪ. Какое имя трудное....
- МАРІА. Оно
- Прекрасно.
- ДОФИНЪ (читая). «О сраженіяхъ, на коихъ
Дочь пастуха была, по волѣ Бога,
Спасительницей сказаннаго царства».
- МАРІА. При вашемъ предкѣ.
- ДОФИНЪ. Это Иоанна.
- МАРІА. Объ ней вамъ говорили?
- ДОФИНЪ. Да, и о другой.
- МАРІА. О комъ?
- ДОФИНЪ. Она была прекрасна,
О! такъ, какъ вы....
- МАРІА. Читайте.
- ДОФИНЪ. И король
Ее любилъ любовью нѣжной....
- МАРІА. Кто
- Вамъ это разсказалъ?...
- ДОФИНЪ. Никто и всѣ:
Мнѣ говорятъ, я слушаю — и про себя,
Я слово каждое тихонько повторяю;
Но если говорятъ о ней, тревожный,
При имени ея, я чувствую смущенье,
Чело краснѣетъ, сердце сильно бьется....
Я знаю, для нея разбилъ онъ Англичанъ,
И далъ ей лены, перлы и дворцы,
Зане король все, что захочетъ, можетъ
Отдать: все, сердце, и вѣнецъ, и царство.
Но я, — которому не позволяютъ
Ни шагу, я безъ власти и друзей,
Безъ драгоценностей и безъ короны,
Я вамъ даю, что я могу — кольцо.
- МАРІА. Что дѣлаете вы?
- ДОФИНЪ. Возьмите.
- МАРІА. Принцъ!
- ДОФИНЪ. Оно

Недорого, по нужды нѣтъ, примите,
И если я — король...

МАРІА (съ ужасомъ). О, тише!
ДОФИНЪ. Показать

Залогъ вамъ стоить только — словомъ короля
И честию рыцаря, клянусь вамъ, нѣтъ титула,
Сокровищъ нѣтъ, ни милости — въ которыхъ
Я могъ-бы вамъ, Марія, отказать.

МАРІА. Вы поклялись: владѣя этимъ даромъ,
Васъ объ изгнанникѣ могу просить я.

ДОФИНЪ (съ живостью). Кто онъ?

МАРІА. Французъ, страдающій въ чужбинѣ.

ДОФИНЪ. Его вы любите?

МАРІА. Люблю.

ДОФИНЪ. Его, Марія?

Отдайте мнѣ кольцо.

МАРІА. Я повинуюсь, принцъ.

ДОФИНЪ. Нѣтъ — измѣнить позорно обѣщанью,
Я самъ не знаю, что теперь со мною,
Но, что дано — дано невозвратно.

Храните, — что-бы ни было со мною:

Храните, — что-бы ни было со мною:

Храните, — что-бы ни было со мною:

Дофинъ вамъ обѣщаль. — и выполнить король.

МАРІА. Сюда идутъ.

СЦЕНА III.

ТЪ-ЖЕ И КОММИНЬ.

КОММИНЬ (принцу). Его величество васъ ждетъ.

ДОФИНЪ. Его величество? и съ нѣжностью? скажите,

Скажите, добрый мой, Комминь, судья-ли,

Или отецъ зоветъ меня?

КОММИНЬ. Принцъ, успокойтесь,

Съ герольдами Бургоньи долженъ быть

Въ Плесси посланникъ Карла... И теперь

Его величеству угодно, чтобы вы

Его представили.

ДОФИНЪ. Я изумленъ,

- И трепещу, какъ-будто-бы виновный....
 Великій Боже, какъ для сына страшень онъ,
 Какъ я къ нему, недвижный и безгласный
 Всегда иду, — и если взоръ его
 Полузакрытый на меня направленъ,
 Я ужась побѣдить не въ силахъ и любовью....
 Да, я его люблю, но передъ нимъ дрожу.
- КОММИНЬ. О, Монсеньйоръ.
 ДОФИНЬ. Бѣгу.
(Возвращаясь взять книгу).
 Какъ я неостороженъ.
- КОММИНЬ. Что съ вами?
 ДОФИНЬ. Вотъ Марія тайну знаетъ. *(Маріи).*
 Вы, мой министръ, не скажете.
- МАРІА. О, нѣтъ.
 ДОФИНЬ. Мессиръ, то государственная тайна.
 Прощайте.

СЦЕНА IV.

КОММИНЬ, МАРІА.

- КОММИНЬ. Отойди.
 МАРІА. Что съ вами, мой отецъ?
 КОММИНЬ. Слова отца ты забываешь скоро,
 Такъ вспомни-же, что предъ отъѣздомъ хочеть
 Тебя Людовикъ видѣть, не забудь.
- МАРІА *(ласкаясь къ нему)*. Ни ласковаго слова, ни улыбки?
 Ну, не сердитесь, полноте.
- КОММИНЬ *(цѣлуя ее въ лобъ)*. Неправъ я.
- МАРІА. Я ухожу — а что до Монсеньйора,
 Я отъ него даю вамъ слово бѣгать.
- КОММИНЬ *(съ живостью)*. Но, не сердя его, о, нѣтъ — избави
 Боже!
 То будетъ вредно, можетъ-быть, и мнѣ.
 О будущемъ подумать тоже нужно,
 Все можно получить отъ короля,
 Котораго звали принцемъ, — да!

Забвенъе — новаго правленья слово,
И для изгнанника оно необходимо.
Подумай.

МАРІЯ.

Ахъ, я думаю всегда.

На пальцѣ у меня прощеніе Немура.

СЦЕНА V.

КОММИНЬ. Графъ де-Ретель предстанеть предо мной;
Купить его я долженъ по приказу;
Одной чертой пера властитель мой
Себѣ владѣній больше покупаетъ,
Чѣмъ многіе мечомъ.... И убѣжденъ
Въ ничтожествѣ военной славы, онъ
Хорошій договоръ цѣнить побѣлъ дороже...
И золото — подѣйствуетъ за насъ.

ОФИЦЕРЪ ЗАМКА. Графъ де-Ретель.

СЦЕНА VI.

КОММИНЬ, НЕМУРЪ.

КОММИНЬ.

О, Боже, что я вижу?

Немуръ?

НЕМУРЪ.

Такъ вотъ она, его могила!

Здѣсь.

КОММИНЬ.

Скройте ужасъ.... Эхо здѣсь
Доноситъ, и у стѣнъ — невидимыя очи.

НЕМУРЪ.

Достойное жилище.... Близъ него
Тристана дѣлъ кровавые слѣды
Я видѣлъ на зубцахъ старинныхъ стѣнъ.

КОММИНЬ.

И вы войти дерзнули въ этотъ замокъ?

НЕМУРЪ.

Дерзнулъ.

КОММИНЬ.

Несчастный!

НЕМУРЪ.

Я спокоенъ:

- Лишь вы, да Куатье, владѣльцы тайны.
И кто-жъ изъ васъ предатель будетъ мой?
- КОММИНЬ. Никто.
- HEMURЪ. Такъ гдѣ-же королю узнать
Того, кого онъ разъ одинъ лишь видѣлъ,
Въ тотъ страшный часъ, когда насъ привели
Меня и брата.... О, безчеловѣчный!...
Предъ трупъ отца....
- КОММИНЬ. О, успокойтесь!
- HEMURЪ. Нѣтъ,
Проклятіе, проклятіе убійцѣ!
- КОММИНЬ. Зачѣмъ искать того, кто васъ такъ оскорбилъ?
- HEMURЪ. Чтобъ говорить съ нимъ словомъ господина
Отъ имени вассала.
- КОММИНЬ. Это могъ-бы
Исполнить и другой.
- HEMURЪ. Другаго-бъ онъ купилъ.
- КОММИНЬ. Онъ мой король, и былъ когда-то вашимъ.
- HEMURЪ. Когда я плакалъ горько. Да и что-бы
Ребенокъ слабый сдѣлать могъ иное?
Но я утѣшенъ.
- КОММИНЬ. Вы?
- HEMURЪ. Ему въ лицо взгляну я
На ложъ смерти.
- КОММИНЬ. Твердому.
- HEMURЪ. Угроза
Въ его душѣ больную часть найдетъ.
Его я знаю.
- КОММИНЬ. Бойтесь.
- HEMURЪ. Пусть боится онъ.
- КОММИНЬ. Едва-ль!
- HEMURЪ (съ жаромъ). Онъ вздрогнетъ.... Блѣдное чело
Увижу я передъ собой... довольно! (Съ горестію).
Блѣднѣль и я.
- КОММИНЬ. Не поручилъ-ли Карлъ
Ругаться вамъ надъ бывшимъ королемъ?
- HEMURЪ. Избравъ меня, — онъ мною замѣнилъ
Себя — и самъ, въ лицѣ моемъ, онъ скажетъ
Свои велѣнья, — онъ, но пережившій
Свой домъ, но безъ родныхъ и безъ отчизны,
Осиротѣвшій....

КОММИНЬ.

Голосу разсудка —
Молю васъ внять... Все золото врага
Васъ не прельститъ, увѣренъ я, — но даръ
Отъ друга вами принятый ужели
Не въ силахъ гнѣвъ обезоружить вашъ?
Марія....

НЕМУРЬ.

О! такъ сильно сердце бьется
При имени ея, — моя сестра,
Мой другъ, моя невѣста.... Провидѣнье
Для счастья моего Марию создало;
Но это сонъ — блаженный сонъ....

КОММИНЬ.

Онъ можетъ
Дѣйствительностью быть.... Двумъ государствамъ
Въ раздорѣ долго бывшимъ, миръ устроить,
Соединить соперниковъ — враговъ,
То не измѣна клятвамъ благороднымъ,
То Богу въ жертву ненависть принести
И долгъ исполнить.... Даже бракъ, который
Отдастъ отчизну вамъ, достоинство и лень
Съ обязанностью вашей согласованъ.
Быть-можетъ самъ уступить и король,
Простить, и все прошедшее забудетъ.

НЕМУРЬ.

Забудетъ? Онъ? Что слышу я? забудетъ?
Забудетъ казнь позорную, и жертву?..
И трехъ дѣтей предъ нею на колѣняхъ,
Одѣтыхъ въ бѣломъ, какъ предъ алтаремъ,
На празднествѣ ужасномъ? О, я помню,
Какъ надо мной раздалися шаги,
И задрожалъ я будто въ лихорадкѣ....
И слышалъ я, какъ шелъ онъ, говорилъ,
Шепталъ устами тихія молитвы,
Потомъ мое и братьевъ имя онъ
Произнеся, — молиться снова началъ,
И ничего потомъ.... О, страшная минута!
Чтобы обнять его, къ нему простеръ я руки,
И мнѣ казалось, слезы на меня
Его катились,... нѣтъ, его глаза
Потухшіе въ мучительныхъ страданьяхъ
Не проливали больше слезъ....

КОММИНЬ.

Немурь!

НЕМУРЬ.

То кровь, то кровь отца была.

Забудеть, — онъ, король, который могъ
 Мое чело отеческою кровью
 Безжалостно, жестоко оросить?
 Я не забуду, — будь что будетъ, — нѣтъ!
 Безумье то или воля неба,
 Руками осязаю я, очами
 Я вижу то, что больше не живетъ.
 Во тьмѣ ночей, его шаги я слышу,
 И образъ умирающій его
 Мнѣ предстаетъ, — и страшная роса
 Лице мнѣ окропляетъ... Тщетно день
 Мнѣ свѣтитъ, — на одеждѣ бѣлой
 И на груди, и на рукахъ, — все кровь!
 Такъ хочеть Богъ, такъ хочеть Богъ!.. О нѣтъ,
 То не безумство, — Богъ забыть не можетъ,
 И запрещаетъ мнѣ забыть... Отметить
 За смерть отца Онъ мнѣ повѣлеветъ,
 Крещеньемъ крови я на мщенъе обреченъ...
 О мой отецъ, о мой отецъ...

КОММИНЬ.

Идутъ....

Дофинъ васъ ждетъ, бѣгите.

НЕМУРЪ (*мало по малу приходя въ себя*). Передъ ними

Съ собою я сумѣю совладѣть.

КОММИНЬ (*въ то время, когда Немуръ выходитъ боковою дверью*).

Скажи я — онъ умретъ, молчи-же я....

(*Офицеръ замка, докладывая*).

Король!

СЦЕНА VII.

ЛЮДОВИКЪ, КОММИНЬ, КУАТЬЕ, ОЛИВЬЕ ЛЕ-ДЕМЪ, ГРАФЪ
 ДЕ-ДРЁ, ГРАЖДАНЕ, РЫЦАРИ.

ЛЮДОВИКЪ (*графу де-Дрё*). Вы не шутите, графъ, — клянусь
 святымъ крестомъ.

Коль до меня дойдетъ еще какой доносъ,

На васъ я руку наложу, и тотчасъ

Пошлю васъ къ Господу испрашивать прощенье,

Спасеніе души: — одно необходимо, —
 Спаси ее Господь — въ моей-же власти тѣло,
 О немъ я позабочусь.

ГРАФЪ ДЕ-ДРЁ. Я прошу смиренно

Лишь одного, чтобъ удостоенъ былъ

Вниманія я на одну минуту

ЛЮДОВИКЪ. А! мой народъ у васъ въ рукахъ, — король

Безъ діадимы, больше короля

Съ него берете вы — но мой народъ со мною

Одно, я все — коль я сказалъ: хочу, —

Въ моемъ велѣнн іюты измѣнить

Не позволяю: — кто народъ мой оскорбляетъ,

Тотъ оскорбляетъ самого меня,

А вы....

ГРАФЪ ДЕ-ДРЁ. Повѣрьте.

ЛЮДОВИКЪ. О, не говорите: нѣтъ.

Вы именемъ моимъ собираете налоги,

Чуть-чуть не вчетверо съ народа моего

И съ честныхъ горожанъ, *(показывая на нихъ)*

которыхъ я

Высоко чту: взгляните, передъ вами

Король, котораго считали чуть не мертвымъ.

Что? умеръ онъ или живъ, взгляните-жь...

ГРАФЪ ДЕ-ДРЁ *(дрожа)*. Государь.

ЛЮДОВИКЪ. Не такъ я боленъ, какъ пустили слухъ....

Въ глазахъ моихъ еще огонь блистаетъ, —

Живу я, и больной, я не блѣднѣе васъ.

Хоть старъ, а утомлю я ваше ожиданье,

Почтенный сирь.... и кто дерзнетъ подумать,

Чтобы при мнѣ ругаться надо мной,

Тотъ долженъ на плечахъ двѣ головы носить.

Въ моихъ рукахъ Господній судъ, по праву

Наслѣдства, мнѣ одному и никому

Отвѣс. Принадлежитъ онъ — слышите ли это?

И блюда королевскаго — не трогать!

Оно губило прежде и не васъ.

Я усмирилъ вассаловъ непокорныхъ....

Меня въ тѣ времена видалъ ты, Оливье?

оливье. Да, государь, и васъ такимъ еще я вижу.

ЛЮДОВИКЪ. Побольше было ихъ и погордѣй его....

И славная была то жатва, и колосья

Косилъ я близко къ корню, — каждый разъ,
 Когда они изъ праха возставали,
 И тщетно мѣста стали-бы некатъ,
 Гдѣ серпъ прошелъ.... Немура онъ скосилъ.
 Я былъ жестокъ, быть можетъ, — для примѣра
 И снова быть такимъ-жъ въ силахъ я. (Графу).
 У васъ есть дѣти?

ГРАФЪ ДЕ-ДРЁ (къ Куатье). Бога ради...

КУАТЬЕ. Государь,

Гоните всѣхъ насъ, — перваго меня,
 Но главное — заботьтесь о здоровьи:
 Гнѣвъ вреденъ.

ЛЮДОВИКЪ. Правда, я разгорячаюсь....

Но я могу, здоровъ я — силенъ голосъ мой,
 Святаго мужа видъ меня поднялъ.

КУАТЬЕ. Такъ вѣрьте-же ему, но грозное сіянье
 Очей — и гнѣвъ безплодный неприличенъ
 И Христіанину равно какъ и больному

ЛЮДОВИКЪ. Куатье!

КУАТЬЕ. Да вы меня не устршите,

Не правы вы.

ЛЮДОВИКЪ (съ большою силою). Куатье!

КУАТЬЕ. Не правы вы: я правъ

Ну, вотъ я говорилъ, — въ лицѣ вы измѣнились.

ЛЮДОВИКЪ. Ты думаешь, ужель?

КУАТЬЕ. Я знаю.

ЛЮДОВИКЪ (съ кротостію). Успокоюсь.

КУАТЬЕ. О пѣтъ, страдайте, умирайте, если вамъ

Угодно.

ЛЮДОВИКЪ. Ну!

КУАТЬЕ. Скажите: я хочу.

ЛЮДОВИКЪ. Миръ!

(Графу съ холодностію).

Что до васъ, — отдать все то, что взято

И въ три дни непременно, а иначе

Я буду убѣжденъ, что ваша голова

Не дорога вамъ — и падетъ она.

Я не сержусь. Гнѣвъ вреденъ.

ГРАФЪ.

Повинуюсь

ЛЮДОВИКЪ (къ гражданамъ).

Ну что, опора-ль я народа моего?

А изъ того, что вамъ онъ возвратитъ
Мессирю Оливье не худо-бъ подаритъ
Пять сотъ экю ему: онъ все мнѣ разсказалъ.

ОЛИВЬЕ (съ смиреніемъ). О, государь.

ЛЮДОВИКЪ.

Не хочешь?

ОЛИВЬЕ.

Вы велѣли —

Да совершится ваше правосудье.

ЛЮДОВИКЪ

(къ Куатье). А если твой король тебя попроситъ,
Уже-ль ты ничего не примешь, грубіяни?

КУАТЬЕ

(съ досадою). Хочу я только, чтобы мой больной
Моямъ совѣтамъ слѣдовалъ всегда.

ЛЮДОВИКЪ.

Согласенъ я.

(Гражданамъ).

Не худо-бы двѣ тысячи экю
Ему принести, не правда-ль, дѣти, а?
Онъ день и ночь хлопочетъ обо мнѣ,
Который васъ хранитъ и защищаетъ,
И много лѣтъ, благодаря ему,
Я буду дѣлать тоже; — съ каждымъ днемъ,
Пусть вѣдаютъ въ Парижѣ, я моложе сталъ
Скажите, что, коль доживу я только
По милости Господней — до святаго дня
До воскресенья вербнаго, — объдать буду
У одного изъ горожанъ моихъ.
Храни васъ Богъ!

(Графу, который удаляется съ ними).

На пару словъ.

(къ Куатье).

Одно.

(къ Графу).

Игра такая обошлась Мелёну
Не дешево, онъ также графомъ былъ,
Такъ берегитесь, — иначе расплата
Васъ ждетъ; съ Тристаномъ нечего шутить,
Сказалъ я — удалитесь.

(Рыцарямъ и придворнымъ).

Тѣ, что одному

Сказалъ я, всѣ должны себѣ замѣтить.

СЦЕНА VIII.

ЛЮДОВИКЪ, КОММИНЬ, КУАТЬЕ, ОЛИВЬЕ ЛЕ-ДЕМЪ, РЫЦАРИ,
— ПРИДВОРНЫЕ.

ОЛИВЬЕ. Посланныки кантоновъ, государь.

ЛЮДОВИКЪ. Пускай идутъ назадъ.

ОЛИВЬЕ. Не видѣвъ васъ?

ЛЮДОВИКЪ. Республикѣ не терплю я.

КОММИНЬ. Ихъ права

Вы сами, государь, признали.

ЛЮДОВИКЪ. Знаю, знаю...

Свобода — слово старое, звенить

Оно давно въ ухахъ и надоѣло.

Свободны... мужики... Вся ихъ земля

Моихъ доходовъ мѣсячныхъ не стоить.

КОММИНЬ. Они ее со славой защищали.

Бургонскій герцогъ...

ЛЮДОВИКЪ. Да, они хотѣли,

Чтобъ время не терять — меня сегодня

Будить пораньше... Горцы-мужики,

И на суровыхъ лицахъ ихъ здоровье

Такъ пышетъ!

ОЛИВЬЕ. Хилые живущій, государь,

Примѣръ вамъ я...

ЛЮДОВИКЪ. Мой бѣдный Оливье!

Ступай, прими ихъ, да устрой, чтобъ эти

Моихъ дверей не осаждали горцы.

Свободны, — да, ну пусть, но у себя

Пускай идутъ, я съ ними буду противъ

Любезнаго двоюроднаго брата!...

Самъ не могу и — графу де-Ретелю

Скажу я это, если хочетъ онъ.

(Тихо Оливье).

Устройся съ ними.

ОЛИВЬЕ (также). Какъ?

ЛЮДОВИКЪ. Какъ хочешь — по скорѣй.

Давай, что душно, обѣщай, что можно.

ОЛИВЬЕ. Довольно.
 ЛЮДОВИКЪ (громко). Обходись лучше съ ними,
 И пирь имъ на прощанье ты задай,
 Шотландцамъ и тебѣ я это поручаю.
 (Тихо).
 На наши вина больше налегай,
 Они — Швейцары.
 (Куатье).

(шумъ)

Ты куда?

КУАТЬЕ.

Хочу

Я въ праздникъ принять участие...

ЛЮДОВИКЪ.

Ну, пди,

Но ради всѣхъ святыхъ, храни свое здоровье.

КУАТЬЕ.

Вы за себя лишь отвѣчайте мнѣ,

А за себя ужъ я и самъ отвѣчу.

ЛЮДОВИКЪ

(въ то время, какъ Куатье удаляется). Все позволять себѣ и ничего больнымъ —

Вотъ докторъ!

КУАТЬЕ

(возвращаясь). Да не одни они

А многіе, которые терпѣнье

Да воздержанье хвалятъ на словахъ.

СЦЕНА IX.

ТѢ-ЖЕ, кромь куатье и оливье ле-дема. МАРІЯ входитъ во время этой сцены.

ЛЮДОВИКЪ (приближаясь къ Комминю). Ну что же этотъ графъ?

КОММИНЬ.

Онъ не подкупенъ.

ЛЮДОВИКЪ. Вздоръ.

КОММИНЬ.

Я ручаюсь.

ЛЮДОВИКЪ.

Нѣтъ.

КОММИНЬ.

Я смѣю.

ЛЮДОВИКЪ.

Невозможно.

КОММИНЬ. Отвергъ дары.

ЛЮДОВИКЪ.

Съ надеждой больше взять.

КОММИНЬ.

Что-жъ дѣлать, чтобы принялъ онъ?

ЛЮДОВИКЪ.

Сулить

Поболѣе — я самъ поговорю,
Пускай придетъ.

КОММИНЬ.

Повѣрьте, бесполезно

Съ нимъ видѣться — и принимать его.

ЛЮДОВИКЪ. Я сдѣлалъ-бы великую ошибку

По правдѣ!... Нѣтъ, кузень любезный мой

Сочтеть меня умершимъ; пригласить

Сюда Ретеля.

(Комминь уходитъ).

СЦЕНА X.

тѣ-же, *кромя* комминя.

ЛЮДОВИКЪ.

Это ты, Марія?

Ну что, удачно ты ходила за цвѣтами?

МАРІА.

Такъ хорошо, что нѣтъ ни одного куста,
Котораго-бы я не обобрала.

ЛЮДОВИКЪ.

Я ждалъ тебя — о человѣкѣ Божьемъ

Скажи мнѣ, — онъ въ присутствіи твоёмъ

Не воскрешалъ-ли мертвыхъ, или пваго чуда

Не сдѣлалъ-ли?

МАРІА.

Нѣтъ, государь.

ЛЮДОВИКЪ.

Сказали,

Что только для меня онъ чудо совершить,

И только о моемъ лишь нецѣлени

Молиться будетъ: мы его не беспокоимъ.

Но ты, мое дитя, ступай, поставь свѣчу

Пречистой Дѣвѣ, коей имя носишь.

Я самъ приду въ часовню за тобою.

МАРІА.

Тотчасъ-же, государь.

ЛЮДОВИКЪ

(*давая ей золотой*). Прими мой даръ.

МАРІА.

Для ней?

ЛЮДОВИКЪ.

Нѣтъ, для тебя.

МАРІА.

Благодарю васъ.

(Идетъ и встрѣчается съ Немуромъ, Добфиномъ
и свитой).

Небо!

ЛЮДОВИКЪ (замѣчая). Что сдѣлалось съ пей...
 (Маріи).
 Иди, Марія.
 Ко мнѣ Тристанъ, вы, господа, по сторонамъ!
 (Садится).

СЦЕНА XI.

ТЪ-ЖЕ, ДОФИНЪ, НЕМУРЪ, КОММИНЪ, ТУАЗОНЪ Д'ОРЪ, БУР-
 ГОНСКІЕ И ФРАНЦУЗСКІЕ РЫЦАРИ.

НЕМУРЪ. Дрожу я... судорожный трепеть тѣло
 Объяметъ мнѣ... О бѣдный мой отецъ!

ЛЮДОВИКЪ (пробѣжавъ впріюція письма, которыя герольдъ пред-
 ставляетъ ему на колыняхъ). Здравья Туазонъ д'Ору.
 Передъ нами

Прошу васъ не смущаться, графъ.

НЕМУРЪ. Равно блѣднѣемъ мы отъ гнѣва, какъ отъ страха,
 И таковы обиды, государь,
 Что на челѣ моемъ является невольно
 То бѣшенство, которое во мнѣ...

ЛЮДОВИКЪ. Какія-же обиды...

НЕМУРЪ. Вы узнаете о нихъ;
 За Карла, герцога и господина моего,
 Великаго сеньйора, пера королевства...

ЛЮДОВИКЪ. Мой владѣнья знаю я давно...
 Скорѣе къ дѣлу, графъ.

НЕМУРЪ. Вамъ, королю,

По крови брату, брату по союзу,
 Я, говоря отъ имени его,
 Я передамъ дѣла, чтобы отчета
 Спросить за нихъ; я жалуясь на то,
 Что, вопреки взаимнымъ договорамъ,
 Вы защищаете кантоновъ дѣло,
 Рукою и совѣтомъ помогая
 Ихъ бунту незаконному, въ то время,
 Когда они бросаютъ намъ перчатку.
 Вы ихъ начальниковъ чествуете въ стѣнахъ.

- людовикъ (съ живостію). Ихъ не видалъ я, даже не увижу, *и*.
 Но продолжайте.
- немуръ. Жалуюсь я также,
 Что заняты измѣной наши цитадели
 Шабанемъ и Бранкасомъ, вопреки
 Условіямъ, присягой подтвержденнымъ,
 И вопреки тому, что христіаннѣйшій король,
 Людовикъ Валуа, крестомъ поклялся.
- людовикъ. За дѣло ихъ — дадутъ они отчетъ:
 Поступокъ ихъ — безъ моего согласья.
- немуръ. Я доказательствъ требую.
- людовикъ. И будутъ.
- немуръ. Но скорыхъ и рѣшительныхъ.
- людовикъ. Какихъ?
- немуръ. Ихъ наказанья.
- людовикъ. Графъ, въ умѣ-ли вы?
 Какая-бъ власть вамъ ни была дана,
 Вы требуете слишкомъ-много; ихъ
 Передъ судомъ я выслушать обязанъ
- немуръ (съ гнѣвомъ). Къ чему-же, государь? Сѣкира ваша
 Срубила не одну великую славу.
- людовикъ. (вставая). Чью именно?
- немуръ. То знаетъ Богъ — и вамъ
 Укажетъ онъ ее въ суда минуту.
- людовикъ. Но ваша голова въ моихъ рукахъ.
- немуръ. Готовъ,
 Но выслушать меня должны вы до конца.
- комминъ. Графъ...
- людовикъ (сидясь). Дерзостный посланника избралъ
 Достойнаго, — не правда-ль господа,
 Что это имя заслужилъ онъ? (Немуру)
- немуръ. Но
 Кончайте, мы внимаемъ вамъ.
- немуръ. Я кончу,
 Чтòбъ ни было потомъ со мной, я кончу.
 Внимайте-жъ вы, всевластный государь,
 Вы рыцари и высшихъ мѣстъ сеньйоры,
 Которыхъ мечъ обиды смоетъ кровью,
 Кто-бъ ни обидѣлъ, будь хоть самъ король.
 Карлъ, за обиды, о которыхъ здѣсь
 Въ письмѣ разсказано подробно, правосудья

И мести требуетъ, иль объявляетъ вамъ,
 Во имя Франціи и общей тишины,
 Что онъ Бургонскихъ львовъ подниметь знамя,
 За каждой лень, за герцогство и графство,
 Принадлежащія ему по праву...

Иль онъ свой долгъ забудетъ къ вамъ и вѣрность,
 И мстителемъ предстанетъ передъ вами
 За благородныхъ перовъ кровь...

И съ Богомъ онъ на васъ подниметъ руку,
 И будетъ мстить за ихъ святыхъ тѣни,
 Призвавши ихъ на помощь — и, пожалуй,
 Готовъ на поединокъ онъ, какъ рыцарь,
 Какъ перъ и принцъ, и въ знакъ того бросаетъ
 Перчатку эту. Кто ее подниметъ?

ДОФИНЪ *(бросаясь и поднимая)*. Я.

За Валу и лиліи.

ВСѢ РЫЦАРИ. Мы всѣ.
 ЛЮДОВИКЪ *(вставая)*. Вы всѣ — и первый сынь мой, Raque
 Dieu!

Рука его опередила юность!

О, сынь мой, Карль, ты Франціи днтя!

ДОФИНЪ *(съ умиленіем)*. Отець мой.

ЛЮДОВИКЪ *(холодно)*. Будетъ, будетъ *(Герольду)*.

Туазонъ д'Оръ,

Возьми перчатку — отъ руки его

Она облагородилась *(Немуру)*

А вы,

Которому ее я возвращаю,

Хвалите кротость рѣдкую мою!

Когда-бъ я не прощалъ безумствамъ, то съ перчаткой

Упала-бъ вмѣстѣ ваша голова;

Я храбрость чту и извиняю дерзость *(Рыцарямъ)*.

Подумайте объ этомъ, господа...

Король обиженъ и судить предоставляетъ,

По-королевски-ли онъ за обиды мстить. *(Немуру)*

Письмо-же, графъ, прочтемъ мы вмѣстѣ съ вами.

Въ сей день должны мы видѣться во храмъ,

Какъ Христіане, братья и друзья,

И ваши я грѣхи забуду, чтобъ своими

Заняться.

- НЕМУРЪ *(выходя)*. Государь, я долгъ свой исполнялъ
И буду исполнять съ опасностію жизни.
ЛЮДОВИКЪ *(дѣлая знакъ всплѣ удалиться, Тристану ждать въ глубинѣ сцены)*. Комминь, останьтесь!

СЦЕНА XII.

- ЛЮДОВИКЪ, КОММИНЬ, ТРИСТАНЪ *вдали*
КОММИНЬ. Вы повѣрите не хотѣли
Мнѣ, государь, и приняли его.
ЛЮДОВИКЪ. Я вспылчивыхъ не вовсе ненавижу,
Скорбѣй ихъ душу можно распознать,
Мы договоромъ Карла успокоимъ...
Отъ дерзости ему предвижу гибель я.
Достойный Кампо-Бассо продается,
При случаѣ и онъ его продаетъ.
Не всякій кетати такъ, какъ онъ, продать умѣетъ,
Кузина гордость до добра не доведетъ,
И если Господу сломить ее угодно,
Зачѣмъ-же на пути его останавливать?
(Посль молчанія).
Но сынъ мой...
КОММИНЬ. О, надеждъ вамъ много въ немъ!
Отца достойный, съ жаромъ благороднымъ
За дѣло чести встать онъ былъ готовъ.
ЛЮДОВИКЪ. Опасенъ онъ, когда мятежъ подниметъ.
КОММИНЬ. Какъ, государь?
ЛЮДОВИКЪ. Я знаю по себѣ,
Какъ королю Дофинъ подчасъ опасенъ.
Но этотъ графъ, онъ знаетъ вашу дочь?
КОММИНЬ *(съ удивленіемъ)*. Онъ?
ЛЮДОВИКЪ. Отвѣчайте.
КОММИНЬ *(въ смущеніи)*. Да, въ мое семейство.
Онъ принять былъ въ отсутствіе мое,
ЛЮДОВИКЪ. Что-жъ далѣе?..
КОММИНЬ. Развѣдалъ я, что онъ
Ее увидѣлъ...

ЛЮДОВИКЪ. Гмъ... и полюбилъ?
 КОММИНЬ. Да, къ красотѣ ея онъ не былъ равнодушенъ.
 ЛЮДОВИКЪ. Онъ любить и его зовете неподкупнымъ!
 Запритесь у меня, для васъ готова
 Работа важная на письменномъ столѣ.
 КОММИНЬ. За вами мнѣ нейдти?
 ЛЮДОВИКЪ. Нѣтъ, ревность вашу здѣсь
 Мнѣ окажите
 (Когда Комминь удалется).
 Отъ нея узнаю.

СЦЕНА XIII.

ЛЮДОВИКЪ, ТРИСТАНЪ.

ЛЮДОВИКЪ. Ко мнѣ.
 ТРИСТАНЪ. Я здѣсь.
 ЛЮДОВИКЪ. Поближе.
 ТРИСТАНЪ. Такъ?
 ЛЮДОВИКЪ. Еще.
 ТРИСТАНЪ. Глазами я услышу, говорите тихо.
 ЛЮДОВИКЪ. Вассалу я простилъ обиду, видѣлъ?
 ТРИСТАНЪ. Сказали вы.
 ЛЮДОВИКЪ. Простилъ.
 ТРИСТАНЪ. Благоразумно.
 ЛЮДОВИКЪ. Я съ нимъ въ сношеньяхъ.
 ТРИСТАНЪ. Вы.
 ЛЮДОВИКЪ. Ты удивленъ?
 ТРИСТАНЪ. О нѣтъ!
 Во всемъ и завсегда вы правы, государь!
 ЛЮДОВИКЪ. Но ежели судьба кузену моему
 Готовитъ что... Господь его спаси!
 ТРИСТАНЪ. По моему ужъ лучше-бъ разомъ съ нимъ.
 ЛЮДОВИКЪ. Не христіанское, Тристанъ, желанье;
 Но если Богу такъ угодно — все
 Перемѣняется
 ТРИСТАНЪ. Безъ всякаго сомнѣнья.

- ЛЮДОВИКЪ. Въ рукахъ посла оставить договоръ
Благоразумно-ль?
- ТРИСТАНЪ. Оба вмѣстѣ ваши...
- ЛЮДОВИКЪ. Нѣтъ, нѣтъ! къ правамъ народнымъ уважене.
- ТРИСТАНЪ. Но какъ-бы уничтожить договоръ?
- ЛЮДОВИКЪ. Его назадъ я отпущу со свитой.
- ТРИСТАНЪ. Дя почести?
- ЛЮДОВИКЪ. Да, какъ хозяинъ и король,
Ему хочу, Тристанъ, я сдѣлать почестъ.
- ТРИСТАНЪ. Кто будетъ свитою командовать?
- ЛЮДОВИКЪ. Да ты,
И до границы.
- ТРИСТАНЪ. А!
- ЛЮДОВИКЪ. Составь ее получше.
- ТРИСТАНЪ. Какъ?
- ЛЮДОВИКЪ. Какъ ты дѣлывалъ всегда.
- ТРИСТАНЪ. Изъ лицъ извѣстныхъ?
- ЛЮДОВИКЪ. Ясно.
- ТРИСТАНЪ. И разумныхъ?
- ЛЮДОВИКЪ. Твоихъ.
- ТРИСТАНЪ. Числомъ?
- ЛЮДОВИКЪ. Побольше, чѣмъ его,
Для почести.
- ТРИСТАНЪ. Конечно.
- ЛЮДОВИКЪ. Кто-же знаетъ?..
- ТРИСТАНЪ. Вечерни кажется?
- ЛЮДОВИКЪ. Такъ точно, государь.
(Людвигъ снимаетъ шляпу и крестится, Тристанъ
дѣлаетъ тоже).
- ЛЮДОВИКЪ. Кто знаетъ, говорю я — на дорогѣ...
Заносчивъ онъ.
- ТРИСТАНЪ. И дерзокъ.
- ЛЮДОВИКЪ. Гдѣ-нибудь въ лѣсу
Поссорится съ тобою и твоими.
- ТРИСТАНЪ. Поссоримся.
- ЛЮДОВИКЪ. Ты защищайся.
- ТРИСТАНЪ. Да.
- ЛЮДОВИКЪ. Надѣюсь я, что договоръ воротишь.
- ТРИСТАНЪ. Исполню.
- ЛЮДОВИКЪ. Хорошо.
- ТРИСТАНЪ. Но графъ?

ЛЮДОВИКЪ. Меня ты понялъ?

ТРИСТАНЪ.

Нужно стало-быть?

ЛЮДОВИКЪ. Смѣешься ты, — ты понялъ, кумъ?

ТРИСТАНЪ.

Я понялъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Лѣсъ; на-право часовня; — на-лѣво дерновая скамья. При поднятіи занавѣса — толпа крестьянъ пляшетъ на переднемъ планѣ сцены.

СЦЕНА I.

МАРСЕЛЬ, РИШАРЬ, ДИДЬЕ, МАРТА, КРЕСТЬЯНЕ, СОЛДАТЫ,
КУПЦЫ.

МАРСЕЛЬ (*поетъ*).

То-то веселье, дружно мы станемъ

Играть и плясать, цѣлый день,

Мы до зари пѣсни пѣть не устанемъ,

Вамъ-же, красотки, кружиться не лѣнь.

За мной-же, за мною

Веселой гурьбою.

Но прежде — молитву благому Творцу,

Да многіе, многіе годы

Пошлетъ королю Онъ, пошлетъ Онъ отцу,

Опорѣ и славѣ народа.

- МАРТА (*подходя къ Марселю*). Что, лучше-ли ему?
 МАРСЕЛЬ. Быть-можетъ, но пикто
 Не знаетъ.
- МАРТА. Какъ живуши короли!
 МАРСЕЛЬ. За мѣсто крѣпко держатся они.
 РИШАРЪ. Здоровье стоить золота; болѣзн
 Его казнѣ въ убытокъ, говорятъ.
 ДИДЬЕ. Да, съ насъ живыхъ уже содрали кожу.
 МАРСЕЛЬ. На все налогъ, и даже на веселье....
 Плясать люблю я, да не на заказъ.
 МАРТА. Да, весело плясать, но для себя,
 Не для другаго.
- ДИДЬЕ. По приказу.
 РИШАРЪ. Съ дрожью
 И страхомъ.
- МАРСЕЛЬ. Не застали-бъ насъ въ-расплохъ!
 (*Поетъ*).
- ДИДЬЕ (*Марселю*). Шотландцы здѣсь...
 КУПЕЦЪ. Мой добрый господинъ,
 Вы заплатите.
- МАРСЕЛЬ. Что-нибудь *стянулъ*
 Одинъ изъ нихъ.
- ПЕРВЫЙ ШОТЛАНДЕЦЪ (*купицу*). Нѣтъ, нѣтъ — клянусь святымъ
 Дунстаномъ, я.
- КУПЕЦЪ. Хоть четверть.
 ШОТЛАНДЕЦЪ. Ни полушки, мнѣ жидамъ
 Духовникомъ запрещено платить.
 Прочь, прочь невѣрный.
- ВТОРОЙ ШОТЛАНДЕЦЪ (*Мартъ*). Пару словъ, красотка.
 МАРСЕЛЬ. Она моя жена.
 ШОТЛАНДЕЦЪ. Я тоже вамъ родной.
 И обниму ее.
- МАРСЕЛЬ (*скидаетъ шляпу*). Намъ честь большая.
 ВТОРОЙ ШОТЛАНДЕЦЪ. Ты съ красоты ея, намъ, людямъ коро-
 левскимъ,
 Платить обязанъ десятину; завтра
 Я ворочусь. (*Проходятъ*).
- МАРСЕЛЬ. Воротится проклятый!
 МАРТА (*обтирая щеку*). Для нихъ святаго нѣтъ.
 ДИДЬЕ. Они намъ хуже.
 Грозы и града, и палоговъ даже.

- РИШАРЪ. Работайте-жъ, собирайте хлѣбъ съ полей.
 Чтобы они, какъ ласточки гурьбою,
 На васъ нагрянули, и за собой,
 И стыдъ, и срамъ, и голодъ повели.
- МАРТА. Они Гюберову невѣсту обольстили.
- РИШАРЪ. Чуть не убить мой бѣдный ими сынъ.
- ДИДЬЕ. Когда ихъ всѣхъ смерть въ лапы заберетъ?
 Ихъ и....
- МАРСЕЛЬ. Молчи — Мессиръ сюда идетъ.
 На мѣсто. (Пѣсня).
 То-то веселье и проч.

СЦЕНА II.

ТѢЖЕ, ОЛИВЬЕ.

- ОЛИВЬЕ. Славно! веселитесь, други,
 Когда поютъ, довольны, значить, всѣ.
- МАРСЕЛЬ. Мы веселимся, видите, Мессиръ.
- ОЛИВЬЕ. Я самъ пришелъ полюбоваться вами,
 Народъ люблю я.
- МАРСЕЛЬ. Благодарны.
- ОЛИВЬЕ. Да,
 И уважаю.
- МАРСЕЛЬ (тихо Марта). Вышелъ онъ изъ нашихъ.
- МАРТА. Молчи.
- ОЛИВЬЕ. Начните снова пляску, други,
 Шутите, пойте — такъ велитъ король,
 Хлопочетъ онъ и о забавахъ вашихъ.
- МАРТА. Подъ липами мы начали плясать,
 И торопились поскорѣй приняться:
 Великій префектъ въ полдень приказалъ
 Начать намъ праздникъ нашъ.
- РИШАРЪ. Подъ строгимъ наказаньемъ.
- МАРСЕЛЬ. Мессиръ Тристанъ, коль станеть веселиться, —
 До отговорокъ не охотникъ онъ,
 И потому, въ урочный часъ мы всѣ
 Поемъ и пляшемъ.

- ОЛИВЬЕ. И прекрасно.
- МАРТА. Отъ души.
- ОЛИВЬЕ. Ну поздравляю васъ, погода хороша.
- И самъ король гулять, быть можетъ, выйдетъ.
- ДИДЬЕ. Король!
- ОЛИВЬЕ. Сюда, быть-можетъ.
- МАРСЕЛЬ. Къ намъ?
- ОЛИВЬЕ. Да, къ вамъ.
- Но что съ тобой?
- МАРСЕЛЬ. Отъ радости.... король!
- ОЛИВЬЕ. Ну, что-жъ вы скажете благому государю?
- Съ нимъ говорите вы, какъ-будто не узнавъ.
- МАРСЕЛЬ. Его я только издали видалъ,
- И сквозъ рѣшотку — или лучше видѣть
- Хотѣлъ, да не посмѣлъ взглянуть.
- ОЛИВЬЕ. Боялся ты?
- МАРСЕЛЬ. Нѣтъ, нѣтъ — по уваженью,
- И трепеть; я въ то время испыталъ.
- Тебѣ съ нимъ говорить, Ришаръ.
- РИШАРЪ (къ Дидье). Тебѣ!
- МАРТА. За это я беруеъ
- ОЛИВЬЕ. Вы всѣ. Разсѣять,
- Развеселить его разговоромъ, пѣсней старой,
- Иль шуткой надо.
- МАРСЕЛЬ. А не веселъ онъ?
- ОЛИВЬЕ. Съ нимъ надо говорить, что онъ здоровъ.
- МАРТА. А боленъ онъ?
- ОЛИВЬЕ. О нѣтъ... и на ухо ему
- О немъ всѣ ваши мысли разсказать.
- МАРСЕЛЬ. Какъ всѣ? не ужели?
- ОЛИВЬЕ. За чѣмъ же нѣтъ?
- МАРСЕЛЬ. Такъ я ему пожелаю на слугъ.
- МАРТА. Я на Шотландцевъ
- ДИДЬЕ. На охоту я.
- РИШАРЪ. На подати....
- ОДИНЪ КРЕСТЬЯНИНЪ.
- Ая...
- ОЛИВЬЕ. Съ-ума сошли вы всѣ.
- Откуда дерзость?
- МАРСЕЛЬ. Монсенъюръ, простите.
- Мы думаемъ....

ОЛИВЬЕ. Что вы счастливы, какъ пельзя....

МАРСЕЛЬ. Такъ точно...

ОЛИВЬЕ. Что его вы любите.

МАРСЕЛЬ. Конечно.

ОЛИВЬЕ. Какъ-бы отца роднаго.

МАРСЕЛЬ. Безъ сомнѣнья.

ОЛИВЬЕ. Да точно-ль такъ вы думаете?

МАРСЕЛЬ. Такъ.

МАРТА. Не иначе.

ОЛИВЬЕ. Вы говорите прямо?

МАРСЕЛЬ. Безъ всякаго обмана.

ОЛИВЬЕ. Онъ выходитъ.

МАРСЕЛЬ. Какъ! этотъ старецъ блѣдный.

ОЛИВЬЕ. Вздоръ, онъ свѣжъ лицомъ.

МАРСЕЛЬ. Такъ точно, монсенъюръ.

ОЛИВЬЕ. Ну, пѣсню начинай.

МАРСЕЛЬ (*начинаетъ дрожащимъ голосомъ*). То-то веселье.

ОЛИВЬЕ (*съ гнѣвомъ*). Живѣе, чортъ возьми, свободнѣй, — ну-же, въ-разъ.

МАРСЕЛЬ И ХОРЪ.

То-то веселье, дружно мы станемъ

Пѣть и плясать цѣлый день!

Мы до зари пѣсни пѣть не устанемъ,

Вамъ-же, красотки, кружиться не лѣнь.

За мной-же, за мною,

Веселой гурьбою.

СЦЕНА III.

ТѢЖЕ, ЛЮДОВИКЪ, НѢСКОЛЬКО ШОТЛАНДЦЕВЪ, КОТОРЫЕ
ОСТАЮТСЯ ВЪ ГЛУБИНѢ ТЕАТРА.

(Во-время этой и слѣдующихъ сценъ, Тристанъ появляется по временамъ,
какъ-бы сторожа короля.)

ЛЮДОВИКЪ (*идетъ тихо и, утомленный, падаетъ на скамью*).

Отъ свѣта боль въ глазахъ — и душно, жарко.

- Быль чище воздухъ въ юности моей, —
Климатъ перемѣнился.
- оливье (показывая ему на крестьянъ). Полюбуйтесь
Ихъ играми: они не знаютъ васъ,
Поговорите съ ними.
- людовикъ. Хочешь ты?
- оливье (крестьянамъ). Придворный господинъ вотъ хочетъ
съ вами
- Сказать два слова.
- людовикъ (Марта). Съ вами.
- марта. Здѣсь, месьиръ.
- людовикъ. Скажите, отъ-чего вы такъ здоровы?
- марта. Угодно вамъ?
- людовикъ. Скажите.
- марта. Вотъ въ чемъ дѣло.
- Помочь здоровью, дурно-ль, хорошо-ли,
Нельзя; такъ мы его беремъ, какъ Богъ даетъ,
Оно само-собою проходить и уходитъ,
Какъ желуди въ лѣсу, трава въ поляхъ.
Да, и когда о немъ намъ думать много?
Чуть пропоетъ пѣтухъ, — бѣжить ужъ каждый
Къ дневной работѣ: мужъ идетъ на поле,
Жена хозяйствомъ дома заняла,
И аппетитъ, который отъ работы
Приходить, приправляетъ столъ простой,
Постель намъ нежестка — встаемъ мы слишкомъ-рано,
И засыпаемъ, только-что легли.
Не дѣлавъ худа, — сновъ дурныхъ не видишь;
Потомъ придетъ воскресный день, — къ святому
На поклоненье сходишь, — трудъ, да совѣсть
Покойная — здоровья тайна вся,
Не видишь даже, какъ и годъ пройдетъ.
- людовикъ. Какъ, нѣтъ и горя?
- марселье. Ну, нельзя сказать.
- На три дни грустныхъ — красный день одинъ, —
Но радость и печаль — измѣчивы, какъ дождь,
И вѣдро. Что-же дѣлать? — такъ ужъ Богомъ
Устроено.
- людовикъ. Вамъ радость, — намъ заботы.
- марта. Подумайте о насъ — забудете печаль.
- Коль дорогъ хлѣбъ — вамъ дѣла нѣтъ, а я

Сижу, пряду — да думаю объ этомъ,
 А все пою; веселость етѣитъ счастья,
 И лучше-же ужъ весело терпѣть.
 Мы всѣ судьбой бываемъ недовольны,
 И самому несчастному готовы
 Завидовать.... какъ кто-бы ни былъ бѣдѣнъ,
 Но, вѣрно, есть бѣднѣе, и когда
 Вегрустнется мнѣ, я думаю, что много
 На свѣтѣ есть несчастнѣе меня.

МАРСЕЛЬ. Вотъ нашъ кузень за ферму за годъ должень,
 А я за третъ одну, по благости Господней.

ЛЮДОВИКЪ (*Оливье*). Они во всемъ найдти стумбютъ счастье.

ОЛИВЬЕ (*королю*). Свое.

МАРТА. Оно по праву очень намъ....

Кто знаетъ, больше-ль намъ понравится другое?

ОЛИВЬЕ (*дѣлая знакъ Мартѣ*). Но есть у всякаго невзгоды и печали.

ЛЮДОВИКЪ. Скажи, на-вѣрно, есть они у васъ
 Отъ лекарей....

МАРТА. У стада, не у насъ.

ЛЮДОВИКЪ. А отъ чего-бы это?

МАРСЕЛЬ. Очень-просто;

Они у васъ берутъ ни за-что деньги....

Не такъ я глупъ, чтобъ имъ ихъ отдавать.

Купилъ себѣ вина боченокъ у сосѣда,

Да и лечисъ. Надеждами пустыми

Обманываютъ эти лекаря,

А смотришь — человекъ не бывало.

ЛЮДОВИКЪ. Мнѣ дурно.

МАРСЕЛЬ. Какъ придетъ расчета день,

То смерть, какъ кредитора, не обманешь.

ЛЮДОВИКЪ (*вставая*). Такъ смерти не боишься ты?

МАРСЕЛЬ. Быть-можетъ,

Боляся-бъ тоже я, и болѣе другихъ,

Да думать не даю себѣ о ней,

Да и къ-чему? Я помню лишь одно —

Про виноградники, про новый хлѣбъ....

Или смотрю на маленькаго сына,

Да говорю: мальчишка славный онъ....

Растетъ по днямъ, какъ росъ и я, когда-то,

Всему чередъ, — подумаемъ о томъ,

Чтобы ему хоть что-нибудь оставить,
 Авось: по-смерти пожалѣть онъ
 Въдъ надо-же, чтобъ поздно или рано,
 А сынъ бы заступилъ отца.

ЛЮДОВИКЪ. Но позже — лучше.

МАРСЕЛЬ. Конечно такъ.

ОЛИВЬЕ. Невѣжда.

МАРСЕЛЬ. Виповатъ.

ОЛИВЬЕ. Ты мелешь вздоръ — и лекаря искусны.

МАРСЕЛЬ. Я о цирюльникъ сосѣднемъ говорилъ,

А всѣмъ извѣстно, что такое

Цирюльникъ деревенскій.

ЛЮДОВИКЪ (*смѣясь, треплетъ Оливье по плечу*). Вотъ, мессиръ....

Онъ знаетъ больше васъ, хоть вы министръ.

ОЛИВЬЕ (*Марселю*). Что ты смѣешься?

МАРСЕЛЬ. Я? Да этотъ господинъ

Сказалъ такую вещь, что любо слушать,

И я смѣюсь.

ЛЮДОВИКЪ. Его вы чортомъ - Оливье

Зовете, а?

МАРСЕЛЬ (*съ живостью*). О, нѣтъ.

МАРТА (*Марселю*). Бываетъ болтовня

Вредна; молчи!

ЛЮДОВИКЪ. Съ друзьями?

МАРТА. Можно все бранить:

И градъ, когда деревья онъ побьетъ,

И бурю, если сломитъ крышу дома, —

Не сердятся они на то нисколько;

Но съ знатными опасны шутки, какъ

Тихонько вы ни говорите, все

Дойдетъ имъ въ уши — и придется плакать.

ОЛИВЬЕ (*Марту*). Но если-бъ кто изъ нихъ о королѣ дурное

Сказалъ... Вы донесете?...

МАРТА. Отвѣчать

На это трудно....

ЛЮДОВИКЪ. Отъ-чего-же трудно?

МАРТА. Влекутъ несчастье деньги за доносъ.

ОЛИВЬЕ. Ты бредишь?

МАРСЕЛЬ. То скотины моръ начнется,

То хлѣбъ засохнетъ. Разъ одинъ донесъ

На своего сосѣда фермеръ монастырскій....

Побило градомъ груши у него,
Хоть, кажется, церковное имѣнье.

Оливье. Дуракъ.

Марсель. Да вы спросите у Ришара.

Ришаръ. Дѣйствительно.

Людвигъ (*строго*). Наказанъ Богомъ онъ
За то, что поздно на это рѣшился.

Марсель. Все такъ оно — Господь его спаси,
Да, что и въ деньгахъ, если дьяволъ душу
Возьметъ? — Когда я вечеромъ встрѣчаю
Покойника, и факелы за нимъ,
Да пѣсни похоронныя услышу,
Мнѣ кажется, въ потьмахъ ждуть демоны его,
И золото, которое любилъ онъ,
Не выкупить его изъ страшныхъ лапъ.

Людвигъ. Мнѣ дурно.

Оливье (*Марселю*). Трусъ.

Марсель. Согласенъ, — трепещу я,
Хоть никого на свѣтѣ не убилъ.

Людвигъ (*въ гнѣвомъ*). Пошолъ!

Марсель. Я разсердилъ его.

Оливье. Дуракъ!

Людвигъ (*про-себя*). Смерть, адъ — и муки вѣчныя!... по-
милуй

Святая Богородица, помилуй! (*Марселю*).

Пошолъ!.. Нѣтъ, подожди, скажи, кто научилъ
Тебя такъ говорить?

Марсель (*падая на колѣни*). Никто.

Людвигъ. Подкупленъ ты?

Марсель. Да буду проклять я, коль это правда!

Марта. Помилуйте, безъ хитрости онъ вретъ,
По простотѣ.

Марсель. По глупости — спросите
Объ этомъ всѣхъ.

Людвигъ. Я пошутить. Ты счастливъ
Своею глупостью. Твой это мужъ?

Марта. Да — и хорошій малый, между тѣмъ.

Людвигъ. Ну, такъ и быть, прощаю — но за то
Отмсти ему, сказавши имена
Любовниковъ твоихъ.

- МАРТА. У насъ такого
Не водится, повѣрьте, ничего.
- ЛЮДОВИКЪ. Какъ съ бойкими ты глазками такими,
И съ краскою въ лицѣ — уже-ль ни одного?
- МАРСЕЛЬ. Всѣхъ называй — вѣдь я не осержусь.
- МАРТА (улыбаясь). Одинъ, то-есть.
- ЛЮДОВИКЪ. Кто?
- МАРТА. Вы.
- ЛЮДОВИКЪ (беретъ ее за плечо). Неужели.
- МАРТА. Оставьте!
- ЛЮДОВИКЪ. Чего бояться — я вѣдь старъ.
- МАРТА. Не такъ-то.
- ЛЮДОВИКЪ. Достаточно, чтобъ неопаснымъ быть.
- МАРТА. О, нѣтъ, у васъ въ глазахъ огонь еще сверкаетъ.
- ОЛИВЬЕ (тихо Марту). Такъ, хорошо.
- МАРТА. На васъ не положусь.
- ЛЮДОВИКЪ. Ужель?
- МАРТА. И шутки плохи съ вами.
- ОЛИВЬЕ (тихо Марту). Чудесно.
- ЛЮДОВИКЪ. Ты такъ думаешь?
- МАРТА. И я
- Желала-бы, чтобъ былъ такимъ-же старикомъ
Король.
- ЛЮДОВИКЪ. За-чѣмъ-же?
- МАРТА. Намъ и дѣтямъ нашимъ
Тогда-бъ лѣтъ сто еще покойно жить.
- ЛЮДОВИКЪ. Лѣтъ сто! Ты любишь короля.
- МАРТА (которой Оливье тихонько кладетъ кошелекъ, и кото-
рая показываетъ его сзади другимъ крестьянамъ).
Еще-бы!
- Его мы любимъ всѣ.
- КРЕСТЬЯНЕ. Да, всѣ.
- МАРТА. И каждый
Во Франціи его благословляетъ.
- ЛЮДОВИКЪ (съ удовольствіемъ). Ты слышишь.
- ОЛИВЬЕ. И не лезть вы
слышите отъ нихъ.
- ЛЮДОВИКЪ (обнимая Марту). Râque Dieu, дитя мое, король тебя
цѣлуетъ.
- МАРТА. Король!
- КРЕСТЬЯНЕ. Да здравствуетъ король!

МАРСЕЛЬ.

И онъ

И домъ его на многи, многи лѣта!

ЛЮДОВИКЪ. Желанья ихъ мнѣ по сердцу.

ОЛИВЬЕ.

Отъ сердца.

ЛЮДОВИКЪ. За Францію благодарю я васъ. (Мартъ).

Такъ мнѣ сто лѣтъ прожить... Пророчество твое
Достойно награжденья, — на, возьми (Крестьянамъ).

На эти деньги вы ступайте веселиться

И пить за здравіе мое.

МАРТА.

И всѣмъ

Я разекажу, что на челѣ слѣды

Храню я королевскихъ поцѣлуевъ.

СЦЕНА IV.

ЛЮДОВИКЪ, ОЛИВЬЕ.

ЛЮДОВИКЪ (тронутый). Какъ сладко быть любимымъ!

ОЛИВЬЕ.

Правда.

ЛЮДОВИКЪ.

Крѣпокъ я.

ОЛИВЬЕ. И эта женщина сказала правду вамъ.

ЛЮДОВИКЪ. Смѣнешся ты?

ОЛИВЬЕ.

О нѣтъ.

ЛЮДОВИКЪ.

Сто лѣтъ, но было-бъ глупо

Надеждою себя обманывать такой.

А между-тѣмъ мнѣ тоже говорилъ

Мой астрологъ.

ОЛИВЬЕ.

Возможно-ль?

ЛЮДОВИКЪ.

Очень-странно.

ОЛИВЬЕ. А для меня не странно, и притомъ

Къ вамъ Божій-человѣкъ въ одно и тоже время

Пришелъ.

ЛЮДОВИКЪ.

Посланникомъ небесъ!

ОЛИВЬЕ.

Я вѣрю.

ЛЮДОВИКЪ.

О нѣтъ! — а между-тѣмъ — еще лѣтъ пять или шесть,

И пусть я остовомъ однимъ отъ мукъ останусь.

Тирановъ Франціи, вассаловъ, сюзереновъ

Лишить-бы вовсе могъ удѣловъ я и силъ,

- И сдѣлать ихъ лишь призраками силы,
Имѣнья ихъ собравъ все подь одинъ законъ.
оливье. Дай Небо!
людовикъ. Мой кузень не разъ меня обидѣлъ,
Но только-бъ за него мнѣ поручился гробъ;
Я въ гробъ упрячу съ нимъ бароновъ Бургиньонскихъ.
Но живъ еще пока.... Графъ де-Ретель,
Который не подкупенъ, иль себя
Такимъ лишь выдаетъ, — что, занять онъ?
И не видалъ Марин.
- оливье (показывая въ открытую часовню). Здѣсь она.
людовикъ. Ее я вижу.
- оливье. Молитесь за васъ.
людовикъ. Съ такимъ благоговѣшемъ и жаромъ,
Клянуся царствомъ, Оливье, не за меня.
- оливье. Закладъ вашъ слишкомъ труденъ, государь.
Враги за это даже поручатся.
- людовикъ (смотря въ часовню). Но тайна дѣвушки подь-часъ
важна бываетъ.
- Я долженъ вывѣдать: зови ее.
- оливье (напрямаясь идти). Сейчасъ.
- людовикъ. Похлопочи о церемоніи.
- оливье. Ужъ дворъ въ монастырѣ, и долженъ быть
Сюда, когда предъ человекомъ-Божьимъ
Дадите клятву вы на договоръ.
- людовикъ. Да знаетъ онъ, для продолженья жизни,
Что миръ желаю я повсюду удержать,
Что словомъ я своимъ владѣть умѣю.
- оливье. Вы поклянетесь на мощахъ святыхъ?
людовикъ. Нѣтъ, нѣтъ, серебряной довольно будетъ раки.
- оливье. Я думалъ.
- людовикъ. Понимашь, дѣло въ чемъ?
Кузена знаю я — боюсь, чтобъ вѣроломствомъ
Святыни ихъ не оскорбить ему.
(Слышны крики: Да здравствуетъ Дофинъ!)
Что тамъ кричатъ?
- оливье. Дофинъ идетъ деревней....
Народъ васъ любитъ. (Тѣже крики).
- людовикъ. Снова, скучный крикъ!
Народъ... онъ любитъ всехъ! Къ чему восторги эти?

Дофинъ.... пусть подождутъ, онъ не король еще...
 Ступай. (Оливье входитъ въ часовню).

СЦЕНА V.

ЛЮДОВИКЪ, ДОФИНЪ.

ЛЮДОВИКЪ. Что съ вами? Радостныя слезы!

ДОФИНЪ. Ахъ, въ первый разъ я понимаю ихъ!

Вездѣ, гдѣ я ни шелъ, я слышалъ по дорогѣ
 Все тѣже крики.

ЛЮДОВИКЪ. Завтра вамъ въ отъѣздъ.

ДОФИНЪ. Такъ рано!

ЛЮДОВИКЪ. Ядъ, мой сынъ, всё эти похвалы.

Легко настроить гордость молодую,
 Заставитъ счесть за что-нибудь себя.

ДОФИНЪ. Я знаю.

ЛЮДОВИКЪ. Радость, нечего сказать,

Что вамъ кричать за брошенные гроши.

Судите лучше о приемѣ этомъ:

Я заплатилъ, чтобы онъ былъ таковъ.

ДОФИНЪ. Какъ, государь? Все это по заказу?

ЛЮДОВИКЪ. По моему.

ДОФИНЪ. Мнѣ грустно думать такъ.

ЛЮДОВИКЪ. Урокъ вамъ нуженъ — вы подумайте о немъ

На полной волѣ въ Амбуазскомъ замкѣ.

ДОФИНЪ. Что сдѣлалъ я?

ЛЮДОВИКЪ. Вы? ничего! и что

Вы можете?..

ДОФИНЪ. Увы, вамъ угождать

Моя одна надежда и желанье.

Но....

ЛЮДОВИКЪ. Говорите.

ДОФИНЪ. Не могу.

ЛЮДОВИКЪ. Зачѣмъ

Дрожите вы?

ДОФИНЪ. Я?

ЛЮДОВИКЪ. Вы.

- дофинъ. Когда вассала
Васъ оскорбитъ посланникъ, не дрожу я.
- людовикъ. Но, не спросившись, защищать меня
Такая-же мнѣ тяжкая обида.
- дофинъ. О Боже! думалъ я, отверзты для меня
Объятья ваши, что меня къ груди
Прижмете вы...
- людовикъ. Мечты!
- дофинъ. За эту цѣну
Я умереть готовъ-бы былъ охотно,
Когда-бы вы меня любили!
- людовикъ. Развѣ
Я не люблю?
- дофинъ. Простите....
- людовикъ. Ненавижу?
Неблагодарность.... Строгъ я?
- дофинъ. Государь!
- людовикъ. Вотъ что ужъ вамъ наговорить успѣли!
- дофинъ. О, никогда.
- людовикъ. Опасно такъ играть.
И смѣютъ....
- дофинъ. Никогда.
- людовикъ. Боже, или кто тамъ?
Вашъ дядя, Орлеанъ — или другіе кто?
(Простодушно).
Карлъ, сынъ мой, говори, и безъ доносу
Скажи тихонько, я не накажу,
Я знать хочу....
- дофинъ. Со мною дядя любить
Поговорить.
- людовикъ. А что онъ говорить?
- дофинъ. Что буду я современемъ народомъ
Французскимъ управлять и что любить
Себя заставить долженъ я.
- людовикъ. Измѣнникъ! (Громко).
Не говорилъ-ли онъ, что, ослабѣвъ отъ лѣтъ,
Я долженъ.... да.... что скоро.... Это ложь,...
Что вамъ вѣнецъ надѣть лишъ остается,
Который вамъ принадлежитъ по праву.
- дофинъ. О Боже!
- людовикъ. Ложь. Подъ бременемъ не пагъ я,

И діадима мнѣ не тяжела, —
 Двѣ, три такихъ главы-бъ не отягчили
 И вмѣстѣ три, на старой головѣ
 Сидѣли-бъ лучше, чѣмъ лазурный токъ
 На юношескомъ лбу.

ДОФИНЬ.

Живите, о, живите!

То вѣчное желаніе мое,
 Открою-ль я рѣсеницы иль закрою.
 Когда здоровьемъ ликъ сіяетъ вашъ,
 Я про себя благословляю Бога.
 Живите, для меня, для Франціи самой,
 О мой отецъ, за ваши дни готовъ
 Пожертвовать своими.

ЛЮДОВИКЪ (*отнимая у него руку*). Нѣтъ, я слабъ.

Идите.

(*Дофинъ идетъ и возвращаясь снова, цѣлуетъ со слезами руку отца, потомъ уходитъ*).

ЛЮДОВИКЪ (*тронутый*). Добрый сынъ.... но можетъ-быть,
 Меня, какъ всѣ, обманываетъ онъ.

СЦЕНА VI.

ЛЮДОВИКЪ, *напередѣ сцены*, ДОФИНЬ, МАРІЯ.

ДОФИНЬ (*тихо Маріи, которая выходитъ изъ часовни*).

Прощайте, не забудьте обо мнѣ.

МАРІЯ. Вы ѣдете.

ДОФИНЬ.

И завтра (*Цѣлуетъ ея руку*).

Вы того

Желаете.

СЦЕНА VII.

ЛЮДОВИКЪ, МАРІЯ.

ЛЮДОВИКЪ (*про-себя*).

Исполненъ чести онъ,

Я тоже былъ таковъ, и между-тѣмъ...

- МАРІЯ. Простите.
- ЛЮДОВИКЪ (*громко*). Поди ко мнѣ: какъ хороша ты нынче.
- МАРІЯ. На праздникъ всѣ приходятъ въ украшеньи.
- ЛЮДОВИКЪ. Для Бога украшать себя — святое дѣло.
- МАРІЯ. Я нарядилась.
- ЛЮДОВИКЪ. И для Бога одного?
- МАРІЯ. А для кого-же?
- ЛЮДОВИКЪ. Я не знаю.
- Кому нибудь ты правиться желаешь,
Зачѣмъ-же нѣтъ?
- МАРІЯ. Вамъ, государь.
- ЛЮДОВИКЪ. Благодарю,
Но предположимъ, чтобъ сюда явился
Другой, а не король.
- МАРІЯ. О, государь....
- ЛЮДОВИКЪ. Мы предположимъ.
- МАРІЯ. Я васъ не понимаю.
- ЛЮДОВИКЪ. О другомъ
Мы станемъ говорить (*Садится у дерева*).
Садись со мною,
Здѣсь — не краснѣй, съ тобою твой больной,
Чтобы развлечься, можетъ поемѣяться,
И старикамъ все можно говорить.
- МАРІЯ. Особенно монархамъ.
- ЛЮДОВИКЪ. Злымъ меня считаютъ....
А между-тѣмъ я простъ, — и я всегда
За дѣвучекъ во всемъ готовъ вступиться,
И обвинчалъ я многихъ ужъ изъ нихъ.
- МАРІЯ. Вы всемогущи.
- ЛЮДОВИКЪ. Говорили мнѣ
Объ этомъ часто молодыя.
- МАРІЯ. Вы смѣтаетесь?
- ЛЮДОВИКЪ. Хотѣлъ тебѣ я тоже предложить,
Да вотъ ты вовсе никого не любишь
- МАРІЯ. Я, государь?
- ЛЮДОВИКЪ. Я знаю.
- МАРІЯ. А спросили!
- ЛЮДОВИКЪ. Я ошибался....
- МАРІЯ. Чтожъ предполагали вы?
- Скажите.
- ЛЮДОВИКЪ. Прямо-ль говорить я долженъ?

Я думалъ, что при герцогскомъ дворѣ
Твоимъ владѣютъ сердцемъ — и чего же легче,
Въ восемнадцать лѣтъ, когда Дамуазель
И храбръ, и благороденъ, и прекрасенъ?
Такъ только думалъ я дитя мое.

МАРІА (*съ живостію*). О продолжайте.

ЛЮДОВИКЪ. Интересно слушать?

МАРІА. Какъ сказку.

ЛЮДОВИКЪ. Точно сказка. Рыцарь твой,

Я думалъ, и въ отсутствіи, тобою
Не позабытъ, и жаждалъ увидать
Тебя, отправившись съ посольствомъ.

МАРІА (*въ сторону*). Небо!

ЛЮДОВИКЪ. Приѣхавши, хотѣлъ онъ обратиться
За помощью ко мнѣ.

МАРІА. Для договора?

ЛЮДОВИКЪ. Для брака....

МАРІА. Что же вы?

ЛЮДОВИКЪ. Я согласился.

Но жаль, что это ложно.

МАРІА. Государь,

Вы знаете....

ЛЮДОВИКЪ. Я, ничего!

МАРІА. О Боже!

Но отъ кого?

ЛЮДОВИКЪ. Вѣдь это сказка — ты

Нелюблена... Начнемъ же говорить

Мы о другомъ теперъ.

МАРІА. Простите, государь,

За тайну....

ЛЮДОВИКЪ. А! не откровенна ты — и я

Скрываешься, я отомщу,

МАРІА (*съ ужасомъ*). О нѣтъ!

О сжальтесь, умоляю васъ, надъ нимъ.

Кто измѣнилъ ему?

ЛЮДОВИКЪ (*смѣясь, беретъ ее за руки*). Самъ твой отецъ.

МАРІА. Сказалъ вамъ?

ЛЮДОВИКЪ. Имя Дамуазеля.

МАРІА. Его онъ назвалъ?

ЛЮДОВИКЪ. Да.

МАРІА. И вы простили.

- ЛЮДОВИКЪ. Безъ всякаго сомнѣнія.
- МАРІА (*съ восторгомъ*). Немура!
- ЛЮДОВИКЪ (*въ сторону вставая*). Такъ онъ Немуръ...
- МАРІА. О мой отецъ, какъ васъ
Онъ зналъ, спасая спроту.
- ЛЮДОВИКЪ. Такъ точно,
Онъ спасъ его, Комминъ мой добрый!
- МАРІА. Онъ,
Въ изгнаніи онъ воспиталъ Немура.
- ЛЮДОВИКЪ. Добрѣйшій человѣкъ!
- МАРІА. Какъ брата я тогда
Его любила, утѣшала.
- ЛЮДОВИКЪ. И Комминъ
Хотѣлъ родиться съ кровью Арманьяковъ!
Отецеская нѣжность!
- МАРІА. Такъ его
Увижу я, его отру я слезы,
И счастье раздѣлю.
- ЛЮДОВИКЪ. Его ты не увидишь!
- МАРІА. А если онъ сюда придетъ случайно?
- ЛЮДОВИКЪ. Случайно?
- МАРІА. Да — вы все должны узнать:
Его я жду, — несчастные способны
Подозрѣвать, когда на мѣстѣ здѣсь
Онъ не найдетъ меня, что скажетъ?
- ЛЮДОВИКЪ. Это правда
Я не хочу, чтобъ онъ подозрѣвалъ;
И вотъ еще: себя онъ неизвѣстнымъ
Считаетъ здѣсь, вдругъ сказывать ему
Теперь не должно, по причинамъ важнымъ.
И я и твой отецъ должны молчать.
Ты можешь все испортить разсказавши.
- МАРІА. Молчать я буду.
- ЛЮДОВИКЪ. Обѣщай предъ Дѣвой
Пречистою, заступницею браковъ,
Ты понимаешь: не забудь-же клятвы.
Она разскажетъ.
- МАРІА. Я кляпуюся вамъ.
- ЛЮДОВИКЪ. Богъ принялъ клятву. (*Про себя*).
А! Немуръ — лишь слова
Достаточно, чтобъ погубить его.

Сказать-ли!... Мы подумаемъ.... Тристанъ.
(Маріа, цѣлуя ее въ лобъ).

Тебя я оставляю здѣсь — по Дѣва
Тебя Святая слышитъ дочь моя.

СЦЕНА VIII.

МАРІА. Какъ дорогъ онъ, сей кроткій пощѣлуй....
Но ахъ, мнѣ грудь тѣснитъ и давитъ радость,
И наполняетъ сердце, и ее
Я скрыть должна, — иль клятву преступить.
Святая Матерь Господа, которой
Святой покровъ защитникъ вѣрный мой,
Ты въ горестяхъ прибѣжище святое,
Мнѣ въ радости ты нынѣ помоги!
Мои уста нѣмыми сдѣлай, — да замретъ
На нихъ передъ тобой наложенная тайна...
Я трепещу, и плачу, и смѣюсь....
Какъ счастлива я!... Онъ....

СЦЕНА IX.

МАРІА, НЕМУРЪ.

МАРІА. Немуръ.
НЕМУРЪ. Маріа.
Я вижу васъ.
МАРІА. Во Франціи, подъ небомъ
Родной страны.
НЕМУРЪ. Страны моихъ страданій.
МАРІА. Надѣйтесь....
НЕМУРЪ. Можетъ-быть, умру я подлѣ васъ?
МАРІА. О не страшитесь, вѣрю, знаю я
Что.... нѣтъ я ничего не знаю, только

- Надежда мнѣ какъ сладкій сонъ смѣется.
О счастья мнѣ сердце говорить.
- НЕМУРЪ. Сестра моя, всегда добра какъ прежде,
Но лучше прежняго.
- МАРІА. О, полноте.
- НЕМУРЪ. Еще.
- МАРІА. Вы помните меня, мой рыцарь благородный
- НЕМУРЪ. Не помните могъ-ли я?
- МАРІА. Когда для алтара
Срывала розы я, листы сказали мнѣ,
Что вы меня все любите, Немуръ.
- НЕМУРЪ. О — я себя теперь не понимаю, —
Забылъ я даже ненависть мою.
- МАРІА. Оставьте ненависть, — любить такъ сладко!
- НЕМУРЪ. Оставьте, Боже!
- МАРІА. Тотъ, кто ненавидимъ вами,
Быть-можетъ, жалости доступенъ.
- НЕМУРЪ. Онъ?
- МАРІА. Возможно все — всему я вѣрю, все
Мнѣ говорить о счастья и надеждѣ,
И Богъ-ли говоритъ, или моя любовь,
Но только счастье я предсказываю вамъ.
- НЕМУРЪ. Увы!
- МАРІА. Вы помните-ль о незабвенномъ днѣ
Признанія — его я живо помню,
То было вечеромъ.
- НЕМУРЪ. И у креста.
- МАРІА. Глаза склонила я тогда на четки,
Но слушала.
- НЕМУРЪ. И на дорогѣ намъ
Попался старый нищій.
- МАРІА. И ему
Мы милостыню дали; онъ сказалъ мнѣ,
Что буду я...
- НЕМУРЪ. Женой моей, сестрой.
- МАРІА. Онъ не забылъ...
- НЕМУРЪ. Потерянное счастье
Надѣялся я снова возвратить.
Но нѣтъ, — изгнанье вѣчный мой удѣлъ,
Мнѣ не заснуть подъ крышею родной,
И я чужой для родины моей.

МАРІЯ. Изгнанье можетъ кончиться.

НЕМУРЪ.

Проѣздомъ

Я посѣтилъ мой старый отчий домъ;
 Съ разбитымъ сердцемъ слышалъ шумъ лѣсовъ
 У стѣнъ его, — подъ этотъ шумъ, бывало,
 Я засыпала подъ липами, въ тѣни
 Которыхъ сживали предки. Ихъ
 Ужъ нѣтъ... Забытъ и пусть мой замокъ старый,
 И дворъ обросъ травой, и пилигриму
 Не отдохнуть въ гостепріимной сѣни.
 Портретъ отца, спасенный, на полу,
 Въ углу стоялъ, — наследника его
 Никто изъ слугъ узнать не могъ, — одна лишь
 Собака дома старая у ногъ
 Моихъ легла и мнѣ лизала руки.

МАРІЯ. Но ежели старикъ намъ правду предсказалъ,

И если вы когда въ наследіе отцовъ

Со мною вмѣстѣ возвратитесь — и меня

Толпа вассаловъ окружить, и будетъ

Насъ поздравлять, и если здѣсь, вотъ въ этой

Часовнѣ, насъ соединить предъ небомъ?..

НЕМУРЪ. Моя любовь, моя супруга, вы,

Которую, быть-можетъ, вижу я

Въ послѣдній разъ... намъ

Соединенье!.. Нѣтъ, внутри меня

Судьбу мою пророчитъ страшный голосъ,

То голосъ смерти, — знаю я, мнѣ суждено

Сойти въ могилу предковъ слишкомъ-рано.

МАРІЯ. Что говорите вы?

НЕМУРЪ.

Счастливъ, когда священникъ

Не остановитъ праха моего,

И какъ убійца не откажетъ мнѣ

Въ святой землѣ найти успокоенье

МАРІЯ. Нѣтъ, нѣтъ, Немуръ... родное небо вамъ

Не будетъ непріязненно. Узнайте,

Что всѣ права и все имѣнье ваше....

Прости меня, Святая Дѣва, я молчу...

Нѣтъ я причиною гибели его

Не буду.

НЕМУРЪ.

О Марія, говорите.

МАРІЯ. Я не могу, нѣтъ! Намъ пора разстаться...

Т. II. — Отд. I.

Любя васъ, я должна отъ васъ бѣжать...
 Въ смущеннн, все я высказать готова...
 Надѣйтесь... по идуть (*Обращаясь къ часовни*).
 Я не сказала ничего.

СЦЕНА X.

ЛЮДОВИКЪ, НЕМУРЪ, ФРАНЦСКЪ ДЕ-ПОЛЬ, ОЛИВЬЕ, ТРИ-
 СТАНЪ, КАРДИНАЛЪ ДАЛЬБИ, ДАММОРТЕНЪ, РЫЦАРИ ФРАН-
 ЦУЗСКІЕ И БУРГОНСКІЕ.

НЕМУРЪ (*про себя*). Какъ легковѣрны мы на счастье, но
 Какъ суждено обманываться ей!
 ЛЮДОВИКЪ (*держая въ рукахъ бумагу*). Здѣсь ненависти и враждѣ
 конецъ.

У вашихъ ногъ, отецъ мой, кротокъ я,
 И предъ крестомъ Божественнымъ смиряюсь.
 Графъ де-Ретель меня просилъ о правосудии,
 И хотъ исполнилъ порученье оиъ
 Скорѣе, какъ вассаль, на бунтъ возставшій,
 Чѣмъ подданный покорный, по народъ.
 Предпочитаю личной мести я,
 И потому на договоръ согласенъ,
 И вамъ передаю его, чтобъ онъ
 Изъ вашихъ рукъ святѣй и крѣпче вышелъ.
 ФРАНЦСКЪ ДЕ-ПОЛЬ (*на ступеняхъ часовни*). О сынъ мой! нищъ и
 простъ я духомъ;

Живу далеко отъ дворцовъ, но часто
 Миѣ въ хижинахъ случалось замѣчать,
 Что много слезъ завоеванья стдять.
 Благословить Господь того, кто чадъ
 Разрозненныхъ къ единству возвращаетъ,
 И власть на пользу обращаетъ ихъ.
 Цари, то долгъ вашъ; мы же Богомъ
 Поставлены людей соединять.
 Придите-жъ укрѣпите взаимной клятвой
 Согласіе и миръ, и помните, что сами
 Себя, ихъ преступая, предаете вы,

И въ день суда, въ открытой книгѣ дѣлъ
Прочтете вѣроломству наказанье.
 немуръ. Богъ видитъ сердце — и меня пойметъ.
 Я за другаго говорю, и тотъ
 Веѣ оскорбленья чести забываетъ,
 И прошлое клянется позабыть.
 людовикъ. Графъ де-Ретель, себя не поминая,
 Присягу могъ бы произнести, но я
 Ее внимаю — и клянуся Карлу
 Бургонскому, въ присутствіи его,
 Хранить согласіе, предъ вѣчнымъ Богомъ.
 Ему клянуся я и передъ нимъ!

СЦЕНА XI.

ТЪ-ЖЕ, ДОФИНЪ, ДЮУА, ТОРСИ.

дофинъ (*бросаясь къ королю*). Отецъ мой!
 людовикъ. Безъ приказы!
 дофинъ. О простите.
 Но вѣсть такая... герцогъ Карлъ,
 Вашъ врагъ.
 людовикъ. Мой врагъ? Чтѣ слышу я, — кто онъ —
 Союзникъ мой и братъ?
 дофинъ. Самъ Богъ за васъ отмстилъ:
 Онъ побѣжденъ.
 людовикъ. Возможно-ль?
 дофинъ. Близъ Нанси.
 немуръ. Карлъ!
 людовикъ. Точно-ли?
 дофинъ. Торси де-Любъ
 И Дюуа мнѣ новость сообщили:
 Одинъ изъ генераловъ измѣнилъ
 Ему.
 людовикъ. Бездѣльникъ.
 немуръ. Это ложный слухъ,
 Который уничтожитъ новая побѣда
 Героя Карла.

- ДОФИНЪ. Нѣтъ его.
- ЛЮДОВИКЪ. Ужели?
- ДОФИНЪ (*передавая письмо*). Читайте, государь.
- НЕМУРЪ. Какъ? побѣжденъ, убитъ!
- То ложный слухъ, съ опасностію жизни
Я утверждаю: это ложный слухъ.
- ЛЮДОВИКЪ. Нѣтъ, это правда, герцога де-Немуръ.
- ДОФИНЪ. Немуръ?
- НЕМУРЪ. Я узнаю.
- ЛЮДОВИКЪ. Правда, вѣроломный,
Какъ правда то, что ты предъ вѣчнымъ Богомъ
Во лжи виновенъ, а предъ королемъ
Въ измѣнѣ. Небо правосудно. Взять его!
- НЕМУРЪ (*вынимая мечъ*). Посмотримъ какъ! Ко мнѣ, Бургонья.
- ЛЮДОВИКЪ. Франція, ко мнѣ!
- ФРАНЦИСКЪ ДЕ-ПОЛЬ (*схватывая крестъ и становясь между ними*).
Остановитесь... именемъ Господнимъ!
- НЕМУРЪ (*склоня мечъ*). Виновенъ я, — и за меня погибло-бъ
Безъ пользы много храбрыхъ (*Къ свитѣ*).
Господа!
- Назадъ, — и если Карлъ еще живеть,
То въ имени его моя защита;
Когда же нѣтъ, умру безъ жалобъ я...
(*Бросая мечъ къ ногамъ короля*).
Чтобы придти къ тебѣ, притворствовать, какъ ты,
Я долженъ былъ... Пусть ждетъ меня гибель:
Предстать предъ Бога я всегда готовъ.
Брось палачамъ отца еще одну добычу!
Но жаль, что нѣтъ — ни брата у меня,
Ни сына, чтобы могъ ты ихъ чело
Моею кровью окропить.
- ЛЮДОВИКЪ. (*Тристану*). Великій префектъ!
Сегодня судъ и завтра остальное.
(*Немура уводятъ; за нимъ слѣдуютъ Бургонскіе рыцари*).

СЦЕНА XII.

ТЪ-ЖЕ, *кромя* немурѣ и тристана.

Францискъ де-поль. О государь, о кротости молю я.
 Людовикъ. Зачѣмъ онъ одного меня не оскорбилъ!

Простилъ-бы все я, но какъ старшій сынъ,
 Опора церкви — святотатца долженъ
 Я наказать: — за васъ я отомщу,
 Иль я не христіаннѣйшій король.

Францискъ де-поль. Позволь мнѣ утѣшать его.

Людовикъ (*съ живостію*). Чѣмъ больше

Виновенъ онъ, тѣмъ болѣе должны
 Вы о душѣ заботиться его.

Францискъ де-поль. Подумайте о вашей, сынъ мой.

СЦЕНА XIII.

ТЪ-ЖЕ, *кромя* Франциска де-поля.

Людовикъ (*съ восторгомъ, но тихо*). Можуга и Сень-Дени! Побѣда,
 Дюнуа!

Въ Пероннъ скорѣй, взявъ рыцарей съ собой;
 Въ Бургонію Торси... Ты, Бодрикуръ,
 На мѣсяцъ въ Артуа, — ты, Даммартенъ,
 Во Фландрію: мятежникамъ война,
 А вѣрнымъ золото и милость. (*Кардиналу д'Альби*)
 А ночью, кардиналъ, двумя дѣлами
 Займетесь вы: письмомъ къ легату,
 И въ немъ экю шесть тысячъ, — и другимъ
 Къ Святѣйшему Отцу — и двадцать тысячъ.
 (*Рыцарямъ*)

А вы наследство примете мое,
 Пока еще сберется онъ отдать.

Что взято — крѣпко. Всѣмъ добыча намъ!
Вы, рыцари, получите владѣнье.

(Громко, оборачиваясь къ собранію).

Какъ храбрый умеръ благородный герцогъ!
Согласье наше было только случай;
Онъ зла хотѣлъ, трехъ ночей въ Пероннѣ
Мнѣ никогда не позабыть.... — Но пусть,
Но пусть вражда умретъ въ его могилѣ.
Онъ мой кузнецъ: надѣнетъ троуръ дворъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Спальня короля; по бокамъ двѣ двери; налой и на немъ крестъ; рѣшотчатое окно; въ-глубинѣ постель, закрытая занавѣсами. Въ комнатѣ огонь.

СЦЕНА I.

НЕМУРЪ, КУАТЬЕ.

КУАТЬЕ. Войдите, старый другъ вашъ вытерпѣть не могъ,
Чтобы питомца не прижать къ груди.

НЕМУРЪ. О, Куатье!

КУАТЬЕ. Одинъ остался онъ
Изъ трехъ, дитя души моей; его
Носилъ я на рукахъ; его черты
Напоминаютъ образъ друга.

НЕМУРЪ.

Да!
Я на него и участію похожъ.

КУАТЬЕ. Клянусь, ты будешь жить... — Прости порывъ....

Я, монсенъюръ, привычки сохранилъ
Стариннаго слуги.

НЕМУРЪ (*пожимая его руку*). Достояннѣй другъ!

КУАТЬЕ. Надежды не теряйте.

НЕМУРЪ (*оглядывая комнаты*). Вновь тюрьма!

Замки, рѣшотки.

КУАТЬЕ. Спальня короля.

НЕМУРЪ. Какъ, эта башня мрачная?

КУАТЬЕ. Взгляните

На этотъ крестъ, молитвенникъ и чотки,

Которыя цѣлуетъ съ жаромъ онъ;

(*Показывая кинжалъ*).

Оружіе, котораго не смѣетъ

Онъ тронуть, занавѣсъ, за коимъ страхъ

Его не оставляетъ: тщетно онъ

За складки прячется; его терзаетъ

Раскаянье, и страшная рука

Приподнимаетъ ихъ, и налегаетъ

Ему на сердце; о! постеля эта,

Немуръ, — палачь за смерть несчастныхъ.

Онъ васъ увидѣтъ.

НЕМУРЪ. Какъ?

КУАТЬЕ. Не позже часу.

Сюда придетъ онъ.

НЕМУРЪ. Какъ, одинъ?

КУАТЬЕ. Едва-ли!

Ручаюсь головой, что за собою

Шотландской стражи свору приведетъ.

Но впрочемъ, могъ-бы онъ не хлопотать объ этомъ:

Оружья не оставитъ вамъ Тристанъ.

Какъ глазомъ онъ слѣдилъ движенья ваши,

Рукою опытной касаяся одеждъ....

Какъ онъ читалъ приказъ и подиесь короля,

Тюремный стражъ, въ душѣ и по сердцу палачь.

НЕМУРЪ. Злодѣй!

КУАТЬЕ. Какъ гнѣвно онъ смотрѣлъ, когда съ собою

Я вывелъ плѣнника; онъ зарывалъ

Отъ ярости, какъ песь, у коего добычу

Изъ пасти вырвали.

- НЕМУРЪ. Меня онъ хочетъ видѣть?
 И здѣсь?
- КУАТЬЕ. Здѣсь мѣсто тайныхъ разговоровъ;
 Притомъ, въ тюрьму-бы къ вамъ онъ не пошелъ.
 Страдаетъ онъ ужасной лихорадкой:
 Тамъ холодно, и сыро, и темно.
- НЕМУРЪ. Чего онъ хочетъ?
- КУАТЬЕ. Приготовить васъ
 Меня онъ выбралъ.
- НЕМУРЪ. Кто предатель мой?
- КУАТЬЕ. Не знаю, но Комминъ невинней, и немилость
 Ему почетна, бурю вынесъ онъ
 Отъ господина.
- НЕМУРЪ. Местъ на немъ излилъ онъ?
- КУАТЬЕ. Да, на словахъ — но миръ весьма нетруденъ:
 Тому, кто нуженъ, мы легко простимъ.
 Такъ будьте нужны.
- НЕМУРЪ. Я?
- КУАТЬЕ. Онъ будетъ кротокъ,
 На судъ и на прощеніе скоръ равно.
- НЕМУРЪ. Онъ?
- КУАТЬЕ. Да, я его ужъ знаю хорошо.
 Не многіе вѣдъ злы для наслажденья:
 Одинъ Тристанъ; лишь выгоды злодѣевъ,
 А не влеченье сердца создаютъ.
 Узнавъ о васъ, къ нему пошелъ я тотчасъ.
 Сначала онъ и слышать не хотѣлъ,
 Но я болѣзнью пользуюсь: — иначе,
 Когда-бъ онъ былъ здоровъ, погибли вы.
 Съ его я гнѣвомъ ладить ужъ привыкъ.
 Немуръ, коснулся я больнаго мѣста.
 Бургоня — мечта его; желанье
 Въ полуживомъ не терпитъ отлагательства.
 И я сказалъ, что въ силахъ вы ему помочь.
- НЕМУРЪ. Вы, Куатье!
- КУАТЬЕ. Привыкъ я много думать:
 Народъ вамъ вѣритъ, — власти уважаютъ,
 Солдаты любятъ васъ, — въ рукахъ друзей
 Всѣ крѣпости; и вѣсомъ, и значенемъ,
 И золотомъ нетрудно будетъ вамъ,
 Уговорить все земское обраще,

- Или ключи отъ крѣпостей принять.
 Работайте; конечно, дурно это,
 Я знаю самъ, но средство-то одно
 Въ опасности; вы живы, если такъ, —
 Иначе гибель; выборъ въ вашей волѣ.
- НЕМУРЬ. Я — покровителя наследницу ограблю,
 И для кого-жъ? Для палача своихъ.
- КУАТЬЕ. Немуръ, о, господинъ мой благородный,
 Изъ состраданія рѣшись, молю тебя...
 Пусть на меня падетъ все преступленье,
 Какъ нѣкогда та доля въ чашѣ горькой,
 Которую отвергъ ты, умирая:
 Тогда ты пить ее дерзнулъ за мной,
 И жизнь обрѣлъ въ той чашѣ, о, Немуръ,
 Я спасъ тебя; — еще спасти я долженъ:
 О жизни я твоей тебя молю,
 Слуга твой старый, я, который прежде,
 Склоняясь къ тебѣ на изголовье, сыномъ,
 Любимымъ сыномъ звалъ... Да, сынъ мой, да,
 У ногъ твоихъ, тебя я умоляю,
 И жизни жду у ногъ твоихъ.
- НЕМУРЬ. Нѣтъ, нѣтъ...
 Скорѣе смерть!
- КУАТЬЕ. Ты хочешь?
- НЕМУРЬ. Долженъ.
- КУАТЬЕ (*отворяя дверь своей комнаты*). Видишь
 Мою тюрьму? все золото тирана
 Меня къ нему могло-ль-бы приковать,
 Когда-бы мнѣ онъ не далъ права,
 По волѣ изъ нея, какъ самъ онъ, выходить.
 Возьми, возьми сей ключъ; когда впервые
 Онъ былъ мнѣ данъ съ свободою, не такъ
 Тогда я радъ былъ за свою свободу,
 Какъ за твою я радъ теперь.
- НЕМУРЬ. Но вы
 Въ опасности.
- КУАТЬЕ. Онъ боленъ.
- НЕМУРЬ. Гнѣвъ его...
- КУАТЬЕ. Онъ боленъ, — не страшись, возьми, вотъ факель,
 И вотъ кинжалъ: иди, подземный ходъ,

И дверь потомъ, и небо и свобода...

Свобода, сынъ мой!

НЕМУРЪ (*схватывая кинжалъ*). Да — кинжалъ.... его

Я принимаю....

КУАТЬЕ (*простирая ему объятья*). О, Немуръ, тебя

Отецъ мнѣ поручилъ — бѣги скорѣй...

Иду замедлить короля приходъ.

СЦЕНА II.

НЕМУРЪ (*возвращаясь, и затворивъ комнату Куатье*). Нѣтъ, не

свобода, Куатье, но мщенье.

(*Поднимая кинжалъ*).

Въ моихъ рукахъ онъ!... Не видалъ никто

Меня еще; одинъ лишь Куатье —

И тотъ меня считаетъ ужъ далеко.

Но здѣсь я, здѣсь съ неумолимымъ Богомъ,

О мщеніи взывающимъ во мнѣ!

Къ моимъ ногамъ упасть онъ долженъ, умереть.

(*Идя къ постели*).

Отца я вижу.... Да! его и братьевъ....

Они на сей покровъ указываютъ мнѣ.

О, пусть-же мстителя за нимъ онъ не увидитъ!..

Я буду ждать, пока не будетъ онъ

Одинъ, пока на ложѣ королевскомъ

Не совершится мщенья торжество.

(*Слушаетъ у двери*).

Неслышно шума... Сердце бьется; радость

Ужасная его мнѣ наполняетъ,

То радость палача надъ трупомъ жертвы, —

Она мнѣ давитъ грудь.... Убийцей страшно быть!..

(*Падаетъ въ кресло, и потомъ поднимается*

другъ).

Но развѣ не былъ онъ убійцей? Казнь за казнь!

Въ твоихъ мученьяхъ, мой отецъ, нашель

Жестокую отраду, — кровь твоя

Меня покрыла, — на чело мое,

Она течетъ и страшно ледѣнѣтъ!..

Пусть полуживъ онъ, я его убью....
 И сонъ его бѣгущій посѣтитъ
 Его впервые — подь ударомъ смерти,
 Чтобъ онъ потомъ проснулся передь Вѣчнымъ....
 Идутъ.... (Скрывается за занавѣсами).

СЦЕНА III.

ЛЮДОВИКЪ, КУАТЬЕ, КОММИНЪ, МАРІЯ, ТРИСТАНЪ, ШОТ-
 ЛАНДЦЫ, КОРОЛЕВСКАЯ СВИТА.

КУАТЬЕ. За-чѣмъ ходите вамъ, государь?

Полезенъ воздухъ вамъ.

ЛЮДОВИКЪ. Какъ ночь мрачна,

Какъ сыро, — я дрожу.

(Тихо Куатье, показывая на свою комнату).

Онъ здѣсь, Немуръ?

КУАТЬЕ. Гдѣ больно вамъ?

ЛЮДОВИКЪ. Вездѣ.

КУАТЬЕ.

Давно-ль?

ЛЮДОВИКЪ.

Всегда.

Покоя нѣтъ; мнѣ холодно, или душно,

Какая мука — и ничто ее не облегчаетъ. (Тихо).

Ну, что Немуръ.

КУАТЬЕ (ведя его къ камину). Согрѣйтесь здѣсь скорѣе.

ЛЮДОВИКЪ (съ радостью). Тепло.

МАРІЯ.

Садитесь здѣсь.

ЛЮДОВИКЪ (гряясь).

Ахъ, это лучше солнца:

Огонь есть жизнь.

МАРІЯ.

Въ монастырѣ за васъ

Молитесь будутъ и наложутъ постъ,

Чтобъ облегчилъ Господь страданья ваши,

И чтобы вѣтръ къ заутренѣ затихъ.

ЛЮДОВИКЪ (смотря на нее). Ты радуешь мой взоръ, какъ жизни

цвѣтъ...

Какъ юность хороша!.. Засмѣйся..

КОММИНЪ (тихо дочери).

Ну, смѣйте

Засмѣйся, дочь моя.

- МАРІА (*плача*). Хотѣла-бъ. Хотѣла-бъ. Хотѣла-бъ.
- ЛЮДОВИКЪ. Слезы!
Я боленъ самъ, уйди, или успокойся.
Я все поправлю...
- МАРІА. Можно-ль?
- ЛЮДОВИКЪ. Да, дитя,
Когда Немуръ....
- КУАТЬЕ (*королю*). Смотрите, какъ огонь сверкаетъ.
- ЛЮДОВИКЪ. До мозга онъ костей мнѣ проникаетъ;
Едва выносятъ пальцы жаръ, — а все
Пріятно мнѣ, — онъ жжется, а дрожу я.
- КУАТЬЕ. Такъ вы хоть разъ послушайтесь совѣтовъ.
(*приближаясь къ постели*).
Ложитесь.
- ЛЮДОВИКЪ. Нѣтъ, хочу я видѣть, Куатье,
Сегодня вечеромъ святаго чловѣка...
Немура, главное его. (*Тристану*).
Ступай за нимъ.
- ТРИСТАНЪ. Ужъ онъ не у меня.
- ЛЮДОВИКЪ (*Куатье*). Онъ у тебя, подъ стражей.
- ТРИСТАНЪ. Къ отчаянню большому моему...
Хотѣлось мнѣ начатое кончать.
- МАРІА (*отцу*). О Господи!
- КОММИНЪ (*тихо*). Молчи.
- ЛЮДОВИКЪ. Ты долженъ былъ его
Вести сюда.
КУАТЬЕ. И этого не сдѣлалъ,
За тѣмъ, что подкупить его не могъ.
- ЛЮДОВИКЪ. А я-бы могъ...
- КУАТЬЕ. Нѣтъ.
- ЛЮДОВИКЪ. Нѣтъ!
- КУАТЬЕ. Онъ нагрубилъ-бы вамъ,
И вы-бъ его казнили.
- ЛЮДОВИКЪ. Ну....
- КУАТЬЕ. Его я спасъ.
- МАРІА. Спасъ!
- ЛЮДОВИКЪ (*Куатье*). Ты?
- КУАТЬЕ. Ужъ онъ теперь далеко...
Въ тотъ мигъ, какъ рыцари ограду перешли,
Его въ рядахъ ихъ видѣлъ я, и мостъ
За ними по порядку опустили.

ЛЮДОВИКЪ. Несчастнѣй — и меня ты смѣешь оскорблять? (Тристану).

Ты меня обманываешь также!

Вы всё предатели. Куда бѣжалъ онъ?

Искать его — бѣги — ты отвѣчаешь головой.

Бѣги, Тристанъ!

ТРИСТАНЪ. Безъ признаковъ и ночью!

ЛЮДОВИКЪ. Чтѣ нужды? Мертваго сюда или живаго!

МАРІА. Изъ жалости ко мнѣ, сказавшей тайну.

О, умоляю — Богъ накажетъ васъ.

Простите, Богъ васъ слышитъ; въ часъ послѣдній

Приметъ Онъ зато молитвы ваши.

Простите!

ЛЮДОВИКЪ (Комминю). Увести ее!

КОММИНІА (улекая Марію). Пойдемъ,

О дочь моя...

ЛЮДОВИКЪ (Куатъе). А ты, измѣнникъ, завтра...

КУАТЪЕ. Нѣтъ лучше нынче, но потомъ ищите

Другаго, кто-бъ болѣзнь вамъ исцѣлилъ....

— Не дамъ вамъ жить я даже и недѣли.

ЛЮДОВИКЪ. Такъ я умру... но я хочу, вѣлю я.

Я... (Свипъ).

Выдите (Куатъе).

Оставьте (бросаясь на стулъ).

Я несчастенъ!

(Всѣ, кромѣ Куатъе, выходятъ.)

СЦЕНА IV.

ЛЮДОВИКЪ, КУАТЪЕ.

ЛЮДОВИКЪ. Не думай избѣгать судьбы тебѣ готовой..

Мою болѣзнь ты увеличишь, — этимъ

Всего достигнуть думалъ ты? — ошибся!

Я раздавлю тебя.

КУАТЪЕ (холодно). Сказали вы, — зачѣмъ-же

Не дѣласте?

ЛЮДОВИКЪ. Сдѣлаю, постой!

Ты ложнымъ знаньемъ можешь лишь народъ,
Обманывать... Надъ нимъ смѣюсь я... Что
Мнѣ помогли... Безъ нихъ я обойдусь,
И жить не меньше буду: я хочу, —
Довольно воли, чтобы жить; я знаю,
Я чувствую.

КУАТЬЕ. Такъ что-же, попытайтесь.

ЛЮДОВИКЪ. О, да, предатель, да — святаго жду я;
Онъ можетъ словомъ юность возвратить
И воскресить погаснувшія силы, —
Дыханіемъ болѣзни изцѣлить

КУАТЬЕ. Но поскорѣе.

ЛЮДОВИКЪ. А ты, безъ воздуха и свѣта,
Въ цѣняхъ, во тьмѣ темницы будешь видѣть,
Какъ стану я смѣяться надъ тобой.

КУАТЬЕ. Согласенъ.

ЛЮДОВИКЪ. Ты увидишь.

КУАТЬЕ. Безъ сомнѣнья.

ЛЮДОВИКЪ (*съ тронутымъ видомъ*). О ложный другъ — тебя-ль
я не любилъ,

Не благодарный!

КУАТЬЕ. Чтобъ не быть такимъ

Немура спасъ я.

ЛЮДОВИКЪ. Государя твоего

Врага....

КУАТЬЕ. Но благороднаго; рука

Его — сражается, не убиваетъ.

Я былъ отцу обязанъ и считалъ-бы

Себя безсестнымъ, если-бъ то забылъ.

ЛЮДОВИКЪ. Ты о монахъ забылъ благодарѣнностяхъ, —

Ты короля безстыдно обманулъ!

Какой цѣной тебѣ я не платилъ? — чего

Тебѣ хотѣлось? Золота — тебя

Я имъ обременилъ. Немуръ-же что

Тебѣ такое сдѣлалъ?

КУАТЬЕ. Онъ меня любилъ.

А ваши гдѣ права на благодарность?

Какъ съ властью власть, я съ вами говорю, —

И не должно хотъ разъ быть тайны между нами.

Даете вы изъ страха, я беру изъ выгоды.

Всею жизнь свою губя, чтобъ вашу продолжить
 Я половину жизни отдаю,
 Чтобы другою лучше наслаждаться,
 Я продаю, вы платите: — контрактъ!
 Гдѣ сердца нѣтъ, тамъ быть не можетъ также
 И благодарности; вы думаете, все
 Купить возможно золотомъ.... но платятъ
 Придворнымъ, да рабамъ, — друзей-же, государь,
 Не покупаютъ, — любятъ; часто взглядомъ,
 Однимъ имъ вѣжнымъ платятъ словомъ, часто
 Отъ сердца сказаннымъ. Не продается другъ,
 Но безъ раздѣла всю свою любовь
 Онъ отдаетъ, и если, вѣроломный,
 Оставитъ онъ, ему сказать мы право
 Имѣемъ: предаль ты, неблагодарный!
 ЛЮДОВИКЪ (*ласкающимъ тономъ*). Мой добрый Куатье, вѣдь я
 тебя люблю.

КУАТЬЕ. Да, для себя.

ЛЮДОВИКЪ.

О нѣтъ! я точно боленъ

Но Божій человекъ меня спасетъ;

По дружбѣ я тебѣ протягиваю руку

И нашъ союзъ есть дружества союзъ.

СЦЕНА V.

ТѢЖЕ, ОЛИВЬЕ, ПОТОМЪ ФРАНЦИСКЪ ДЕ-ПОЛЬ.

ОЛИВЬЕ. Францискъ де-Поль ждетъ входа, государь.

ЛЮДОВИКЪ. Войдите... Вотъ, отецъ мой,

(показывая на Куатье)

оскорбилъ

Онъ короля, но я ему простилъ.

(Провожая Куатье до его комнаты).

Спокойно спи — подъ сѣнью нашей дружбы.

(Затворивъ затѣль дверь).

О! если ты когда да бесполезенъ будешь!

(Дѣлаетъ Оливье знакъ выйти).

СЦЕНА VI.

ЛЮДОВИКЪ, ФРАНЦИСКЪ ДЕ-ПОЛЬ.

ЛЮДОВИКЪ. Вотъ мы одни.

ФРАНЦИСКЪ ДЕ-ПОЛЬ. Чего хотите вы?

ЛЮДОВИКЪ (на кольяхъ). У вашихъ ногъ дрожу отъ радости и страха.

ФРАНЦИСКЪ ДЕ-ПОЛЬ. Возстаньте, сынъ мой!

ЛЮДОВИКЪ. Ждать я буду чуда

Отъ вашихъ рукъ, и преклоня чело

И павши въ прахъ, я буду лобызатъ

То мѣсто, гдѣ стояли ваши ноги.

ФРАНЦИСКЪ. Предъ тварію вы Бога не скверните,

Во образъ священномъ короля.

Бозстаньте, государь.

ЛЮДОВИКЪ (вставши). Такого чуда, жду я

Что недостаточно смиренье никакое.

ФРАНЦИСКЪ. Что въ силахъ я?

ЛЮДОВИКЪ.

Все мой отецъ, да, все!

Дыханьемъ укрѣнить мое больное тѣло,

ФРАНЦИСКЪ ДЕ-ПОЛЬ. Я?

ЛЮДОВИКЪ.

Мертвымъ вы велите выдти изъ гробовъ, —

Они выходятъ.

ФРАНЦИСКЪ.

Я?

ЛЮДОВИКЪ.

Болѣзни изгонять

Вы можете.

ФРАНЦИСКЪ.

Я, сынъ мой?

ЛЮДОВИКЪ.

Небеса

При вашемъ словѣ проясняютъ ликъ,

Стихаетъ вѣтръ, иль дуетъ съ страшной силой,

И громъ безсиленъ. Вы, который можетъ

Росъ велѣть на землю не сходить,

Иль свѣжестію ея цвѣты наполнить, —

О, возвратите жизнь больному тѣлу,

Смотрите, полумертвъ я — оживите-жъ,

Подайте руку помощи, коснитесь

Меня рукой и исцѣлюся я.

- Францискъ. Чего вы просите, мой сынъ? Меня
 Вы изумляете: — ужель я съ Богомъ равенъ?
 Но въ первый разъ, повѣрьте мнѣ, я слышу
 Отъ васъ однихъ о чудесахъ моихъ.
- Людовикъ. Хоть десять лѣтъ, хоть десять только лѣтъ
 Вы дайте мнѣ, отецъ мой, — и полюбюся
 На васъ дары и почести: взгляните,
 Я всѣхъ святыхъ пошу здѣсь образа.
 Когда даны мнѣ будутъ... эти двадцать лѣтъ,
 Римъ съ ними царвиѣ, и васъ поставитъ...
 Чтò говорю я? выше ихъ. А я
 Построю храмы вамъ, — но двадцать лѣтъ.
 Ахъ, это слишкомъ мало, — нѣтъ вполне,
 Свершите чудо... жизнь, жизнь, жизнь!
- Францискъ. Господь чудесъ не повѣряетъ смертнымъ.
 Какъ! вы одни хотѣли-бъ вѣчно жить?
 Господь не дозволяетъ: слабое его
 Твореніе перемѣнить не можетъ
 Для васъ порядка вѣчнаго природы.
 Все, чтò родилось — умереть должно.
 И человекъ, и дерева, и твари, —
 Все временно — таковъ законъ созданья, —
 И смерть единая рождаетъ вѣчность.
- Людовикъ. Я потерялъ терпѣніе. Пустынникъ,
 Исполни долгъ и власть употреблѣн,
 Или я готовъ прибѣгнуть къ принужденью!
 Король я: на челѣ помазанье ношу.
 Прости — но королямъ ужель ты не обязанъ
 Повиноваться?
- Францискъ. Помощи просите
 У Бога для души, а не для тѣла.
- Людовикъ (съ живостью). Потомъ, потомъ...
- Францискъ. Ужели таково
 Раскаянье?
- Людовикъ. Но я имѣю отпущенье.
- Францискъ. Надежда тщетная — надъ вами налегли
 Года жестокихъ дѣлъ... Раскайтесь предъ Богомъ.
- Людовикъ. И исцѣлюсь я?
- Францискъ. Можетъ быть.
- Людовикъ. Я все
 Вамъ расскажу.

- ФРАНЦИСКЪ. Мнѣ?
 ЛЮДВИКЪ. Я хочу: внимайте.
 ФРАНЦИСКЪ (*садится; король остается стоя, соединивъ руки*).
 Вы грѣшникъ, призывающей меня
 Къ святому дѣлу; говорите.
 ЛЮДВИКЪ. Не могу....
 И между-тѣмъ молчать не смѣю также.
 ФРАНЦИСКЪ. Раскайтесь же.
 ЛЮДВИКЪ. Король покойный умеръ
 Отъ страха возмущенія Дофина.
 ФРАНЦИСКЪ. Сынъ дни отца, о Боже, сократилъ!
 ЛЮДВИКЪ. Дофинъ былъ я.
 ФРАНЦИСКЪ. Вы?
 ЛЮДВИКЪ. Слабость короля
 Губила все: любимцы управляли
 И гнула Франція.
 ФРАНЦИСКЪ. Не извиняйте.
 Своихъ грѣховъ, смиренно кайтесь въ нихъ.
 ЛЮДВИКЪ. Былъ братъ мой....
 ФРАНЦИСКЪ. Ну.
 ЛЮДВИКЪ. Который.... былъ отравленъ.
 ФРАНЦИСКЪ. Велѣли вы?
 ЛЮДВИКЪ. Подозрѣвали всѣ.
 ФРАНЦИСКЪ. Владыко!
 ЛЮДВИКЪ. О, когда-бъ въ рукахъ я ихъ держалъ!
 ФРАНЦИСКЪ. Но правда-ль то?
 ЛЮДВИКЪ. Одна лишь тѣнь его
 Въ томъ обвинить меня безъ наказанья.
 ФРАНЦИСКЪ. Такъ это правда?
 ЛЮДВИКЪ. Казнь онъ заслужилъ.
 ФРАНЦИСКЪ. И хочешь ты спастись отъ угрызений?
 О, трепещи.... Теперь я твой судья, —
 Склони чело подъ игомъ преступленья!
 Не короля я вижу предъ собою,
 Преступника единого я вижу.
 Братоубійца, на колѣна!
 ЛЮДВИКЪ (*падая на колѣна*). Страшно!
 ФРАНЦИСКЪ. Раскайся....
 ЛЮДВИКЪ. Я виновенъ, пощадите...
 Я на колѣняхъ умоляю васъ.
 ФРАНЦИСКЪ. Не все еще.

- ЛЮДОВИКЪ. Немуръ.... Онъ былъ злодѣй,
Но смерть его.... Доказана измѣна....
Но на дѣтей лилася кровь его, — (Вставая).
То было справедливо.
- ФРАНЦИСКЪ. О жестокой!
- ЛЮДОВИКЪ. Жестокая.... но справедливая.... Нѣтъ, нѣтъ, согласенъ,
Я преступлений много совершилъ,
И много жертвъ погиблю въ страшныхъ мукахъ.
- ФРАНЦИСКЪ. Но если есть возможность что-нибудь
Исправить, то скорѣй.
- ЛЮДОВИКЪ. Но какъ?
- ФРАНЦИСКЪ. Въ темницахъ
Забытыхъ много узниковъ.
- ЛЮДОВИКЪ. Нельзя.
- ФРАНЦИСКЪ (у ногъ). О, для души твоей!
- ЛЮДОВИКЪ. Съ потерю вѣнца.
Я, какъ король, не долженъ.
- ФРАНЦИСКЪ. Христианинъ,
Ты долженъ!
- ЛЮДОВИКЪ. Я раскаялся: довольно.
- ФРАНЦИСКЪ. Ничтожное раскаянье.
- ЛЮДОВИКЪ. Не все-ль
Я рассказалъ?
- ФРАНЦИСКЪ. Грѣхи смываютъ только
Желаньемъ ихъ не дѣлать.
- ЛЮДОВИКЪ. Но купить
Прощенье можно.
- ФРАНЦИСКЪ. Богъ не продаетъ прощенья!
- ЛЮДОВИКЪ (съ отчаяніемъ). О, если-бъ вы во глубь души моей
Сошли, отецъ мой, — слезы состраданья
Исторгъ-бы я... не муки только тѣла,
Какъ ни несносны — тяжки эти муки,
Другія муки! Только тамъ, гдѣ нѣтъ меня,
Мнѣ весело, — ищу я тщетно счастья.
Мятежный сынъ — я самъ боюсь сына...
Я друга не имѣю: ненавижу
Иль презираю каждаго; мнѣ ужасъ
Сжимаетъ сердце постоянно, вѣчно.
Нѣтъ мѣста мнѣ отъ угрызений, я
Живыхъ бѣгу, и съ мертвыми живу.
Но это дни... Еще страшнѣе ночи;

Тьма для меня страшнѣйша являетъ,
 И говоритъ безмолвіе со мною:
 И страшный гласъ Спасителя я слышу,
 Когда молюсь ему: «Иди, проклятый».
 Садится демонъ мнѣ на грудь во снѣ....
 Встаю безумный; рѣки крови
 Кругомъ моей постели, и рука
 Въ ней плаваетъ.

францискъ. Несчастный, правда-ль это?

людовикъ. Дрожите вы.... Вотъ бдѣніе мое,
 И вотъ мой сонъ, вотъ жизнь, — но умирая
 Я жизни жажду, жить хочу я, жить
 И эту чашу горькую боюсь я
 Ичерпать до конца.

францискъ. О испытай
 Прощеніемъ обидъ помочь твоимъ мученьямъ.
 Одно лишь дѣло доброе тебѣ
 Сонъ возвратить.

людовикъ. Нѣтъ, послѣ.

францискъ. Богъ не ждетъ.

людовикъ. Хоть завтра.

францискъ. Если смерть застанетъ завтра?

Нѣтъ, нѣтъ, сейчасъ.

людовикъ. Я защищенъ, я запертъ.

францискъ. Защиты нѣтъ, когда ты не любимъ.

За мной.

людовикъ. Подумать дайте мнѣ, отецъ мой!

францискъ. Прости-жь, убійца, — нѣтъ тебѣ прощенья!

людовикъ (сг ужасомъ). Я осужденъ!

францискъ. Все можетъ Богъ простить!

Могу-ль судить я, недостойный рабъ?

Но пользуйся-же срокомъ покаянья,

Молись и плачь, да сердцу твоему

Пошлетъ Онъ облегченіе и кротость.

Прощенье узникамъ, — когда хотѣлъ смягчить ты

Божественное правосудье, стоишь

Изъ ихъ темницъ до неба восходишь.

Пускай замолкнетъ онъ — и Богъ тебя услышитъ!

СЦЕНА VII.

ЛЮДОВИКЪ (одинъ).

Отецъ мой.... Онъ меня оставилъ! Вотъ
Ихъ кротость.... Уступить-ли? нѣтъ — то слабость!
(Францискъ де-Поль, остановившійся на-минуту,
уходитъ при этихъ словахъ).

О страшное сомнѣнье! Кто мнѣ руку
Простретъ, чтобы извлечь меня изъ бездны?
Молиться, плакать стану, если можно.
(Становится на колѣни).

Владычица Пречистая, помилуй....

Святая Дѣва, по неволѣ я жестокъ....

Принеси мои молитвы Богу...

Власть мнѣ данную Ему я долженъ

Принести ко трону нераздѣльно.

Правосудье — долгъ святой,

И Твоя да будетъ воля,

Боже правый, надо мной!

СЦЕНА VIII.

ЛЮДОВИКЪ, НЕМУРЪ.

НЕМУРЪ (открывая занавѣсы и оставаясь неподвижнымъ и съ
кинжаломъ въ рукѣ). Отецъ, тебѣ молитву далъ онъ
кончить!

(Слышны звуки гобоевъ, несущіеся съ крестьян-
скаго праздника).

ЛЮДОВИКЪ (вставая). Что слышу я? (Подходитъ къ окну).

Изъ нихъ бѣднѣйшій самый

Съ весельемъ возвращается домой....

Бѣднякъ счастливъ! тамъ ждетъ его покой —

Онъ будетъ спать, а я.

(Оборачивается и видитъ Немура).

Что вижу?

Немуръ.

Тише!

Людовикъ. Молчу.

Немуръ.

Ни крика.

Людовикъ.

Нѣтъ.

Немуръ.

Что? хорошо

Людовикъ. Ты защищенъ?

Тебѣ принадлежу я,

Чего ты хочешь?

Немуръ.

Мщенія.

Людовикъ.

Безъ гнѣва

Суди меня....

Не я судья твой.

Людовикъ.

Кто же?

Немуръ.

Мой отецъ.

Людовикъ. Ты.

Немуръ.

Мой отецъ.

Людовикъ.

Ты!

Немуръ.

Мой отецъ.

Людовикъ.

Увы!

Меня убьетъ онъ.

Немуръ.

Ты судилъ себя.

Людовикъ.

Не совершай-же приговора, будь,

Будь милосердъ.

Немуръ.

Я справедливъ.

Людовикъ.

Моленье

Мое внемли.

Немуръ.

Отца моленье вспомни, —

Его письмо.

Людовикъ.

Письма не знаю я.

Немуръ.

Ты отослалъ назадъ его.

Людовикъ.

Письмо?

Немуръ.

Которое писалъ онъ передъ смертью.

Людовикъ.

Вотъ, вотъ оно — смотри, читай....

Немуръ.

Помилуй!

Людовикъ.

Читай, читай, подь этимъ вотъ книжаломъ,

Немуръ.

Я не могу.

Немуръ.

Писалъ-же подь мечомъ онъ.

Читай, что онъ писалъ!

- ЛЮДОВИКЪ. Нѣтъ, не могу,
Кинжалъ слѣпитъ мнѣ очи.... нѣтъ, не могу.
- НЕМУРЪ. Такъ, слушай-же.
- ЛЮДОВИКЪ. Помилуй.
- НЕМУРЪ. Слушай, слушай. *(Читаетъ)*.
«Великій и верховный государь мой, столько, сколько
могу я, смиренно поручаю себя милосердію вашему»...
Что скажешь ты?
- ЛЮДОВИКЪ. Я былъ жестокъ, конечно,
Но каяться готовъ передъ тобой,
Передъ твоими, возвратить имѣнье,
Поправить все; раскаянье свое
Я докажу — повѣрь мнѣ, докажу.
- НЕМУРЪ. Внимай. *(Читаетъ)*.
«Я буду служить вамъ честно и вѣрно, и докажу мое
раскаяніе».
Что скажешь ты?
- ЛЮДОВИКЪ. Сыну моему
Отца оставь.
- НЕМУРЪ. Внимай.
«Помилуйте бѣдныхъ дѣтей моихъ! Не дайте мнѣ по
грѣхамъ моихъ умереть въ позорѣ, и думать, что они
пойдутъ по-миру. Ради Господа, государь, сжалятесь
надо мною и бѣдными дѣтьми моими».
Что сдѣлалъ ты?
- ЛЮДОВИКЪ. Я честно клянусь тебѣ отдать
Виновнаго Тристана головою.
- НЕМУРЪ *(читая)*.
«Писано въ тюрьмѣ Бастиліи, послѣдняго января».
Когда оттуда вышелъ онъ?
- ЛЮДОВИКЪ. Забудь!
- НЕМУРЪ. Могу-ль? Смотри ты самъ
- ЛЮДОВИКЪ *(потерянный)*. Гдѣ, гдѣ Немуръ?
- НЕМУРЪ *(указывая на письмо концомъ кинжала)*. Здѣсь.
- ЛЮДОВИКЪ *(читая)*. «Вашъ бѣдный Жакъ д'Арманьякъ».
- НЕМУРЪ. Имя друга дѣтства твоего!
И.... кровь его.
- ЛЮДОВИКЪ. Немуръ, ты плачешь?
- НЕМУРЪ. Мищенье
Расплатится за слезы.
- ЛЮДОВИКЪ. Боже, Боже!

Немуръ. Какая казнь достойна злодѣянья!

Людовикъ. Помилуй.

Немуръ,   Есть одна.

Людовикъ (*съ ужасомъ*).   То смерть.

Немуръ (*бросая кинжалъ*).   То жизнь.

Страдаешь ты — тебя освободить

Я не хочу, — влачи же жизнь такую,

И умирай, и долго умирай!..

(*Бросается въ дверь комнаты Куатье*).

СЦЕНА IX.

Людовикъ, потомъ Тристанъ, шотландцы, рыцари,
свита.

Людовикъ. Ко мнѣ! на помощь!.. Поскорѣй, Тристанъ.

Бѣгите... факеловъ! На жизнь мою

Онъ покусился, поднялъ кинжалъ.

Убить его.... онъ убѣжалъ, но здѣсь

Онъ скрылся. (*Показывая на комнату Куатье*).

Здѣсь убійца, здѣсь; вездѣ! (*Шотландцамъ*).

Ко мнѣ, ко мнѣ.... нѣтъ, всѣхъ боюсь я, всѣхъ.

Ищите за покрóвами; тамъ шопоть,

Тамъ голосъ имя прошепталъ мое.

И подъ постелью спрятался одинъ.

Какъ — вы его тамъ не нашли? Его

Я вижу — эта комната полна

Убійцами, я не могу остаться.

За мной, за мной, меня не оставляйте!

(*Бросается изъ комнаты, и всѣ за нимъ
слѣдуютъ*).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Зала въ замкѣ; въ-глубинѣ три двери. Съ одной стороны постель, и подлѣ нея столъ.

При поднятїи занавѣса, придворные шопотомъ говорятъ между-собою, какъ-бы ожидала важнаго происшествія: одни ходятъ, другіе сидятъ или стоятъ; большая часть окружаетъ плачущаго Дофина.

СЦЕНА I.

ДОФИНЪ, ГРАФЪ ДЕ-ЛЮДЪ, ТРИСТАНЪ, ГЕРЦОГЪ КРАОНЪ,
КРОУФОРДЪ, ПРИДВОРНЫЕ.

ГРАФЪ ДЕ-ЛЮДЪ (*герцогу Краону*). Сообщникъ, Куатье!

ГЕРЦОГЪ КРАОНЪ. Онъ самъ.

ГРАФЪ ДЕ-ЛЮДЪ. Возможно-ль?

ГЕРЦОГЪ КРАОНЪ. Да.

ГРАФЪ ДЕ-ЛЮДЪ (*Тристану, который прогуливается съ Кроуфордомъ*).

Господинъ Тристанъ!

ТРИСТАНЪ (*подходя*). Графъ.

ГРАФЪ ДЕ-ЛЮДЪ. Страшное злодѣйство!

Немуръ и Куатье!

ТРИСТАНЪ. Они умрутъ сегодня,

Какъ только повелитъ король, пришедши въ чувства:

Они въ оковахъ оба.

ГЕРЦОГЪ КРАОНЪ. Но король

Вѣдъ умираетъ.

ТРИСТАНЪ (*отходя*). Ложный слухъ, мессиръ!

ГЕРЦОГЪ КРАОНЪ. Онъ дерзокъ. Лучше королю.

ГРАФЪ ДЕ-ЛЮДЪ. Сюда

Созвали перовъ и парламентъ также,

Все это смертью пахнетъ; при концѣ
Мы царствованья стараго, и при началѣ
Другаго.

офицеръ. Встаньте, господа. Его
Величество святыя тайны принимаетъ.
дофинъ (*становится на колѣни*). Отецъ мой — нѣсколько ми-
нуть — и я

Его теряю.

одинъ придворный (*такъ, чтобы Дофинъ его слышалъ*). Прево-
сходный сынъ!
(*Всѣ встаютъ. Молчаніе*).

СЦЕНА II.

тѣ-же, комминъ съ двумя письмами въ рукахъ

комминъ. Пажа. (*Одному пажу*).

Для Орлеанскаго! скорѣе! (*Другому*).

Вы къ графу де-Божё, поторопитесь!

графъ де-людъ (*герцогу Краоню*). Вотъ два гонца съ опасными
вѣстями.

герцогъ краонъ. Графиня, думаю, не опоздаетъ.

графъ де-людъ. Едва-ли герцогъ регенство уступитъ.

придворный. Вы, господа, на сторонѣ какой?

графъ де-людъ. Я за него.

герцогъ краонъ. Я за нее.

комминъ (*думая*). А кто-жъ за государство?

одинъ придворный (*отдѣляясь отъ группы, около Дофина*).

Потихе — пощадите Монсенйора.

кромфордъ (*прохаживаясь съ Тристаномъ*). Какъ около Дофина
всѣ толпятся!

Знать пробилъ часъ...

тристанъ. Спаси его лишь Богъ —

Все разскажу.

графъ де-людъ (*подходя къ Дофину*). Печалитесь вы слишкомъ,

Мой принцъ; я отъ лица народа говорю.

комминъ. Несчастнаго Немура участію тронитесь.

дофинъ. Чтô я могу?

КОММИНЬ. Отъ вашего лица
 Позвольте слова два сказать.
 ДОФИНЬ. Согласенъ.
 КОММИНЬ (Тристану). Великій префектъ, — монсенъюръ жалѣеть
 Объ участи двухъ узниковъ и проситъ
 Не торопиться.
 ТРИСТАНЬ. За приказъ приѣмлю
 Желаніе его высочества.
 ГЕРЦОГЪ КРАОНЬ. Вотъ кардиналъ.

СЦЕНА Ш.

ТЕ-ЖЕ, КАРДИНАЛЪ Д'АЛЬБИ, (выходитъ изъ комнаты короля).

ДОФИНЬ (кардиналу). О говорите, что король?
 КАРДИНАЛЪ. Все худо, —
 Безъ чувствъ, безъ голоса и безъ движенія.
 Но все равно — глухая исповѣдь была.
 Что утѣшать должно въ такомъ великомъ
 Несчастьи, такъ это то, что небо
 Его дѣлами добрыми отверзто.
 Онъ былъ такъ щедръ: мы всё ему желать
 Должны душой кончины христіанской.
 ДОФИНЬ. Надежды нѣтъ: все кончено.
 ГРАФЪ ДЕ-ЛЮДЬ. Должны вы
 Готовымъ быть, на горе пережить
 Любимаго отца.
 КАРДИНАЛЪ. На горе царствовать.
 Мы вамъ поможемъ.
 ДОФИНЬ. Но, ужели хочеть Богъ,
 Чтобъ умеръ онъ — и не обнявъ меня?
 КОММИНЬ. Принцъ, я жалѣю васъ.
 ГРАФЪ ДЕ-ЛЮДЬ. Жестоко это —
 Но съ вами онъ всегда такъ дурно поступалъ.
 ДОФИНЬ. Нѣтъ, нѣтъ — что-бъ ни было, его я чту.
 КАРДИНАЛЪ. Но намъ судить объ этомъ: точно былъ онъ
 Ужъ слишкомъ строгъ.

КОММИНЬ. Съ опасностью своею
 Ему я часто это говорю.
 ДОФИНЪ. Комминь, совѣты ваши мнѣ необходимы
 КАРДИНАЛЬ (*герцогу Краону*). Умѣетъ онъ перемѣнять господь.

СЦЕНА IV.

ТЪ-ЖЕ, ОЛИВЬЕ.

ОЛИВЬЕ. Спасенъ онъ наконецъ — и дышетъ.
 ДОФИНЪ. Боже!
 ОЛИВЬЕ. Заботами онъ нашими спасенъ.
 ДОФИНЪ. Возможно-ли!
 ГРАФЪ ДЕ-ЛЮДЪ. О счастье!
 КАРДИНАЛЬ. Небеса
 Узрѣли наши слезы и моления вняли.
 ГЕРЦОГЪ КАРАОНЪ. Достойный Оливье!
 ОЛИВЬЕ. Да, господа,
 Очнулея онъ, поддерживаемъ мною,
 Онъ всталъ, прошелся нѣсколько шаговъ.
 Надежда есть, но онъ терзаемъ скукой,
 И хочетъ, чтобы силы испытать,
 Перемѣститься въ эту залу, на постель,
 Устроенную нашими руками.
 Принцъ, пусть идутъ, — онъ требуетъ, велить
 Остаться лишь Комминю и Тристану.
 ДОФИНЪ. Какъ, даже мнѣ?
 ОЛИВЬЕ. Заботами своими
 Его я возвращу вамъ, мойсеньйоръ.
 ДОФИНЪ. Моя къ вамъ безпредѣльна благородность.
 КОММИНЬ. Моя
 МНОГІЕ ПРИДВОРНЫЕ. И наша.
 КАРДИНАЛЬ. Франціи самой.
 ОФИЦЕРЪ ЗАМКА. Парламентъ здѣсь.
 ДОФИНЪ. Идемъ его принять.
 КАРДИНАЛЬ (*слѣдуя за Дофиномъ*). Дивитесь силѣ церкви, мойсеньйоръ.
 ДОФИНЪ. Давно уже такъ радъ я не былъ.

ГРАФЪ ДЕ-ЛЮДЬ (выходя съ Кроаномъ). Поставилъ онъ дворъ
цѣлый въ затрудненіе.

СЦЕНА V.

КОММИНЬ, ОЛИВЬЕ, ТРИСТАНЪ.

ОЛИВЬЕ. Одинъ мы.

КОММИНЬ. Ну.

ТРИСТАНЪ. Онъ будетъ живъ?

ОЛИВЬЕ. Передъ нимъ.

Я долженъ былъ сказать.

ТРИСТАНЪ. Такъ нѣтъ?

ОЛИВЬЕ. Опасно.

Коль снова съ нимъ припадокъ — умеръ онъ.
Онъ Куатъе все спрашивалъ.

ТРИСТАНЪ. А мнѣ

Три раза повторялъ, чтобъ взять его подъ стражу.
Комминь. Что о Немуръ?

ОЛИВЬЕ. Ничего.

КОММИНЬ. Скорѣе-бъ

Онъ умиралъ, не вспомнивши о немъ.

ОЛИВЬЕ. Но Куатъе онъ хотѣлъ...

ТРИСТАНЪ. Что-жъ вы отвѣчали?

ОЛИВЬЕ. Я притворился, будто не слышалъ.

Онъ переменчивъ, головою слабъ;

То вспомнить онъ, то снова позабудетъ.

Совѣтъ собрать онъ хотѣть, чтобы смерть

Наружностью старинной обмануть.

Въицеъ надѣлъ онъ и порфиру, хотъ они

Его теперь отягощаютъ только.

Подъ тяжестью ихъ неровными шагами

Влачится онъ, — идти одинъ онъ хотѣть, —

Онъ падаетъ и шепчетъ, закрывая

Глаза: «Давно я не былъ такъ здоровъ».

ТРИСТАНЪ. Подумать о себѣ пора.

ОЛИВЬЕ. Да вмѣстѣ.

- КОММИНЬ. Вы думайте — могу лишь васъ жалѣть,
 Что цѣлый дворъ судить васъ будетъ строго.
- ОЛИВЬЕ (Тристану). Да! д'Аржонтанъ вамъ правду говоритъ.
- ТРИСТАНЪ. Мнѣ, какъ и вамъ конечно.
- ОЛИВЬЕ. Вы всегда сгѣшили.
 За много крови вамъ придется отвѣчать.
- ТРИСТАНЪ. Надъ этимъ здѣсь работали другіе.
- ОЛИВЬЕ. Я ничего не исполнялъ.
- ТРИСТАНЪ. Совѣтовъ
 Я не давалъ.
- ОЛИВЬЕ. Я все законно дѣлалъ,
 Мнѣ кажется.
- ТРИСТАНЪ. Да точно-ль?
- ОЛИВЬЕ. Преступленій,
 По-крайней-мѣрѣ, я не знаю...
- ТРИСТАНЪ. Преступленій?
- КОММИНЬ. Эхъ, господа!
- ТРИСТАНЪ. Наушникъ!
- КОММИНЬ. Тихе, тихе.
- ОЛИВЬЕ. Палачъ!
- КОММИНЬ. Хоть изъ расчета подождите спорить.
- ТРИСТАНЪ. А впрочемъ, обвинять вѣдь должно короля.
 Онъ дѣлалъ все.
- КОММИНЬ. Тристанъ.
- ОЛИВЬЕ. Я тоже утверждаю.
- КОММИНЬ. Мессиръ.
- ТРИСТАНЪ. Къ чему-же это мнѣ скрывать?
- КОММИНЬ. Пока еще не умеръ онъ, упреки
 Оставьте, — вотъ онъ.
- ТРИСТАНЪ. Призракъ лишь его.
- ОЛИВЬЕ. О, возврати его, благое небо.

СЦЕНА VI.

ТЪ-ЖЕ, ЛЮДОВИКЪ, *поддерживаемый слугами.*

ЛЮДОВИКЪ. Кто эти люди?

ОЛИВЬЕ. Оливье вашъ.

- ЛЮДОВИКЪ. Ты, мой вѣрный!
 ОЛИВЬЕ. Вотъ Комминъ, Тристанъ.
 ЛЮДОВИКЪ. Я вижу
 И узнаю ихъ — думаетъ онъ, очи
 Мои ослабли — васъ я узнаю,
 Друзья мои (Упирается на спинку кресель)
 Оставьте — самъ держаться я могу.
 (Даетъ слугамъ знакъ выйти).
- ОЛИВЬЕ. О, успокойтесь.
 ЛЮДОВИКЪ (садясь). Развѣ слабъ я?
 ОЛИВЬЕ. Нѣтъ.
 ЛЮДОВИКЪ. Чтò дѣлалъ я, все дѣлать я могу.
 ОЛИВЬЕ. И даже болѣе.
 ЛЮДОВИКЪ. Я думаю.
 ОЛИВЬЕ. Но впрочемъ
 Не должно силы по-пусту терять.
 ЛЮДОВИКЪ. Я не теряю. (Взглянувъ на Тристана).
 Чтò ты неподвиженъ,
 И мрачно такъ мнѣ смотришь ты въ лицо?
 Перемѣнился развѣ я?
 ТРИСТАНЪ. Напротивъ,
 Вы лучше нынче.
 ЛЮДОВИКЪ. Да, нынче ты
 Обманешься, мой старыи кумъ.
 ТРИСТАНЪ. Конечно.
 ЛЮДОВИКЪ (постепенно засыпая). Мнѣ хорошо; просторнѣи здѣсь,
 свѣжѣе.
- ОЛИВЬЕ (тихо). Онъ дремлетъ.
 КОММИНЪ. Господа, клялись мы трое
 Ему сказать о приближенъ смерти.
 ТРИСТАНЪ. Зачѣмъ-же?
 КОММИНЪ. Воля слабая его
 Для насъ еще полезна можетъ быть.
 ОЛИВЬЕ. Оставить онъ друзьямъ на память что-нибудь.
 ТРИСТАНЪ. Да, надобно сказать объ истинѣ печальной.
 ЛЮДОВИКЪ (во снѣ). Тристанъ, храни меня.
 ТРИСТАНЪ. Покойны будьте.
 ОЛИВЬЕ. Но кто-же скажетъ, господа?
 ТРИСТАНЪ. Здѣсь нуженъ
 Искусный человекъ, любимый имъ,

- Который могъ-бы помягчить ударъ. (Оливье).
 Вы.
- ОЛИВЬЕ. Боже мой... готовъ я.
- КОММИНЬ. Говорите-жь!
- ОЛИВЬЕ. Но я его такъ искренно люблю,
 И самъ владѣть надъ горестью не въ-силахъ, —
 Здѣсь нуженъ твердый человекъ: чѣмъ больше
 Я думаю, тѣмъ кажется яснѣе, —
 Что это вамъ принадлежитъ, Комминь.
- КОММИНЬ. Пожалуй... но зачѣмъ-же длить его мученья?
 Скорѣй къ дѣлу — лучше вы, Тристанъ.
- ОЛИВЬЕ. Скажите, что положить Богъ на сердце.
- ТРИСТАНЪ. Но согласитесь, трудно вѣдь сказать.
- ЛЮДОВИКЪ. Зачѣмъ вы шепчетесь?
- ОЛИВЬЕ. О здравьи вашемъ
 Мы говорили, государь.
- ЛЮДОВИКЪ. Себя
 Вы поздравлять должны. Но что же нѣтъ
 Здѣсь Куатье, чтобы радость раздѣлить?
 За нимъ ступайте.
- ТРИСТАНЪ. Но вы знаете...
- ЛЮДОВИКЪ. Я знаю,
 Что медлитъ онъ.
- ТРИСТАНЪ. Но, государь.
- ЛЮДОВИКЪ. Идите.
 (Тристанъ выходитъ).

СЦЕНА VII.

ТЪ-ЖЕ, КРОМЪ ТРИСТАНА.

- ЛЮДОВИКЪ. Мнѣ нынче упражненіе полезно:
 Я жеребца попробовать хочу,
 Котораго Ричардъ изъ Англіи прислалъ.
 Великому конюшему скажите.
- ОЛИВЬЕ. Угодно вамъ?
- ЛЮДОВИКЪ. Я ѣду на охоту, —
 Скажите всѣмъ, что ѣду на охоту.

Оливье. Но надобно....
 Людовикъ. Иди.
 Оливье. У Куатье
 Спросить объ этомъ....
 Людовикъ. Ты еще не вышелъ.
 Оливье (Комминю). Онъ волей тотъ-же.

СЦЕНА VIII.

ЛЮДОВИКЪ, КОММИНЬ.

ЛЮДОВИКЪ (*пройдя нѣсколько шаговъ, садится на постель и беретъ бумагу, лежащую на столѣ*).

Боюсь я, не покажутся-ли просты
 Совѣты, кои я прибавлю къ «Цвѣтнику»,
 А нужные.

КОММИНЬ. Вы сами ихъ писали.

ЛЮДОВИКЪ. Читайте.

КОММИНЬ. «Когда короли не смотрятъ на законъ, то отнимаютъ у народа то, что должны ему оставлять, и не отдаютъ ему того, что должны отдавать».

ЛЮДОВИКЪ. Да, законъ да будетъ силенъ!

И если самъ я имъ пренебрегалъ,
 То съ цѣлю.... Я королевство спасъ,
 Теперь оно свободно и спокойно.
 Законъ, законъ!

КОММИНЬ. Послѣдуетъ вашъ сынъ

Совѣту этому.

ЛЮДОВИКЪ. Не торопитесь.

Пускай читаетъ онъ и каждый день.
 Политикой моею одно лишь было —
 Единовластно править.

КОММИНЬ. Высшій разумъ
 Важнѣй закона.

ЛЮДОВИКЪ (*Раскрывая мантию, которой онъ одѣтъ*).

Для чего великолѣнье?

Зачѣмъ вредить мнѣ такъ теперь старались?

Кто ихъ просилъ? Вѣнецъ мнѣ мой тяжолъ...

Его ко мнѣ поближе положите,
Поближе, на глаза.
КОМПИНЬ. Я думаю, никто
Его не тронетъ.
ЛЮДОВИКЪ. Смерть тому, кто тронетъ —
Всѣ знаютъ то.

СЦЕНА IX.

ТЪ-ЖЕ, КУАТЬЕ, ТРИСТАНЪ.

КУАТЬЕ. Онъ отъ меня узнаетъ, —
Ему скажу я самъ.
ЛЮДОВИКЪ. А! Куатье — откуда?
КУАТЬЕ. Откуда?... Слишкомъ много чести нужно,
Чтобъ тихо отвѣчать на этотъ злой вопросъ.
Откуда?
ЛЮДОВИКЪ. Говори.
КУАТЬЕ. Но эти руки
Истерзаны цѣпями, — говорятъ
Онѣ.
ЛЮДОВИКЪ. Тебя я не могу понять.
КУАТЬЕ. Откуда? изъ темницы.
ЛЮДОВИКЪ. Ты?
КУАТЬЕ. Вамъ новость?
ЛЮДОВИКЪ. Кто приказалъ?
КУАТЬЕ. Вы.
ЛЮДОВИКЪ. Я клянусь.
КУАТЬЕ. Вы сами....
ЛЮДОВИКЪ. Вы, Боже мой....
КУАТЬЕ. Когда, за что и гдѣ?
ЛЮДОВИКЪ. Меня считать участникомъ злодѣяства!
Когда-бы я къ измѣнѣ былъ способенъ,
Кто мнѣ мѣшалъ-бы васъ убить давно?
И безъ оружья и безъ признаковъ я могъ-бы,
Но за покровы къ вамъ сообщника вести...
ЛЮДОВИКЪ (вставая). Постой....
КУАТЬЕ. Его тамъ спрятать!

- ЛЮДОВИКЪ. Подожди!
Какой ужасный сонъ.... ночь.... человекъ.
КУАТЬЕ. Несчастный.
- КОММИНЪ. Куатье!
КУАТЬЕ. Который только вполонину
Преступникъ, и кинжалъ отбросилъ прочь.
- ЛЮДОВИКЪ. Кинжалъ.... Немуръ.... Нѣтъ, нѣтъ пощады!..
Немуръ!
- КОММИНЪ. О что вы сдѣлали? Забылъ онъ!
КУАТЬЕ. Что слышу я?
- ЛЮДОВИКЪ. Ахъ, ты какъ другъ
Со мною поступилъ, напомнивъ злодѣянье (*Тристану*).
Казненъ-ли онъ?
- ТРИСТАНЪ. Я ожидалъ....
- ЛЮДОВИКЪ. Измѣнникъ!
- ТРИСТАНЪ. Просилъ Дофинъ остановиться....
- ЛЮДОВИКЪ. Какъ?
Остановить приказъ мой?.. Извиненье
Безумное! Что сдѣлалось такое?
Мой сынъ.... ужель его бояться должно?
Когда онъ рано царства захотѣлъ,
То врядъ-ли будетъ царствовать.
- КУАТЬЕ. Оставьте
О мщеньи мысль и казняхъ, государь.
О Богъ вамъ теперь подумать должно.
Вашъ часъ пришелъ.
- ЛЮДОВИКЪ (*падая на постель*). Что говоришь ты?
КУАТЬЕ. Я
Вамъ говорю, что пробилъ часъ послѣдній
Для васъ....
- ЛЮДОВИКЪ. И для убійцы моего,
Что-бъ ни было со мной — то часъ его послѣдній.
Но ты мнѣ лжешь.
- КУАТЬЕ. Клянуса небомъ, нѣтъ, —
Сказалъ я правду: приготовьтесь встрѣтить
Минуту смерти.
- ЛЮДОВИКЪ (*Тристану*). Нужды нѣтъ — ступай!
Пусть онъ умретъ, или ты умрешь. Ты понялъ?
- КОММИНЪ (*Тристану тихо*). Тристанъ!
- ТРИСТАНЪ. Когда идетъ о жизни дѣло.

СЦЕНА X.

ТЪ-ЖЕ, *кроль ТРИСТАНА.*

ЛЮДОВИКЪ. О нѣтъ, то невозможно, невозможно!
Ты испугать хотѣлъ.... минута смерти
Еще далеко.

КУАТЬЕ. Правду я сказалъ.

ЛЮДОВИКЪ. Но я еще не въ крайности.... О Боже!..
Какое зло мнѣ сдѣлалъ ты! — вся кровь
Застыла въ жилахъ.... За Дофиномъ
Скорѣе.

КОММИНЪ. Я бѣгу.

ЛЮДОВИКЪ. Оставайтесь здѣсь,
А то подумать можетъ онъ, что я
Погибъ.... Слабѣю.... душно мнѣ.... о горе!
То слабость лишь, не смерть. Спаси меня,
Мой добрый Куатье.... О, воздухомъ скорѣй
Дай подышать мнѣ, воздухомъ — возьми
Казну мою, но жизнь спаси.... Дофина
Нѣтъ, — то не смерть.... о Боже, Боже!

(Падаетъ на постель безъ движенія).

КУАТЬЕ. Смерть.

КОММИНЪ. Попробуйте конецъ его замедлить,
А я бѣгу скорѣе къ монсенъйору.

СЦЕНА XI.

ЛЮДОВИКЪ, КУАТЬЕ.

КУАТЬЕ *(посль минуты молчанія)*. Свободенъ я!... Уста его
не дышать, —

И разрушенія легла на немъ печать.

(береть руку).

Какъ мраморъ холодень... Онъ умеръ — но Немуръ!
Трепещетъ сердце, если оживитъ

Его успѣю... Но чѣмъ? на часъ одинъ,
 Страданія, — и новое злодѣйство
 Прибавитъ онъ къ злодѣйствамъ прежнимъ, — нѣтъ
 Мое тебѣ искусство, о натура,
 Его предоставляетъ: — можешь ты
 Бороться за нею съ небытіемъ
 Еще минуту — но пускай отвѣтъ
 И зло все на тебя одну ложится.
 Усталъ я быть сообщникомъ твоимъ.

СЦЕНА XII.

ЛЮДОВИКЪ, ДОФИНЪ, КУАТЬЕ, КОММИНЪ, ОЛИВЬЕ, СЛУГИ.

ДОФИНЪ. Отецъ мой! онъ зоветъ меня, онъ хочетъ
 Прижать къ груди — но Боже, слишкомъ-поздно!
 О, Куатье, молчанье ваше страшно,
 Онъ умеръ, выдѣте всѣ, и одному
 Мнѣ дайте горести предаться.

КОММИНЪ. Монсеньйоръ!

ДОФИНЪ. Оставьте всѣ, повелѣваю вамъ!

СЦЕНА XIII.

ЛЮДОВИКЪ, ДОФИНЪ.

ДОФИНЪ (*на колыняхъ подлѣ постели*). Отецъ мой, мой король,
 — я передъ вами...

Печаль души, любившей васъ такъ нѣжно,

Примите вы, въ блаженныхъ небесахъ.

Вашъ сынъ не помнитъ строгости, и мудрость

Онъ августѣйшую не обвиняетъ.

Себя я самъ скорѣе обвинялъ...

Я тронуть васъ не могъ — теперь лишь только

Слезами орошаю эту руку,

И только смерть къ устамъ ее прижать

Мнѣ позволяеть, и меня она,
Оледѣнѣвъ, теперь не отвергаетъ.

(Встала).

Мнѣ-ль, мнѣ-ль носить вѣнецъ его тяжолый,
Подъ коимъ и его глава утомлена?

Даръ роковой отъ васъ я принимаю,

(Беретъ вѣнецъ).

Да мнѣ главы не отягчаетъ онъ,

Да буду я его достоинъ!

СЦЕНА XIV.

ПРЕЖНИЕ И МАРІЯ.

(бросаясь къ ногамъ Дюфина и показывая кольцо).

Государь!

Помилуйте, спасите.... Отмѣните

Ужасный приговоръ, — вы всемогущи,

Вотъ даръ вашъ — о! да будетъ онъ Немуру

Прощенія залогомъ... Боже! Боже!

Погибнетъ онъ, — и я погибну съ нимъ.

Король, сдержите обѣщанье принца.

ДОФИИЪ. Марія, успокойся — помню я.

(надвывая вѣнецъ).

Король прощаетъ герцога Немура.

(При концѣ этой сцены Людовикъ приходитъ въ густо, ищетъ рукою вѣнца, приподнимается и смотритъ кругомъ. Опершись на столъ, онъ влечется къ Дюфину и кладетъ руку на его плечо; тотъ вскрикиваетъ и падаетъ на колѣна, вмѣстѣ съ Маріей).

ЛЮДОВИКЪ (Дюфину, который хочетъ отдать вѣнецъ).

Храни его... пришелъ мой часъ послѣдній...

Я чашу пью, но по грѣхамъ моимъ,

Мнѣ за отца отмстилъ мой сынъ. То воля Бога...

СЦЕНА XV.

ТѢЖЕ, ФРАНЦИСКЪ ДЕ-ПОЛЬ, КОММИНЪ, ОЛИВЬЕ, КАРДИНАЛЪ,
КРАОНЪ, ДЕ-ЛЮДЪ, ДВОРЪ, ПАРЛАМЕНТЪ.

ЛЮДОВИКЪ. Приблизьтесь всѣ, ему я царство лилій
Передаю, — себѣ инаго жажду. (Дофиню)

Внимай-же голосъ мой въ минуту смерти
И дѣлай то, что говорю теперь.

Хотѣлъ я, и достигъ величія земнаго,
Но Франція за славу дорого платила.

Она могуча — сдѣлай-же ее,

Ты счастливой, и никогда не отдѣлай,

Ты отъ нея себя. (Тихо)

Чти Римъ — но ничего

Не уступай, какъ ни былъ-бы ты силенъ.

Люби всѣхъ тѣхъ, кто правду говоритъ.

Закону казни предоставь — а самъ

Когда простить лишь можно, говори

МАРІА (съ отчаяніемъ). Хоть слово о Немурѣ!

ФРАНЦИСКЪ ДЕ-ПОЛЬ.

Государь,

Съ урокомъ разъ хотя соедините дѣло.

ДОФИНЪ. Простите.

ЛЮДОВИКЪ (Франциску). Но отпустится-ли мнѣ

За это дѣло на судъ послѣднемъ?

ФРАНЦИСКЪ. Вы отвѣчаете за каждую минуту,

ЛЮДОВИКЪ. Прощаю.

МАРІА.

Я прощенье объявлю.

Бѣгу... Тристанъ!

СЦЕНА XVI.

ТѢЖЕ, ТРИСТАНЪ.

ТРИСТАНЪ. Приказъ исполненъ вашъ.

МАРІА. (падая). Онъ умеръ.

ЛЮДОВИКЪ.

О палачъ! всегда онъ торопился.

Казни его! (Показывая на Оливье).

И этого раба.

Совѣты ихъ мнѣ сердце отравляли.

Я судиѣ ихъ нынѣ предаю.

(Соединяя руки).

Да будетъ мой и милосердѣ и кротокъ!

(Склоняясь на колѣна, Франциску).

Спѣшите разрѣшить — меня зоветъ Онъ.

Молитесь о спасеніи моемъ.

Во всемъ, во всемъ раскаяваюсь нынѣ.

Смиренному — мнѣ ненавистна власть.

Я не хочу ея — и что вѣнецъ?

Все прахъ и тлѣнъ!... Хочу... повелѣваю...

(Падаетъ мертвый на постель. Куатье, склоняясь надъ нимъ и кладя ему на сердце руку).

КОММИНЬ. Все кончено!

КОММИНЬ

(оставляя дочь).

Онъ умеръ, государь.

ГЕРОЛЬДЪ (торжественно).

«Король скончался,

Король скончался.»

ВЕСЬ ДВОРЪ (бросаясь къ Дюфину). Да здравствуетъ король?...

ФРАНЦИСКЪ. Мой сынъ — урокъ тебѣ его конецъ.

Тяжолъ твой путь, и крестъ — земной вѣнецъ.

ФИЛОСОФІЯ И ИСТОРІЯ МУЗЫКИ.

ШТЕЙБЕЛЬТЪ.

Къ числу музыкантовъ, занявшихъ почетное мѣсто въ лѣтописяхъ искусства, должно отнести и Данила Штейбельта. Имя этого челоѵка возбуждаетъ невольную грусть. Быть-можетъ, нѣтъ другаго музыканта, къ которому современники, и особенно потомство, были-бы такъ несправедливы. Талантъ его, по истинѣ, великъ. И между тѣмъ, при жизни гнала его зависть и мелкая посредственность, а равнодушіе и забвеніе сдѣлались удѣломъ его за гробомъ.... Отецъ Штейбельта былъ берлинскій фортепьянный мастеръ. Большая часть біографовъ знаменитаго музыканта говорятъ, что онъ родился въ 1755 году. Но это неосновательно: Фетнеръ старшій утверждаетъ, что когда онъ познакомился съ Штейбельтомъ въ Парижѣ, въ 1801 году, то ему было не болѣе тридцати лѣтъ; слѣдовательно, можно полагать, что Данилъ родился въ 1764 или 1765 году. Въ самыхъ дѣтскихъ лѣтахъ, въ Штейбельтѣ обнаружилась такіа удивительныя способности къ музыкѣ, что прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ II, въ то время наслѣдній принцъ, принялъ благоеклонное участіе въ ребенкѣ, и поручилъ извѣстному теоретику и ученому музыканту Кириберггеру преподавать Данилу уроки на клавишнѣ и въ контрапунктѣ. Но, съ своею пылкою организаціею, Штейбельтъ не былъ способенъ къ тому, чтобы предаться классическому из-

ученію музики; его пламенная душа не могла подчинити таланта своего строгимъ правиламъ и сухимъ совѣтамъ учителя. Почему онъ и сдѣлался самъ-себѣ наставникомъ, какъ въ исполненіи, такъ равно и въ композиціи.

Современные музыкальные журналы и газеты не говорятъ рѣшительно ни слова о юности Штейбельта и о его первыхъ успѣхахъ. И потому случаи жизни его также мало извѣстны въ Германіи, какъ и во Франціи. Въ предисловіи къ каталогу музыкальныхъ сочиненій, изданному Гётцомъ въ Мюнхенѣ (*), сказано, что Штейбельтъ въ 1788 году находился въ столицѣ Баваріи и выдалъ тамъ въ свѣтъ четыре первыя произведенія *сонатъ* своихъ для фортепіано и скрипки. Нумера сонатъ доказываютъ, что это было еще только началомъ блистательнаго поприща музыканта. Спустя нѣсколько времени потомъ Андре издалъ въ Оффенбахѣ нѣкоторыя изъ этихъ-же сонатъ, отдѣльно. — Въ слѣдующемъ году Штейбельтъ давалъ концерты во многихъ городахъ Саксоніи и Ганновера, что доказывается письмомъ органиста Вестфала, которое находится у Фетиса старшаго. Потомъ онъ отправился въ Мангеймъ, а въ началѣ 1790 года прибылъ въ Парижъ. Извѣстные содержатели музыкальнаго магазина и виртуозы на арфѣ, братья Надерманы, нашли въ бумагахъ своего предшественника Бойера доказательство, что послѣдній принялъ молодаго виртуоза весьма-радушно, пріютилъ у себя въ домѣ и доставилъ ему сильныхъ покровителей при Дворѣ. Однако-жъ Штейбельтъ довольно-безчестно отблагодарилъ его за подобныя услуги: онъ продалъ ему за новыя сочиненія свои первую и вторую сонаты, передѣлавъ ихъ въ трио, съ прибавленіемъ партіи виолончеля. Но дурной поступокъ его вскорѣ открылся, и Штейбельтъ тѣмъ только и успѣлъ загладить свою вину, что отдалъ Бойеру, въ вознагражденіе за обманъ, *два первые концерта*. Надобно замѣтить, что подобныя продѣлки повторялись нѣсколько разъ, въ теченіе жизни Штейбельта.

Не-смотря на важныя происшествія, занимавшія въ то время умы Парижанъ, пріѣздъ Штейбельта въ столицу Франціи надѣлалъ порядочнаго шума. Въ Парижѣ лучшимъ пѣянистомъ тогда считали Германа, который отличался блистательною, легкою игрою, и вообще былъ замѣчательнымъ виртуозомъ своей эпохи. Королева Марія-Антуанета брала у него уроки, слѣдовательно, онъ

(*) Catalogus der musicalischen Werke etc. 1788.

былъ учителемъ и большей части придворныхъ дамъ. Лишь только явился Штейбельтъ, какъ и завязалась между обоими артистами сильная борьба. Тотъ и другой имѣли своихъ приверженцевъ. Въ механизмѣ игры Германа замѣчали больше правильности, нежели у Штейбельта, — ибо первый былъ пѣвистомъ школы Эмануила Баха; но гениальныя качества, блиставшія въ произведеніяхъ Штейбельта, выразительность и жаръ исполненія, само-собою разумѣется, вскорѣ доставили ему преимущество надъ его соперникомъ, не смотря на то, что Герману покровительствовала королева, и что Штейбельтъ самъ возбуждалъ въ обществѣ нерасположеніе къ себѣ, врожденною надменностію характера и дурнымъ воспитаніемъ. Тогда-то музыка его въ Парижѣ вошла въ большую моду, имѣла огромный успѣхъ, хотя ее и находили трудною для исполненія. Во мнѣніи довольно-искусныхъ пѣвистовъ-любителей, произведенія Штейбельта даже поколебали народный успѣхъ музыки Плейля. — Въ числѣ множества покровителей славнаго музыканта, самымъ ревностнымъ почитателемъ его таланта былъ виконтъ Сегюръ. Имѣя обширный кругъ знакомства въ высшемъ обществѣ, любимый и уважаемый дамами, Сегюръ успѣлъ заинтересовать послѣднихъ въ пользу Штейбельта.

Вскорѣ за тѣмъ Сегюръ написалъ для Большой-Оперы либретто *Ромео и Юлія*, и поручилъ Штейбельту сочинить музыку. Однако-жь Академія Музыки, въ 1792 году, отказала Штейбельту въ его партіици. Оскорбленные такою несправедливостію, авторы уничтожили речитативы, замѣнили ихъ разговоромъ въ прозѣ и въ слѣдъ за тѣмъ поставили свою оперу на театрѣ Фейдо, который пользовался тогда большою славою... Прекраснѣйшая пѣвица того времени *Сццо* украсила оперу своимъ талантомъ (*); кончилось тѣмъ, что въ 1793 году, произведеніе Штейбельта имѣло вполнѣ заслуженный и огромнѣйшій успѣхъ, какимъ когда-либо пользовались творенія прочихъ славныхъ композиторовъ на французской сценѣ. Хвала Парижу, который умѣлъ оцѣнить гениальное твореніе Штейбельта! Послѣдствіемъ успѣха оперы, его было то, что во-время правленія Директоріи онъ вошелъ въ славу, такъ, что вскорѣ, въ числѣ ученицъ своихъ, считалъ зна-

(*) Сццо отличалась голосомъ чистымъ, звучнымъ, металлическимъ, выразительностію пѣнія и превосходною игрою, почему и была лучшею пѣвицею Комической оперы.

менитѣйшихъ женщинъ той эпохи, какъ-то: Богарне (въ-послѣдствіи королева Голландская), Евгенио Бомарше, Зою де-Ларю, Лютте (потомъ Гё) и Шереръ, дочь военнаго министра. Словомъ, не-смотря на его странныя капризы и довольно-несносный характеръ, всѣ добивались чести имѣть славнаго артиста своимъ учителемъ. Пользуясь столь-благопріятными обстоятельствами, музыкантъ могъ-бы занять почетное положеніе въ обществѣ, и предаться трудамъ полезнымъ какъ для славы своей, такъ равно для обезпеченія своего состоянія. Но не таково былъ Штейбельтъ. Онъ впалъ въ нѣкоторые важныя проступки, которые были поводомъ къ тому, что артистъ, въ 1798 году, вынужденъ былъ удалиться изъ Парижа.

Сначала Штейбельтъ отправился чрезъ Голландію въ Лондонъ, давалъ тамъ концерты; наконецъ, женился на предестной, молодой Англичанкѣ. Потомъ онъ пріѣхалъ въ Гамбургъ, гдѣ также далъ нѣсколько блистательныхъ концертовъ. Затѣмъ посѣтилъ Дрезденъ, Прагу, родину свою Берлинъ и Вѣну. — Повсюду артистъ производилъ сильное впечатлѣніе своимъ талантомъ; но и вездѣ составлялось объ немъ два совершенно-противоположныхъ мнѣнія. Если у него были ревностные почитатели, то было также множество и порицателей, которые упрекали его за неумѣренное употребленіе tremolo. А невыдержанность, неровность его игры и слабость лѣвой руки, служили поводомъ ко множеству критикъ, самыхъ ѣдкихъ. Въ продолженіе этихъ-то путешествій Штейбельтъ началъ разыгрывать въ первый разъ *фантазіи съ вариациями*, родъ музыки, форма которой изобрѣтена имъ первымъ и которая послѣ него дошла до такого несноснаго злоупотребленія. Въ концертахъ своихъ въ Прагѣ и Вѣнѣ, онъ исполнялъ *блистательныя рондо и вакханаліи*, съ акомпаньементомъ тамбурина, на которомъ обыкновенно играла жена его. Музыкальныя формы эти, въ свою очередь, выдуманы Штейбельтомъ, и первая изъ нихъ даже пережила его и существуетъ до-сихъ-поръ.

Въ 1800 году, осенью, Штейбельтъ возвратился въ Парижъ, привезъ съ собою изъ Вѣны партицію Гайденовой ораторіи *Сотвореніе міра*, которая только-что появилась тогда въ свѣтъ, и превосходное исполненіе которой самъ онъ слышалъ въ столицѣ Австріи. Артисту пришла мысль воспользоваться новостію этого творенія, почему онъ перевелъ текстъ ораторіи прозою, которую Сегюръ переделалъ въ стихи. Приладивъ стихи эти къ партиціи Гайдена, Штейбельтъ условился съ администраціею Оперы на

счетъ торжественнаго исполненія ораторіи, подъ собственнымъ его управленіемъ. Изъ оригинальнаго манускрипта условій, заключенныхъ по этому случаю, какъ говорить Фетисъ старшій, видно, что администраторы Оперы обязались заплатить 3,600 франковъ Штейбельту и 2,400 франковъ Сегюру, съ предоставленіемъ имъ права собственности на партитуру, которая продана потомъ Эрару за 4000 франковъ. — Такимъ-образомъ, первое исполненіе великаго творенія Гайдена происходило 3-го пивоза IX года Республики, въ залѣ Оперы; туда-то именно ѣхалъ Наполеонъ въ то самое время, когда едва было не погибъ отъ взрыва адекой машины. — Заключенный вскорѣ послѣ того Аміенскій миръ доставилъ Штейбельту возможность воротиться съ женою въ Лондонъ. Артистъ воспользовался удобнымъ случаемъ къ выѣзду изъ Парижа, тѣмъ съ болѣею охотою, что продѣлки, заставившія его покинуть столицу Франціи въ 1798 году, еще не были забыты; — почему двери всѣхъ знатныхъ домовъ Парижа для него были заперты. — Не за долго предъ отъѣздомъ онъ написалъ музыку балета *Хитрость Зефира*, который представленъ на театрѣ Оперы въ 1802 году.

По прибытіи въ Лондонъ, Штейбельтъ далъ тамъ два блистательныхъ концерта. Однакожъ его несносный, вовсе необщительный характеръ сдѣлалъ на англійскую знать самое неблагопріятное впечатлѣніе. Вотъ почему лица высшаго класса общества не оказали ему, съ своей стороны, никакого покровительства. Само собою разумѣется, что при такихъ обстоятельствахъ пребываніе въ Лондонѣ не могло понравиться артисту, почему онъ недолго тамъ и оставался. Однакожъ написалъ музыку двухъ балетовъ: *Красавица молочница* и *Судъ Париса*, которые представлены на королевскомъ театрѣ, съ большимъ успѣхомъ.

Въ то-же самое время, Штейбельтъ издалъ въ Лондонѣ множество бездѣлушекъ, для фортепiano. Конечно, одна нужда въ деньгахъ заставляла его писать всѣ піесы такого рода на скорую руку; тѣмъ неменѣе однако-жъ, эти-то самыя бездѣлушки сильно повредили его репутаціи. — Въ началѣ 1805 года, Штейбельтъ опять пріѣхалъ въ Парижъ; издалъ здѣсь множество *фантазій, капризовъ, рондо, этюдовъ* и свою *методу*, съ шестью сонатами и большими экзерциціями. Последнее сочиненіе, дурно написанное, не имѣло никакого успѣха. Въ первый мѣсяцъ 1806 года артистъ поставилъ на театрѣ Оперы *Торжество Марса*, опереттмедію, которая написана по случаю возвращенія Наполеона послѣ Аустерлицкой битвы. — Между-тѣмъ онъ занялся опять

сочиненіемъ большой оперы въ 3-хъ актахъ, *Вавилонской Царевны*, которая уже нѣсколько лѣтъ назадъ тому была принята Академіею Музыки. Наконецъ опера окончена и уже назначена была къ представленію, какъ вдругъ Штейбельтъ совершенно неожиданно уѣхалъ въ Россію, въ октябрѣ 1808 года.

Во-время путешествія своего музыкантъ давалъ концерты во Франкфуртѣ, Лейпцигѣ, Бреславлѣ и Варшавѣ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, его назначили капельмейстеромъ тогдашней французской оперы; мѣсто это до него занималъ Бозльде. Тогда-то онъ написалъ оперы: *Сандрильону* и *Саржина*, каждая въ 3-хъ актахъ. Передѣлалъ прежнюю партіцію *Ромео и Юліи*; наконецъ поставилъ на сцену свою *Вавилонскую Царевну*. Изъ всѣхъ этихъ произведеній напечатаны отдѣльно только нѣкоторыя аріи, аранжированныя для фортепіано; но полныя партитуры, кажется, совершенно-затеряны, если не отыщутся у кого-либо здѣсь въ Петербургѣ. Не знаемъ навѣрное; но, кажется, Штейбельтъ со времени пріѣзда своего въ Петербургъ уже не покидалъ столицы сѣвера. Постоянно жилъ онъ здѣсь, отправляясь иногда въ Москву, собственно для концертовъ (*). Въ послѣдніе годы жизни музыкантъ трудился надъ сочиненіемъ оперы *Судъ Мидаса*, но неуспѣвъ окончить партіцію, скончался въ Петербургѣ, 20 го сентября 1823 года. Известно, что семейство несчастливца Штейбельта осталось въ самомъ жалкомъ состояніи, безъ куска хлѣба; однакожъ покровительствованшіи музыканту, незабвенный Графъ Милорадовичъ, извлекъ семейство изъ бѣдственнаго положенія, составивъ въ пользу его, по подпискѣ, благотворительный концертъ, сборъ котораго простирался до 40 т. руб. ассигнац.

Итакъ, вотъ біографія музыканта, который, въ свое время, пользовался блестящею славою, а теперь совершенно-забытъ. Непостижима несчастная участь бѣднаго maestro... Въ настоящее время на музыку Штейбельта, для фортепіано, смотрятъ съ какимъ-то презрѣніемъ и большая часть отзывовъ объ ней отличается несправедливымъ, безотчетнымъ пристрастіемъ по-

(*) «Репертуаръ и Пантеонъ» покорнѣе проситъ всѣхъ, кто только имѣетъ какія-либо свѣдѣнія о Штейбельтѣ во-время пребыванія его въ Петербургѣ, равно о томъ, гдѣ находятся партіціи его оперъ, — сообщить въ редакцію. Издатель принесетъ искреннюю благодарность, и напечатаетъ въ своемъ изданіи, въ пополненіе погѣщенной здѣсь біографіи.

рицанія. Судя по этому, трудно и представить себѣ, отъ чего же музыка его пользовалась удивительнымъ успѣхомъ въ теченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ? Неужели успѣхъ такой не былъ заслуженнымъ? Отвѣчаемъ на это рѣшительно, что успѣхъ музыки Штейбельта вполне оправдывается гениальностію, которая блистаетъ на каждой почти страницѣ его произведеній. — Конечно, судя строго, музыка его неизбѣжна отъ значительныхъ недостатковъ. Вообще стиль ея растянута, часто встрѣчаются скучныя повторенія, а цѣлыя фразы и пассажи имѣютъ одинаковую фizioномію; аппликатура весьма-неисправна. Но за то страсть фантазія, оригинальность идей, встрѣчаются каждую минуту. Въ цѣломъ, произведенія его исполнены восторженности, прелести или величія; въ мелодіяхъ его всегда есть нѣчто нѣжное, плѣнительное. И если идеямъ его не достаетъ связи, за то онѣ всегда изобильны до чрезвычайности. Словомъ, музыка Штейбельта почти всегда съ погрѣшностями въ отношеніи къ плану и походитъ больше на импровизацію, но импровизацію такого рода, въ которой на каждомъ шагу видѣнъ человѣкъ вдохновенный. Само собою разумѣется, что всѣ эти похвалы не могутъ относиться къ его послѣднимъ произведеніямъ, потому что онѣ недостойны пера его и его славы. Потеря кредита и чрезвычайно-стѣсненное положеніе, въ которое онъ поставленъ былъ своимъ дурнымъ образомъ жизни, уже не позволяли ему заниматься сочиненіемъ артистическихъ своихъ произведеній, которыя писалъ онъ прежде по заказамъ издателей. Вотъ почему Штейбельтъ пересталъ сочинять *сонаты* и *концерты*, составившіе его славу, а принялся за бездѣлушки, вестившія ему нисколько труда, которыя онъ едва успѣвалъ бросать на бумагу.

Что касается до музыки драматической, то Штейбельтъ пріобрѣлъ вполнезаслуженную славу только одною оперою *Ромео и Юлія*. — Но одно это произведеніе уже положительно доказываетъ, что природа одарила музыканта въ такой-же степени драматическимъ гениемъ, сколько и оригинальнію идей. — Нѣсколько композиторовъ писали музыку на тотъ-же сюжетъ, а именно Итальянцы *Цингарелли*, *Ваккои* и *Беллини*; но музыка ихъ, если судить строго, весьма-слаба, безъ общей идеи, безъ связи, и конечно, никто не будетъ оспаривать того, что сюжетъ Ромео и Юліи послѣ нихъ остался, что называется, нетронутымъ... Штейбельтова партитура предъ музыкаю Итальянцовъ кажется колоссомъ! Правда, музыка его, въ свою очередь, имѣетъ недостатки: дурно написана въ отношеніи расположенія голосовъ, и притомъ въ ней есть длин-

цоты, охлаждающія дѣйствіе. Но за то, она заключаетъ въ себѣ красоты, истинно-великія. По оригинальности формъ, прелести и богатству мелодіи, наконецъ по сильному драматическому чувству въ нѣкоторыхъ положеніяхъ, партія эта должна считаться, по всей справедливости, въ числѣ лучшихъ музыкальныхъ твореній своей эпохи. Штейбельтъ становится на высокую степень въ ряду музыкантовъ, такъ, что самъ Веберъ и Мейерберъ, конечно, не постыдились-бы назвать его товарищемъ по таланту. — Опера его, справедливо-оцѣненная въ Парижѣ, имѣла въ продолженіе многихъ лѣтъ постоянный успѣхъ на петербургской сценѣ. Любители еще и теперь съ восторгомъ вспоминаютъ прекрасную *увертюру*, въ которой allegro такъ оригинально и увлекательно; чудесный *дуэтъ* Ромео и Юліи, въ сценѣ прощанія, и наконецъ, дивные, исполненные неподражаемой мелодіи надгробныя *хоры* 3-го акта. — Штейбельтъ обладалъ въ высшей степени талантомъ дѣйствовать на душу зрителя; его мотивы такъ плѣнительны, такъ странны, такъ сообразны въ дѣйствіяхъ, что невольно остаются въ сердцѣ. — Смерть не позволила ему окончить послѣднюю оперу *Судъ Мидаса*; въ ней, какъ говорятъ тѣ, кому удалось слышать ее, геній Штейбельта развился съ полною силой. Многіе нумера оперы сохранились въ рукописи. Нельзя не пожелать, чтобы они не погибли для свѣта и были изданы.

Какъ виртуозъ-исполнитель, Штейбельтъ въ равной степени заслуживалъ и похвалу и порицаніе. Лишенный всякаго методическаго образованія, относительно механизма игры на фортепіано, онъ не имѣлъ въ этомъ никакого другаго наставника, кромѣ своего природнаго таланта; вотъ почему усвоилъ себѣ до чрезвычайности-неправильную аппикатуру. Искусство ударять различнымъ образомъ по клавишамъ, чтобы разнообразить звукъ, мало ему было извѣстно, тѣмъ болѣе, что инструменты его времени, легкіе и блестящіе, но сухіе и жидкіе, еще не были приспособлены къ подобнымъ измѣненіямъ звучности, въ такой степени, какъ теперь. Не-смотря однако-жъ на это, Штейбельтъ обладалъ въ высшей степени даромъ трогать и увлекать слушателей. — Манера его игры не имѣла вовсе сходства съ манерою какого-либо другаго пѣяниста, потому-что онъ не изучалъ никакой методы; она, такъ сказать, была чистымъ достояніемъ его рѣдкаго инстинкта. Все у него зависѣло отъ его музыкальнаго дара, отъ вдохновенія, и потому онъ, просто, дѣлался невыносимымъ, когда бывалъ не въ духѣ; но коль скоро находился въ счастливомъ, восторженномъ состояніи, то, быть-можетъ, ничто не

могъ превзойти Штейбельта въ рѣдкомъ талантѣ, — занимать слушателей по цѣлымъ часамъ игрою на фортепіано. Въ лучшее время своего музыкальнаго поприща, Штейбельтъ слылъ за исполнителя чрезвычайныхъ трудностей. Всѣ его *tour de force* для теперешнихъ виртуозовъ сдѣлались сущими бездѣлками; однако-жъ каждый изъ нихъ могъ-бы назвать себя вполне счастливымъ, еслибы обладалъ качествами, какими природа такъ щедро одарила Штейбельта. —

Въ заключеніе остается перечислить произведенія этого страннаго и вмѣстѣ съ тѣмъ несчастливаго человѣка, хотя точное исчисленіе почти невозможно, тѣмъ болѣе, что одиѣ и тѣ-же сочиненія изданы были подъ различными нумерами, во Франціи, Германіи и Англій. Произведенія его по части сценической музыки вовсе не были напечатаны. — За тѣмъ все, что только возможно было собрать полнѣйшаго, заключается въ слѣдующемъ: 1) *Увертюра-симфонія* и *Увертюра* изъ балета *Молочница*; 2) *Вальсы* для оркестра; 3) *Квартеты* для 2-хъ скрипокъ, альты и баса, числомъ *шесть*; 4) *Концерты* для фортепіано: первый въ *ut*, второй въ *mi*-миноръ; третій — *буря*, въ *mi*-мажоръ; четвертый, въ *mi*-бемоль; пятый, въ томъ-же тонѣ; шестой — *восхождение на Сенъ-Бернаръ* — въ *sol*-миноръ; седьмой — *большой военный концертъ*, съ двумя оркестрами — въ *mi*-миноръ. — 5) *sol* и *ге*. 6) *Квартетъ* для фортепіано, скрипки, альты и баса. — 7) *Два квинтета* для фортепіано, 2-хъ скрипокъ, альты и баса, въ *Тріо*; для фортепіано, флейты и виолончеля; 8) *Сонаты-Тріо*, для фортепіано, скрипки и волончеля; 9) *Сонаты* для фортепіано, со скрипкою, — всего 65 сонатъ; 10) *Три дуэта*, для фортепіано съ арфою; 11) *Сонаты* для одного фортепіано, всего 46-тъ; 12) *Прелюдіи*, для того-же инструмента; 13) *Дивертисменты*; 14) множество *Рондо*; 15) *Этюды* и *экзерциціи*, въ 5-ти книгахъ, извлеченныя изъ методы; 16) множество *Попурри*; 17) около 40-ка *фантазій* на темы изъ оперъ и на разныя другія; 18) Чрезвычайно-большое количество *арій* съ варіаціями; 19) *Шесть тетрадей вальсовъ*; 20) *Шесть тетрадей вакханалій* съ тамбуриномъ; 21) Множество тетрадей *маршей*, и наконецъ 22) *Романсы*, подъ заглавіемъ, *Romances d'Estelle*, съ фортепіано. — Большая часть произведеній этихъ имѣли по десяти, даже по двѣнадцати изданій во Франціи, Германіи и Англій. —

С. К.

МЕТЕЛЛА.

ПОВѢСТЬ ЖОРЖА ЗАНДА.

I.

Графъ Буондельмонте возвращался изъ непродолжительнаго путешествія по окрестностямъ Флоренціи; экипажъ его опрокинулся отъ неосторожности кучера, и графъ упалъ въ глубокій ровъ, но нисколько не ушибся. Экипажъ изломался, графъ былъ бы принужденъ идти пѣшкомъ до ближней станціи, если-бъ въ это время не проѣзжала дорожная коляска, въ которой, онъ видѣлъ, какъ перемѣняли лошадей на послѣдней станціи. Почтальйоны обоихъ экипажей начали между-собою разговоръ; онъ продолжился-бы очень-долго, не ведя ни къ чему, если-бъ путешественникъ, сидѣвшій въ коляскѣ, увидѣвъ графа, не предложилъ средства, очень-обыкновеннаго въ такихъ случаяхъ: онъ просилъ Буондельмонте пересѣсть въ его экипажъ и продолжать съ нимъ дорогу. Графъ согласился тѣмъ охотиѣе, что манеры путешественника дѣлали для него сносною необходимость провести нѣсколько часовъ съ незнакомымъ человѣкомъ.

Проѣзжіи назывался Оливье; онъ былъ изъ Женевы, единственный сынъ и богатый наслѣдникъ; ему было двадцать лѣтъ, и онъ путешествовалъ для удовольствія. Этотъ молодой чело-

вѣкъ, бѣлокурый, свѣжій и стройный, имѣлъ прекрасную паружность, и разговоръ его, хотя неблестящій, былъ однако-же не такъ обыкновененъ, какъ ожидалъ графъ, разсерженный своею неудачею. Путешественники, изъ вѣжливости, не спрашивали объ имени другъ-друга.

Графъ, принужденный остановиться на станціи, чтобъ дождаться своихъ людей, хотѣлъ проститься съ Оливье, но тотъ не согласился. Онъ объявилъ, что будетъ ждать, пока его товарищъ кончитъ свои дѣла, и только вмѣстѣ съ нимъ поѣдетъ во Флоренцію. — Для меня рѣшительно все равно, прибавилъ онъ: — пріѣхать въ этотъ городъ нѣсколькими часами позже; никакая особенная необходимость не призываетъ меня въ то или другое мѣсто; я прикажу, если вы позволите, приготовить обѣдъ для насъ обоихъ, между-тѣмъ ваши люди придутъ сюда, и мы можемъ выѣхать черезъ два или три часа, чтобъ быть завтра утромъ во Флоренціи.

Оливье такъ настаивалъ, что Флорентинецъ согласился на его предложеніе. Обѣдъ былъ тотчасъ поданъ, по приказанію молодого Швейцарца; но какъ видно въ трактирѣ было очень дурно, то камердинеръ Оливье принесъ изъ коляски нѣсколько бутылокъ чудеснаго рейнвейна, который онъ берегъ для своего господина, на случай дурныхъ ночлеговъ. Графъ былъ рѣдко откровененъ съ незнакомыми, пилъ мало и ограничивался простою учтивостію. Женевецъ, который былъ моложе и простодушнѣе, предался удовольствію выпить нѣсколько стакановъ хорошаго вина, послѣ дня, проведеннаго на солнцѣ и въ пыли. Можетъ-быть, ему начинало надоѣдать его одинокое путешествіе, и общество умнаго человѣка располагало его къ веселости. Онъ сталъ говорить откровеннѣе.

Очень-рѣдко, чтобы человѣкъ могъ долго говорить о себѣ, не сказавъ какой-нибудь глупости. Графъ, котораго какая-то насмѣшливость, пріобрѣтенная въ свѣтѣ, рѣдко оставляла, ожидалъ каждую минуту найти въ своемъ товарищѣ сѣмяна эгоизма и самолюбія, бывающія болѣею частію у всѣхъ насъ. Онъ очень удивился, видя, что обманулся въ своемъ ожиданіи; напрасно старался онъ льстить всѣмъ идеямъ молодого человѣка, желая найти въ немъ смѣшную сторону; ему стало досадно, потому что онъ не привыкъ выказывать даромъ свой умъ и проникаемость.

— Позвольте васъ спросить, сказалъ Женевецъ: во Флоренціи ли теперь леди Мовбрэ?

— Леди Мовбрэ! отвѣчалъ Буондельмонте, слегка вздрогнувъ: да, она возвратилась изъ Неаполя.

— Она всегда проводитъ зиму во Флоренціи?

— Уже нѣсколько лѣтъ. Вы знаете леди Мовбрэ?

— Нѣтъ; но я хотѣлъ-бы съ нею познакомиться.

— А!

— Это васъ удивляетъ? Говорятъ, она одна изъ самыхъ любезныхъ женщинъ въ Европѣ.

— Да, и одна изъ лучшихъ. Мнѣ кажется, вы очень-много о ней слышали?

— Я провелъ послѣдній сезонъ на водахъ въ Э. Леди Мовбрэ только что уѣхала; тамъ только и было разговоровъ, что объ ней одной. Какъ я жалѣлъ, что пріѣхалъ поздно! Я-бы обожалъ эту женщину.

— Съ какою живостію вы говорите, замѣтилъ графъ.

— Но вѣдь я не рискую быть невѣжливымъ; я никогда не видалъ ея и, можетъ-быть, никогда не увижу.

— Почему-же?

— Конечно, почему-же нѣтъ? но можно также сказать, — почему-же да? Я знаю, что она добра и привѣтлива, что домъ ея открытъ для иностранцевъ, и ея благосклонность служить имъ лучшею протекціею; знаю также, что могъ-бы воспользоваться рекомендаціею особъ, которыхъ она удостоиваетъ своею дружбою, но, вѣроятно, вы понимаете странное чувство, заставляющее насъ избѣгать знакомства съ людьми, которые заочно внушаютъ намъ симпатію и удивленіе.

— Потому-что мы боимся найти въ нихъ не то, чего ожидали, сказалъ графъ.

— О, Боже мой! совѣмъ нѣтъ, сказалъ съ живостію Оливье. Что касается до меня, я боюсь внушить не то, что самъ чувствую, или не умѣть объяснить свое чувство.

— Вы ошибаетесь, сказалъ графъ, смотря на него пристально и съ страннымъ выраженіемъ: я увѣренъ, что вы очень понравитесь леди Мовбрэ.

— Вы думаете? Но почему-же? Откуда мнѣ придетъ такое счастье?

— Она любитъ откровенность и доброту; мнѣ кажется, вы добры и откровенны.

— Надѣюсь, отвѣчалъ Оливье: но развѣ этого достаточно, чтобъ быть замѣченнымъ между столькими замѣчательными людьми, которые ее окружаютъ?

— Но... сказалъ графъ, насмѣшивъ улыбаясь: быть замѣченнымъ... замѣченнымъ... какъ вы это понимаете?

— О! не дѣлайте мнѣ больше чести, нежели я заслуживаю, отвѣчалъ Оливье, смѣясь: я представляю себя скромнымъ школьникомъ, который желаетъ только лестнаго одобренія, а не ждетъ главной награды. Впрочемъ... но я, можетъ-быть, скажу глупость... если вы не будете больше пить, то позвольте взять эту бутылку; уже четверть часа, какъ я пью одинъ, по разсѣянію...

— Пейте, сказалъ графъ, наливая въ стаканъ Оливье: не заставляйте меня думать, что вы боитесь быть со мною откровеннымъ.

— Хорошо, сказалъ Женевецъ, выпивая шестой стаканъ рейнвейна. А, вы хотите знать мои тайны, г. Итальянецъ? Хорошо, очень-радъ! Я влюбленъ въ леди Мовбрэ.

— Прекрасно, сказалъ графъ, весело подавая ему руку: прекрасно!

— Развѣ вы въ первый разъ видите мужчину, влюбленнаго въ женщину, которой онъ никогда не видалъ?

— Конечно нѣтъ, отвѣчалъ Буондельмонте. Я читалъ больше тридцати романовъ, я видѣлъ больше двадцати комедій, которые такъ начинаются, а повѣрьте, жизнь чаще походить на романъ, чѣмъ романъ на жизнь. Но скажите, пожалуйста, изъ всего, что вы слышали о леди Мовбрэ, что вамъ больше понравилось?

— Позвольте, сказалъ Оливье, котораго мысли начинали путаться: объ ней разсказываютъ много удивительнаго; говорятъ, однако-жъ, что въ первой молодости она была очень-легкомысленна.

— Что вы говорите? сказалъ сухо Буондельмонте. Но Оливье ничего не замѣчалъ.

— Да, продолжалъ онъ: немножко-коклетлива.

— Это гораздо-лучше! замѣтилъ графъ: что-жъ дальше?

— Такимъ-образомъ, по ея-ли неосторожности, по зависти-ли другихъ женщинъ, репутація ея въ Англіи была не очень-хороша, что и принудило ее оставить эту страну мужчинъ флегматиковъ, женщинъ *collet montée*. Она пріѣхала въ Италію искать жизни болѣе свободной, правовъ болѣе пріятныхъ. Говорятъ даже...

— Что такое говорятъ? спросилъ холодно графъ.

— Говорятъ... продолжалъ Оливье, ничего не замѣчая: да, она разсказывала объ этомъ въ Э одной изъ своихъ пріятельницъ, которая потомъ разсказала всѣмъ...

— Но что-жь она говорила? вскричалъ графъ, разрѣзывая фрукты, и порѣзавъ себѣ палецъ по неосторожности.

— Она говорила, что по прїѣздѣ ея въ Италію, она была такъ ожесточена несправедливостью и клеветою людей, что рѣшилась презрѣть все предразсудки и вести такую-же веселую жизнь, какъ многія изъ здѣшнихъ знатныхъ дамъ.

Графъ снялъ дорожную фуражку, и опять надѣлъ, не говоря ни слова. — Оливье продолжалъ:

— Но благородная леди приняла это намѣреніе, не посоветовавшись съ сердцемъ. Она еще не любила, и думала, что не можетъ любить; какъ вдругъ одинъ молодой человекъ влюбился въ нее до безумія, и написалъ къ ней объ этомъ, прося свиданія, безъ всякихъ церемоній.

— Вамъ сказали имя этого молодого человека? спросилъ Буондельмонте.

— Да, но я не помню.... онъ былъ Флорентинецъ, и вы должны знать его, потому-что и теперь еще....

— А что отвѣчала леди Мовбрэ? прервалъ графъ, желая избѣжать отвѣта.

— Она обѣщала свиданіе, но рѣшилась наказать молодого человека за его дерзость. Она приготовила ему какую-то мистификацію; но я не знаю хорошо всѣхъ подробностей.

— Ничего, продолжайте.

— Флорентинецъ явился; онъ былъ такъ хорошъ, такъ милъ, такъ увлекателенъ, что леди Мовбрэ колебалась въ своемъ намѣреніи. Она слушала его, и слушала долго. Она думала увидѣть шагуна, котораго должна была наказать, а нашла пылаго, любящаго, романческаго юношу.... Что сказать вамъ еще? Она была тронута, но хотѣла испугать его, говоря объ опасностяхъ, которымъ онъ будто-бы подвергался. Флорентинецъ былъ смѣлъ, — онъ захохоталъ. Тогда она стала говорить о своей холодности и своемъ кокетствѣ: онъ заплакалъ, и она его полюбила.... такъ что графъ.... кажется, я начинаю припоминать его имя.... Буанакорен.... Бельмонте.... Буондельмонте, да, графъ Буондельмонте, наконецъ побѣдилъ это гордое сердце. Леди Мовбрэ осталась во Флоренціи, графъ Буондельмонте былъ ея первымъ и единственнымъ любовникомъ въ веселой Италіи. Теперь, когда я рассказалъ этотъ случай, какъ самъ слышалъ, скажите, — вы изъ Флоренціи и должны знать вѣрнѣе, — было-ли это?.... если не было, то лучше не говорите, что это сказка: она слишкомъ хороша, и мнѣ будетъ трудно разувѣриться.

— Это нетипичное происшествіе, сказалъ графъ, котораго лицо приняло важное и задумчивое выраженіе. Графъ Буондельмонте былъ десять лѣтъ счастливѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ, у ногъ леди Мовбрэ.

— Десять лѣтъ! вскричалъ Оливье.

— Десять лѣтъ, продолжалъ Буондельмонте. Это случилось десять лѣтъ тому назадъ.

— Десять лѣтъ! повторилъ молодой человѣкъ: такъ леди Мовбрэ уже не молода?

Графъ не отвѣчалъ ни слова.

— Меня однакожъ увѣрили въ Э, продолжалъ Оливье, что она все еще прекрасна, какъ ангелъ, высока, стройна, легка, что она чудесно ѣздитъ на горячей лошади, и даже по оврагамъ, — восхитительно танцуетъ. Ей должно быть около тридцати лѣтъ, не правда-ли?

— Что до ея лѣтъ? сказалъ съ нетерпѣніемъ графъ: женщины всегда столько лѣтъ, сколько кажется, а вамъ вѣдь все говорилъ, что леди Мовбрэ еще прекрасна?

— Мнѣ говорили это въ Э., въ Бернѣ, въ Женевѣ, однимъ словомъ, вездѣ, гдѣ ее видѣли.

— Ей удивляются, ее уважаютъ, сказалъ графъ.

— О, вы, вѣрно, ее знаете! вы, можетъ-быть, другъ ея? Какъ долженъ гордиться Буондельмонте, что успѣлъ воскресить эту прекрасную душу, оживить этотъ бѣдный цвѣтокъ, смятый грозю?

Графъ презрительно улыбнулся; онъ не любилъ романтическихъ фразъ, можетъ-быть, потому, что прежде слишкомъ любилъ ихъ. Онъ пристально посмотрѣлъ на Женевца, но увидя, что тотъ преспокойно пилъ вино, захотѣлъ этимъ воспользоваться, и передать человѣку искреннему, простодушному, мысли, которыя давно его мучили.

Не давая себѣ труда притворяться, потому-что Оливье не былъ въ состояніи хорошо разеуждать, графъ положилъ ему руку на плечо, чтобъ обратить его вниманіе на свои слова.

— Не думаете-ли вы, спросилъ онъ, что гораздо-больше чести для мужчины очернить женщину, нежели возвысить ее, послѣ перваго паденія?

— Нѣтъ, это не мое мнѣніе, сказалъ Оливье: я лучше люблю возобновить храмъ, нежели разрушить его.

— Вы антузіастъ.

— Не спорю, я еще очень-молодъ; а доказательствомъ, что

энтузиасты бывают иногда правы, служить Буондельмонте, который за часть энтузиазма был награжден десятилѣтнею любовью.

— Одинъ онъ можетъ рѣшить этотъ вопросъ, сказалъ графъ.

— Сложивъ руки за спиною, и нахмуривъ брови, онъ сталъ ходить, по комнатѣ, но боясь быть узнаннымъ, взглянулъ на своего товарища. Оливье сидѣлъ, наклонивъ голову и положивъ локти на тарелку; опущенныя его рѣсницы бросали тѣнь на лицо, слегка разрумяненное виномъ; графъ продолжалъ молча ходить по комнатѣ, пока хлопанье бичей и топотъ лошадей не возвѣстили, что коляска подана. Старый слуга подалъ Оливье плащъ, который тотъ надѣлъ, зѣвая и протирая глаза. Онъ тогда только совершенно проснулся, когда взялъ за руку Буондельмонте и принудилъ его перваго сѣсть въ коляску, которая тотчасъ же и покатила въ Флоренцію.

— А, кстати, сказалъ онъ, смотря въ окно: эта ночь напоминаетъ мнѣ, одинъ случай, который я слышалъ о леди Мовбрэ.

— Опять, сказалъ графъ: леди Мовбрэ васъ очень занимаетъ?

— Не спрашивали-ли вы, что мнѣ больше всего въ ней понравилось? Я не умѣю вамъ сказать, что именно, но вотъ происшествіе, по которому мнѣ любопытнѣе видѣть леди Мовбрэ, чѣмъ Римъ, Венецію и Неаполь. Скажите, также-ли справедливо это происшествіе, какъ и первое? Однажды она проѣзжала черезъ Аппенины, съ своимъ счастливымъ любовникомъ, Буондельмонте; на нихъ напали разбойники; графъ храбро защищался противъ трехъ человекъ, убилъ одного и боролся съ двумя другими, какъ вдругъ леди Мовбрэ, которая почти лишилась чувствъ при первомъ нападеніи, выскочила изъ коляски и упала на трупъ разбойника, убитаго Буондельмонте; тогда съ необыкновеннымъ прилежаніемъ духа увидѣла она за поясомъ разбойника большой пистолетъ, изъ котораго тотъ не успѣлъ еще выстрѣлить и еще держался за него рукою; она оттолкнула руку, выхватила пистолетъ изъ-за пояса, бросилась между сражающимися и выстрѣлила прямо въ лице бандиту, который держалъ Буондельмонте за горло. Онъ упалъ мертвый, а Буондельмонте скоро справился съ другимъ. Не прекрасная-ли это исторія?

— Да, и справедливая, отвѣчалъ Буондельмонте. Мужество леди Мовбрэ поддерживалось еще нѣсколько времени послѣ ужасной сцены. Почтальонъ, полумертвый отъ страха, спрятался въ ровъ, испуганныя лошади разорвали построжки, человекъ, бывшій съ путешественниками, былъ раненъ и лежалъ безъ чувствъ. Буондельмон-

те и его спутница должны были сами все привести въ порядокъ, потому-что каждую минуту ожидали прихода другихъ бандитовъ, которыхъ могъ привлечь шумъ драки. Надобно было побить почтальюна, чтобъ придать ему бодрости, перевязать рану лакея, который псходилъ кровью, положить его въ коляску и запрячь лошадей. Леди Мовбрэ помогала съ необыкновенною твердостью, — она придумывала самыя лучшія средства выйти изъ затрудненія, своими прекрасными руками, замарапными кровью, привязывала ремни, рвала бѣлье, поднимала камни. Наконецъ все было готово, и они поѣхали. Леди Мовбрэ сѣла подлѣ своего любовника, пристально посмотрѣла на него, вскрикнула и упала безъ чувствъ.

— О чемъ вы думаете? спросилъ графъ, замѣтивъ, что Оливье задумался и молчалъ.

— Я влюбленъ, сказалъ Оливье.

— Въ леди Мовбрэ?

— Да, въ леди Мовбрэ.

— И вы ѣдете во Флоренцію, чтобъ сказать ей объ этомъ?

— Я вамъ повторю то, что вы мнѣ сказали прежде: почему же нѣтъ?

— Въ-самомъ дѣлѣ, сказалъ графъ сухо: почему же нѣтъ? Потому онъ прибавилъ другимъ тономъ, какъ-будто говоря самъ съ собою: почему же нѣтъ?

— Будьте такъ добры, прибавилъ Оливье, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія: скажите, справедливы-ли третья исторія, которую мнѣ рассказывали о леди Мовбрэ, и которая мнѣ не такъ нравится, какъ двѣ первыя.

— Посмотримъ, какая это исторія?

— Говорятъ, графъ Буондельмонте оставляетъ леди Мовбрэ?

— Что касается до этого, отвѣчалъ съ живостью графъ: я не знаю и ничего не могу вамъ сказать.

— Но меня увѣряли, что это правда, возразилъ Оливье: и какъ ни грустна эта развязка, она очень-возможна.

— Но что вамъ до этого? спросилъ графъ.

— Вы — графъ Буондельмонте, сказалъ Оливье, пораженный тономъ своего товарища, и взявъ его за руку, прибавилъ: вы не оставляете леди Мовбрэ?

— Я графъ Буондельмонте, отвѣчалъ тотъ: вы это знали, милостивый государь?

— Увѣряю васъ честью, что нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, вы не хотѣли меня обидѣть. Но будемъ говорить о другомъ.

Они перемѣнили разговоръ, но онъ какъ-то не клеился. Оба вздумали притворяться спящими. При первыхъ лучахъ солнца, Оливье, который задремалъ въ-самомъ-дѣлѣ, проснулся уже во Флоренціи.

Графъ простился съ нимъ очень-ласково, къ чему имѣлъ время приготовиться.

— Вотъ мой домъ, сказалъ онъ, показывая на одинъ изъ лучшихъ палаццо, передъ которымъ они становились: если вы забудете дорогу къ нему, то позвольте мнѣ самому придти за вами. Скажите, гдѣ вы остановились, и когда я могу, не безпокоя, быть у васъ, чтобъ предложить мои услуги?

— Я еще самъ не знаю, отвѣчалъ Оливье, немного смутясь; но за чѣмъ вамъ брать на себя этотъ трудъ? Я никого не имѣю знакомыхъ въ этомъ городѣ, и какъ только отдохну, то приду воспользоваться вашимъ предложеніемъ.

— Надѣюсь, отвѣчалъ Буондельмонте, подавая ему руку.

— Конечно, я этого не сдѣлаю, думалъ Женевецъ, отвѣчая ему тѣмъ-же. Они разстались.

— Я получилъ славный урокъ, говорилъ самъ-себѣ Оливье, просыпаясь на другой день, въ лучшей гостинницѣ Флоренціи. Хорошо я началъ! Но этотъ человѣкъ сумасшедшій: какъ могъ онъ повѣрить бреднямъ полупьянаго вѣтреника? однакожъ я сдѣлалъ то, что не попаду въ домъ леди Мовбрэ, а я такъ хотѣлъ ее видѣть!.. Это пренесенно впрочемъ!.. Онъ позвалъ своего камердинера, чтобъ велѣтъ подать бриться, и очень досадовалъ, не находя въ своемъ несесерѣ мыла à girofoli, которое онъ купилъ въ Пармѣ. Вдругъ графъ Буондельмонте вошелъ въ комнату.

— Извините, что я вхожу, какъ другъ, безъ доклада, сказалъ онъ, съ веселымъ и открытымъ видомъ: мнѣ сказали вину, что вы проснулись, — я пришелъ просить васъ завтракать къ леди Мовбрэ.

Оливье замѣтилъ, что графъ старался отгадать по лицу его впечатлѣніе, которое произвело на него это извѣстіе. Несмотря на простодушіе, у Оливье была какая-то недовѣрчивость къ другимъ, и въ тоже время благородная увѣренность въ самомъ себѣ. Его можно было обидѣть, но не одурачить или испугать.

— Очень-радъ, отвѣчалъ онъ: благодарю васъ, любезный товарищъ моего путешествія, за это удовольствіе; теперь мы квиты.

Откровенное дружеское обращеніе Буондельмонте нисколько

не измѣнилось. Только когда молодой иностранецъ, одѣваясь, обращалъ большое вниманіе на всѣ мелочи своего туалета, графъ не могъ удержаться отъ улыбки; Оливье увидѣлъ ее въ зеркалѣ, передъ которымъ завязывалъ галстухъ. Если мы играемъ въ ловушки, подумалъ онъ, тѣмъ лучше. Онъ снялъ галстухъ и побранилъ камердинера за то, что онъ подалъ ему измятый платокъ. Старый Ганцъ принесъ другой. — Я лучше надѣну голубой, сказалъ Оливье, и когда Ганцъ принесъ голубой, онъ разсматривалъ оба галстуха съ недоумѣніемъ.

— Если я смѣю сказать мое мнѣніе, робко замѣтилъ камердинерь.

— Ты ничего не понимаешь, отвѣчалъ важно Оливье: графъ, я полагаюсь на васъ, — вы человѣкъ со вкусомъ, — который изъ этихъ цвѣтовъ идетъ ко мнѣ больше?

— Леди Мовбрэ, отвѣчалъ графъ, улыбаясь: не можетъ терпѣть ни розоваго, ни голубаго цвѣта.

— Подай мнѣ черный галстухъ, сказалъ Оливье своему камердинеру.

Карета графа ожидала ихъ у подъѣзда; Оливье сѣлъ съ нимъ, обоимъ было неловко, но они скрывали это. Буондельмонте былъ слишкомъ свѣтскій человѣкъ, чтобъ не казаться тѣмъ, чѣмъ ему хотѣлось; Оливье слишкомъ рѣшителенъ, чтобъ показать свое безпокойство. Онъ думалъ, что если леди Мовбрэ согласилась съ Буондельмонте одурочить его, то положеніе его довольно-затруднительно; но если Буондельмонте одинъ вздумалъ это, то очень-пріятно его помучить. Ихъ прежнее расположеніе другъ къ другу обратилось въ какое-то отвращеніе. Оливье не могъ простить графу, что тотъ заставилъ его болтать вздоръ, не сказавъ своего имени; а графъ былъ недоволенъ, не тѣмъ, что говорилъ накануне Оливье, а тѣмъ, что тотъ показывалъ такъ мало раскаянія и смущенія.

Леди Мовбрэ жила въ великолѣпномъ палаццо; графъ нарочно вошелъ первый и говорилъ съ лакеями, какъ будто они были его собственныя. Оливье замѣчалъ всѣ его движенія. Комната, въ которой они ожидали леди Мовбрэ, была прекрасно и богато убрана; графъ гордился, хотя не участвовалъ въ убранствѣ ни деньгами, ни вкусомъ. Между-тѣмъ онъ показывалъ картины леди Мовбрэ, какъ будто былъ ея учителемъ живописи; казалось, онъ радовался непреодолимому волненію, съ которымъ Оливье ожидалъ появленія леди Мовбрэ.

Метелла Мовбрэ, дочь Итальянки и Англичанина, имѣла черные

итальянскіе глаза и свѣжую бѣлизну Англичанки. То, что было слишкомъ-строгаго въ ея античной красотѣ, смягчалось кроткимъ и нѣжнымъ выраженіемъ, свойственнымъ британскимъ лицамъ. Въ ней соединились два прекраснѣйшіе типа. Лица ея было воспроизведено всеми живописцами и скульпторами Италіи; но не смотря на совершенство ея красоты, на ея усѣхи, на изящный нарядъ, первый взглядъ, брошенный на нее, открылъ ему тайное страданіе Буондельмонте. Метелла была уже немолода. Ни роскошь, окружавшая ее, ни извѣстность, ни очарованіе, не спасли ее отъ осужденія, замѣтнаго въ глазахъ молодаго человѣка, когда онъ смотритъ на женщину, уже не молодую. Въ одну минуту Оливье сравнилъ эту знаменитую красавицу, съ одною свѣжею и молодою Швейцаркою; художники могли думать, что имъ угодно,— Оливье нашелъ, что гораздо лучше имѣть шестнадцать лѣтъ, чѣмъ эти двухъ-мысленные года, которые жены скрываютъ съ такимъ тщаніемъ. Взглядъ его былъ быстръ, но не ускользнулъ отъ графа, и графъ съ досадою закусылъ губы. Оливье сейчасъ оправился, и сталъ больше наблюдать за собою; онъ подумалъ, что хотя и не влюбленъ, но можетъ притвориться влюбленнымъ, что хотя леди Мовбрэ и не можетъ внушить ему сильной страсти, но заслуживаетъ, чтобы онъ занялся ею. Можетъ-быть, онъ ошибался, можетъ-быть, женщина можетъ внушить страсть, пока имѣетъ на то право, своею красотою.

Графъ, скрывая оскорбленное самолюбіе, представилъ Оливье леди Мовбрэ, и въ то время, какъ Метелла протягивала руку Женевиу, благодаря за одолженіе, оказанное другу ея, графъ прибавилъ :

— Вы также должны благодарить, миледи, за пламенный энтузіазмъ, которой вы ему внушили. Онъ обожалъ васъ заочно.

Оливье покраснѣлъ до ушей, но леди Мовбрэ, мило улыбаясь, сказала, протягивая руку :

— Будемте друзьями, — я должна вознаграждать васъ за дурную шутку графа.

— Помогайте ему или нѣтъ, отвѣчалъ Оливье : онъ сказалъ вамъ то, чего-бы я никогда не осмѣлился сказать самъ : я слишкомъ вознагражденъ за то, что для него сдѣлалъ. Онъ поцѣловалъ руку леди Мовбрэ.

— Дерзкій! подумалъ графъ.

За завтракомъ графъ былъ необыкновенно внимателенъ къ Метеллѣ. Его вѣжливое обращеніе съ Оливье не скрывало однакожь его досады; Оливье не обращалъ на это вниманія. Леди

Мовбрэ, сначала блѣдная и грустная, оживилась и сдѣлалась еще прекраснѣе. Ничто не было преувеличено, ни ея умъ, ни ея грація. Когда она говорила, Оливье казалось, что она молодѣетъ десятью годами; но онъ сейчасъ понялъ причину ея веселости. Онъ увидѣлъ, что Метелла, привѣтливая съ нимъ, становилась веселою и молодою единственно отъ нѣжнаго вниманія графа. Она еще любитъ его, подумалъ Оливье, а онъ будетъ любить ее покамѣтъ она будетъ любима другими.

Съ этой минуты онъ былъ совершенно-спокоенъ, потому что понялъ, что происходило между ними, и не заботился о томъ, что могло происходить въ немъ самомъ.

Графъ, замѣтивъ, что Метелла поправила его сопернику, думалъ уже, что побѣдилъ; онъ сталъ еще нѣжнѣе съ нею, чтобъ убѣдить Оливье въ его неудачѣ. Въ три часа, замѣтивъ что Оливье намѣренъ уйти, онъ предложилъ отвезти его домой; прощаясь съ Метеллою, онъ два раза такъ нѣжно поцѣловалъ у ней руку, что она покраснѣла отъ удовольствія и счастія. Выраженіе счастія отъ любви бываетъ, обыкновенно, принадлежностью молодости; но когда находимъ его на лицахъ уже немолодыхъ, оно придаетъ имъ какой-то чудный блескъ. Метелла была такъ хороша въ эту минуту, что на лицѣ Буондельмонте выразилось гордое удовольствіе; онъ взялъ за руку Оливье и сказалъ ему, сходя съ лѣстницы: — Ну что, мой другъ, вы все еще влюблены въ леди Мовбрэ?...

— Да, смѣло отвѣчалъ Оливье, хотя въ это время вовсе того не чувствовалъ.

— Вы настойчивы!

— Это не моя вина, а ваша: зачѣмъ вы вывѣдали мою тайну и потомъ открыли ее? Теперь мы играемъ въ открытую.

— Вы очень-увѣрены въ себѣ?

— Советѣмъ пѣтъ: любовь азардная игра!

— Вы очень-остроумны!

— Также, какъ и вы, графъ.

Оливье посвятилъ нѣсколько дней на обзоръ Флоренціи. Онъ мало думалъ о леди Мовбрэ, и, вѣрно-бы, совершенно забылъ, если-бъ не увидалъ ея снова. Однажды вечеромъ онъ замѣтилъ ее въ театрѣ, и долженъ былъ идти къ ней, въ ложу. Она была очаровательна, при свѣчахъ и въ блестящемъ нарядѣ; онъ влюбился въ нее по-уши, и рѣшился не видать ея больше.

Леди Мовбрэ чудесно сохранялась въ тѣ лѣта, когда красота женщины начинаетъ увядать; но уже съ годъ, какъ неумолимое

время каждый день доказывало ей, что оно никогда не теряет правъ своихъ. Часто утромъ Метелла, смотрясь въ зеркало, еще не одѣтая, съ ужасомъ вскрикивала, замѣчая на лицѣ своемъ легкую морщинку, сдѣлавшуюся въ продолженіе ночи. Отъ гордости, она не хотѣла румяниться, какъ дѣлаютъ многія женщины ея лѣтъ. До сего времени, она смѣло могла показываться при яркомъ дневномъ свѣтѣ; но щеки ея стали уже не такъ свѣжи, и темная тѣнь окружала большіе черные глаза. Она замѣчала, какъ радовались ея соперницы, и какъ онѣ стали лучше принимать ее, съ-тѣхъ-поръ, какъ она сдѣлалась для нихъ менѣе опасною.

Въ свѣтѣ говорили, что она въ отчаяніи, что старѣетъ, и даже больна съ горя. Женщины увѣрили, что она краситъ волосы, что у нея нѣсколько фальшивыхъ зубовъ. Буондельмонте, очень-хорошо звалъ, что это клевета, но онъ огорчался этимъ, больше, чѣмъ еслибъ это была истина, но никому неизвѣстная. Онъ былъ слишкомъ-счастливъ, ему слишкомъ завидовали, въ продолженіи десяти лѣтъ, и наслажденія самолюбія, сдѣлались для него дороже наслажденій любви. Любовь и вѣрность прекраснѣйшей женщины возбудили-ли въ немъ непомерную гордость, или только развили ее? — Не знаю.

Всѣмъ, кого я знаю, было когда-нибудь двадцать лѣтъ, и мои психологическія наблюденія убѣдили меня, что каждый можетъ имѣть двадцать лѣтъ хотя разъ въ жизни. Но графу было тридцать-пять лѣтъ, въ тотъ день, когда леди Мовбрэ исполнилось... (Я слишкомъ-хорошо воспитанъ, и не назову лѣти, которыя называютъ «двусмысленнымъ возрастомъ женщинъ») Графъ, который сперва очень гордился предпочтеніемъ леди Мовбрэ, началъ играть въ свѣтѣ полумѣшную, полузамѣтную роль, которая очень оскорбляла его самолюбіе. Въ десять лѣтъ проходитъ пылъ всякой страсти. Дружба, которая слѣдуетъ за любовью, разсчитливѣе и хладнокровнѣе въ своихъ сужденіяхъ. Такая дружба (да простятъ мнѣ два или три исключенія, извѣстныя мнѣ!), не очень-бойка отъ природы. Буондельмонте очень-ясно увидѣлъ, съ одной стороны, скуку и зависимость, которыя будутъ возрастать съ каждымъ днемъ, а съ другой — блестящую будущность, полную молодости и очарованія. Одна нѣмецкая принцесса, большая любительница романовъ, и извѣстная роскошью своихъ экипажей, такъ сентиментально посматривала на графа, въ театрѣ, что привлекла на его ложу общее вниманіе. Одна примадонна, за которую дрались множество военныхъ, часто при-

глашала графа на свои ужины, и смѣялась надъ его уединенною жизнію. Молодые люди, которые удивлялись его жилетамъ и кольцамъ, упрекали его, что онъ потерялъ свою свободу. Наконецъ, онъ уже не встрѣчалъ больше никого, кто-бы старался видѣть леди Мовбрэ, когда она входила въ общество, опираясь на его руку. Она была еще прекрасна, но все знали уже это: ее такъ часто видали, такъ много ей удивлялись, уже такъ давно ее провозгласили царицей Флоренціи, что объ ней перестали говорить, и каждая пансіонерка скорѣе обращала на себя общее вниманіе. Женщины осмѣлились подражать тѣмъ нарядамъ, которые носила прежде одна леди Мовбрэ. Объ ней не говорили даже ничего дурнаго, и графъ слышалъ, какъ съ коварнымъ удовольствіемъ хвалили его примѣрное поведеніе, и говорили, что очень благородно вѣрить такъ долго въ красоту своей любовницы. Печаль Метеллы, когда она увидѣла холодность человѣка, котораго такъ горячо любила, была такъ сильна, что здоровье ея испортилось и красота замѣтно измѣнилась. Буондельмонте сталъ еще равнодушнѣе, и когда молодой Оливье увидѣлъ ихъ вмѣстѣ, леди Мовбрэ считала свое счастье уже не годами, а часами.

— Знаете-ли, милая Метелла, сказалъ графъ на другой день послѣ встрѣчи ея съ Оливье въ театрѣ: этотъ молодой Швейцарецъ влюбленъ въ васъ безъ памяти?

— Вы, кажется, хотите меня въ этомъ увѣрить, сказала леди Мовбрэ, стараясь казаться веселою: вы это повторяете уже десятый разъ, въ-продолженіе двухъ недѣль.

— А если вы и повѣрите, сухо сказалъ графъ: что мнѣ до этого?

Метелла хотѣла сказать, что онъ не всегда былъ такъ равнодушенъ, но боялась, чтобы не сказать того, что говорить обыкновенно оставленные женщины: она замолчала.

Графъ ходилъ нѣсколько времени по комнатѣ, съ мрачнымъ видомъ.

— Вамъ скучно, мой другъ? сказала она съ кротостію.

— Мнѣ? совсѣмъ нѣтъ; я не очень-здоровъ.

Леди Мовбрэ опять замолчала, а графъ продолжалъ ходить. Когда онъ взглянулъ на нее, то замѣтилъ, что она плакала.

— Что съ вами? спросилъ онъ, притворяясь удивленнымъ. Вы плачете, что у меня немножко болитъ горло?

— Если-бъ я была увѣрена, что вы больны, то не плакала-бы.

— Очень-благодаренъ, миледи.

— Я-бы старалась вамъ помочь; но я боюсь, что ваша болѣзнь неизлечима.

— Какая-же моя болѣзнь, скажите, пожалуйста?

— Посмотрите на меня, сказала она, вставая и показывая на свое увядшее лицо: ваша болѣзнь написана на моемъ лицѣ...

— Вы сумасшедшая! сказалъ онъ:—или нѣтъ, вы выходите изъ себя, отъ-того, что старѣетесь!.. Винавать-ли я? и какъ мнѣ помочь этому?

— О, конечно, Луджи, отвѣчала Метелла: вы бы могли помочь этому! — Она упала въ кресла, блѣдная, трепещущая, и залилась слезами.

Графъ сперва былъ тронутъ, потомъ раздосадованъ, и предаваясь послѣдному чувству, сказалъ ей грубо:—Чортъ возьми, сударыня, вамъ не слѣдовало-бы плакать! — Это совсѣмъ къ вамъ нейдетъ! — И онъ ушелъ съ досадою.

Надобно наконецъ, чтобъ это чѣмъ-нибудь кончилось, думалъ онъ, выходя на улицу. Я не могу больше притворяться влюбленнымъ. Всѣ мои нѣжности очень натянуты. Къ тому-же, моя слабость только продолжаетъ страданія этой бѣдной женщины. Мы оба выносимъ мучительную пытку. Надобно наконецъ кончить эту связь.

Онъ вернулся и нашелъ ее безъ чувствъ, на рукахъ женщины; онъ былъ тронутъ и сталъ просить у нея прощенія. Но когда она успокоилась, онъ ушелъ, еще больше-недовольный. — Рѣшено, сказалъ онъ сжимая кулаки подъ плащомъ; я никогда не буду имѣть довольно твердости, чтобъ бросить эту женщину. Напрасно старался онъ на что-нибудь рѣшиться: въ минуту исполненія, онъ чувствовалъ, что не вынесетъ отчаянія Метеллы. Къ тому-же, изъ тщеславія или изъ нѣжности, но онъ когда-то любилъ ее, — онъ былъ десять лѣтъ съ нею счастливъ, — онъ обязанъ былъ ей своимъ блестящимъ положеніемъ въ свѣтѣ; къ тому-же случались дни, когда она была такъ прекрасна, что всѣ называли его счастливецемъ,... — и онъ точно былъ счастливъ въ тѣ дни.

— Однако-жъ, разлука необходима, думалъ онъ: скоро она будетъ совершенно-дурна, и я не въ состоянїи буду скрыть мое отвращеніе. Тогда наша ссора будетъ всѣмъ извѣстна и мучительна для нея. Мы должны теперь-же разстаться дружески. Цѣлый часъ ходилъ онъ одинъ, при свѣтѣ луны; онъ былъ такъ несчастливъ, что если-бъ леди Мовбре знала его скуку, то, вѣрно-бы, предупредила его желаніе. Наконецъ, онъ остановился

посреди улицы, и смотря кругомъ, замѣтилъ, что находится передъ гостинницей, гдѣ... жилъ Оливье. Не знаю, за-чѣмъ вошелъ онъ въ домъ скорыми шагами: можетъ быть, онъ и самъ не зналъ этого. Онъ спросилъ Женевца, и съ радостію узналъ, что тотъ дома. Оливье ебирался на балъ къ одному банкиру, которому былъ рекомендованъ. Онъ удивился волненію графа; никогда не видавъ его въ такомъ положеніи, онъ не зналъ, чему приписать его разстроенный видъ и безирестаннныя противорѣчія. Все, что ни говорилъ онъ, совершенно не согласовалось съ его характеромъ и привычками. Проведя такимъ-образомъ съ четверть часа, Буондельмонте наконецъ дружески пожалъ ему руку, и просилъ чаще посѣщать леди Мовбрэ. Насказавъ ему тысячу преувеличенныхъ вѣжливостей, онъ ушелъ поспѣшно, какъ человѣкъ, сдѣлавшій преступленіе. Онъ возвратился къ леди Мовбрэ, и нашелъ ее больною и готовою лечь въ постель. Онъ совѣтовалъ ей разсѣяться и ѣхать съ нимъ на балъ къ банкиру А...

Метелла не имѣла никакой охоты ѣхать туда, но согласилась, чтобъ сдѣлать удовольствіе графу; она приказала своимъ горничнымъ приготовить платье.

— Право, Луиджи, сказала она ему, одѣваясь: я васъ не понимаю; у васъ тысяча капризовъ: третьяго-дня я хотѣла ѣхать на балъ къ принцессѣ Вильгельминѣ; вы меня не пустили; сегодня...

— О, это совѣтъ другое дѣло! У меня былъ тогда ужаснѣйшій насморкъ... и теперь еще я немного кашляю...

— Мнѣ однако-жъ говорили...

— Чтò такое вамъ говорили? и кто говорилъ?

— Молодой Швейцарецъ, съ которымъ вы вмѣстѣ пріѣхали: вчера въ театрѣ, онъ говорилъ мнѣ, что видѣлъ васъ на балѣ у принцессы Вильгельмины.

— Ахъ, миледи! сказалъ графъ: я очень-хорошо понимаю причину, которая заставляетъ г. Оливье изъ Женевы клеветать на меня.

— Клеветать на васъ? сказала Метелла, пожимая плечами. Развѣ онъ зналъ, что вы меня обманули?

— Неужели вы хотите надѣть это платье миледи? прервалъ графъ: о, вы совершенно не занимаетесь своимъ туалетомъ!

— Это платье, выписано изъ Франціи, мой другъ: оно отъ Викторины и вы еще его не видали.

— Но оно изъ фіолетоваго бархата: это слишкомъ-строгий и мрачный нарядъ.

— Но подождите : къ нему есть серебряные банты, которые придають много блеска.

— Ахъ! да, это правда, вотъ прекрасный, благородный нарядъ. Что ни говори, Метелла, но вы всегда лучше всѣхъ одѣты; я не знаю ни одной двадцатилѣтней женщины, у которой была-бы такая таія, какъ у васъ...

— Увы! сказала Метелла: у меня нѣтъ уже прежней гибкости; походка моя уже не такъ легка, и мнѣ кажется, что съ каждымъ днемъ я становлюсь меньше ростомъ.

— Вы слишкомъ-откровенны и слишкомъ-добры, милая леди, сказала тихо графъ: не надобно говорить этого, особенно при вашихъ горничныхъ: эти болтуны будутъ рассказывать по цѣлому городу.

— Ваше равнодушіе говорить объ этомъ громче ихъ, отвѣчала Метелла.

— Ахъ! вѣчные упреки! Боже мой! Какъ жестоки женщины, когда считаютъ себя обиженными, и какъ постоянны въ своемъ мщеніи!

— Мщеніи? я мщу! сказала Метелла.

— Нѣтъ, я не то хотѣлъ сказать, милая леди: вы добры и великодушны, — развѣ я когда-нибудь сомнѣвался въ этомъ? Ради Бога, не будемъ ссориться! Не будьте такъ грустны... Ваша прическа, кажется, слишкомъ низка, не правда-ли?

— Вы любите эту гладкую прическу, съ брилліантомъ въ волосахъ.

— Я нахожу, что косы, которыя закрываютъ щеки, какъ у королевъ среднихъ вѣковъ, идутъ къ вамъ больше.

— Это правда, мои щеки не такъ уже круглы, какъ прежде; съ косами, это меньше замѣтно. Франческа, заплети мнѣ косы.

— Метелла, отъ-чего вы не румянитесь? сказала графъ, когда она причесалась.

— Увы! я уже должна румяниться, отвѣчала она съ грустію. Я думала, что это никогда не будетъ нужно.

— Какой вздоръ, моя милая! цѣлый свѣтъ румянится, даже самыя молодыя женщины.

— Вы ненавидите румяны, и часто говорили, что предпочитаете мою блѣдность поддѣльной свѣжести.

— Но послѣдній разъ васъ нашли ужасно блѣдною.... вѣдь на балъ ѣздить не для одного своего любовника.

— Я ѣду сегодня единственно для васъ, клянусь вамъ.

— Ахъ, миледи! я тоже могу сказать, что не всегда такъ было; прежде вы гордились своими поклонниками.

— Я гордилась ими для васъ, Лунджи; теперь, когда у меня нѣтъ ихъ больше, и видя, что вы отъ этого страдаете, я хотѣла бы погасить солнце и жить съ вами во мракѣ.

— О! вы сегодня въ поэтическомъ расположеніи духа, миледи; я сейчасъ нашелъ у васъ на столѣ Байрона, открытаго на прекрасной страницѣ о мракѣ; не удивляюсь, что у васъ такія мрачныя мысли. Но румяны къ вамъ чудесно идутъ. Посмотрите на себя, какъ вы прекрасны. Франческа! принесите перчатки и вѣрь миледи. Вотъ вашъ букетъ, Метелла: я принесъ его, — я не хочу терять этого права.

Метелла взяла букетъ, и съ пѣжностью посмотрѣла на графа, улыбаясь сквозь слезы.

— Поѣдемте, мой другъ, сказалъ онъ: вы и этотъ разъ будете царицею бала.

Балъ былъ великолѣпный, но по странному случаю, впрочемъ весьма-обыкновенному въ свѣтѣ, на балъ было множество старыхъ и дурныхъ женщинъ. Между молодыми, очень было мало хорошенькихъ.

Леди Мовбрэ имѣла большой успѣхъ. Оливье, который не надѣялся встрѣтить ее, предался простодушному удивленію. Графъ, какъ только увидѣлъ его подлѣ леди Мовбрэ, сейчасъ отошелъ прочь. Замѣтивъ потомъ, что они разошлись, онъ взялъ Оливье за руку и опять подвелъ къ Метеллѣ. Вы говорили мнѣ дорогою, что видѣли Гете, сказалъ онъ молодому путешественнику: расскажите объ немъ леди Мовбрэ: она такъ любитъ слышать о старомъ Фаустѣ, что хотѣла послать меня нарочно въ Веймаръ, чтобы привести ей точный размѣръ его черепа. По счастью для меня, великій человѣкъ умеръ въ ту минуту, когда я собирался въ дорогу. Буондельмонте, сказавъ это, повернулся очень-ловко на каблукъ, и оставилъ Оливье разговаривать съ леди Мовбрэ о Гете.

Метелла приняла его сначала только вѣжливо, но, мало-помалу, стала слушать со вниманіемъ. Оливье былъ обыкновеннаго ума, но много читалъ, разсказывалъ съ живостью и энтузіазмомъ, и, что всего рѣже между молодыми людьми, безъ всякой принужденности. Говоря съ нимъ, не пужно было видѣть будущаго великаго человѣка, сильнаго, во неузнаннаго генія; онъ былъ настоящий Швейцарецъ, откровенностью и здравымъ смысломъ, и между-тѣмъ чувствительностью и довѣрчивостью походилъ на

Нѣмца; въ немъ не было ничего французскаго, что особенно нравилось Метеллѣ.

Къ концу бала графъ подошелъ, и видя ихъ вмѣстѣ, внутренно гордился своей хитростью. Онъ позволилъ Оливье дать руку леди Мовбрэ, чтобъ проводить ее до кареты, а самъ шелъ сзади, съ супружескою снисходительностью. На другой день онъ очень хвалилъ Метеллѣ молодаго Швейцарца, и уговорилъ ее пригласить его къ обѣду. Послѣ обѣда онъ ушелъ, подъ предлогомъ какихъ-то важныхъ дѣлъ, и оставилъ ихъ однихъ цѣлый вечеръ. Возвращаясь домой пѣшкомъ, онъ увидѣлъ подъ балкономъ леди Мовбрэ двухъ молодыхъ людей; онъ сталъ прислушиваться къ ихъ разговору.

— Видишь-ли ты, леди Мовбрэ? при свѣтѣ луны, точно прекрасная статуя на террасѣ.

— Графъ тоже очень-хорошъ; какъ онъ высокъ и строенъ!

— Это не графъ Буондельмонте, — этотъ выше головой.

— Кто-жъ бы это былъ? я его не знаю.

— Молодой герцогъ д'Асти.

— Нѣтъ, — я видѣлъ сейчасъ, какъ онъ проѣхалъ.

— Ба! у знатныхъ дамъ столько обожателей, а эта такъ хороша! Графъ Буондельмонте долженъ гордиться...

— Онъ глупецъ, волочится за толстой нѣмецкой принцессой, у которой стеклянные глаза и желтыя руки, а между-тѣмъ въ городѣ есть молодой иностранецъ, который всегда провожаетъ г-жу Метеллу и переодѣвается семь разъ въ день, чтобъ ей нравиться.

— А! такъ это онъ стоитъ на балконѣ; онъ, кажется, не ску- часть.

— Я-бы тоже не скучалъ на его мѣстѣ. Буондельмонте, должно-быть, сумасшедшій.

Графъ вошелъ въ палатцу, и прошелъ черезъ всѣ комнаты въ сильномъ волненіи. Онъ остановился на террасѣ и смотрѣлъ на Оливье и Метеллу, которыхъ силуэты рисовались на ясномъ вечернемъ небѣ. Онъ нашелъ, что Женевецъ слишкомъ-близко стоялъ подлѣ его любовницы; правда, она смотрѣла въ другую сторону, и, казалось, думала о другомъ. Чувство ревности и оскорбленнаго самолюбія вспыхнуло въ итальянской душѣ графа. Онъ подошелъ къ нимъ и заговорилъ о постороннихъ предметахъ. Когда они возвратились въ комнаты, Буондельмонте сказалъ, что Метелла была очень-разсѣяна, потому-что даже забыла

приказать подать свѣчи; онъ споткнулся, желая достать колокольчикъ, что еще больше его разсердило.

Молодой Оливье не былъ такъ самолюбивъ, чтобы вообразить себѣ, что можетъ утѣшить Метеллу въ измѣнѣ ея любовника. Хотя она и не повѣряла ему своихъ тайнъ, но онъ легко угадалъ причину ея горя. Онъ искренно жалѣлъ и любилъ ее. Состраданіе и досада на графа, за безпрестанныя насмѣшки, дали ему желаніе дразнить его. Онъ съ радостью замѣтилъ, что гнѣвъ заступилъ мѣсто его прежней излишней учтивости, и началъ сентиментальный разговоръ, который очень не нравился графу. Метелла очень обрадовалась, примѣтивъ ревность своего любовника; какъ женщина, она захотѣла усилить ее, и начала еще больше заниматься Женевцемъ. Эта маленькая хитрость была очень-извинительна, и графъ заслужилъ ее. Онъ сдѣлался такъ сердитъ и дерзокъ, что леди Мовбрэ, боясь смѣшной сцены, дала понять молодому человѣку, чтобы онъ ушелъ. Оливье очень-хорошо понималъ, но притворился неловкимъ провинціаломъ, и показывалъ видъ, будто ничего не понимаетъ. Наконецъ Метелла сказала ему тихо: — Умоляю васъ, уйдите пожалуйста.

Оливье посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Уйдите, продолжала она, пользуясь временемъ, когда графъ отошелъ, чтобы взять шляпу Оливье и подать ему: вы меня обяжете.... мы увидимся....

— Миледи, графъ хочетъ сдѣлать мнѣ дерзость: онъ держитъ мою шляпу.... я принужденъ буду назвать его фанфарономъ.... что мнѣ дѣлать?

— Ничего, идите теперь, и приходите завтра вечеромъ.

Оливье всталъ.

— Извините, графъ, сказалъ онъ: вы нечаянно взяли мою шляпу, вмѣсто своей: отдайте мнѣ ее.... прощайте.... имѣю честь вамъ кланяться.

Графъ не изъ трусости (онъ былъ очень-храбръ), но боясь смѣшной исторіи, очень былъ радъ, что такъ легко отдѣлался. Онъ отдалъ шляпу и вѣжливо раскланялся; но когда Оливье ушелъ, онъ называлъ его несноснымъ, дурно-воспитаннымъ и смѣшнымъ.

— Не понимаю, сказалъ онъ Метеллѣ: какъ вы могли его терпѣть.... У васъ ангельское снисхожденіе.

— Но, кажется, мой другъ, вы сами просили меня пригласить его, и потомъ оставили насъ однихъ.

— Давно ли вы стали такъ невинны, что не умѣете избавиться

отъ несноснаго фанфарона? Вы, кажется, уже вышли изъ лѣтъ неловкости и стыдливости.

Эта дерзость очень обидѣла Метеллу: она отвѣчала съ колкостью; графъ взбѣсился и высказалъ ей все, чего не смѣлъ сказать прежде. Тогда Метелла поняла свое положеніе: несчастіе возвратило ей благородную гордость, внушенную безкорыстною привязанностью къ графу.

— Все кончено, сказала она: напрасно вы такъ долго меня обманывали; вы заставили меня играть смѣшную и жалкую роль; пора наконецъ понять, къ чему меня обязываютъ мои лѣта и ваши: вы свободны.

Графъ давно ожидалъ этого дня избавленія; ему казалось, что слово, сказанное Метеллою, заставитъ его прыгать отъ радости. Но онъ слишкомъ надѣялся на свой эгоизмъ. Когда онъ услышалъ это страшное слово, когда увидѣлъ печальную развязку цѣлой жизни любви и самоотверженія, ему стали противны и онъ самъ, и Метелла. Онъ побѣдаѣлъ, — гнѣвъ и ревность наполнили его душу.

— О! васъ давно тяготило это признаніе, миледи. Вы еще очень молоды сердцемъ, и я обижалъ васъ, считая ваши годы. Вы очень-скоро нашли утѣшителя, и хотите забыть съ нимъ, всѣ огорченія, которыя я вамъ дѣлалъ. не правда-ли? Но будетъ совсѣмъ не такъ; завтра одинъ изъ насъ будетъ здѣсь, подлѣ васъ, а другой уже не станетъ мѣшать никому. Богъ и судьба опредѣлятъ вамъ радость или горе.

Метелла не ожидала такого страннаго гнѣва. Несчастная женщина опять надѣялась быть любимою; она приписала все сказанное ревности графа. Она бросилась въ его объятія, клаясь не видать никогда больше Оливье, умоляла простить ее. Графъ успокоился, безъ удовольствія, такъ, какъ прежде разсердился безъ причины. Въ своемъ затруднительномъ положеніи, онъ боялся больше всего на что-нибудь рѣшиться. Онъ извинился передъ леди Мовбра, обвинялъ себя во всемъ, умолялъ ее любить его по-прежнему, и по-прежнему принимать Оливье, чтобъ не дать тому никакого подозрѣнія.

Насталъ день, и окончилъ бурную и бессонную ночь. Они разстались, по-видимому, примиренные, но печальные, отчаянные, и до того усталые, что даже не могли понимать своего положенія. Графъ проспалъ двѣнадцать часовъ сряду, послѣ такого сильнаго волненія. Метелла проснулась довольно-рано; съ без-

покойствомъ ждала она Оливье, не зная, какъ объяснить ему свои вчерашнія слова и поведеніе Буондельмонте.

Онъ пришелъ и такъ умѣлъ вести себя, что заставилъ Метеллу быть откровеннѣе, нежели она хотѣла. Она высказала свою тайну, и слезы текли изъ глазъ ея при мысли о страданіяхъ, которыя ее ожидали. Оливье былъ тронуть, и, какъ добрый ребенокъ, плакалъ съ леди Мовбрэ. Когда мы несчастливы отъ несправедливости любимаго человѣка, то невольно благодаримъ за чужое участіе. Надобно быть слишкомъ-недовѣрчивымъ, чтобъ противиться этому чувству. Нѣжность и слезы молодого Оливье тронули Метеллу. Еще наканунѣ догадывалась она о любви его, а теперь совершенно убѣдилась въ ней. Но какъ мало находима она въ этой любви отрады, при своихъ страданіяхъ!

Нѣсколько недѣль прошло въ такомъ положеніи. Графъ поддерживалъ одною ревностію любовь, готовую погаснуть каждую минуту. Когда онъ оставался на-единѣ съ своей любовницею, то жалѣлъ, за-чѣмъ не оставилъ ее тогда, какъ она сама ему предлагала. Онъ приводилъ къ ней своего соперника, надѣясь, что новая привязанность утѣшитъ Метеллу и поможетъ ему измѣнить ей. Но какъ только казалось ему, что Оливье усаживалъ, онъ приходилъ въ ужасное бѣшенство отъ оскорбленнаго самолюбія, и, можетъ-быть, прежней любви къ Метеллѣ. Онъ чувствовалъ цѣну своей любовницы въ то время, когда ее у него оспаривали. Оливье повялъ характеръ графа: онъ видѣлъ, что тотъ будетъ оспаривать сердце Метеллы, пока будетъ видѣть соперника и рѣшился уѣхать въ Римъ на нѣсколько времени. Возвратясь, онъ нашелъ Метеллу въ отчаяніи и совершенно-оставленною. Ея несчастіе было уже извѣстно свѣту, всегда жадному до страданій и горестей, которыхъ онъ не раздѣляетъ. Причина разлуки ея съ графомъ дѣлала положеніе леди Мовбрэ очень-страннымъ и непріятнымъ. Женщины радовались этому, а мужчины хотя и находили ее еще прекрасною и очаровательною, но никто изъ нихъ не хотѣлъ быть принятъ, какъ un pis-aller. Оливье явился, онъ любилъ искренно, и потому не боялся быть смѣшнымъ. Онъ пришелъ не какъ любовникъ, а какъ искренній другъ, какъ преданный сынъ. Въ одно утро леди Мовбрэ уѣхала изъ Флоренціи, никто не зналъ куда; Оливье еще нѣсколько времени встрѣчали въ обществахъ, онъ хотѣлъ доказать этимъ, что не похитилъ леди Мовбрэ. Графъ былъ ему благодаренъ, и не сталъ съ нимъ ссориться. Черезъ нѣсколько недѣль Женевецъ скрылся, не произнеся нигдѣ имени леди Мовбрэ.

Они съѣхались въ Миланѣ, гдѣ она ожидала его; онъ нашелъ ее постарѣвшею и очень-блѣдною. Не знаю, охладѣла-ли любовь его; но дружба сдѣлалась еще сильнѣе. Онъ сталъ передъ ней на колѣни, цѣловалъ ея руки, называлъ матерью и умолялъ утѣшиться.

— Да, называйте меня всегда матерью, сказала она: я должна имѣть къ вамъ нѣжность и строгость матери. Выслушайте то, что моя совѣсть заставляетъ сказать вамъ. Вы часто говорили мнѣ о своей привязанности, не о той привязанности, которую великодушный ребенокъ чувствуетъ къ старому другу, нѣтъ, вы говорили мнѣ, какъ молодой влюбленный человѣкъ. Мнѣ кажется, вы ошибаетесь, Оливье, и видя, какъ я старѣюсь, вы скоро разочаруетесь. Что касается до меня, я скажу вамъ всю истину. Я хотѣла раздѣлить вашу любовь, я даже обѣщала вамъ это. Я ничѣмъ не была обязана Буондельмонте, и должна была возвратить ему свободу. Я оставила Флоренцію, надѣясь забыть эту несчастную любовь, и раздѣлить ваше пылкое и молодое чувство. Я не скажу вамъ, что разсудокъ опровергаетъ эту безразсудную страсть между людьми такихъ неравныхъ лѣтъ; не скажу тоже, что совѣсть запрещаетъ мнѣ принять жертву, въ которой вы можете раскаяться въ послѣдствіи. Не знаю, послушалась-ли-бы я разсудка и совѣсти, если-бъ любила васъ. По несчастію, нравственно я еще слишкомъ-молода; но вотъ настоящая причина моего отказа. Не обижайтесь, Оливье, и повѣрьте, что когда-нибудь вы будете благодарны мнѣ за то, что я поступила такъ, какъ поступили-бы немногія женщины моихъ лѣтъ, съ такимъ молодымъ человѣкомъ, какъ вы. Я женщина, и, признаюсь, живо почувствовала оскорбленіе, сдѣланное моему полу и моей прежней красотѣ; я плакала кровавыми слезами, видя торжество моихъ соперницъ, слыша насмѣшки тѣхъ, которыя теперь молоды, и которыя забываютъ, что красота ихъ пройдетъ также, какъ и моя. Оливье, я подавила въ себѣ эту горькую досаду, я противилась внушеніямъ гордости, которая совѣтовала мнѣ украсить вашу любовь, какъ послѣднимъ трофеемъ; но благодаря Бога и моей совѣсти, я не сдѣлала этого. Теперь хочу я доказать вамъ мою искренность...

— Остановитесь, сказалъ Оливье: не лишайте меня послѣдней надежды!... Я знаю, что вы хотите сказать: вы любите графа Буондельмонте, и хотите остаться вѣрною памяти счастья, разрушеннаго имъ. Я уважаю это благородное чувство, и буду ждать, чтобъ время расположило васъ въ мою пользу. Если ожиданіе

мое будетъ напрасно, то все-таки не буду жалѣть, что посвятилъ вамъ мои чувства и мою преданность.

Леди Мовбрэ пожала руку Оливье, называя его сыномъ. Они отправились въ Женеву, и Оливье сдержалъ свое слово. Можетъ-быть, сначала это было для него неслышкомъ-трудно; но по прошествіи полугода, здоровье Метеллы укрѣпилось отъ свѣжаго горнаго воздуха, и она стала также спокойна и свѣжа, какъ прежде. Какъ послѣ первыхъ осеннихъ дождей бываетъ ясная и теплая погода, такъ и для леди Мовбрэ настало ея сень-мартепское лѣто (такъ называютъ крестьяне свѣтлые ноябрскіе дни). Она стала такъ хороша, что еще нѣсколько лѣтъ могла надѣяться наслаждаться славою и счастьемъ. Свѣтъ не разувѣрялъ ее, а счастливый Оливье и тѣмъ больше.

Вмѣстѣ ѣздили они въ Венецію, намѣреваясь возвратиться послѣ карнавала въ Женеву. Графъ Буондельмонте, котораго возила за собой нѣмецкая принцесса, тоже пріѣхалъ на педѣлю въ городъ Дожей. Принцесса Вильгельмина была молода и румяна, но когда сказала ему всѣ фразы, вычитанныя изъ любимыхъ романовъ, то впала въ совершенное безмолвіе, изъ котораго выходила только для того, чтобъ повторить свои любимыя сентенціи и апологи.

Бѣдный графъ жестоко раскаявался въ своемъ выборѣ; онъ боялся повредить себѣ челюсть отъ зѣвоты, продолжая наслаждаться своимъ счастьемъ. Разъ онъ увидѣлъ Метеллу и Оливье въ гондолѣ; она походила на прекрасную царицу съ своимъ пажомъ. Ревность проснулася въ груди графа, онъ воротился домой съ намѣреніемъ заколотъ своего соперника. По-счастью для него и для Оливье, съ нимъ сдѣлалась лихорадка, и онъ припущенъ былъ пролежать въ постелѣ цѣлую недѣлю. Въ это время принцесса Вильгельмина, разсердясь, что онъ въ бреду безпрестанно вспоминалъ леди Мовбрэ, уѣхала въ Виртембергъ съ однимъ некателемъ приключеній, который выдавалъ себя за греческаго принца, и благодаря прекраснымъ усамъ и театральному костюму, слылъ за очень-храбраго человѣка. Въ то же время леди Мовбрэ и Оливье оставили Венецію, не зная, что они столкнулись съ гондолою Буондельмонте, и что онъ находится въ рукахъ двухъ докторовъ, изъ которыхъ одинъ лечилъ его отъ воспаления въ желудкѣ, а другой отъ воспаления въ мозгу. Благодаря льду, который одинъ клалъ ему на животъ, а другой на голову, графъ выздоровѣлъ отъ обѣихъ болѣзней, которыхъ у него не было, и забылъ обѣихъ женщинъ, которыхъ потерялъ.

II.

Однажды утромъ, леди Мовбрэ, поселившаяся въ Швейцаріи, получила письмо изъ Парижа, отъ настоятельницы монастыря, въ который она, два или три года тому назадъ, помѣстила свою племянницу, миссъ Сару Мовбрэ, молодую, очень-интересную сироту, какъ вообще всѣ сироты, въ-особенности-же богатая.

Начальница писала къ леди Мовбрэ, что болѣзнь, которою страдала Сара уже годъ, такъ усилилась, что доктора совѣтывали ей непременно перемѣну воздуха. По полученіи письма, леди Мовбрэ послала за почтовыми лошадьми, собралась и въ тотъ-же день отправилась въ Парижъ.

Оливье остался одинъ въ огромномъ замкѣ, на берегу Лемана, въ которомъ уже пятый годъ проводилъ каждое лѣто съ леди Мовбрэ. Въ-продолженіе пяти лѣтъ, первый разъ остался онъ одинъ въ деревнѣ, предоставленный своимъ размышленіямъ. Хотя поѣздка леди Мовбрэ должна была продлиться не болѣе двухъ недѣль, его очень однакожь огорчила эта разлука, и мысль, что постороннее лицо нарушитъ ихъ тихую, одинокую и спокойную жизнь, была ему очень-неприятна. Романическій характеръ Оливье нисколько не измѣнился, его сердцу также нужна была любовь, въ немъ сохранилось его прежнее простодушіе. Имѣло-ли время вліяніе на его чувства, перемѣнилась-ли любовь его къ леди Мовбрэ на дружбу, онъ и самъ не зналъ, а Метелла не спрашивала, наслаждаясь его признательностію, и не анализируя ее. Умная и справедливая, она чувствовала всю цѣну этой привязанности, стараясь сдѣлать для Оливье легкою и пріятною цѣнь, которую онъ носилъ съ благодарностію и счастіемъ.

Метелла такъ превосходила другихъ женщинъ, ея общество было такъ пріятно, характеръ такъ ровень, она такъ умѣла отдалять отъ своего молодого друга всѣ обыкновенныя неприятности жизни, что Оливье привыкъ къ этой жизни, спокойной, тихой, пріятной, хотя однообразной. Когда онъ остался одинъ, ему стало ужасно-скучно; мрачныя мысли невольно входили ему въ голову: онъ испугался, когда подумалъ, что леди Мовбрэ можетъ умереть прежде него.

Метелла, взявъ свою племянницу изъ монастыря, отправилась съ нею въ Женеву; все это сдѣлалось такъ скоро, что она едва

имѣла время взглянуть на Сару; она выѣхала изъ Парижа вечеромъ въ самый день своего прѣзда. Проснувшись на другой день въ дорогѣ, она захотѣла хорошенько рассмотреть молодую дѣвушку, которая спала подлѣ нея въ каретѣ. Леди Мовбрэ сіяла тихонько шубу, въ которую завернулась Сара и посмотрѣла на спящую. Сарѣ было пятнадцать лѣтъ, она была блѣдна и худа, но прекрасна, какъ ангелъ. Длинные, свѣтлые волосы ея падали изъ-подъ кружевнаго чепчика, на бѣлую, гладкую шею, украшенную маленькими рожидыми пятнышками, похожими на бархатныя мушки. Во снѣ у ней было то рафаэлевское выраженіе, которому долго удивлялись въ Метеллѣ, и слѣды котораго она еще сохранила, не смотря на годы и несчастія. Метелла чувствовала материнскую гордость, находя въ молодой дѣвушкѣ свою прежнюю красоту. Она вспомнила нѣжно-любимаго брата, которому обѣщала заботиться о послѣдней отрасли ихъ семейства; леди Мовбрэ была единственная подиора Сары; въ чертахъ ея она видѣла прекрасный типъ своихъ благородныхъ предковъ. Въ монастырѣ всѣ со слезами расстались съ Сарою, всѣ говорили, что характеръ ея такой-же ангельскій, какъ и наружность.

Метелла почувствовала нѣжное участіе къ этому ребенку; она тихо взяла ея маленькую ручку, и согрѣвала въ своихъ; потомъ, наклонясь къ ней, поцѣловала въ лобъ. Сара проснулась, и въ свою очередь посмотрѣла на Метеллу; она знала ее очень-мало, и наканунѣ видѣла озабоченною. Робкая отъ природы, она едва смѣла смотрѣть на нее. Теперь, когда она увидѣла прекрасную женщину, съ милою улыбкою и глазами, полными слезъ, въ ней пробудилась дѣтская довѣренность ея лѣтъ и она бросилась на шею къ Метеллѣ.

Леди Мовбрэ прижимала ее къ сердцу, плакала съ нею, потомъ утѣшала ее, обѣщала ей нѣжность и попеченія матери, разспрашивала о здоровьи, о ея вкусахъ и занятіяхъ; наконецъ, Сара, утомленная движеніемъ экипажа, опять заснула подлѣ нея. Метелла вспомнила Оливье, и мысленно раздѣлила съ нимъ радость — имѣть при себѣ такого милого ребенка. Но мало-по-малу, мысли ея становились мрачнѣе, послѣдствія, которыхъ она не предвидѣла, пришли ей на умъ; она опять взглянула на Сару, но этотъ разъ съ какимъ-то непонятнымъ страданіемъ. Красота молодой дѣвушки горько дала ей почувствовать, что женщина теряетъ свое могущество вмѣстѣ съ молодостью. Она невольно положила свою руку подлѣ руки Сары; рука ея была еще прекрасна, но она вспомнила о своемъ лицѣ, и смотря на пле-

мянницу, сказала сама-себѣ: Какая разница! вѣрно, Оливье это замѣтитъ. Оливье также хорошъ, какъ она; они будутъ любить другъ-другомъ, — они оба добры, — они полюбятъ другъ-друга... а почему и не любить имъ другъ-друга? они будутъ братъ и сестра, а я буду ихъ матерью... матерью Оливье! Развѣ это не должно такъ быть? Развѣ я не думала объ этомъ, уже сто разъ? Но такъ скоро! Я не воображала найти молодую дѣвушку вмѣсто ребенка, не думала, что она можетъ быть моей соперницей... Соперницей... моя племянница, моя дочь! Какой ужасъ! нѣтъ, никогда! Леди Мовбрэ перестала смотрѣть на Сару; красота, которую любовалась она прежде, теперь пугала ее; сердце ея сильно болело, она ломала себѣ голову, стараясь найти мысль, на которой могла бы успокоиться. Время отъ-времени, она бросала на Сару испуганный взглядъ челоуѣка, проснувагося съ змѣею въ рукѣ. Она пугалась больше того, что происходило въ ней самой; ей казалось, что она ненавидитъ сироту, которую должна любить и покровительствовать. Боже мой! Боже мой! думала она: неужели я буду ревнива? неужели буду я походить на женщину, которыя въ старости дѣлаются жестокими, и находятъ гнусное удовольствіе мучить своихъ соперницъ? Неужели ненавидѣть все, что молодо, есть ужасная необходимость моихъ лѣтъ? Ненавидѣть Сару, дочь моего брата, которая сейчасъ плакала на моей груди!.. о! это ужасно!.. Я чудовище!..

— Но нѣтъ, прибавила она: я не могу ненавидѣть бѣднаго ребенка, не могу ставить ей въ преступленіе ея красоту! Я не зла отъ природы, я чувствую, что совѣсть моя еще молода, и сердце доброе, — я буду любить ее; можетъ-быть, буду страдать, но преодолѣю мое безумство.

Но мысль, что Оливье можетъ влюбиться въ Сару, безпрестанно представлялась ей воображенію и пугала ее; напрасно старалась она побѣдить свое безпокойство. Она была въ отчаяніи, и Сара, проснувшись, нашла въ лицѣ тѣтки такое мрачное и суровое выраженіе, что не смѣла глядѣть на нее, и чтобъ скрыть свое замѣшательство, притворилась спящею.

Такъ прошло все время ихъ путешествія. Метелла напрасно старалась скрыть свои опасенія. Оливье никогда не подавалъ ей повода къ огорченію, нигдѣ не находилъ удовольствія безъ нея, и она знала, что ни одна женщина на свѣтѣ не могла заставить его забыть Метеллу. Но Сара будетъ жить съ ними вмѣстѣ, онъ будетъ видѣть ее каждый день, и если когда даже и не будетъ говорить съ нею, то все-таки будетъ имѣть передъ

глазами это ангельское лицо, и невольно сравнивать его съ увядшимъ лицомъ Метеллы. Если эта жизнь и не будетъ имѣть тѣхъ послѣдствій, которыхъ боялась Метелла, то все-таки дастъ поводъ къ непрерывному страданію этого ревниваго сердца, которое будетъ ловить малѣйшіе признаки своего несчастія. Наконецъ, она ожесточится въ страданіяхъ, и желая быть любимой, сдѣлается несправедлива и зла. За-чѣмъ подвергаться мнѣ этому мученію? думала Метелла: я была такъ спокойна и счастлива, нѣсколько дней тому назадъ. Я знала, что мое счастье невѣчно, но оно могло-бы продолжиться долѣе. За-чѣмъ принимаю я къ себѣ врага? За-чѣмъ вношу яблоко раздора въ жизнь, до-сихъ-поръ счастливую и спокойную? Мнѣ стѣитъ оказать одно слово, чтобъ вернуться назадъ и отвезти эту дѣвушку въ монастырь... Потомъ опять приѣду въ Парижъ, выдамъ ее за мужъ, и Оливье никогда не увидитъ ее. Если я должна лишиться Оливье, то пусть это будетъ, по-крайней-мѣрѣ, не черезъ нее. Но болѣзненное состояніе Сары, опасность, угрожавшая ей жизни, дѣлали для нея необходимыми попеченія Метеллы. Благородный характеръ леди Мовбрэ восторжествовалъ, и она возвратилась домой, не сказавъ ни одного неприятнаго слова Сарѣ.

Оливье встрѣтилъ ихъ на прекрасной англійской лошади, и скакалъ подлѣ кареты въ-продолженіе двухъ миль. Подъѣхавъ къ нимъ, онъ соскочилъ съ лошади, и цѣлуя руку леди Мовбрэ, называлъ ее, по обыкновенію, матерью. Когда онъ отошелъ отъ кареты, Сара простодушно сказала леди Мовбрэ: Ахъ, Боже мой, милая тѣтушка! я не знала, что у васъ есть сынъ; мнѣ всегда говорили, что у васъ нѣтъ дѣтей.

— Это мой воспитанникъ, Сара, отвѣчала леди Мовбрэ: считай его братомъ.

Сара больше ничего не спрашивала, и даже нисколько не удивилась; она посмотрѣла съ боку на Оливье, и нашла, что у него очень-пріятное и благородное лицо; но скромная, какъ настоящая Англичанка, она больше не смотрѣла на него, и въ-продолженіе цѣлой недѣли отвѣчала ему краснѣя и очень-коротко.

Леди Мовбрэ больше всего на свѣтѣ боялась показать Оливье свое безпокойство, внутренно-краснѣла и не понимала, какъ можно показывать свою ревность. Къ тому-жѣ она была Англичанка, и горда до такой степени, что скорѣе согласилась-бы умереть, нежели сознаться въ слабости. Она старалась способствовать дружбѣ Оливье къ Сарѣ; но Оливье держалъ себя въ такомъ почтительномъ отдаленіи отъ молоденькой миссъ, что за-

стѣпчивая Сара могла прожить съ нимъ десять лѣтъ, не познакомясь короче.

Леди Мовбрэ успокоилась и стала еще счастливѣе, чѣмъ прежде. Вѣрность Оливье казалась непоколебимою; онъ почти не замѣчалъ Сару, когда она была съ Метеллою, а когда встрѣчалъ ее одну, то сейчасъ удалялся.

Такъ прошелъ годъ, и Сара, оживленная свѣжимъ, горнимъ воздухомъ, сдѣлалась такъ хороша, что молодые Женевцы безпрестанно бродили около парка леди Мовбрэ, желая взглянуть на ея племянницу.

Однажды леди Мевбрэ и Сара были на одномъ сельскомъ праздникѣ, въ окрестностяхъ города. Одинъ молодой человѣкъ очень-близко подошелъ съ Сарою, и дерзко посмотрѣлъ на нее. Молодая дѣвушка испугалась, съ живостию схватила руку Оливье, и сжала ее, сама не зная, что дѣлаетъ. Оливье оглянулся и понялъ причину ея испуга. Онъ грозно посмотрѣлъ на молодаго человѣка, и сдѣлалъ ему потомъ строгій выговоръ.

На другой день Оливье рано вышелъ изъ замка, и вернулся только къ завтраку. Не смотря на его спокойный видъ, леди Мевбрэ замѣтила, что онъ страдаетъ и принудила его объяснить. Онъ сказалъ, что дрался съ молодымъ человѣкомъ, который дерзко посмотрѣлъ на миссъ Мовбрэ, и опасно ранилъ его, но и самъ тоже былъ раненъ. Метелла, заставивъ его показать руку, которую онъ пряталъ, увидѣла, что онъ тяжело раненъ. Съ стѣпеннымъ сердцемъ старалась она подать ему помощь, какъ вдругъ, оглянувшись, увидѣла Сару безъ чувствъ, подлѣ окна. Эта необыкновенная чувствительность показала Оливье очень-естественною въ дѣвущкѣ такого слабаго сложенія; но леди Мовбрэ обратила на это больше вниманіе. Когда Метелла помогла своей племянницѣ, и осталась одна съ Оливье, то начала спрашивать его о причинѣ и подробностяхъ дуели. Вчера она ничего не замѣтила, она была въ то время далеко отъ Сары и Оливье. Оливье старался избѣгать ея вопросовъ, но леди Мовбрэ настаивала, и онъ разсказалъ ей очень-неохотно, что одинъ молодой человѣкъ, очень-дурнаго тона, дерзко посмотрѣлъ на миссъ Мовбрэ; онъ сталъ между ею и этимъ молодымъ человѣкомъ, тотъ подошелъ еще ближе. Оливье оттолкнулъ его довольно-грубо, чтобъ не дать ему дотронуться до платья Сары, которая въ страхѣ прижалась къ своему защитнику. Противники назначили свиданіе, но въ такихъ словахъ, что Сара не могла понять ихъ. Когда дамы сѣли въ карету, Оливье подошелъ

къ молодому человѣку и требовалъ у него объясненія его дерзости. Тотъ не согласился и, не-смотря на всѣ старанія свидѣтелей, не хотѣлъ извиниться; онъ даже довольно грубо намѣкнулъ Оливье, что его считаютъ любовникомъ миссъ Сары и ея тѣтки, и что когда рѣшаются тамъ нагло являться въ общество, то должны приготовиться переносить всѣ послѣдствія своего дурнаго поведенія.

Оливье не колебался ни минуту, онъ отвѣчалъ съ презрѣніемъ ни подлую клевету, ни дрался за честь Сары. Я готовъ, если нужно, повторить тоже самое завтра, сказалъ онъ леди Мовбрэ. Она была въ отчаяніи отъ этой клеветы. Не безпокойтесь, продолжалъ онъ: ваша племянница находится подъ моимъ покровительствомъ, и я буду поступать, какъ поступилъ-бы отецъ ея, въ такомъ случаѣ. Что касается до васъ, ваше имя будетъ ей служить порукою у всѣхъ честныхъ людей.

Леди Мовбрэ, казалось, совершенно успокоилась, но между-тѣмъ была глубоко-огорчена оскорбленіемъ, сдѣланнымъ ея племянницѣ. Въ эту минуту она поняла всю силу привязанности, которую чувствовала къ милому ребенку. Она упрекала себя, что подвергла Сару злости этихъ провинціаловъ; разсмотрѣвъ ея положеніе, она испугалась, потому-что не было другаго средства прекратить всѣ эти клеветы, какъ удалить Оливье.

Мысль объ ужасной жертвѣ, необходимой для репутаціи племянницы, мучила ее, и она ни на что не рѣшалась.

Нѣсколько дней спустя, она замѣтила, что Сара была уже не такъ робка съ Оливье, и Оливье, съ своей стороны, былъ уже не такъ съ ней холоденъ; леди Мовбрэ стало очень грустно, но она подумала, что должна не мѣшать, а способствовать ихъ дружбѣ. Дружба эта съ каждымъ днемъ усиливалась, но леди Мовбрэ не показывала, какъ это ее огорчало.

Мало-по-малу обращеніе Сары и Оливье стало совершенно дружеское; правда, Сара краснѣла, говоря съ нимъ, но однако-жъ говорила, и Оливье удивлялся, находя въ ней столько ума и неприпущденности. Предубѣжденіе его совершенно исчезло, онъ любилъ слушать, какъ она пѣла, часто смотрѣлъ, когда она рисовала цвѣты, и иногда давалъ ей совѣты; онъ даже началъ учить ее ботаникѣ и гулялъ съ ней въ саду. Одинъ разъ Сара жалѣла, что не можетъ ѣздить верхомъ. Леди Мовбрэ была нездорова и не могла выносить верховой ѣзды; не желая лишать племянницу полезнаго движенія, она просила Оливье ѣздить съ нею, въ боль-

шомъ паркѣ, гдѣ миссъ Мовбрэ могла каждый день галопировать часа два.

Эти часы были самые мучительные для Метеллы. Поцѣловавъ племянницѣ и отпустивъ ее съ Оливье, она оставалась на крыльцѣ, блѣдная и печальная, какъ-будто они удалялись навсегда; потомъ уходила въ свою комнату и заливалась слезами. Иногда она шла въ самую глубину парка, и видѣла издали, какъ они мелькали въ лучахъ свѣта, въ паркахъ, которыя образовали аллеи. Тогда она пряталась въ самыя темныя аллеи, боясь, чтобы они не замѣтили и не подумали, что она за нами присматриваетъ; ничто въ свѣтѣ такъ не пугало ее, какъ мысль казаться ревнивою и смѣшною.

Однажды, какъ она плакала въ своей комнатѣ, склонясь головою на окно, Сара и Оливье проѣхали мимо въ галопъ; они возвращались съ прогулки, — лошади ихъ поднимали облака пыли. Сара раскраснѣлась, она была также легка и стройна, какъ ея лошадь. Оливье ѣхалъ подлѣ нея, оба смѣялись веселымъ и счастливымъ смѣхомъ молодости, когда смѣешься потому, что чувствуешь необходимость въ шумѣ, въ радости и въ движеніи. Это были дѣти, которыя радовались, что могли кричать и прыгать вмѣстѣ. Метелла вздрогнула, и спрятавшись за западскія окна, смотрѣла на нихъ. Они были такъ прекрасны, такъ невинны, такъ млы, что она невольно была тронута. — Они созданы другъ для друга, жизнь открывается передъ ними, будущность имъ улыбается, а я, я — тѣнь, которую зоветь могла.... Она услышала шаги; Оливье подходилъ къ ея комнатѣ. Поспѣшно сѣла она за туалетъ, какъ-будто поправляла свою прическу къ обѣду.

Оливье былъ веселъ и доволенъ; онъ съ нѣжностью поцѣловалъ ея руку и подалъ отъ имени Сары, которая пошла перемѣнить свою амазонку, огромный букетъ цвѣтовъ, нарванныхъ ею въ паркѣ.

— Вы сходили съ лошадей? спросила леди Мовбрэ.

— Да, отвѣчалъ онъ. Сара увидя цвѣты, непременно хотѣла нарвать ихъ для васъ, и я не успѣлъ еще взять за поводъ ея лошади, какъ она соскочила на землю. Я исполнилъ должность пажа и держалъ ея лошадь, пока она бѣгала, какъ маленькая козочка, за цвѣтами и бабочками. Милая Метелла, ваша племянница не то, что вы думаете: она не дѣвочка, а переодѣтая птичка; я сказалъ ей это и думаю она и теперь еще тому смѣется.

— Я вижу съ удовольствіемъ, сказала леди Мовбрэ, грустно

улыбаясь, что моя Сара стала опять весела. Милое дитя! она такъ добра и хороша.

— Да, она хорошенькая, сказалъ Оливье: ея фizioномія мнѣ очень нравится; у нея такое умное и доброе лицо... она похожа на васъ, Метелла... я сегодня это особенно замѣтилъ; у нея даже голосъ походить иногда на вашъ.

— Я рада, что вы наконецъ полюбили бѣдную малютку, сказала леди Мовбрэ. Сперва она вамъ не нравилась, признайтесь.

— Нѣтъ, она мнѣ мѣшала, вотъ и все.

— А теперь? сказала Метелла, стараясь казаться спокойною: вы видите, что она вамъ не мѣшаетъ.

— Я боялся, продолжалъ Оливье, что она не будетъ съ вами, какъ должна быть; теперь вижу, что она умѣетъ понимать и цѣнить васъ, и это мнѣ пріятно. Я не одинъ здѣсь люблю васъ, по-крайней-мѣрѣ, могу говорить о васъ съ тѣмъ, кто меня понимаетъ, и кто любитъ васъ такъ, какъ можетъ любить кто-нибудь, кромѣ меня.

Сара вошла въ эту минуту, говоря: Отдашь-ли онъ вамъ мой букетъ, милая тетушка? вашъ сынъ — такой злой! онъ почти насильно взялъ у меня букетъ, чтобъ самому принести вамъ. Онъ также ревнивъ, какъ ваша маленькая собачка, которая плачетъ, когда вы ласкаете мою козу.

Леди Мовбрэ, обнявъ молодую дѣвушку, подумала, что должна считать себя очень-счастливою, видя, что ее любятъ, какъ мать.

Нѣсколько дней спустя, между-тѣмъ, какъ дѣти леди Мовбрэ, (какъ она сама называла ихъ) отправились кататься по обыкновенію, она пошла въ комнату Сары, чтобъ взять книгу, и нечаянно увидѣла клочекъ бумаги, который лежалъ на полочкѣ. Между неоконченными словами, которыхъ нельзя было разобрать, она замѣтила имя Оливье, и подлѣ него огромный восклицательный знакъ! Это была рука Сары. Леди Мовбрэ осмотрѣла все мебели: письменный столъ и ящики были замкнуты, ключи прибраны. Характеръ леди Мовбрэ не допустилъ ее дѣлать дальнѣйшихъ розысковъ. Она вышла однакожь, чтобъ не поддаться своему любопытству.

Когда Сара возвратилась съ прогулки, леди Мовбрэ замѣтила, что она блѣдна и что голосъ ея дрожитъ. Страхъ овладѣлъ сердцемъ Метеллы; за обѣдомъ она замѣтила, что Сара плакала. Вечеромъ миссъ Мовбрэ была такъ печальна, что Метелла невольно спросила у ней, отъ-чего она такъ грустна? Сара отвѣчала, что нездорова, и просила позволенія уйти.

Леди Мовбрэ разспрашивала Оливье объ ихъ прогулкѣ. Опъ спокойной отвѣчалъ, что сначала Сара была очень-весела, что они ѣхали шагомъ и разговаривали, она ни на что не жаловалась, и одна леди Мовбрэ замѣтила ея блѣдность.

Оставя Оливье, леди Мовбрэ пошла къ племянницѣ; но прежде чѣмъ вошла въ ея комнату, остановилась и посмотрѣла въ полурастворенную дверь. Сара писала; услышавъ легкій шорохъ, она вздрогнула, поспѣшно спрятала бумагу, бросила перо и взяла книгу, но не имѣла времени открыть ее; леди Мовбрэ уже стояла подлѣ нея.

— Ты писала Сара? сказала она, важнымъ, но кроткимъ голосомъ.

— Нѣтъ, тетушка, отвѣчала Сара, смутясь.

— Возможно-ли, чтобъ ты меня обманывала, дитя мое?

Сара опустила голову и дрожала.

— Чтò ты писала, Сара? продолжала леди Мовбрэ, съ убійственнымъ хладнокровіемъ.

— Я писала.... письмо, отвѣчала Сара, съ усиліемъ.

— Кому? продолжала Метелла.

— Фанни Гуретъ, моей пансіонской подругѣ.

— Тутъ нѣтъ ничего дурнаго, мой другъ. Зачѣмъ-же ты спрятала письмо?

— Я его не прятала, тетушка, сказала Сара, стараясь казаться смѣлѣе. Но смущеніе ея не скрылось отъ строгаго взгляда Метеллы.

— Сара, сказала она: я никогда не смотрѣла твоихъ писемъ; я имѣла къ тебѣ такую полную довѣренность, что боялась оскорбить тебя этимъ требованіемъ. Но если-бъ я могла вообразить, что между нами могутъ быть тайны, то считала-бы долгомъ требовать у тебя отчета. Теперь у тебя есть тайна, и я хочу ее знать.

— Тетушка! вскричала Сара, виѣ себя.

— Сара, если ты откажешь мнѣ, сказала Метелла, съ кротостью, но твердо: я подумаю, что у тебя въ сердцѣ какое-нибудь дурное чувство; я не стану принуждать тебя, — самовластіе противно моему характеру, — но выйду съ разстерзаннымъ сердцемъ, потому-что буду считать тебя недостойною ни моей любви, ни моего уваженія.

— О, милая тетушка! не говорите такъ, сказала миссъ Мовбрэ, бросаясь, въ слезахъ, къ ногамъ Метеллы.

Метелла, боясь растрогаться, отняла у нея руку, и сдѣлавъ надъ

собою усиліе, сказала холодно: Итакъ, миссъ Мовбрэ, вы не хотите показать вашего письма?

Сара повиновалась; она хотѣла что-то сказать, но не могла и упала почти безъ чувствъ на кресла. Въ душѣ леди Мовбрэ чувство сожалѣнія боролось съ другимъ противнымъ чувствомъ; она позвонила горничную, приказала ей помочь Сарѣ, и заперлась въ своей комнатѣ, чтобъ прочесть письмо: оно было слѣдующее:

«Я давно уже обѣщала тебѣ, dearest Фанни, открыть мою тайну. Пора сдержать мое обѣщаніе. Я не могла ввѣрить се бумагѣ, не найдя сперва средства, переслать тебѣ прямо мое письмо. Теперь я посылаю его съ однимъ человѣкомъ, который часто бываетъ у насъ, и скоро ѣдетъ въ Парижъ. Онъ берется доставить тебѣ отъ меня нѣсколько минераловъ и маленькій гербарій. Онъ спроситъ тебя въ парлаурѣ, и отдастъ посылку и письмо, которое такимъ образомъ не попадетъ въ руки начальницы. Не брани же меня, мой другъ, и не говори, что я не вѣрю къ тебѣ довѣренности; ты увидишь, прочитавъ письмо, что дѣло не о пустякахъ, которыя такъ часто занимали насъ въ монастырѣ. То, о чемъ я хочу говорить, очень-важно, и невольно приводитъ меня въ смущеніе. Я собиралась писать къ тебѣ уже нѣсколько разъ, и разорвала больше десяти начатыхъ писемъ; наконецъ я рѣшилась; будь снисходительна, и если найдешь, что я неосторожна и виновата, то не очень брани меня.

«Я писала тебѣ о воспитанникѣ тетуски, молодомъ человѣкѣ, который живетъ съ нами. Я увидѣла его въ первый день нашего пріѣзда, и такъ смутилась, что не могла смотрѣть на него. Не знаю, что со мною сдѣлалось, когда онъ подошелъ къ коляскѣ, чтобы поцѣловать у тетуски руку; онъ сдѣлалъ это съ такою нѣжностью, что я была тронута, и въ эту минуту поняла всю доброту его сердца. Но прошло полгода, а я все еще хорошенько не знала его лица, потому что осмѣливалась смотрѣть на него только въ профиль. Тетуска сказала мнѣ: Сара, считай Оливье братомъ. Я обрадовалась, и это показалось мнѣ очень-естественнымъ; мнѣ было пріятно имѣть брата, и если-бъ онъ тогда-же началъ обращаться со мной, какъ съ сестрой, мнѣ, можетъ-быть, и на умъ не пришло-бы любить его иначе. Увы, Фанни, ты видѣшь мое несчастіе: я люблю и никогда не буду женою человѣка, котораго люблю.

«Сказать тебѣ, какъ полюбила я этого молодого человѣка, не могу: я и сама не знаю; мнѣ кажется, это какое-то страшное предопредѣленіе. Представь, вмѣсто того, чтобъ обращаться дру-

жески, какъ съ сестрою, онъ цѣлый годъ не говорилъ со мною трехъ словъ въ день, такъ, что, я думаю, весь разговоръ нашъ въ продолженіе этого времени можно написать на одной страницѣ. Я приписывала его холодность застѣчивости; но повѣришь-ли? онъ говорилъ мнѣ потомъ, что чувствовалъ, еще не зная меня, какую-то антипатію ко мнѣ. Какъ можно ненавидѣть человѣка, которого никогда не видали, и который не сдѣлалъ намъ никакого зла? Казалось-бы, эта несправедливость должна была заставитьъ меня не любить его; чтóжь? совсѣмъ напротивъ! Думаю, что любовь совершенно зависитъ не отъ насъ: это болѣзнь души, которой не помогутъ никакія разсужденія.

«Долго не понимала я, чтó со мною происходитъ; я такъ боялась г. Оливье, что иногда мнѣ казалось, что тоже чувствую къ нему отвращеніе. Я находила его гордымъ и холоднымъ, а между-тѣмъ, когда онъ говорилъ съ тетушкою, видъ его и голосъ такъ перемѣнялись, онъ такъ нѣжно заботился о ней, что я невольно находила его и добрымъ, и великодушнымъ.

«Одинъ разъ, проходя черезъ галлерею, я увидѣла его на колѣняхъ передъ тетушкою; она обнимала его и оба они плакали; я прошла такъ тихо, что они не замѣтили. Не могу передать тебѣ впечатлѣніе, которое сдѣлала на меня эта трогательная сцена. Цѣлую ночь я была въ какомъ-то волненіи, я хотѣла имѣть лѣта тетушки, чтобъ быть любимой, какъ мать, человѣкомъ, который не можетъ любить меня, какъ сестру.

«Я поняла настоящія мои чувства только послѣ дуэли, о которой тебѣ писала; я не сказала тебѣ тогда, кто дрался за меня: это былъ г. Оливье. Когда онъ возвратился, то былъ очень-блѣденъ и пряталъ руку подъ сюртукомъ; тетушка догадалась и заставила его показать руку. Не знаю, была-ли она въ крови, но мнѣ показалась кровь на перевязкѣ, и я почувствовала какъ моя кровь прилилась къ сердцу. Я упала въ обморокъ; это было очень-неосторожно, но, кажется, ничего не замѣтили. Когда я опомнилась, то хотѣла благодарить г. Оливье за то, чтó онъ сдѣлалъ для меня; но не могла ничего сказать, и начала плакать, какъ сумасшедшая... Не знаю, отъ-чего не рѣшилась я благодарить его при тетушкѣ. Можетъ-быть, дурное чувство заставило меня ждать минуты, когда я буду одна съ нимъ. Кажется, я думала, что мнѣ будетъ меньше стыдно; но напротивъ, вышло хуже, я задыхалась, — у меня кружилась голова, — я не замѣтила, какъ г. Оливье сжималъ мои руки въ своихъ. Когда я пришла въ себя, онъ все еще держалъ мои руки и чтó-то говорилъ, но я ничего

не понимала; знаю только, что онъ сказалъ мнѣ, уходя: «Милая миссъ Мовбрэ, ваша дружба меня очень трогаетъ, но вы напрасно плачете о такой бездѣлицѣ». Съ этого времени, обращеніе его со мною совершенно перемѣнилось; онъ сталъ такъ добръ и внимателенъ, что я еще больше полюбила его. Онъ даетъ мнѣ уроки, поправляетъ мои рисунки, играетъ со мною на фортепяно; тетушка, кажется, очень-рада нашей дружбѣ. Она заставляетъ насъ вмѣстѣ ѣздить верхомъ, велитъ намъ мириться, когда мы поспоримъ немного, и надуемся другъ на друга. Я была съ нимъ совершенно-свободна и счастлива, воображая, что онъ меня любитъ. Онъ мнѣ самъ говорилъ это, и мнѣ казалось, что когда любятъ другъ-друга, когда равны между собой состояніемъ и воспитаніемъ, то надобно, просто, жениться. Обращеніе тетушки поддерживало во мнѣ эту надежду; но я думала, что мнѣ не говорятъ объ этомъ потому, что я еще слишкомъ-молода. Я была совершенно-счастлива, и ничего больше не желала, какъ продолженія такой жизни. Но увы! этотъ сонъ разрушился, и отчаяніе....»

Здѣсь письмо было прервано приходомъ леди Мовбрэ.

Метелла уронила письмо, и въ отчаяніи закрыла лицо руками. Она оставалась въ такомъ положеніи до разсвѣта, упрекая себя во всемъ и не находя средства выдти изъ ужаснаго положенія; наконецъ не вытерпѣла, встала и пошла въ комнату своей племянницы.

Въ домѣ всѣ спали; время было чудесное; луна бросала свѣтлые лучи свои въ галерею, гдѣ были открыты всѣ окна. Метелла шла тихо, медленно, какъ тѣнь, которая скользитъ вдоль стѣны. Вдругъ она встрѣтилась съ Сарою, которая въ бѣломъ пеньюарѣ шла къ ней на-встрѣчу; они увидѣли другъ-друга только тогда, когда дошли до мѣста, вполнѣ освѣщеннаго луною. Леди Мовбрэ, удивленная, продолжала идти впередъ, желая увѣриться, точно-ли это Сара; но молодая дѣвушка испугалась, увидя высокую, блѣдную женщину, въ черномъ бархатномъ платьѣ. Эта мрачная фигура такъ мало походила на ея тетку, что она приняла ее за привидѣніе, и едва не лишилась чувствъ; однако-жъ она сейчасъ оправилась, услышавъ голосъ леди Мовбрэ, который былъ строгъ и холоденъ.

— Зачѣмъ ты здѣсь, Сара? куда ты идешь?

— Къ вамъ, тетушка, отвѣчала Сара.

— Пойдемъ-же, дитя мое, сказала леди Мовбрэ, взявъ ее за руку.

Они молча вошли въ комнату Метеллы. Тишина почти и ве-

семья пѣсни соловья составляли разительную противоположность съ глубокою горестью этихъ двухъ женщинъ.

Леди Мовбрэ затворила дверь и повела племянницу на балконъ. Она сѣла въ кресла, и, посадивъ ее на табуретъ у ногъ своихъ, положила ее голову къ себѣ на колѣни, и взяла ее за руку; Сара покрывала ее руки слезами и поцѣлуями.

— Тетушка! милая тетушка! простите меня, я виновата.

— Нѣтъ, Сара, ты не виновата; я могу упрекнуть тебя только въ томъ, что ты не имѣла ко мнѣ довѣренности. Твоя скрытность всему причиною; теперь будь откровенна, скажи мнѣ все... все, что ты знаешь.

Леди Мовбрэ съ трепетомъ произнесла послѣднiя слова; ожидая отвѣта племянницы, она чувствовала, какъ лобъ ее покрывался холоднымъ потомъ. Не угадала-ли Сара, за-чѣмъ живетъ у нея Оливье, нѣсколько лѣтъ? Леди Мовбрэ не понимала, отъ-чего Сара вдругъ потеряла всякую надежду на счастье, и боялась услышать отъ нея заслуженные упреки. Огромная тяжесть спала у ней съ сердца, когда Сара сказала съ твердостью: Да, тетушка, я скажу вамъ все. Для чего раньше не открыла я вамъ моихъ безразсудныхъ мыслей? вы бы избавили меня отъ нихъ: вѣдь вы очень-хорошо знали, что вашъ сынъ не можетъ на мнѣ жениться?

— Но почему-же Сара? Кто тебѣ сказалъ?

— Оливье, отвѣча Сара: сегодня утромъ мы стояли и разговаривали подлѣ рѣшотки парка, которая идетъ около дороги. Проѣзжала свадьба; мы остановились, что-бъ посмотрѣть на молодыхъ. Я замѣтила, что у нихъ робкiй видъ.

— Напротивъ грустный, отвѣчалъ Оливье. Да какъ не быть имъ грустными? какая глупая и скучная вещь, свадьба! — Какъ! сказала я: развѣ вы хотите, чтобъ вѣнчались тайно? Это еще скучнѣе. — Я никогда не женюсь.

— О, милая тетушка! эти слова поразили меня, какъ кинжаломъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ показались такъ странны, что я осмѣлилась настаивать, и сказала ему, какъ-будто шутя: Вы сами не знаете, что будете дѣлать въ такомъ случаѣ. Онъ отвѣчалъ съ живостью, какъ-бы желая отнять у меня надежду: Вѣрьте тому, что я говорю, мнѣсь: я далъ клятву передъ Богомъ и сдержу ее. Стыдъ и горе заставили меня замолчать; цѣлый день потомъ я напрасно старалась скрыть мое отчаянiе...

Сара залилась слезами. Метелла, избавясь отъ ужаснаго безпокойства, нѣсколько времени оставалась нечувствительною къ горести

племянницы. Оливье не любитъ Сару, — Сара напрасно любитъ его; она молода хороша и богата; онъ не хочетъ другой любви, другаго счастья, кромѣ того, которымъ наслаждался подлѣ леди Мовбрэ....

Сердце ея наполнилось благодарностью и радостью; она оставила плакать бѣдную Сару, и на минуту забыла, что торжество ея такъ дорого стѣитъ молодой дѣвушкѣ. Но этотъ порывъ жестокости не былъ продолжителенъ: любовь леди Мовбрэ имѣла источникомъ горячее сердце, способное ко всей пѣжноти, которая украшаетъ женщину. Она любила Сару почти столько-же, какъ Оливье, потому что любила ее, какъ дочь. Страданія ея поразили сердце Метеллы: она во многомъ могла упрекнуть себя; она должна была бы предвидѣть слѣдствія такого сближенія молодыхъ людей. Недоброжелательство сосѣдей уже показало ей всѣ невыгоды ихъ положенія. Она не повѣрила своему предчувствію, и теперь счастье Сары было еще въ болѣеи опасности, чѣмъ ея репутація. Она со слезами обняла ее, и въ порывѣ состраданія хотѣла пожертвовать ей своею любовью.

— Нѣтъ, сказала она, увлеченная великодушіемъ: Оливье не давалъ клятвы.... онъ свободенъ.... онъ можетъ жениться на тебѣ.... пусть онъ полюбитъ тебя и я благословлю васъ. Я не буду противиться счастью тѣхъ, кого люблю больше всего въ мірѣ....

— О! я вѣрю вамъ, добрая тетушка, сказала Сара, бросаясь опять къ ней на шею: но онъ не любитъ меня. Что съ этимъ дѣлать?

— Развѣ онъ говорилъ тебѣ это, Сара?

— Нѣтъ, но для чего-жъ онъ говоритъ, что несвободенъ; у него, вѣрно-же, есть какая нибудь причина, которую вы не знаете: онъ кого-нибудь любитъ, онъ, можетъ-быть, даже тайно женатъ?

— Я спрошу у него, я узнаю его мысли, отвѣчала Метелла: я сдѣлаю для тебя все, что могу; если не успѣю, то тебѣ еще останется моя любовь.

— О! да, тетушка! всегда, всегда, закричала Сара, падая къ ея ногамъ.

Успокоенная обѣщаніями тетки, Сара ушла. Метелла уложила ее въ постель, дала ей успокоительное средство, и оставила ее только тогда, когда замѣтила, что она перестала вздыхать во снѣ, какъ обыкновенно дѣлаютъ дѣти, когда засыпаютъ въ слезахъ.

Леди Мовбрэ не могла заснуть. Успокоенная въ одномъ, она мучилась о бѣдной Сарѣ, и не знала, какъ вывести ее изъ затруднительнаго положенія. Мысль женить Оливье на Сарѣ не могла удержаться въ ея головѣ; напрасно пожертвовала-бы она ре-

вностью, съ которой боролась цѣлый годъ. Въ жизни есть отношенія чрезвычайно важныя. Самъ Оливье никогда-бы не могъ забыть, что считалъ Сару дочерью.

Леди Мовбрэ не знала, что дѣлать, и хотѣла подождать нѣсколько дней прежде, чѣмъ на что-нибудь рѣшиться; она старалась себя увѣрить, что страсть Сары не такъ сильна, какъ воображала романическая дѣвушка, и Оливье своей холодностью могъ излечить ее отъ этой страсти скорѣе всякаго. На другой день она вошла къ Сарѣ, сказала, что размышляла обо всемъ, и слѣдствіемъ ея размышленій было слѣдующее: невозможно узнать намѣреній Оливье, и просить у него объясненія вчерашнихъ его словъ, не давъ ему замѣтить впечатлѣнія, которое сдѣлали слова эти на миссъ Мовбрэ, а это можетъ дать ему подозрѣніе. Въ твоемъ положеніи не должно давать ему замѣтить, что ты его любишь, не бывъ прежде увѣренной въ его взаимности.

— О, разумѣется! отвѣчала Сара, краснѣя.

— Я увѣрена, дитя мое, что стыдливость и гордость заставятъ тебя быть осторожнѣе, и имѣть больше власти надъ собою.

— О, конечно, тѣтушка, отвѣчала молодая Англичанка, съ грустной гордостью, которая придала лицу ея выраженіе Тиціановой мученицы.

— Если сынъ мой, продолжала Метелла: въ-самомъ-дѣлѣ далъ клятву остаться холостымъ, если онъ не можетъ открыть ее даже и мнѣ, вамъ должно будетъ разстаться, Сара...

— О! закричала со страхомъ Сара: неужели вы меня выгоните? Неужели я должна буду возвратиться въ монастырь, или въ Англію? Далеко отъ него, далеко отъ васъ!... О, я умру! Здѣсь такъ любили меня!

— Нѣтъ, сказала Метелла важнымъ голосомъ: я никогда не оставлю тебя, я нужна тебѣ, мы навѣкъ связаны другъ-съ-другомъ.

Говоря такимъ-образомъ, она положила руки на бѣлокурую головку Сары, и подняла глаза къ небу съ мрачнымъ и торжественнымъ видомъ. Посвящая себя этой дѣвушкѣ, она чувствовала, какую принимала тяжолую обязанность; можетъ-быть, она должна будетъ пожертвовать для нея счастьемъ цѣлой жизни — присутвіемъ Оливье.

— Общаешь-ли, по-крайней-мѣрѣ, продолжала она: что если заботы о твоемъ счастьи будутъ бесполезны, ты будешь стараться преодолѣть свою несчастную любовь неужели я имѣю дѣло

съ романтическимъ упрямымъ ребенкомъ, а не съ твердою и благо-разумною дѣвушкою?

— Неужели вы сомнѣваетесь во мнѣ? сказала Сара.

— Нѣтъ, я не сомнѣваюсь въ тебѣ, ты — Мовбрэ, и будешь умѣть страдать, молча.... Поди, причешись, Сара, и старайся быть также хорошо-одѣта, какъ всегда. Мы подождемъ нѣсколько дней прежде, чѣмъ рѣшимся на что-нибудь. Общай мнѣ, что ты не будешь писать ни къ одной изъ своихъ пріятельницъ, что я буду единственная твоя повѣренная, и что ты будешь стараться заслужить мою любовь.

Сара со слезами обѣщала дѣлать все, что ей угодно; но, не смотря на все усилія, печаль ее была такъ замѣтна, что Оливье увидѣлъ ее; онъ посмотрѣлъ на леди Мовбрэ, она была также грустна. То, что прежде смутно подозрѣвалъ онъ, теперь стало для него яснымъ; жгучія мечты, которыя иногда мелькали въ головѣ его, охватили все существо его. Онъ испугался того, что происходило вокругъ него и въ немъ самомъ, взялъ ружье и вышелъ. Застрѣливъ нѣсколько невинныхъ птицъ, онъ возвратился тверже, и нашелъ обѣихъ женщинъ болѣе-спокойными; вечеръ прошелъ довольно-тихо. Когда привыкнешь жить вмѣстѣ, когда такъ хорошо понимаешь другъ-друга, что все мысли, все интересы сдѣлались общими, невозможно, чтобъ сладость такихъ отношеній могла исчезнуть вдругъ. Слѣдующіе дни прошли также тихо, и ни одинъ изъ трехъ не нарушилъ ихъ спокойствія; но страданіе глубже врѣзалось въ сердца ихъ. Оливье уже не могъ сомнѣваться въ любви Сары, онъ всегда отгонялъ эту мысль, но теперь и взглядъ Метеллы, и все говорило ему о ней. Оливье такъ нѣжно, такъ искренно любилъ Метеллу, онъ испыталъ съ нею такую тихую и благотворную любовь, что ему казалось невозможнымъ любить иначе. Онъ вполне предался опасности любить, какъ сестру, совершенно-небесное созданіе. Когда чувство любви къ Сарѣ становилось спяще, онъ успокоивалъ себя мыслию, что Метелла все также дорога ему, какъ и прежде; онъ не ошибался, только къ первой — любовь замѣнила дружбу, а къ второй — дружба замѣнила любовь. Сердце молодого человѣка было такое доброе и любящее, что онъ не могъ дать себѣ отчета въ своихъ настоящихъ чувствахъ.

Но когда онъ понялъ ихъ, то не захотѣлъ уже обманывать свою совѣсть, и рѣшился уѣхать. Печаль Сары, ея кротость, нѣжность и благородная гордость, побѣдили его; чувствительный и откровенный, онъ видѣлъ, что не въ состояніи долже скрывать

своей любви; къ тому-же убѣжденіе, что Метелла знаетъ его тайну, еще больше утверждало его въ намѣреніи уѣхать.

Леди Мовбрэ слишкомъ-хорошо изучила все отъѣнки его характера и фізіономіи, чтобъ не понять прежде его самого то, что онъ чувствовалъ къ Сарѣ. Это было для нея послѣдній ударъ; не-смотря на ея доброту, самоотверженіе и разсудительность, она любила Оливье также сильно, какъ и въ первое время ихъ связи. Время, которое освѣщаетъ все привязанности, придало какую-то важность ея обращенію съ нимъ, но сердце несчастной женщины было также молодо, какъ сердце Сары. Она почти обезумѣла отъ горя; должна-ли она была подвергать свою племянницу всемъ опасностямъ раздѣленной страсти? Но какъ могла она противиться желанію Оливье и Сары? Однако-жъ па-добно было объяснить, выйти изъ недоумѣнія, спросить у Оливье, какія были его намѣренія. Но какъ спрашивать? какъ требовать признанія? какъ отчаянная-ли любовница Оливье, или какъ предусмотрительная мать Сары?

Однажды вечеромъ Оливье заговорилъ о поѣздкѣ, которую ему нужно сдѣлать въ Лионъ; леди Мовбрэ услышала съ радостію это извѣстіе; въ ея мучительномъ положеніи это было, по-крайней-мѣрѣ, отдыхъ. На другой день Оливье велѣлъ осѣдлать лошадь, чтобы доѣхать до Женевы, откуда отправлялся на почтовыхъ. Онъ вошелъ въ гостиную, чтобъ проститься, — поцѣловалъ руку Сары въ первый разъ въ жизни, и она такъ смутилась, что не смѣла взглянуть на него; но Метелла, напротивъ, пристально на него посмотрѣла; онъ былъ очень-блѣденъ, но спокоенъ, какъ человекъ, который исполняетъ суровую обязанность. Онъ обнялъ леди Мовбрэ, и въ эту минуту твердость его оставила, слезы показались на глазахъ, и рука судорожно дрожала, подавая ей письмо, омоченное слезамц...

Онъ бросился изъ комнаты, вскочилъ на лошадь и поскакалъ въ галопъ. Метелла стояла на крыльцѣ, пока раздавался стукъ отъ копытъ его лошади; потомъ положила руку на сердце, сжала въ другой письмо, и поняла, что для нея все кончено.

Она воротилась въ гостиную; Сара, наклонясь надъ своимъ шитьемъ, показывала видъ; будто работала, желая доказать тѣткѣ, что имѣетъ довольно силы, чтобы сдержать свое обѣщаніе, но она была блѣдна, какъ Метелла, и также, какъ Метелла, чувствовала, что ея сердце уже не билось.

Леди Мовбрэ прошла черезъ гостиную, не сказавъ ей ни слова; она заперлась въ своей комнатѣ, и прочтала записку Оливье.

«Я уѣзжаю, — вы не увидите меня больше, по-крайней-мѣрѣ, нѣсколько лѣтъ.... когда миссъ Мовбрэ будетъ за-мужемъ!... Не спрашивайте меня, за-чѣмъ я оставляю васъ; если знаете, то никогда не говорите мнѣ объ этомъ!»

Метеллѣ казалось, что она не переживетъ своей ужасной потери; но она испытала на себѣ, что природа всегда сильнѣе горя. Она не могла плакать, она задыхалась, хотѣла разбить голову о стѣны своей комнаты... наконецъ вспомнила Сару, и чувство ненависти и бѣшенства на-минуту вспыхнуло въ ея сердцѣ. — Пусть будетъ проклятъ день, когда ты пришла сюда, вскричала она. Мое покровительство дорого мнѣ стѣло!...

Она услышала шаги Сары и тотчасъ успокоилась; нѣжность ея проснулась при видѣ этого прекраснаго созданія, и она протянула къ ней руки.

— Боже мой, что съ вами? спросила Сара въ испугѣ. Тѣтушка, куда поѣхалъ Оливье?

— Онъ поѣхалъ путешествовать для здоровья, отвѣчала леди Мовбрэ, грустно улыбаясь: но онъ возвратится. Будемъ тверды, мы останемся вмѣстѣ и станемъ любить другъ-друга.

Сара умѣла скрыть свои слезы; Метелла перенесла на нее всю свою нѣжность. Оливье не возвратился. Сара никогда не узнала почему....

ЮМОРИСТИКА.

ЭТЮДЫ ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШИХЪ ЮМОРИСТОВЪ ПРОШЕДШАГО И НЫНѢШНЯГО ВРЕМЕНИ *).

==

РАБЕЛЕ

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

Главная отличительная черта нашего вѣка, поставившая его на такую высокую степень въ области наукъ и познаній, со-

---

*) Въ программѣ о продолженіи изданія «Репертуара и Пантеона» въ 1846-мъ году, читатели уже видѣли, что въ числѣ другихъ предполагаемыхъ улучшеній нашего «Обозрѣнія», мы обѣщали въ-особенности сдѣлать какъ можно разнообразнѣе отдѣлъ «Юмористики». Начало этому уже положено въ юмористическихъ очеркахъ типовъ и характеровъ современной Франціи. Предоставляя себѣ въ-послѣдствіи представить точно такіе-же очерки англійскаго юмору и характеристику лондонской жизни, мы въ то-же время хотимъ познакомить нашихъ читателей и съ творцами этихъ произведеній, имѣющихъ такое глубокое значеніе въ наше время. Съ этою цѣлью мы предприняли составить біографическую галерею замѣчательнѣйшихъ древнихъ и новыхъ юмористовъ, помѣщая отъ времени до времени

стоитъ въ томъ, что онъ провѣрилъ и пересмотрѣлъ множество истинъ, открытыхъ еще нашими предками и считавшихся всегда вѣрными и непреложными. Что это имѣло огромное вліяніе на цѣлую систему многихъ наукъ, — въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Многія истины отъ этого пересмотра получили новую яркость и силу; другія, не устоявъ передъ скальпелемъ холоднаго анализа, упали съ своихъ поэтическихъ подмостковъ, на которыя подняла ихъ рука слишкомъ довѣрчивыхъ предковъ и освятила сила привычки и времени. Провѣрки такого рода даже необходимы: онѣ избавляютъ науку отъ гибельнаго вліянія предразсудковъ и ло-

---

литературные портреты ихъ въ нашемъ изданіи. Въ поляброкской книжкѣ «Репертуара и Пантеона» за 1844 годъ, въ краткой исторіи юмористической литературы, мы говорили о ея важности, о настоящемъ значеніи и вліяніи на нравы и духъ современнаго общества. Мы раздѣлили всю литературу на юмористическую и серьезную, отнеся къ первой всѣ тѣ произведенія, которыя имѣютъ цѣлью *исправлять* человѣчество, показывая ему его недостатки, а ко второй все то, что *поукаетъ* его, показывая ему, до чего онъ можетъ достигнуть на пути размышленія и открытій. «Репертуаръ и Пантеонъ», какъ зеркало современныхъ нравовъ, проявляющихся на сценѣ и въ частной жизни, очевидно относится къ юмористической литературѣ, и какъ произведенія ея, такъ и самые творцы этихъ произведеній, должны имѣть въ немъ почетное мѣсто. Въ первомъ ряду между юмористами стоятъ, очевидно, писатели комическихъ произведеній; ихъ этюды, біографіи, критическую и литературную оцѣнку, читатели могли встрѣтить въ каждомъ номерѣ «Репертуара и Пантеона» подъ рубрикою «Матеріаловъ для исторіи драматической литературы, «Теоріи и исторіи сценическаго искусства» и т. п. Собственные юмористы, изображавшіе нравы своего вѣка въ повѣстяхъ, разсказахъ или сатирахъ, должны занять мѣсто въ отдѣлѣ «Юмористики». Для большаго разнообразія, мы намѣрены помещать очерки жизни и произведеній замѣчательнѣйшихъ юмористовъ, не слѣдуя степени литературнаго значенія ихъ и хронологическому порядку появленія на сценѣ міра и литературы, а напротивъ, беря изъ разныхъ народовъ и вѣковъ портреты ихъ сатириковъ и представителей. На первый разъ представляемъ нашимъ читателямъ очеркъ жизни и произведеній знаменитаго юмориста *Рабеле*, пользующагося огромною, хотя и незаслуженною славой, созданною ему его-же соотечественниками, — юмориста, о которомъ больше говорятъ, чѣмъ знаютъ его. Если очерки наши будутъ одобрены читателями, то мы современемъ представимъ имъ этюды и другихъ отечественныхъ и иностранныхъ юмористовъ, малоизвѣстныхъ или особенно-замѣчательныхъ по вліянію, которое они имѣли на нравы и духъ ихъ времени.

жнихъ идей, незамѣтно вкравшихся за какую-нибудь великую истинною въ тайники познаній. Человѣчество быстро идетъ впередъ, не смотря на все краснорѣчивыя увѣренія даже философовъ, застарѣлыхъ въ своемъ китаизмѣ, что оно вертится на одномъ мѣстѣ, какъ кошка, которая ловить хвостъ свой. При быстромъ ходѣ впередъ гуманныхъ идей, многія истины, которымъ набожно вѣрили предки, кажутся смѣшными потомкамъ. По этому строгій анализъ всехъ существующихъ системъ, одинъ можетъ повести къ основательному, прочному изученію. Не должно вѣрить на слово, *in verba magistri*, ни одной мысли, хотя-бы она была освящена признаніемъ многихъ вѣковъ и народовъ; тотъ, кто посвятилъ себя наукѣ, долженъ все перензлѣдовать. «Нѣтъ ни одной такой сумазбродной идеи, которую-бы не утверждалъ и не доказывалъ какой-либо философъ,» сказалъ весьма-справедливо одинъ остроумный писатель. По незнанію, и чаще всего по лѣни анализировать, люди вѣрятъ очень-страннымъ истинамъ, — и доказать несправедливость хотя-бы общепринятаго мнѣнія—есть дѣло всякаго безпристрастнаго изслѣдователя наукъ и природы. Нелегко, конечно, взятыя за такой пересмотръ; трудно бороться съ вѣковыми повѣрьями, съ вкоренившимися заблужденіями; не охотно расстаются люди съ преданіями ихъ предковъ, крѣпко держатся они за свои любимыя теоріи, называя безумствомъ и святотатствомъ всякую попытку свергнуть ржавую цѣпь старинныхъ предразсудковъ, — но чѣмъ труднѣе борьба, тѣмъ славнѣе побѣда, тѣмъ благороднѣе цѣль, тѣмъ важнѣе и общечеловѣчнѣе послѣдствія битвы. Если вѣкъ нашъ сталъ на такую высокую степень въ наукахъ, то одною изъ главнѣйшихъ причинъ его возвышенія была, безспорно, эта страсть къ перензлѣдованію, болѣе всего возбудившая противъ него жалобы и проклятія людей, сросшихся съ корою невѣжества, которая непроницаемою броней закрыла ихъ отъ лучей науки, и которую новое поколѣніе съ такимъ самоотверженіемъ принялось съ нихъ сдирать и счищать. —

Въ литературѣ болѣе даже, чѣмъ въ наукѣ, такихъ ложныхъ, глубоко-вкоренившихся мыслей, всеми принятыхъ и всеми раздѣляемыхъ. Причина тому: — усилія каждаго поколѣнія, отживающаго вѣкъ свой, — замедлить всеми возможными средствами ходъ человѣческаго ума, и увѣрить молодое поколѣніе въ превосходствѣ своихъ созданій и своихъ дѣлателей. Чувство это весьма-понятно и еродно человѣчеству. Кому пріятно при дверяхъ гроба видѣть, что заслуги его, вѣкогда гремѣвшія въ подсолнеч-

ной, малы и ничтожны въ сравненіи съ заслугами новаго молодого таланта, что ветеранъ, никогда незнавшій соперниковъ и противниковъ, побѣжденъ безъ труда и усилій новымъ писателемъ, едва начавшимъ свое поприще? Потому-то посѣдѣвшіе, но не всегда заслуженные ветераны литературы безусловно хвалятъ предковъ своихъ, чтобы и ихъ также, по системѣ аналогій, хвалило молодое поколѣніе. Отъ этой похвалы въ запуски, безъ достаточнаго повода, основанной на одномъ уваженіи къ великой древности, вкореняется въ литературу множество ложныхъ идей, приобрѣтаютъ славу много негромкихъ именъ. Поэтому-то всякій трудъ, имѣющій цѣлью уничтожить общественное заблужденіе, необходимъ для исторіи литературы. Опровергнуть ложную идею иногда бываетъ нужибе и полезнѣе, чѣмъ основать новую. Къ числу людей, незаконно присвоившихъ себѣ громкое имя на поприщѣ словесности, принадлежитъ и Рабеле, и потому, принявши на себя обязанность ближе познакомиться русскихъ читателей съ этимъ, впрочемъ очень-замѣчательнымъ лицомъ, извѣстнымъ болѣею частию по одной наслышкѣ, мы надѣемся, что трудъ нашъ заслужитъ вниманіе, если не за исполненіе, то за цѣль, съ которою онъ предпринятъ. Имя Рабеле до-сихъ-поръ и для многихъ служитъ синонимомъ неподдѣльнаго юмора и тонкой сатиры. Люди, никогда непринимавшіе на себя труда заглянуть въ его дикіе романы, повторяютъ за другими похвалы этому грубому скептику, простиравшему до невѣроятной наглости цинизмъ языка и мыслей, и называютъ, — его въ слѣдъ за однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ поэтовъ Франціи, — главнымъ изъ числа трехъ шутовскихъ Гомеровъ, брошенныхъ умирающими средними вѣками на порогъ новой эры. (1) Впрочемъ, съ чисто-литературною цѣлью Рабеле невозможно читать. На этотъ подвигъ могутъ рѣшиться, изъ одного удовольствія, только самые отчаянные би-

---

(1) Двое другихъ шутовскихъ Гомеровъ (*Homères bouffons*), по мнѣнію этого автора, (котораго мы не называемъ, питая полное уваженіе къ его таланту и заслугамъ) *Seraintes* и *Arioste*. Тотъ, кто хоть немного знакомъ съ Рабеле, увидитъ тотчасъ-же всю несправедливость и натянутость этой мысли. Далѣе этотъ-же авторъ говоритъ о Рабеле тѣмъ-же напыщеннымъ слономъ: «Rabelais exprime largement l'originalité puissante et luxuriante de cette époque, où le moyen âge encore débon s'étonnait de voir grandir si vite avec son audace de titan l'ère moderne de la Renaissance».

блѣофилы. Языкъ его до того старъ, темень и непонятенъ, что сами Французы, переводя его пѣсколько разъ на обыкновенный человѣческій языкъ, все-таки не вездѣ добились до здраваго смысла. Хотя они и должны лучше знать своего національнаго писателя и имѣютъ больше способовъ оцѣнить его по достоинству, но имъ нельзя во всемъ вѣрять, потому-что народное самолюбие заставляетъ ихъ часто восхищаться несуществующими красотами и возводить посредственнаго писателя на высокую степень, для того только, чтобъ увеличить число знаменитостей, чтобы побольше насчитывать геніевъ въ отечественной литературѣ. Мы смотрѣли на Рабеле, какъ намъ казалось, безо всякаго предубѣжденія, и думая, что разборъ его произведеній любопытенъ во многихъ отношеніяхъ, представляемъ если не новый, то безпристрастный взглядъ на этого страннаго челоѣка.

Рабеле родился въ 1483 году, въ Шинонѣ, небольшомъ городкѣ Турени и умеръ въ 1553 (2). Много пережила Европа въ эти 70 лѣтъ его жизни. Много видѣлъ любопытнаго Рабеле, и тѣмъ досаднѣе, что изъ его произведеній мы очень-мало узнаемъ о духѣ его времени и почти ничего о лицахъ, тогда жившихъ и дѣйствовавшихъ. Онъ пережилъ четырехъ французскихъ королей: Карла VIII, Людовика XII, Франциска I и Генриха II, и девять Папъ, въ числѣ которыхъ были Александръ VI (Борджіа), Юлій II, Леонъ X и Климентъ VIII (Медичи). Въ эти 70 лѣтъ открыта Америка, Италия три раза видѣла французскихъ королей побѣдителями въ стѣнахъ своихъ главныхъ городовъ, Мавры бѣжали навсегда изъ Католической Испаніи, унося съ собою ея благоденствіе, книгопечатаніе начинало волновать умы и народы, колебать престолы и царства (3), и изъ броженія идей и чувствъ возникла Реформація, съ ея корифеями, Кальвиномъ и Лютеромъ. При Рабеле положено было начало Іезуитскому ордену и Инкви-

(2) Въ отношеніи къ числамъ, мы держимся мнѣній общепринятыхъ, потому-что комментаторы Рабеле не согласны между собою даже въ годахъ его рожденія и смерти. Жакобъ Библиофилъ (Поль-Лакруа), писатель, безпорно, превосходно знающій древнюю французскую литературу, полагаетъ, что онъ родился гораздо-позже. (См. *Oeuvres de Rabelais*. Изд. Charpentier. 1841 г. съ комментаріями и предисловіемъ Ж. Библиофила).

(3) При жизни Рабеле, появились первыя изданія *Гомера* во Флоренціи (1488) *Аристотеля* (1497) и *Платона*. (1513) *Виргилій* и *Дантъ* вышли за нѣсколько времени передъ симъ, первый въ 1469, второй въ 1472 г.

зиціи; при немъ человѣческій умъ сдѣлалъ много важныхъ открытій (4); при немъ было взятіе Гренады и Камбрейскій союзъ, битвы Мариньянская, Плауденская (5) и Павійская, Мадридскій договоръ, Крепійскій и Камбрейскій миръ, Аугсбургская конфессія, Смалькальденскій союзъ, заговоръ Фіески въ Генуѣ. При немъ Франція приобрѣла Бретань, Ирландія сдѣлалась королевствомъ, Турки заняли Родосъ, флотъ Барбаруссы появлялся подъ стѣнами Марсели, поднималось Бранденбургское Герцогство, Альбгойцы тысячами гибли въ Мериндолѣ, Михаэль Серветъ умиралъ въ пламени костра и стѣны Рима падали передъ великимъ измѣнникомъ, Бурбонскимъ Конетаблемъ. И какія лица являлись въ эту смутную эпоху, на которую бросаетъ такую огромную тѣнь неполниская фигура Карла V! Какія происшествія волновали народы и державы! Рабеле не принималъ въ нихъ никакого участія. Воспитанный Францисканскими монахами въ Фонтене-ле-Контѣ (въ Пуату) (6) окончивъ у нихъ курсъ ученія, онъ постригся въ монахи этого-же ордена. Въ скоромъ времени однако-же его дерзкій нравъ и насмѣшливый характеръ возбудили противъ него всѣхъ монаховъ, которые начали преслѣдовать его на каждомъ шагу. Къ дурному характеру, Рабеле присоединилъ еще весьма-небезукоризненное поведеніе, и однажды на ярмаркѣ въ Фонтене-ле-Контѣ подгулялъ до того, что, спасаясь отъ упрековъ и соблазна свой орденъ, монахи заперли его въ тюрьму (7), гдѣ онъ просидѣлъ нѣсколько лѣтъ и, вѣроятно, остался-бы еще долѣе, если-бы друзья не освободили его силою. Этотъ посту-

(4) Не говоря уже о географическихъ открытіяхъ, при Рабеле изобрѣтено было гравированіе на мѣди крѣпкою водкою, коляски, (въ XV вѣкѣ) пистолетъ (въ Пистойѣ), и камера-обскура (въ XVI-мъ). Въ его-же время Магелланъ совершилъ первое путешествіе вокругъ свѣта, (отъ 1519 до 1522 года).

(5) Въ 1513 году, на которой былъ разбитъ и убитъ Іаковъ IV-й, Шотландскій король.

(6) Объ отцѣ Рабеле нѣтъ вѣрныхъ свѣдѣній. Одни говорятъ, что онъ былъ трактирщикъ въ Шинонѣ, подъ выѣскою *Миноги*; другіе говорятъ, что онъ былъ аптекарь, имѣлъ довольно-большую ферму и назывался Томасъ Рабеле, владѣтель (sieur) Девильера.

(7) Поклонники Рабеле пишутъ, что заключеніе его въ тюрьму было слѣдствіемъ несправедливаго гоненія монаховъ, ненавидѣвшихъ Рабеле за его огромную ученость и безпримѣрное остроуміе.

покъ не только не остался безнаказаннымъ, но Папа Климентъ VII кромѣ-того, позволилъ ему перейти въ орденъ Бенедиктинцевъ, въ монастырь Мельезе (въ Пуату), неизвѣстно по чьей протекціи (8). Рабеле не ужился однако и съ Бенедиктинцами. Мы можемъ заключить, какую жизнь велъ онъ, изъ того, что въ тогдашнюю эпоху всеобщаго упадка нравственности и монастырской чистоты, поведеніе его находили слишкомъ-неприличнымъ. Видя, что и у Бенедиктинцевъ на него смотрять не слишкомъ-ласково; онъ бросилъ безъ всякаго позволенія свой монастырь и ушелъ въ Монпелье учиться медицинѣ. Тамъ получилъ онъ докторскую степень и началъ лечить, простирая по-временамъ свою практику до Ліона. Едва успѣлъ онъ сдѣлаться докторомъ, какъ тулузскій парламентъ, по приказанію Канцлера Дюпра, уничтожилъ привилегію Монпелье имѣть свой отдѣльный медицинскій факультетъ. Сословіе Докторовъ отправило Рабеле ко Двору, просить о восстановленіи ихъ правъ, и въ благодарность за то, что онъ успѣлъ выхлопотать возобновленіе привилегій, положило всякаго новопроизведеннаго доктора, выдержавшаго съ честью экзаменъ, облачать въ парадное платье Рабеле (9). Обычай этотъ сохранился до первыхъ годовъ XVII столѣтія, когда платье это сдѣлалось такъ коротко, что доходило только до пояса, потому-что всѣ, надѣвавшіе, его отрѣзывали себѣ, на-память, маленькіе кусочки. Тогда Канцлеръ Францискъ Раншенъ, приказалъ сдѣлать другое платье, точно такое-же, на свой счетъ, которое разумѣется, осталось цѣлымъ (10). Но въ то же время, когда Рабеле пріобрѣталъ себѣ такую славу какъ докторъ (11), на него, какъ на монаха, неожиданно упало папское проклятiе, за самовольную отлучку изъ Бенедиктинскаго монастыря и за распутную (12) жизнь,

(8) Вѣроятно, по просьбѣ главнаго намѣстника, бальиства (général-lieutenant de baillage) Андрея Тирако (Tiraqueau), извѣстнаго въ то время своею ученостію и покровительствовавшаго Рабеле.

(9) Платье это было неразрѣзное, краснаго сукна, въ родѣ стихаря, съ круглымъ чернымъ бархатнымъ воротникомъ, на которомъ вышиты были золотомъ три буквы: F. R. C., означавшія *Franciscus Rabelaesus Chinonensis*.

(10) M. Weiss, издатель *Biographie Universelle*, говоритъ, что обычай этотъ сохранился до-сихъ-поръ. (См. Biog. Univ. T. V p. 109 Paris 1841).

(11) Во-время своего пребыванія въ Монпелье, Рабеле издалъ *Афоризмы Гиппократа*, съ своимъ предисловіемъ, и *Ars Medica* Галліена, (въ 1532 г.)

(12) Говорять, что Рабеле выпросилъ прощеніе у Папы, разными фармами и кривлявьями, играя въ Римѣ роль шута, что очень-правдоподобно.

которую онъ велъ въ Монпелье. Несмотря на свой цинизмъ и всегдашнїя насмѣшки надъ монашествомъ, Рабеле однако-же не на-шутку испугался этого проклятїя, которое въ тотъ вѣкъ могло имѣть очень-дурныя послѣдствїя. — Къ его счастью, въ Римъ отправлялся въ это время Жанъ дю-Белле, (du Bellay), Парижскїй Епископъ, воспитывавшїйся нѣкогда вмѣстѣ съ Рабеле въ Анжеръ и Бенетскомъ монастырѣ, хлопотать у папскаго престола о разводѣ Генриха VIII. Покровительствуя всегда Рабеле, онъ и на этотъ разъ не отказалъ ему въ заступничествѣ, и взявъ его съ собою въ Римъ, въ званїи доктора и шута, выпросилъ виновному абсолюцію Павла III-го, который позволилъ ему имѣть мѣстопробыванїе во всеѣхъ городахъ католическихъ державъ и лечить, гдѣ ему вздумается, безовсякой однако-же за это платы. Вскорѣ послѣ этого, подъ покровительствомъ дю-Белле, котораго Папа въ тоже время сдѣлалъ Кардиналомъ, онъ вступилъ въ Аббатство Св. Мавра, которое должно было скорѣ превратиться изъ духовнаго въ свѣтское имѣнїе. Такимъ образомъ Рабеле изъ монаховъ перешелъ въ бѣлое духовенство и до 1551-го года жилъ въ Аббатствѣ Св. Мавра (13). Въ этомъ году Кардиналъ дю-Белле и Кардиналъ де-Гизъ назначили его священникомъ въ Медонъ, гдѣ онъ и пребылъ до своей смерти (14). Подъ конецъ своей жизни онъ, какъ кажется, перемѣнилъ совершенно свое поведенїе, потому-что все вообще писатели, упоминавшїе объ немъ, хвалятъ отеческую любовь его къ своей паствѣ, добро, которое онъ дѣлалъ бѣднымъ, и старанїе, съ которымъ онъ заботился объ ихъ спасенїи и образованїи, врачуя души ихъ, какъ священникъ,

---

О пребыванїи его въ Римъ есть прелюбопытный разсказъ, написанный Жакобомъ Библиофиломъ (Поль де-Лакруа), основанный на историческихъ преданїяхъ и хроникахъ и помѣщенный въ его «Soirées de Walter Scott».

(13) Томасъ Корнель, въ своемъ Географическомъ Словарѣ въ словѣ *St. Maur des fossées*, говоритъ, что въ его время показывали въ Аббатствѣ комнату, въ которой жилъ Рабеле.

(14) Рабеле былъ кромѣ того еще два раза въ Италии, (при Климентѣ VII и въ 1550). Только старость могла измѣнить его отъ страсти къ путешествїямъ. Отъ 1537 до 45 года онъ вѣздилъ часто въ Фонтене-де-Контъ, Эрмено, Пуатье, Бордо и Шинонъ, гдѣ у него былъ племянникъ, въ Нормандїю, Манъ (Mans), Орлеанъ. Въ 1542 году умеръ его покровитель Гильомъ дю Белле, оставивъ ему 50 ливровъ (livres tournois) ежегоднаго дохода. Послѣднїе года его жизни прошли въ гоненїяхъ, воздвигнутыхъ на него врагомъ его, профессоромъ философіи *Рамосомъ*, Ронсаромъ, и ценсурою.

и тѣла, какъ докторъ (15). Онъ умеръ однако не въ Медонѣ, а въ Парижѣ, во-время поѣздки туда по дѣламъ своей пресвитеріи, въ улицѣ Садовъ (*des jardins*), въ приходѣ Св. Павла, и былъ похороненъ на кладбищѣ этой церкви у большаго дерева, которое долго спустя послѣ кончины этого страннаго человѣка обѣяло вѣтвями своими его скромную могилу. Одни комментаторы говорятъ, что онъ умеръ, какъ добрый христіанинъ, другіе, что и въ-послѣднія минуты былъ такимъ-же шутомъ, какъ и вовею жизнь свою. Въ доказательство этого послѣдняго мнѣнія приводятъ слова его, сказанныя имъ передъ смертью: «Я отправляюсь отыскивать великое *можетъ-быть*,.... опускайте занавѣсъ! фарсъ оконченъ!» (16) и слова его, завѣщанія:» У меня нѣтъ ничего, я много долженъ и остальное отдаю бѣднымъ!» (17) Все это можетъ быть одна выдумка, но трудно доказать и противное. — Много толковъ возбудилъ послѣ своей смерти этотъ шутъ-монахъ и скоморохъ-писатель. Одни возносили его до небесъ, другіе унижали безъ пощады. Романы его выходили вдругъ нѣсколькими изданіями, множество комментаторовъ начали объяснять его произведенія, находя въ нихъ какую-то мистическо-пророческую цѣль (18). Бѣольшая часть современниковъ Рабеле обвиняла его

(15) *Антуанъ Леруа*, писавшій въ 1649 году, отзывается съ чрезвычайною похвалою о послѣднихъ годахъ Рабеле. *Антуанъ дю Вердье*, королевской Исторіографъ, въ своей *Bibliothèque Française* выставившей Рабеле въ дурномъ видѣ, въ-послѣдствіи времени, въ *Prosopographie*, также очень хвалитъ его, говоря, что прежде ошибался.

(16) «Je vais chercher un grand peut-être... tirez le rideau! la farce est jouée.

(17) Другіе рассказываютъ, что онъ передъ смертью одѣлся въ *домино*, слѣдуя словамъ писанія: «Beati qui in Domino moriuntur».

(18) Любопытны стихи въ честь Рабеле одного изъ знаменитыхъ въ то время поэтовъ, но теперь неупоминаемаго почти ни въ одной исторіи литературы, Юга *Салеля*. Приводимъ ихъ для любопытства читателей:

Si pour mesler prouffict avec douceur
On met en prix un autheur grandement,
Prisé seras, de cela tien toy seur:
Je le congnoys; car ton entendement
En ce liuret soulz plaisant fondement
L'utilité ha si très bien descripte,
Qu'il m'est aduis que voy ung Democrite
Riant les faicts de nostre vie humaine

въ атеизмъ, въ-слѣдствіе насмѣшекъ надъ священными предметами, щедро разсыпанныхъ въ его произведеніяхъ; но изъ этого рѣшительно нельзя вывести подобнаго заключенія, потому-что стоить заглянуть въ любое духовное сочиненіе проповѣдниковъ и епископовъ того времени, чтобы увидѣть тѣже самыя выраженія и остроты въ предметахъ самаго возвышеннаго содержанія. Подобныя грубыя и грязныя насмѣшки были тогда въ модѣ, и составляли родъ риторическихъ цвѣтовъ и украшеній въ каждомъ сочиненіи (19). Другіе комментаторы, прославляя его ученость, увѣряютъ, что кромѣ всѣхъ существовавшихъ въ то время наукъ, онъ зналъ превосходно языки итальянскій, испанскій польскій, еврейскій, арабскій, латинскій и греческій. Изъ сочиненій его видно ясно только то, что онъ зналъ хорошо два послѣднихъ (20). Если въ его романахъ и попадаются слова, взятые изъ иностранныхъ языковъ, это еще не доказываетъ, чтобы онъ первый ввелъ ихъ въ употребленіе. — О наружности Рабеле мы можемъ судить по описанію его, сдѣланному неизвѣстнымъ авторомъ *Жизни Рабеле*, подписавшимся только начальною буквою своего имени: *Abbé P.*, и по портрету, приложенному къ изданію 1711 года. Аббатъ П. говоритъ, что Рабеле былъ высокаго, величественнаго роста; фізіономія его была очень-пріятна, лицо прекрасное и правильное, глаза полные огня и кротости, выраженіе живое и умное, голосъ звучный и ясный, выходившій изъ маленькаго, хорошенькаго ротика, однимъ словомъ, вся его наружность показывала очень-милаго и любезнаго человѣка, рожденнаго для того, чтобы нравиться и возбуждать въ другихъ радость, которая такими пріятными чертами выражалась на его лицѣ. — Судя по портрету, у Рабеле былъ широкій лобъ, густыя черныя брови, большіе

Or perseuere et si n'en as merite
En ces bas lieux: l'auras au hault Domaine.

(19) *Мено*, *Бирлетъ* и *Мальяръ*, знаменитые проповѣдники своего времени, отличались цинизмомъ своихъ выраженій. Кто хочетъ имѣть полное понятіе о духѣ того времени, пусть прочтетъ въ запискахъ Талемана де Рео біографію отца *Андре* (См. Т. VI. Les Historiettes de Tallemant des Réaux, publiées par Monmerqué 1835).

(20) Девятая глава Пантагрюеля, гдѣ Панургъ говоритъ на 10-ти языкахъ — ничего не доказываетъ. Онъ могъ выписать эти фразы у другихъ авторовъ, даже не понимая ихъ.

глаза, орлиный носъ, прекрасный ротъ и очень-пріятная фізіономія (21), слѣдовательно, онъ былъ почти красавецъ.

Что касается до его произведеній, то мы разберемъ ихъ каждое отдѣльно, а теперь скажемъ нѣсколько словъ о слоgѣ, которымъ они написаны.

Въ то время, когда Рабеле писалъ своего *Гаргантюа*, французскій языкъ не имѣлъ почти ни какихъ грамматическихъ правилъ. Освобождаясь понемногу отъ вліянія латинскаго языка и схоластическихъ формъ фразы, онъ не принялъ никакого постоянного направленія и всякій писатель гнулъ его, какъ ему вздумалось, и укладывалъ въ такую форму, какая ему больше нравилась. Странная, дикая орфографія много способствовала тому, чтобы запутывать смыслъ и безъ того темныхъ фразъ, составленныхъ безо всякихъ правилъ конструкціи. По этому нечего удивляться, что Рабеле на каждомъ шагу, не имѣя средствъ передать мысль свою, самъ составлялъ для нея слова, значеніе которыхъ потеряно для нашего времени, хотя надъ объясненіями ихъ трудились рои комментаторовъ (22). Слогъ Рабеле тяжолъ, неровенъ, грубъ, шереховатъ и грязенъ до чрезвычайности. Нѣсколько удачныхъ мыслей, острыхъ сравненій, ловкихъ оборотовъ исчезаютъ въ этой безобразной громадѣ варварскихъ выраженій. Фразы его какъ-то не вяжутся между собою; нѣтъ ни логической послѣдовательности мыслей, ни необходимой связи

(21) Издатель *Biographie Universelle*, основываясь неизвѣстно на какомъ источникѣ, приложилъ портретъ Рабеле съ широкимъ лицомъ, плоскимъ носомъ и открытымъ ртомъ, огромной величины, изъ котораго выказывается верхній рядъ не совсѣмъ прямыхъ зубовъ.

(22) Часто у него встрѣчаются слова иностранныя, хотя равносильныя имъ существовали уже въ его время и на его отечественномъ языкѣ. Такъ онъ употребляетъ слово *cataclisme* — вмѣсто *inondation*.

chusmate — вмѣсто *abîme*.

sagette — — *flèche*.

scalle — — *échelle*.

union — — *perle*.

metre — — *vers*.

escort — — *adroit*.

forfant — — *coquin*.

Другія слова, собственнаго произведенія, скрываютъ самыя отвратительныя картины, таковы: *rataconniculer*, *biscoter*, *incornifistibuler*. и т. п.

между проишествіями. Безчисленные отступленія и эпизоды еще болѣе спутываютъ читателя. Частыя разсужденія о самыхъ пустыхъ предметахъ, написанныя надутымъ слогомъ, съ цѣлю выказать ученость автора, выводятъ изъ терпѣнія (23). Тривіальность и пошлость нѣкоторыхъ описаній превосходятъ всякое понятіе. Сальности таковы, что самый распутный человекъ прочтетъ ихъ съ омерзениемъ (24). Многія мѣста не имѣютъ совершенно никакого смысла (25). Самые простые законы правдობодія и вѣроятія нарушены безъ всякой церемоніи (26). Нелѣпность нѣкоторыхъ сценъ заставляетъ сомнѣваться въ здоровомъ умѣ автора. — Еще при жизни Рабеле Сорбонна издала громовую критику на его сочиненія и продажа ихъ была формально запрещена, по представленію генеральнаго прокурора, Жиль Бурдена (27), парламентскимъ актомъ 1551 года, — но въ послѣдствіи времени сочиненія Рабеле приводили въ восторгъ почти весь образованный міръ, что нисколько не удивительно, если мы вспомнимъ о тогдашней бѣдности книгъ и литературы, грубости и всеобщемъ развращеніи нравовъ. Многія изъ его мелкихъ произведеній и даже цѣлая пятая глава Пантагрюеля, по мнѣнію большаго числа комментаторовъ, написаны не имъ. Есть доказательства и pro и contra. Не беремся рѣшать этого вопроса, но отмѣтимъ все спорныя мѣста.

Приступая къ разбору произведеній, Рабеле, упомянемъ о за-

(23) Такъ въ Гаргантюа, въ подтвержденіе возможности его 11-ти-мѣсячнаго пребыванія въ утробѣ матери и страннаго его рожденія, Рабеле цитируетъ множество именъ и мнѣній. Кромѣ-того, у него есть тамъ-же цѣлая глава подъ названіемъ: «De ce qu'est signifié par les couleurs blanc et bleu», и бездна лишнихъ и пустыхъ отступленій.

(24) Приводя доказательства всѣмъ нашимъ мнѣніямъ, въ этомъ случаѣ, мы попросимъ читателей вѣрить намъ на слово, или обратиться къ полннику.

(25) Во многихъ изданіяхъ Рабеле они выбрасываются.

(26) Болѣе всего поражаетъ читателя соединеніе великановъ, гигантскаго роста, съ обыкновенными людьми, которыхъ авторъ заставляетъ жить вмѣстѣ, въ однихъ домахъ, свободно разговаривать, обѣдать за одними столами, ѣздить на однихъ и тѣхъ-же корабляхъ и т. п.

(27) Де-Ту, въ своей исторіи, представляетъ этого прокурора человекомъ пристрастнымъ, несправедливымъ и ханжой (См. XXII и XXIII гл. его исторіи).

мѣчательнѣйшихъ его изданіяхъ и коментаріяхъ, для большей полноты нашего очерка, въ хронологическомъ порядкѣ.

Въ 1532 году Рабеле издалъ коментарій на Гипократа и Галліена и собраніе своихъ писемъ на латинскомъ языкѣ. — Потомъ календарь на 1533-й годъ (28). Въ 1534, топографію древняго Рима, сочиненія Марліани, съ своими собственными коментаріями и предисловіемъ. — Календарь на 1535-й годъ. Въ этомъ же году явился и его *Гаргантюа*. — Въ 1542 вышли двѣ первыя книги *Пантагрюеля*. Въ 1545-мъ посланіе къ Жану Буше, въ стихахъ, о воображеніи. Въ 1546-мъ третья книга *Пантагрюеля* (29). Въ 1547-мъ четвертая. — Въ 1548-мъ опять календарь, съ предсказаніями. — Въ 1549-мъ *Сціомахию* или описаніе празднествъ, данныхъ въ Римѣ, во дворцѣ его высокопреосвященства Кардинала дю-Белле, по случаю счастливаго рожденія Герцога Орлеанскаго. — Въ 1550-мъ году Календарь. — Послѣдняя книга *Пантагрюеля* появилась послѣ смерти Рабеле, въ 1562-мъ году (30). Еще при жизни Рабеле (въ 1553 г.) вышла въскорѣ послѣ появленія 4-й книги «Пантагрюеля» небольшая брошюра подъ заглавіемъ: *Briefve Declaration d'aulcunes dictiones obscures contenues en cedit Livre* (31), которая въ послѣдствіи времени была увеличена Анонимомъ и издана подъ заглавіемъ *Alphabet de l'auteur François*. — Книга это необходима для всякаго, кто хотѣлъ-бы прочесть Рабеле, потому что содержитъ въ себѣ объ-

(28) Въ этомъ календарѣ, послѣ его имени стоитъ довольно-странный титулъ, «Docteur en Medicine et Professeur en Astrologie».

(29) На ней Рабеле въ первый разъ выставилъ свое имя: «Maistre François Rabelais, Docteur en Médecine et Caloyer des Isles Hieres». — Первые свои прозведенія онъ издалъ подъ псевдонимомъ «Feu M-e Alcofribas, Abstracteur de Quintessence».

(30) Она вышла съ слѣдующимъ эпиграфомъ:

Rabelais est-il mort? Voyey encore ung Lyure

Non, sa meilleure part ha repriz ses espritz

Pour nous faire présent de l'ung de ses escriptz,

Qui le rend entre tous immortel et fait vivre.

Nature quiete.

Полагаютъ, что подпись эта есть анаграма *Jean Turquet*, друга Рабеле.

(31) Это служитъ доказательствомъ того, что Рабеле плохо понималъ и его современники.

ясненіе множества темныхъ мѣстъ и словъ, встрѣчающихся въ его романахъ. Въ 1651-мъ году вышло собраніе его посланій, съ примѣчаніями и жизнью автора, par Messieurs de St. Marthe. — Въ 1663-мъ вышло первое полное Эльзевиріанское изданіе, подъ заглавіемъ *Oeuvres de Rabelais*. Въ 1708, Ле-Мотте (Le Motteut) издалъ также полное собраніе съ комментаріями. Въ 1711, Дюша (le Duchal) издалъ *Remarques historiques et critiques sur Rabelais*. Въ 1732 новое изданіе, съ комментаріями Гелета (Gueulette) и Жаме (Jamet), перепечатанное въ 1741 съ новыми комментаріями. — Въ 1752 году неизвѣстный авторъ издалъ: *Rabelais Moderne ou les oeuvres de Maître Fr. Rabelais, mises à la portée de la plupart des lecteurs, avec les éclaircissements historiques*. Это изданіе, въ которомъ авторъ исправилъ слогу и орфографію Рабеле и выпустилъ всѣ темныя мѣста, читается легко и удобно, хотя и не даетъ объ авторѣ полного понятія. — Лучшее и полное изданіе вышло въ 1825 году въ Парижѣ G. T., съ картинами, съ историческими и филологическими комментаріями и примѣчаніями ле-Дюша, Беріе, Лемотте, Аббата де-Марси, Волтера и Генгене (32) Сверхъ, того, кромѣ исторій и курсовъ французской литературы, и множества біографій, статей въ журналахъ, энциклопедическихъ и историческихъ словарей, о Рабеле писало много авторовъ болѣе или менѣе пристрастно, потому что онъ имѣлъ гораздо-болѣе поклонниковъ, чѣмъ враговъ (33).

Обратимся къ разбору его романовъ. Рабеле было за 50 лѣтъ

(32) «Oeuvres de Rabelais, publiées par MM. Esmangart et Eloi Johanneau».

(33) Самые ревностные защитники Рабеле иногда говорятъ объ немъ жестока истины. Такъ Лабрюйеръ говоритъ, что Рабеле «est le charme de la canaille. Авторъ «Rabelais Moderne» въ одномъ мѣстѣ восклицаетъ весьма наивно: «Le bon Rabelais dormait ou il étoit ivre, quand il composa ce verbiage. (Т. 1 р. 97.) Старикъ Лагарпъ, котораго, мимоходомъ сказать, ужь черезъ чуръ унижаетъ молодое поколѣніе, въ своемъ *Лицен* очень-хорошо опредѣляетъ Рабеле нѣсколькими словами. (См. Lycée T. 1. Paris 1834, р. 432.) Странно, что Лафонтенъ былъ безъ ума отъ Рабеле. Вольтеръ также черезъ чуръ его восхваляетъ. — Въ «Dictionnaire de la conversation et de la lecture.» (Т. 1. Paris 1838), въ статьѣ Litterature Française, прекрасно очерченъ Рабеле. — Въ «Magasin pittoresque» 1839 года есть также очень-хорошая статья о Рабеле. — Въ запискахъ Tallemant des Réaux — въ IV томѣ есть также прекрасный очеркъ подъ названіемъ: *Rabelais*. Самое дешевое изданіе — Charpentier, но оно безъ комментарій.

когда появилось первое издание его знаменитаго романа, надѣлавшаго столько шума между современниками, которые, читали не понимая его, и между потомками, которые никогда не читая увѣряютъ, что понимаютъ его. Сдѣлаемъ подробный разборъ Гаргантюа, чтобы посмотрѣть, точно-ли это образецъ остроумной веселости, тонкой сатиры и неподдѣльнаго юмора, какъ увѣряютъ его почитатели. — Романъ его вышелъ въ Лионѣ, изъ книжной лавки Франсуа Жюста, въ 1535-мъ году, подъ страннымъ и изысканнымъ названіемъ: *Весьма удивительная жизнь великаго Гаргантюа, отца Пантагрюеля, сочиненная некогда извлекателемъ квинтъ-эссенци, книга, полная Пантагрюелизма* (34). Въ ней 58 главъ кромѣ пролога и обращенія къ читателямъ; въ послѣднемъ онъ проситъ читателей, чтобы они не бросили съ отвращеніемъ его произведенія (35); въ первомъ онъ обращается къ зиненымъ питухамъ и гулякамъ (36), увѣряя ихъ, что въ книгѣ его есть тайный смыслъ и что въ ней не надъ всѣмъ надобно смѣяться, но доискиваться чего-то гораздо-важнѣйшаго, и извлечь его изъ дураческихъ картинъ, какъ извлекаютъ мозжечекъ изъ твердой кости. «Тогда, говоритъ онъ, вы найдете совсѣмъ другой смыслъ и ученіе, старательно-скрытое, которое откроетъ вамъ очень важныя таинства и удивительныя тайны.» Въ заключеніе онъ желаетъ чтобы, книга его сдѣлалась *очень жирною* (37) въ рукахъ читателей, вѣроятно имѣвшихъ привычку читать безъ перчатокъ, и что-бы она читалась *для удовольствія тѣла и пользы чреслъ* (38). И во

(34) La vie treshorricque, du Grand Gargantua, Pere de Pantagruel, jadis composee par l'Abstracteur de Quinte-essence: Liure plein de Pantagruélisme. — Подъ *Пантагрюелизмомъ* должно понимать особаго рода веселость и свободу духа, ставящую человека выше обстоятельствъ и заставляющую его смѣяться надъ всѣми переменами счастья, или, какъ говоритъ самъ Рабеле: «Le Pantagruisme est certaine gayeté d'esprit confite en mepris des choses fortuites.

(35) Et le lisant ne vous scandalisez. Предосторожность эта излишняя, потому что великій Рабеле разсыпалъ въ своемъ романѣ столько отвратительныхъ картинъ, сколько ихъ, вѣроятно, не требовалъ и духъ того времени.

(36) Beueuers tresillustres et vous verollez tres precieus.

(37) De haulte gresse.

(38) à l'aise du cors et au profuict des reins. — Мы не станемъ далѣе

всемъ этомъ Дюша и анонимный издатель очищеннаго Рабеле, находятъ остроумныя шутки и деликатные обороты! Любители аллегорій и комментарий въ приведенныхъ словахъ Рабеле находятъ оправданіе своимъ выводамъ и объясненіямъ каждаго слова; но если Рабеле и увѣрялъ, что въ книгѣ его заключается другая; скрытая цѣль, то это еще не значить, чтобы она точно была въ ней. Если мы даже и согласимся съ тѣмъ, что романъ этотъ есть тонкая аллегорія, картина недостатковъ и пороковъ того времени, въ которое писалъ авторъ, то должны признаться, что теперь — онъ не имѣетъ для насъ никакой цѣны, и совсѣмъ не такъ остроумно написанъ, чтобы могъ занимать насъ единственно въ литературномъ отношеніи, когда потеряно его историческое значеніе. — Представимъ читателямъ сюжетъ этой весьма удивительной жизни великаго Гаргантюа, не утомляя излишними подробностями и цитатами, по-несчастью необходимыми при трудѣ подобнаго рода.

Въ первой главѣ, Рабеле рассказываетъ о томъ, какъ работница, коная землю близъ Виенны, небольшой рѣчки въ Пуату, нашли въ бронзовой гробницѣ девять бутылокъ, съ надписью *Nisibitur*, изъ которыхъ въ средней была небольшая книжечка, написанная канцелярскими буквами на корѣ молодого вяза, ⁽³⁹⁾ содержащая въ себѣ родословіе Гаргантюа и небольшое стихотвореніе подъ названіемъ *противоядныя пустыки* ⁽⁴⁰⁾, которое и приведено во 2-й главѣ. Трудно представить себѣ что-нибудь нелѣпѣе и страннѣе этихъ варварскихъ стиховъ, отъ объясненія которыхъ отказываются самые ревностные комментаторы Рабеле. Въ цѣлой главѣ нѣтъ рѣшительно ни смысла, ни связи, ни идеи; даже не видать цѣли; съ которой она написана. Самъ издатель *Rabelais moderne*, безусловный поклонникъ его, признается, что хотя въ этомъ стихотвореніи есть богатыя рифмы, но зато не имѣется здраваго смысла. Тѣмъ смѣшнѣе видѣть усиліе самыхъ отчаянныхъ Рабеллистовъ, которые, во-что-бы то ни стало,

утомлять читателя приведеніемъ подлинника. Желающіе могутъ сравнить переводъ нашъ съ оригиналомъ и удостовѣриться, что онъ сдѣланъ вѣрно и добросовѣстно.

(39) ung gros, gras, grand, gris, ioly, petit moisy liuret... en lettres cancelaresques... en escorce d'ulmeau.

(40) «Les Fanfreluches antidotees». См. объясненія этихъ словъ въ «Briefve Declaration d'aucunes dictions obscures contenues en ce dit Livre 1553.

хотятъ въ отдѣльныхъ стихахъ отыскать какую-нибудь аллегорію, видятъ въ нихъ и Папу и Кальвина и чистилище, и Іоанна Гусса (41) и Карла V-го. — Мы сознаемся въ нашемъ невѣжествѣ и говоримъ прямо, что не видимъ ничего въ этой главѣ, кромѣ сумазбродной чепухи, въ родѣ французскихъ соq-à-l'âne. — Вотъ для примѣра и любопытства желающихъ поближе познакомиться съ Рабеле, начало этого стихотворенія, которое въ наше время, вѣроятно, никто и не подумаетъ объяснять.

O, ? ? eun le grand dompteur des Cimbres,
 ... sant pur l'aer, de paour de la rouseé:
 = ! sa venne onha remply les timbres,
 : ! : : beurre fraiz tambant par une housee:
 Du quel quaud eunt la grand mere arrousée
 Cria tout haut, hers par grace peschez-le, (42)

Надѣмся, что этого довольно.

Романъ начинается собственно въ третьей главѣ, и вотъ его содержаніе:

У *Грангузье*, (Великогорла) короля Дипсодовъ (вымышленнаго народа), родится отъ жены его *Гаргамеллы* (Долгошеи), послѣ 11-ти мѣсяцевъ беременности, сынъ *Гаргантюа* (Великопрожора) (43). Какимъ образомъ и въ слѣдствіе какихъ обстоятельствъ,

(41) Въ примѣръ пронциательности комментаторовъ, приведемъ объясненіе, которое нѣкто, г-нъ де ла Крозь (de la Croze) дѣлаетъ одному стиху: Pour les matter suruint Q. V. qui clope.

Можно-ли повѣрить тому, что онъ серьезно видитъ въ буквахъ Q. V. — Іоанна Гусса, потому-что въ имени его буква *I.* десятая, *H.* восьмая, что составить восемнадцать; буква Q. въ латинской азбукѣ — шестнадцатая, V. вторая, и сумма ихъ будетъ также равна восемнадцати, слѣдовательно, одніи буквы можно замѣнить другими, вмѣсто Q. V. поставить I. H. что и будетъ означать Іоанна Гусса!!! — Vae commentatores!

(42) Эти стихи совершенно въ родѣ извѣстныхъ:
 На кухнѣ добрельнаго свойства
 Среди картофельныхъ зыбей,
 За десять дожинъ безпокойства
 Я укусилъ своихъ дѣтей.

(43) Всѣ эти имена составлены Рабеле изъ употреблявшихся въ то время хотя весьма-тривиальныхъ словъ.

объ этомъ любопытный читатель можетъ узнать не иначе, какъ изъ подлинника, потому-что ни на какой образованный языкъ нельзя перевести тѣхъ грубыхъ неблагопретостей, которыя съ такимъ изобиліемъ разсыпаны въ этихъ главахъ. (44) Довольно того, если мы скажемъ, что Гаргантюа явился на божій свѣтъ изъ уха матери и тотчасъ же началъ кричать: нить! пить! Онъ родился великаномъ, и для того, чтобы кормить его молокомъ, были назначены 17,913 коровъ. Ребенкомъ его возили въ телегѣ, запряженной быками; онъ былъ очень-толстъ, *имѣлъ почти восемнадцать подбородковъ*, (45) пилъ вино каждую минуту, и такъ любилъ даже звонъ стакановъ, что переставалъ плакать когда его слышалъ (46). Цѣлая глава посвящена описанію того, чѣмъ занимался Гаргантюа въ дни юности, но мы избавляемъ читателей отъ описанія его, то чрезвычайно-грязныхъ, то чрезвычайно-темныхъ занятій (47). Этаже самая глава превосходитъ все прочія своимъ цинизмомъ, и внушаетъ рѣшительное омерзѣніе. Подробности о томъ, какъ Грангузье узналъ удивительныя способности своего сына, также весьма-грязны, и мы проходимъ ихъ мол-

---

(44) Рабеле въ началѣ Гаргантюа, кажется, нарочно собралъ всевозможныя отвратительныя сцены и выраженія, чтобы польстить своему вѣку и заинтересовать своихъ читателей. Трудно повѣрить, до какой степени доходитъ цинизмъ его языка. Не довольствуясь тѣмъ, что онъ все вещи называетъ ихъ собственными именами, онъ самъ составляетъ для нихъ эпитеты и прозванія, къ-счастью, не всегда ясныя. Любопытно то, что Дюша, при объясненіи темныхъ мѣстъ романа, посвящаетъ цѣлыя страницы разбору этихъ грязныхъ выраженій и словъ, съ какою-то особенною любовью, переходя всякія границы безстыдства.

(45) *Auoit presque dix et huit mentons.*

(46) Далѣе, въ трехъ главахъ Рабеле описываетъ платье Гаргантюа, изъ какой матеріи было оно сшито и сколько аршинъ (*aulnes*) пошло на каждую часть одежды; потомъ цѣлую главу посвящаетъ доказательству того, что бѣлый цвѣтъ есть символъ радости и удовольствій. Мы выпускаемъ все эти неинтересныя подробности, безо всякой нужды растягивающія и безъ того утомительно-длинную исторію.

(47) Прону г. комментаторовъ объяснить, на-примѣръ, вотъ хоть эти занятія: *Il se frottoit le ventre d'ung panier. Ses dents aiguisoyt d'ung sabot, battoyt à froid, escorchoyt le Regnard, tournoyt les truyes au foin, chauffouroyt le parchemin, guaignoit au pied, vouloyt que maille à maille on feist les haubergeons, etc. etc.*

чаніемъ. Стихи Гаргантюа въ этой-же главѣ заставили самаго Лабрюйера сказать: *où Rabelais est mauvais, il passe bien loin au delà du pire*, (гдѣ Рабеле пехорошъ, тамъ онъ переходитъ все границы дурнаго). Потомъ слѣдуютъ подробности ученія Гаргантюа, довольно-интересныя, потому-что въ нихъ упоминается о тогдашнемъ способѣ преподаванія, и книгахъ, по которымъ учили молодыхъ людей, самымъ безтолковымъ образомъ. По окончаніи курса граматки, который Гаргантюа кончилъ почти въ 54 года, отецъ, видя что сынъ его также уменъ, какъ былъ въ первый день рожденія, принялъ намѣреніе отправить его въ Парижъ, для образованія, подъ надзоромъ педагога Понократеса и въ сопровожденіи пажа Евдемона. Гаргантюа отправился на кобылѣ, ростомъ въ 6 словъ, съ пальцами на ногахъ, висячими ушами, небольшимъ рогомъ, позади, и огромнымъ хвостомъ.

Проѣздомъ черезъ лѣсъ близъ Орлеана, въ которомъ водилось множество оводовъ и слѣпней, лошадь Гаргантюа, отмахиваясь отъ этихъ насѣкомыхъ, перебила ихъ своимъ хвостомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ переломала все деревья, такъ, что вмѣсто лѣса очутилось на этомъ мѣстѣ чистое поле. «По прибытіи въ Парижъ Гаргантюа едѣлся предметомъ удивленія всего народа, который такъ глупъ и такой зѣвака, что всякій штукаръ, разнощикъ всякаго вздора, мулъ съ колокольчикомъ, гусярь, остановившійся на перекресткѣ, — привлечетъ гораздо-болѣе зрителей, чѣмъ хорошій правоучитель.» (48) Чтобы избавиться отъ зѣвакъ, онъ сѣлъ на башни церкви Богоматери и оттуда потопилъ 260,418 человекъ народа, кромѣ женщинъ и дѣтей (49). Недовольствуясь этимъ наводненіемъ, Гаргантюа унесъ съ церкви колокола, чтобы привѣсить ихъ на шею своей лошади. Парижане, увидѣвъ это, послали просить возвращенія колоколовъ Янотуса Брагмардо, который, по образцу тогдашнихъ ораторовъ, произнесъ рѣчь по всемъ правиламъ краснорѣчія, на языкѣ, составленномъ

(48) Знаки „ “ отдѣляютъ мѣста, прямо-переведенныя, отъ простаго разсказа.

(49) Новая черта безстыднаго цинизма Рабеле, который тотчасъ-же послѣ этого прибавляетъ: „*Carynary, carynara. Par Sainte m'amy, nous sommes baignez par rys, dont feut depuis la ville nommée Paris, laquelle auparavant on appelloit Leucece, comme dit Strabo lib. 4 c. à. d. en Grec blanchette*“. Это каламбуръ, переищиванный съ учеными цитатами, — самаго дурнаго тона и вкуса.

изъ смѣси французскаго съ латинскимъ (50). Гаргантюа возвратилъ колокола и началъ курсъ ученія въ Парижѣ. Жизнь его въ этомъ городѣ описана въ нѣсколькихъ главахъ, изъ которыхъ между-прочимъ одна посвящена описанію игръ его. Рабеле привелъ ихъ до двухъ-сотъ-пятнадцати. (51) Потомъ описаны его занятія подъ руководствомъ Понократеса. Между-тѣмъ, какъ Гаргантюа образовывался въ Парижѣ, въ государствѣ его случилось происшествіе, подавшее поводъ къ тому, чтобы растянуть этотъ романъ еще на 20-ть главъ. Пирожники изъ Лерне, небольшой деревни въ Пуату, везли черезъ земли Грангузые свои пироги на продажу. Пастухи, мимо которыхъ провозили они этотъ лакомый товаръ, очень-учтивымъ образомъ попросили продать имъ часть его, на что пирожники отвѣчали самыми непристойными ругательствами (52), и одинъ изъ нихъ ударилъ пастуха плетью. Пастухи въ свою очередь отколотили пирожниковъ и, взявъ у нихъ пять или шесть дюжицъ пироговъ, за которые однако заплатили наличными деньгами, прогнали ихъ во-свояси. Пирожники, возвратившись въ Лерне, принесли жалобу королю ихъ *Пикро-Холоу* (Черножелчному). Король, не изслѣдовавши дѣло, собралъ огромную армію и выступилъ въ походъ противъ Грангузые, отправя

(50) Вотъ образчикъ этого языка: O Monsieur, Domine, clochindominator nobis, dea! est bonum urbis. Tout le monde s'en sert. Si vostre iument s'en treuve bien aussi fait nostre Faculté... Omnis clocha clochabilis in clocherio clochando, clochans clochatiuo, clochare facit clochobilater clochantes.

(51) Нѣкоторые комментаторы видятъ въ этомъ перечисленіи игръ доказательство удивительной памяти Рабеле, но мы увѣрены, что никакая человеческая память не въ состояніи удержать такого множества названій, и что Рабеле или выписалъ ихъ откуда-нибудь, или собралъ въ продолженіе нѣкотораго времени. Мы не видимъ другой цѣли, кромѣ педантизма — весьма-смѣшнаго — занять цѣлыя страницы столбцами названій, въ родѣ слѣдующихъ:

Au flux.

Au mariage

A ie te pince sans rire.

A la nicquenosque.

Au triory.

A guillemin baille my ma lance etc. etc.

(52) Рабеле не поспешилъ въ этомъ случаѣ. Пирожники говорятъ пастухамъ сряду двадцать-восемь бранныхъ эпитетовъ.

впередь лазутчиковъ, которые, возвратясь, донесли, что вся страна спокойна и никто не ожидаетъ нападенія. Тогда Пикро-Холь началъ опустошать безъ пощады царство Грангузье и, разоривши мѣстечко Севилье, оставилъ въ немъ небольшой отрядъ, которому поручилъ взять находившійся въ городѣ монастырь, а самъ отправился далѣе. Отрядъ этотъ, проломивши монастырскую ограду, началъ опустошать виноградники. Монахи собрались въ церковь, молить Бога о своемъ спасеніи, но одинъ изъ нихъ, братъ Иоаннъ, видя, что непріятель бросился на грозды и началъ ѣсть виноградъ, нѣсколько не заботясь о монахахъ, одушевилъ своихъ собратій⁽⁵³⁾, и неожиданно напавши на грабителей, истребилъ ихъ всѣхъ до одного⁽⁵⁴⁾. Пикро-Холь въ это время взялъ ла-Рошъ Клермо и укрѣпился въ немъ, чтобы отдохнуть отъ побѣдъ. Грангузье, узнавъ о нападеніи враговъ, по своему миролюбивому характеру, не рѣшался еще дѣйствовать вооруженною рукою, но послалъ къ Пикро-Холю гонца, узнать о причинѣ нападенія и о средствахъ отвратить напрасное пролитіе крови. Посланный могъ добиться отъ Пикро-Холя только одного отвѣта: «Я накормлю васъ пирогами! Вы узнаете, каковы наши пироги! Грангузье, разспросивъ объ этомъ происшествіи съ пирогами, приказалъ отправить къ Пикро-Холю цѣлыя возы ихъ, съ денежнымъ вознагражденіемъ за всѣ убытки, причиненные его пастухами. Приказавъ взять пироги и деньги, Пикро-Холь прогналъ посланныхъ, и Грангузье, видя, что нѣтъ никакой возможности сохранить миръ и согласіе, приказалъ готовиться къ войнѣ.⁽⁵⁵⁾ Гар-

(53) Портретъ этого монаха удачно очерченъ: Il estoit beau despescheur d'Heures, beau desbrideur de Messes, beau descroteur de Vigiles: pour tout dire sommairement vray Moine si oncques en eut, depuis que le monde moynant moyna de Moynerie.

(54) Говоря о разбитіи непріятеля, Рабеле прибавляетъ:

Les ungs mouroyent sans parler,
les aultres parloyent sans mourir,
les ungs se mouroyent en parlant,
les aultres parloyent en mourant.

(55) Въ этомъ мѣстѣ Рабеле посвящаетъ цѣлую главу воздушнымъ замкамъ Пикрохоля, который, окруженный льстецами, воображаетъ, какъ онъ, завоеывая государство за государствомъ, покорить наконецъ весь міръ. — Не говоря уже о несбыточности подобныхъ надеждъ, описаніе это вообще чрезвычайно-скучно, вопреки всѣмъ мнѣніямъ комментаторовъ, восхищающихся острою этой главы.

гантуа, котораго отецъ увѣдомилъ обо всемъ случившемся, отправилъ къ нему на помощь. По дорогѣ, одинъ изъ свиты его, посланный впередъ для развѣдыванія о непріятелѣ, наткнулся на толпу мародеровъ, и спасся отъ нихъ только тѣмъ, что началъ кувыркаться на лошади и дѣлать разныя акробатическія штуки. Половина грабителей, принявъ его за чорта, испугалась и разбѣжалась, а другую онъ разбилъ. (56) Гаргантюа, узнавъ объ этомъ, похвалялся за убѣжавшими. Далѣе, въ укрѣпленномъ замкѣ непріятель началъ стрѣлять въ него изъ пушекъ, сыпая ядрами, но Гаргантюа, думая, что въ него кидаютъ сливянными косточками, вырвалъ съ корнемъ дерево и разрушилъ имъ замокъ съ его стѣнами и башнями. Когда онъ возвратился подъ кровъ отеческій, то мать его умерла отъ радости, увидя сына. Гаргантюа, переодѣвшись, началъ чесаться гребнемъ, длиною въ сто каннъ (57), усаженнымъ слоповыми клыками, и тогда съ головы его посыпались ядра, засѣвшія въ волосахъ, въ то время, когда въ него стрѣляли изъ замка. Добрый батюшка. На радости онъ задалъ большой пиръ, на которомъ Гаргантюа проглотилъ вмѣстѣ съ салатомъ шесть пилигримовъ, спавшихъ между листьями латука и захваченныхъ нечаянно Гаргантюа въ то время, когда онъ пошелъ собирать для себя салатъ. Они однако-же не погибли въ горлѣ великана, потому что, спасаясь отъ каскада вина, вслѣдъ за салатомъ полившагося въ горло, одинъ изъ нихъ ударилъ по сохому въ большой зубъ Гаргантюа, который, почувствовавъ боль, спросилъ зубочистку и выковырялъ всѣхъ пилигримовъ. (58) Они побѣжали со всѣхъ ногъ. За столомъ Гаргантюа, разспросивъ о военныхъ дѣйствіяхъ и узнавъ о подвигѣ монаха Іоанна (59), приказалъ послать за нимъ и угостилъ его на славу за его геройскій подвигъ, спасшій Севильевскій монастырь. Братъ Іоаннъ смѣется надъ всѣмъ, ругается безъ церемоніи, для того, какъ онъ самъ говоритъ, чтобы украсить свою рѣчь, рассказываетъ, что онъ рѣ-

(56) Самая нелѣпая выдумка — и ни мало остроумная, какъ говорить Гоголь.

(57) *Канна* — трость, мѣра, содержащая въ себѣ парижскій локоть и двѣ трети. Вотъ самая дикая фантазія, какую только можно создать.

(58) Эту чудовищно-нелѣпную фантазію комментаторы называютъ образцомъ остроумія.

(59) Монахъ этотъ у Рабеле называлъ непереводимое прозваніе *des Entom-teurs*, вѣчто въ родѣ задѣвалы.

нительно ничего не знаетъ, что у нихъ въ монастырѣ ничему не учатся, и что ученый монахъ, по словамъ ихъ Пріора, чудовищная вещь. Слѣдующая XI глава, гдѣ Рабеле возстаеъ съ силою и даже нѣкотораго рода краснорѣчіемъ противъ злоупотребленій и упадка нравственности католическихъ монаховъ его времени, есть одна изъ лучшихъ во всемъ романѣ. Глава эта оканчивается довольно-забавнымъ объясненіемъ, отъ-чего у брата Іоанна былъ прекрасный, длинный носъ. На другой день братъ Іоаннъ, ⁽⁶⁰⁾, отправляется, вмѣстѣ съ Гаргантюа и его свитой, въ походъ противъ непріятеля. Одѣвшись въ полное вооруженіе, онъ зацѣпился по дорогѣ забраломъ шлема за дерево и повисъ на немъ; по этому, сбросивъ съ себя все рыцарскіе доспѣхи, въ рясе и съ кривымъ посохомъ въ рукѣ, продолжалъ слѣдовать за Гаргантюа. Вскорѣ они встрѣтили новый отрядъ непріятеля, отправленный Пикро-Холемъ для развѣдыванія, и разбили его. Братъ Іоаннъ, увлеченный геройскимъ духомъ, началъ преслѣдовать бѣгущихъ враговъ, но Гаргантюа напротивъ остановилъ тотчасъ-же всякое преслѣдованіе, давая этому прекрасную стратегическую причину, что непріятеля никогда не должно доводить до отчаянія, потому-что тогда по необходимости онъ можетъ сдѣлаться храбрымъ. Самое лучшее средство спасенія для побѣжденныхъ есть не надѣяться ни на какое спасеніе. По этому онъ остался на мѣстѣ сраженія, а монахъ, замѣченный наконецъ бѣглецами, былъ взятъ ими въ плѣнъ. Тогда, стыдясь, что ихъ гналъ одинъ человѣкъ, они вообразили, что остальные разбѣжались отъ страха и потому въ свою очередь вздумали ихъ преслѣдовать. Но Гаргантюа, оставшійся на томъ-же мѣстѣ, встрѣтилъ ихъ и разбилъ совершенно, въ чемъ ему помогъ братъ Іоаннъ, освободившійся между-тѣмъ изъ-подъ присмотра двухъ стрѣлковъ и во-время поспѣвшій на мѣсто сраженія. При этомъ Гаргантюа освободилъ шесть пилигримовъ, захваченныхъ этимъ-же отрядомъ (тѣхъ самыхъ, которыхъ онъ съѣлъ съ салатомъ) и привелъ ихъ къ Грангузье, который отпустилъ ихъ домой, давши имъ наставленіе: лучше сидѣть у себя въ семействѣ, чѣмъ отправляться на поклоненіе.

---

(60) Въ подлинникѣ père Jean говоритъ очень-остроумно: *Jamais ie ne m'asubjectis à heures: les heures sont faictes pour l'homme et non l'homme pour les heures: Pourtant, ie foys des miennes a guise d'estriuieres, ie les accourcis ou allonge quand bon me semble. «Breuis oratio penetrat coelos, longa potatio evacuat scyphos».*

Начальникъ отряда, взятый въ плѣнъ въ этомъ дѣлѣ самимъ братомъ Иоанномъ, также былъ отпущенъ къ Пикро-Холю, съ убѣжденіемъ о прекращеніи войны. Вскорѣ послѣ этого сосѣднія страны прислали къ Грангузье предложеніе помочь ему войскомъ и деньгами въ предстоящей войнѣ, но Грангузье согласился принять только небольшой отрядъ. ⁽⁶¹⁾ Капитанъ Пикро-Холя, возвратившійся между-тѣмъ изъ плѣна, разсказалъ ему о добродушнѣ Грангузье, и совѣтовалъ заключить миръ. Гативо, вельможа Пикро-Холя, совѣтовалъ противное, и капитанъ убилъ его, какъ чловѣка, совѣты котораго могутъ погубить его короля. Пикро-Холь приказалъ за это казнить капитана, и тѣмъ возбудилъ всеобщее негодованіе. Грангузье, собравъ большую армію, подступилъ наконецъ къ Ла-Рошъ-Клермо, гдѣ укрѣпился Пикро-Холь, и тотчасъ же началъ осаду, слѣдуя совѣту Гимнаста, который увѣрилъ его, что «природа и комплекція Французовъ такова, что они удивительны только при первомъ натискѣ, а послѣ хуже чертей; если-же останутся на нѣсколько времени, то сдѣлаются, наконецъ, хуже жеащипъ.» Замокъ въ тотъ-же день былъ взятъ приступомъ, Пикро-Холь бѣжалъ, и съ-тѣхъ-поръ не знаютъ, что съ нимъ сдѣлалось. «Говорятъ, прибавляетъ Рабеле, что онъ живетъ въ Лионѣ, перебиваясь кое-какъ со дня на день. ⁽⁶²⁾ Побѣдитель между-тѣмъ возвратилъ свободу плѣннымъ, за отсутствіемъ Пикро-Холя, возвелъ на престолъ сына его, и, не присвоивъ себѣ никакой власти, оставилъ все на прежнемъ основаніи. Войны были награждены самымъ блистательнымъ образомъ, а брату Иоанну Гаргантюа позволилъ основать новый монастырь Телемскій, на весьма-странныхъ правахъ. ⁽⁶³⁾ Последнія главы романа со-

(61) Названія этихъ странъ, приславшихъ къ Грангузье около 300 т. войска и слишкомъ 11 т. пушекъ, принадлежатъ небольшимъ и чрезвычайно-бѣднымъ деревенкамъ Анжу, Пуату и Туренни. — Что хотѣлъ этимъ сказать Рабеле?

(62) Здѣсь въ подлинникѣ у Рабеле непереводимая игра словъ. Пикро-холь, вѣря предсказанію одной старухи, ждетъ, что его царство возвратится ему тогда, когда прилетятъ *cocquisigrues* (слово это означаетъ особый родъ журавлей, и въ тоже время, въ переносномъ смыслѣ — *вздоръ, геныгу*).

(63) Уставъ этого монастыря есть сатира на тогдашнюю монастырскую жизнь. Онъ заключаетъ въ себѣ постановленія, совершенно-противныя существующимъ. Такъ, на-примѣръ, вмѣсто обѣтовъ целомудрія, бѣдности и послушанія, монахи Телемскаго монастыря давали обѣтъ: жениться, стараться быть богатыми, и жить по своей волѣ.

держатъ описаніе этого монастыря и веселой жизни, которую ведутъ въ немъ монашествующіе. Надпись на дверяхъ монастыря написана стихами оригинальными, но ничуть не поэтическими (64) Последняя, LVIII глава «Гаргантюа» содержитъ въ себѣ, подобно первой, пророчество, написанное стихами, по которое принадлежитъ не Рабеле, а поэту Меллену Сень-Желе (Gelais), умершему въ 1555 году, съ чѣмъ согласны всѣ комментаторы. Предсказаніе это содержитъ въ себѣ общія мѣста о несчастіяхъ, которыя въ скоромъ времени постигнутъ людей и царства. Можно даже согласиться съ тѣми, которые видятъ въ этихъ стихахъ прямое изображеніе гоненія протестантовъ при Францискѣ I, хотя это же можно примѣнить ко всѣмъ другимъ гоненіямъ, противъ которыхъ протестуетъ поэтъ. Стихи Сень-Желе гораздо лучше стиховъ самаго Рабеле, не во гнѣвъ его поклонниковъ. Вотъ образчикъ ихъ, для любопытства читателей :

Le filz hardy ne craindra l'impropere (порицаніе).
 De se bander contre son propre père
 Mesmes les grandz de noble lieu sailliz (происходящіе).
 De leurs subjects se verront assailliz.
 Et le debuoir d'honneur et reurence
 Perdra pour lors tout ordre et difference.
 Car ilz diront que chacun à son tour
 Doibt aller haulz et puis faire retour....

(64) Этотъ родъ стиховъ назывался *коронованными римами* (rimes couronnées). Объ нихъ упоминается въ старинныхъ риторикахъ. Вотъ образецъ ихъ у Рабеле:

Vos abus meschans
 Rempliroyent mes champs
 De meschanceté
 Et par faulseté
 Troubleroyent mes chants
 Vos abus méschans.

Or donnè par don
 Ordonne pardon
 A cel qui le donne
 Et tres-bien guerdonne
 Tout mortel preudh'om
 Or donnè par don.

Et ne pourra nul laisser cet ouvrage
 Si une fois il y met le couraige
 Qu il n'ayt rempli par noises et debatz.
 Le ciel de bruit et la terre de pas. (65)

Не-смотря на латинскую конструкторію нѣкоторыхъ фразъ и вышедшіе изъ употребленія обороты и слова, стихи эти написаны съ жаромъ, весьма-близкимъ къ поэзіи. Въ первой главѣ Гаргантюа, сочиненія самого Рабеле, нѣтъ ничего подобнаго. Къ этому предсказанію, онъ прибавилъ въ началѣ два стиха и въ концѣ десять, въ которыхъ убѣждаетъ гонимыхъ противиться ихъ гонителямъ и не падать духомъ. Въ нихъ есть одна чисто-протестантская мысль, за которую онъ могъ-бы дорого поплатиться, если-бы только современники вздумали обратить на нее вниманіе.

Вотъ она:

Que ce travail entel point terminé,
 Ung chascun ayt son sort predestiné.

Рабеле, вѣроятно, бояся привязчивости католиковъ, послѣ этого предсказанія заключилъ романъ свой объясненіемъ, что стихи эти относятся къ извѣстной игрѣ, бывшей въ модѣ въ то время и называвшейся *jeu de la paulme*. Въ этой оговоркѣ, одинъ изъ комментаторовъ, M. le Motteux, видитъ удивительное остроуміе, утѣряя, что «изъ сочиненій Рабеле исходитъ такой яркій свѣтъ, что враги автора, ослѣпленные излишествомъ сіянія, не могутъ разсмотрѣть, гдѣ скрывается истинная тонкость!» — *Honny soit qui mal y pense*. Подробно-изложенный сюжетъ Гаргантюа избавляетъ насъ отъ необходимости разбирать его достоинство. Всякій можетъ самъ убѣдиться, точно-ли Рабеле заслуживаетъ имя комическаго Гомера (*Homère-bouffon*), которымъ его величаютъ французскіе писатели. Мы разсмотрѣли произведеніе Рабеле со стороны изобрѣтательности, воображенія, языка, интереса, но не имѣемъ возможности показать читателямъ образъ его изложенія, потому-что почти на каждомъ шагѣ останавливалъ насъ непереводамый ци-

(65) Мы не переводимъ этихъ стиховъ, точно также, какъ и многихъ другихъ, встрѣчающихся въ этой статьѣ, считая это совершенно-излишнимъ. Для тѣхъ, которые не знаютъ французскаго языка, не можетъ быть занимательно разобрать произведенія Рабеле.

низъ его выражений. Тотъ, кто хочетъ вполне узнать Рабеле, долженъ прочесть его въ подлинникъ, потому-что вольность языка и картинъ составляетъ главное отличие Рабеле отъ другихъ писателей. Сомнѣваемся впрочемъ, чтобы у кого-нибудь стало столько терпѣнія, чтобы прочесть эти скучные, тяжелые томы, написанные варварскимъ языкомъ и лишь изрѣдка оживляемые солью наглаго остроумія. Изъ одного простаго любопытства трудно рѣшиться на это. Для оцѣнки-же его литературнаго достоинства и библиографическаго портрета достаточно нашъ небольшой очеркъ, стоившій намъ большихъ трудовъ и долгихъ изысканій (66).

Прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ другому, болѣе замѣчательному произведенію Рабеле, бросимъ бѣглый взглядъ на комментарий Гаргантюа. Они еще смѣшнѣе и нелѣпнѣе самого романа. Комментаторы высоко вознесли этого умнаго, но грубаго монаха-шута, напитаннаго схоластическимъ ученіемъ, но лишеннаго всякаго эстетическаго образованія, этого подгулявшаго скоморо-

(66) Рабеле два раза издавалъ своего Гаргантюа. Первообразъ этого романа явился въ 1532 году. Издатель его Афоризмовъ и трактатовъ Гипократа и Галліена жаловался, что книгъ этихъ никто не покупаетъ, и Рабеле обѣщаль написать ему книгу, которая прославитъ автора и обогатитъ книгопродавца. Она вышла въ Лионѣ подъ заглавіемъ: «Les grandes et inestimables Chroniques du grand et enorme geant Gargantua». Это простая сказка, сюжетъ которой взятъ изъ жизни рыцарей и старинныхъ легендъ. Изъ нея въ настоящій романъ перешли только два эпизода: исторія кобылы Гаргантюа и похищеніе колоколовъ съ церкви Парижской Богоматери. Остальныя происшествія несколько не похожи на тѣ, которыя мы привели. Въ этой хроникѣ знаменитый волшебникъ Мерлинъ, чтобы помочь королю Артусу создать изъ костей кита двухъ великановъ *Грангозье* и *Галамеллу*, отъ которыхъ родится Гаргантюа. Онъ ѣдетъ въ Англію, разбиваетъ враговъ Артуса Гоговъ и Могоговъ, потомъ Голландцевъ и Ирландцевъ, совершаетъ много рыцарскихъ подвиговъ, и наконецъ волшебница Моргана и Мелюзина уносятъ его въ страну фей. — (Изъ этой первоначальной хроникки сохранились отрывки, о которыхъ мы еще будемъ говорить). Хроника эта имѣла огромный успѣхъ и въ 1533 году вышло ея продолженіе, гдѣ являлся на сцену Пантагрюеля, сынъ Гаргантюа. Ободренный успѣхомъ первыхъ двухъ книгъ Пантагрюеля Рабеле передѣлалъ совершенно Гаргантюа и издалъ его въ 1535 году въ томъ самомъ видѣ, какъ мы представили его. Выиграла-ли сказка отъ этой передѣлки — вопросъ затруднительный.

ха, который, кривляясь и кувыркаясь на каждой фразѣ своего романа, вымалывал отвратительными картинами грубый смѣхъ своихъ необразованныхъ благодѣтелей. Комментаторы въ каждой фразѣ его нашли тонкій намекъ на политическія происшествія того времени, въ каждомъ словѣ — глубоко-мысленное предсказаніе, въ каждомъ комкѣ грязи оболочку безцѣннаго алмаза. Они сдѣлали изъ него какое-то страдальческое лицо, которое, будучи непонято своими современниками, должно было надѣть уродливую маску шута, чтобы подъ нею высказывать народамъ высокія истины. Комментаторы убили Рабеле, желая сдѣлать его безсмертнымъ; они такъ высоко громоздили подъ него свои шаткія подмостки, что паденіе его въ ту грязь, изъ которой они его подняли, было еще глубже и опаснѣе. Комментаріи много повредили Рабеле, какъ вредятъ почти всѣмъ чуднымъ произведеніемъ ума человѣческаго. Читатели видѣли сказку Гаргантюа. Вотъ исторія, которую отыскали въ ней комментаторы. Грангузье представляетъ Людовика XII, Гаргантюа, — Франциска I ⁽⁶⁷⁾ Гаргаммела, — Марію Англійскую, сестру Генриха VIII. — Странное рожденіе Гаргантюа есть аллегорія извѣстнаго происшествія съ Маріей, которая, по смерти Людовика XII, не имѣя дѣтей, долгое время увѣрала весь дворъ, что она беременна, чтобы остаться королевой, но была уличена въ обманъ Луизой Савойской, матерью Франциска I. Чудовищная кобыла Гаргантюа есть извѣстная Анна де-Писелё, Герцогиня д'Этампъ, любовница Франциска, которая велѣла вырубить Босскій лѣсъ. Происшествіе съ колоколами означаетъ гнѣвъ Франциска I, который угрожалъ продать колокола церкви Парижской Богоматери, за то, что Парижане отказались платить подать, наложенную имъ на городъ, для того, чтобы купить жемчужное ожерелье своей любовницѣ. ⁽⁶⁸⁾ Пикрохоль въ одно и тоже время означаетъ и Фердинанда Арагон-

(67) Мы представляемъ болѣе принятые и правдоподобные комментаріи, потому что сколько есть комментаторовъ, столько и различныхъ мнѣній. Ле Мотте (Le Motteux), на-примѣръ, доказываетъ, что подъ видомъ Грангузье — Рабеле представилъ Юанна д'Албре, Короля Наварскаго, подъ видомъ Гаргантюа — Генриха, его сына и т. д.

(68) Издатель Rabelais Moderne удивляется при этомъ случаѣ, что Францискъ I-й и Герцогиня д'Этампъ, которымъ Рабеле самъ читалъ свой романъ, не узнали себя въ этомъ изображеніи. (!?)

скаго и Карла Пятаго. ⁽⁶⁹⁾. Въ дракѣ пирожниковъ съ пастухами изображены споры католиковъ съ протестантами. Монахъ Frère Jean des Entommeurs — означаетъ Домъ Бюннара, Пріора Сермезскаго Аббатства въ Анжу, лица извѣстнаго во-время Рабеле ⁽⁷⁰⁾. Мы избавляемъ читателя отъ комментарій почти на каждую страну Гаргантюа, доказывающихъ сходство лицъ романа съ ихъ историческими двойниками, и переходимъ къ «Пантагрюелю.»

Романъ этотъ начинается предисловіемъ, въ которомъ Рабеле довольно нескромно хвалитъ свое произведеніе, говоря, что оно полезно даже въ случаѣ зубной боли, которая тотчасъ-же уймется, если къ больному мѣсту приложить его романъ, обернутый въ теплую тряпочку и посыпанный одного рода порошкомъ, который онъ называетъ, изъ учтивости, *diamerdis*. Далѣе онъ увѣряетъ, что въ два мѣсяца книгопродавцы множество продали экземпляровъ его книги ⁽⁷¹⁾. Въ первой главѣ Рабеле выводитъ родословную своего героя отъ библейскихъ и мифологическихъ исполиновъ, помѣщая въ ряду его предковъ, Немврода, Атласа, Голааа, Полифема, Энцилада, Бриарей, Пора (Индійскаго царя), Геркулеса, и перемѣшивая ихъ съ сказочными великанами ⁽⁷²⁾. — Пантагрюель родился отъ Гаргантюа и Бадебекки, дочери короля Амаротовъ въ Утопіи. Ужасная засуха была по всей землѣ въ то время, когда Бадебекка носила его въ своей утробѣ. Земля, разгоряченная лучами солнца, начала сильно потѣть, и люди, видя крупныя капли, выходящія на ея поверхность, вообразили, что это капли дождя, просочившіяся отъ антиподовъ ⁽⁷³⁾. Поэтому-то родившагося младенца назвали

(69) Мнѣніе издателя «Rabelais Moderne».

(70) Это мнѣніе Менажа. — По мнѣнію de-Momme — *frère Jean* есть Кардиналь Оде де Шатильонъ; другіе видятъ въ немъ Цезаря Борджіа, сына папы Александра VI, а въкоторыя даже Лютера.

(71) Черта, прекрасно характеризующая вѣкъ Рабеле.

(72) Въ этой главѣ Рабеле въ нецеремонности своей доходитъ до того, что называетъ наконецъ всѣ вещи — собственными ихъ именами, безъ всякой метафоры. Тутъ-же ученость его дѣлаетъ довольно-странные премахи, заставляя Грековъ считать время календами, и дѣлая изъ Овидія-Назона двухъ разныхъ лицъ! — Комментаторы говорятъ, что это нарочно!

(73) Это довольно остроумная выдумка, равно какъ и преданіе, отъ-чего образовались моря и отъ-чего въ нихъ соленая вода. Рабеле приписываетъ

Пантагрюелемъ, отъ греческаго слова *Панъ*—все, и арабскаго — *Грюель* — жаждущій — (74). Рожденіе Пантагрюеля стоило жизни его матери, на смерть которой Гаргантюа написалъ очень-любопытную эпитафію (75). Въ первые года своего младенчества Пантагрюель за одинъ разъ вышивалъ молоко четырехъ тысячъ шести сотъ коровъ, и однажды, будучи-очень голоденъ и начавши сосать корову, съѣлъ у нее половину брюха съ печенкою и почками. Въ другой разъ онъ съѣлъ цѣлаго живаго медвѣдя. За это ребенка приковали цѣпами къ колыбели, но онъ, не имѣя силы разорвать цѣпей, приползъ разъ въ общую залу въ своей колыбели, какъ черепаха въ скорлупѣ. Достигнувъ юношескаго возраста, Пантагрюель отправился путешествовать. На дорогѣ въ Парижъ онъ встрѣтилъ лимузискаго студента, начавшаго говорить съ нимъ смѣсю французскаго языка съ латинскимъ, которой говорили все ученые того времени, (76) за что Пантагрюель чуть не задушилъ студента. — Окончивъ курсъ университетскихъ наукъ въ Орлеанѣ, Пантагрюель пріѣхалъ въ Парижъ,

---

это также поту земли, скопившемуся въ огромномъ количествѣ во время поѣздки Фаэтона близко земли, спавшаго даже часть неба, извѣстную подъ именемъ *млезнаго пути*.

(74) Рабеле не могъ, чтобы и тутъ не прибавить пошлой нелѣпности, заставя, прежде Пантагрюеля, выйти изъ утробы его матери 68 муловъ, 16-ть верблюдовъ и 25-ть повозокъ съ разными соевьями. — Въ этой засухѣ многія комментаторы видятъ аллегорію Реформаціи (!) Чего иногда не видятъ люди!

(75) Вотъ она въ подлинникѣ.

Elle en mourut la noble Badebec
 Du mal d'enfant, que tant me semblaît nice (*деликатно*).
 Car elle avoit visage de Rebec
 Corps d'Hespoignole et ventre de Souice.
 Priez à Dieu qu'a elle soyt propice,
 Luy pardonant, s'en rien outre-passa.
 Cy gist son corps le quel vesquit sans vice
 Et mourut l'an et iour que trespassa.

(76) Это довольно-умная насмѣшка надъ модою латинизировать, поставлена Дюфрени, авторомъ Параллели между Гомеромъ и Рабеле, выше 20-й книги *Иліады* (См. *Mercurus* 1711).

надъ которымъ авторъ порядочно насмѣхается (77), и называетъ его городомъ прекраснымъ для того, чтобы жить, но не для того, чтобы въ немъ умереть. Въ этой-же главѣ Рабеле безо всякой нужды и связи вдругъ начинаетъ называть книги, найденныя Пантагрюелемъ въ библіотекѣ Святаго Виктора, насмѣхаясь надъ пустыми сочиненіями, которыми въ его время наполнялись библіотеки. Многія изъ этихъ книгъ точно существовали, другія онъ придумалъ самъ (78). Въ Парижѣ Пантагрюель получилъ письмо отъ своего отца, въ которомъ тотъ совѣтуетъ ему хорошо вести себя, учиться языкамъ, разнымъ наукамъ и не заниматься артиллеріею, потому-что она изобрѣтеніе діавола. — Гуляя однажды за городомъ, близъ аббатства Святаго Автонія, въ кругу своихъ прислужниковъ и наставниковъ, Пантагрюель встрѣчаетъ бѣдняка, одѣтаго такъ, какъ-будто его *только что рвали собаки*, который привѣтствуетъ героя на тринадцати языкахъ, (79) и тотъ безъ всякой видимой причины вдругъ полюбившій оборваннаго философа, принимаетъ его въ свою свиту. Этому ученаго играющаго такую важную роль въ романѣ, зовутъ *Панургеъ*. Векоръ послѣ этой встрѣчи Пантагрюель сзываетъ на философской диспутъ всѣхъ ученыхъ Парижа, объясняетъ имъ всѣ спорные вопросы, побѣждаетъ ихъ на всѣхъ пунктахъ, и доказываетъ,

---

(77) Онъ говоритъ, что *le peuple de Paris est sot par nature, par bequarre et par bemol.*

(78) Вотъ названія нѣкоторыхъ изъ нихъ, объясняющія ученость и духъ того времени: 1. «*Decretum universitatis Parisiensis super gorgiasilate muliercularum at placitum*» (Декретъ, по которому женщинамъ дозволялось открывать грудь на сколько имъ угодно).

2. «*Ars honeste petandi in societate per M. Ortuinum*».

3. «*L'invention de Sainte Croix à six personaiges, joué par les Clercz de finesse*».

4. «*Le cullot de discipline*».

5. «*M. n. Rostocostojambedanese de Moustarda post prandium servienda lib. quatuordecim, apostillati per M. Vaurillonis*». (О горчицѣ послѣ ужина).

6. «*Le faguenat des Heis paingnoz supercoquelicantiqûe par Fra-Jnigo*». (Саптра на орденъ Іезуитовъ, тогда только что возникавшій).

(79) Это желаніе выказать свою ученость вовсе не у мѣста. Къ тому-же, какъ мы уже сказали, Рабеле могъ выписать эти фразы изъ другихъ авторовъ.

что всё они ни больше, ни меньше, какъ *телята въ юбкахъ* ⁽⁸⁰⁾. Потомъ онъ разрѣшаетъ знаменитый процессъ между господами *Baisecul* и *Humevesse* такимъ-образомъ, что обѣ партіи остаются довольны рѣшеніемъ. Процессъ этотъ, растянутый на четыре главы, есть простой соq-à-l'âne, наборъ фразъ, ничего незначащихъ и не имѣющихъ между собой никакой связи. Ни одинъ, комментаторъ Рабеле не нашелъ въ немъ смысла, что нѣсколько не удивительно, потому-что его и не было. Надобно только удивляться терпѣнію тѣхъ лицъ, которыя могутъ прочесть эти четыре главы ⁽⁸¹⁾. За обѣдомъ, даннымъ Пантагрюелю послѣ рѣшенія этого знаменитаго процесса, Панургъ рассказываетъ, какъ онъ, взятый Турками и посаженный ими на вертелъ, спасся отъ смерти, зажегши Константинополь ⁽⁸²⁾. Слѣдующая за тѣмъ, глава XV, подъ названіемъ: *Какъ Панургъ училъ новому способу строить стѣны Парижа*, такъ грязна и отвратительна, что мы не можемъ рассказать даже ея содержанія ⁽⁸³⁾. Она оканчивается разговоромъ о правдивности, и Панургъ, увѣряя, что въ Парижѣ ни одна женщина не могла ему противиться. Далѣе Рабеле описываетъ характеръ и занятія Панурга, который, по его словамъ, имѣетъ 63 средства добывать деньги, но 214 тратитъ ихъ.— Онъ мучилъ на каждомъ шагу ночную стражу, обрѣзывалъ у зѣвакъ кошельки; карманы его были всегда полны разными крючками, которыми онъ прицѣплялъ на гуляньяхъ дамъ къ кавалерамъ, блохами, которыхъ онъ пускалъ горстями на платье красавицъ, зеркалами, которыя онъ наводилъ на молящихся, выводилъ ихъ изъ терпѣнія и т. п. Кромѣ того онъ пачкалъ масломъ богатыя платья прихожанъ, кралъ деньги изъ церковныхъ кружекъ, беря сдачи вдвое болѣе того, что клалъ, основываясь на надписи ихъ: *centuplum accipies* ⁽⁸⁴⁾. На вопросъ Пантагрюеля: куда онъ тратитъ всё

(80) *Veaux engipronez.*

(81) Не-смотря на это, многія комментаторы видятъ въ этомъ процессѣ аллегорію знаменитаго процесса Луизы Савойской противъ Конетабля Бурбонскаго, до того темнаго и запутаннаго, что судъ, вмѣсто рѣшенія, отвѣчалъ каламбуромъ-анаграмой имени ея: *Louise de Savoye — Loy se desavoie* т. е. законъ отказывается. — (См. Комментаріи Le Motteux).

(82) Рассказъ этотъ очень-нелѣпъ и ни мало не остроуменъ.

(83) Басня его ольвъ и женщинѣ, въ этой-же главѣ, довольно-смѣшна, хотя грязна до чрезвычайности.

(84) Т. е. получишь сторицею.

деньги, имъ получаемя, Панургъ увѣряеть, что раздаеть ихъ въ приданое дурнымъ женщинамъ и сверхъ-того почти всякой годъ много тратитъ на процессахъ (85). Услыша о необыкновенной учепости Пантагрюеля, въ Парижъ пріѣхаль знаменитый англійскій ученый Томасть (Thaumaste), чтобы поговорить съ нимъ объ разныхъ спорныхъ предметахъ; но желая вполне увѣриться въ умъ великана, предложилъ ему разговаривать не словами, а знаками. Пантагрюель соглашался на это, но Панургъ упросилъ позволить ему поговорить съ Англичаниномъ, и тотъ, по окончаніи диспута, говоритъ, что Панургъ умнѣе Саломона (86). Побѣдивъ философа, Панургъ влюбился въ одну знатную даму, но послѣ долгихъ стараній не могъ сдѣлаться ея обладателемъ. Разговоры его съ ней очень-любопытны и не дѣлають чести скромности XVI вѣка. Какимъ-образомъ онъ отмстилъ ей за то, что она отвергнула его любовь,—объ этомъ мы, по весьма-уважительнымъ причинамъ, не можемъ рассказать, а любопытствующихъ отсылаемъ къ оригиналу (87). Въ то время, какъ Панургъ занимался волокитствомъ, Пантагрюель получилъ извѣстіе, что, пользуясь отсутствіемъ отца его, Дисоды (δυσσοδης-жаждущіе) опустошили большую часть Утопіи и осадили городъ Амаротовъ (αμαροτος-темный) Пантагрюель тотчасъ-же отправился спасать свои владѣнія (88); на дорогѣ онъ получилъ отъ одной дамы изъ Парижа кольцо съ фальшивымъ брилліантомъ и еврейской надписью: «За-чѣмъ ты меня оставилъ.» (89) Пріѣхавши на корабль въ гавань Утопіи, отстоявшей на три мили отъ гавани Амаротовъ, Пантагрюель съ Панургомъ и своею свитой убилъ

(85) Содержаніе этихъ процессовъ очень-пустое и вздорное, и потому мы не хотимъ утомлять читателя рассказомъ объ нихъ.

(86) Значеніе этого разговора необьяснено ни однимъ комментаторомъ. Жесты ихъ грязны до крайности, и вообще вся глава эта скучна и утомительна.

(87) Каламбуръ, который Панургъ говоритъ дамѣ при первомъ свиданіи съ нею, есть верхъ безстыдной наглости, на которую не рѣшится самый распутный человекъ.

(88) По дорогѣ онъ удивляется, отъ-чего французскія мили очень-коротки, а нѣмецкія длинны, и Панургъ даеть ему на это объясненіе, которое мы также не рѣшаемся привести.

(89) Что составляетъ каламбуръ: *di amant faux* (diamant faux) *pour quoy m'as tu Paisee.*

660 неприятельскихъ всадниковъ ⁽⁹⁰⁾ и, поставивъ трофей на мѣстѣ побѣды, отправился снимать осаду съ города Амаротовъ; ⁽⁹¹⁾ истребивъ лагерь неприятеля и убивъ 300 великановъ подъ начальствомъ капитана ихъ, Оборотня, (Lourgaon) онъ освободилъ городъ. ⁽⁹²⁾ Во-время сраженія, одному изъ его приближенныхъ, Эпистемону, отрубили голову, но Папургъ, приставивъ ее къ тѣлу и вымазавъ какимъ-то составомъ, возвратилъ ему жизнь. Эпистемонъ, воскреснувъ, началъ рассказывать о томъ, что видѣлъ въ аду во-время своей смерти и какихъ проклятыхъ тамъ встрѣтилъ. Это одно изъ остроумныхъ мѣстъ въ романѣ. Рабеле заставляетъ великихъ мужей древности заниматься въ аду самыми низкими ремеслами, и дѣлать противное тому, что они дѣлали на землѣ. Такъ Эпистемонъ видитъ въ аду Ксеркса—продающаго горчицу, Кира—коровникомъ, Фемистокла—стекольщикомъ, рыцарей Круглаго-стола, катающихъ въ лодкахъ дѣволовъ по Коциту и Ахерону, Антонина—лакеемъ, Камбиза—погонщикомъ муловъ, Юлія-Цезаря и Помпея—конопатчиками на корабляхъ, Готфрида Бульонскаго—портнымъ священническихъ рясъ, Папу Юлія—широшникомъ, Клеопатру—торговою луковицами, Элену—швею, Лукрецію—трактирщицею. Въ аду Диогенъ, въ богатомъ хитонѣ, билъ палкой Александра за то, что тотъ дурно починилъ его платье. Киръ просилъ милостыни у Эпиктета, Кальетъ и Трибуле, ⁽⁹³⁾ какъ кардиналы, раздавали буллы и абсолюціи, сопровождая ихъ палочными ударами и проч. ⁽⁹⁴⁾ Войдя въ городъ Амаротовъ и видя, что онъ очень-населенъ, Пантагрюель вздумалъ покорить страну Дипсодовъ, чтобы переселить туда часть своихъ поддан-

(90) Рассказъ о томъ, какимъ образомъ онъ сбѣжалъ это — нелѣпо-неправдоподобно.

(91) На дорогѣ Пантагрюель даетъ жизнь тремъ тысячамъ карликамъ и карлицамъ, весьма-страннымъ образомъ.

(92) Передъ сраженіемъ Пантагрюель молится Богу, и слышитъ съ неба голосъ, обѣщающій ему побѣду. Мачта, которою онъ дрался съ оборотнемъ, разбивается въ куски, ударившись объ его очарованную палицу, онъ схватываетъ Оборотня за ногу и разбиваетъ имъ, какъ дубиною, остальныхъ великановъ.

(93) Знаменитые шуты Франциска I.

(94) И въ этомъ эпизодѣ есть много растянутого и лишняго. Рабеле и тутъ не могъ не покаламбурить, говоря, что въ аду Tarquin былъ taquin, а Nicolas Pape Tiers — Papetier.

ныхъ, и повелъ въ нее дѣлую колонію. Короля-же Дипсодовъ, Анарха, взятаго въ плѣнъ Пантагрюелемъ, Панургъ заставилъ продавать по улицамъ виноградъ, женивъ его на старой фонарщицѣ (lanternière). Въ слѣдующей главѣ Рабеле самъ является на сцену, представляя намъ дико-странную картину, какъ, во-время сильнаго дождя, Пантагрюель накрылъ языкомъ всю свою армію, и онъ (Рабеле) вздумалъ войти въ его ротъ. Пройдя двѣ мили по языку, онъ нашелъ во рту Пантагрюеля огромные утесы, большіе поля, лѣса и обширные города. Пробывъ тамъ 6 мѣсяцевъ, онъ видѣлъ два знаменитые города Ларингъ и Фарингъ, узналъ, что въ странѣ этой болѣе 25 отдѣльныхъ независимыхъ государствъ, множество степей и морей, и наконецъ, выходя, имѣлъ очень-любопытный разговоръ съ самимъ Пантагрюелемъ. Вообще это путешествіе во-рту великана довольно-интересно. Вскорѣ послѣ этого Пантагрюель захворалъ, и отъ болѣзни его произошли всѣ горячіе ключи и источники на землѣ. (95) Доктора, чтобы узнать, что дѣлается въ его желудкѣ, заключили въ нарочно для того устроенные шары, открывавшіеся изнутри посредствомъ особеннаго механизма, людей съ фонарями, лопатами и ящиками, которыхъ Пантагрюель свободно проглотилъ въ шарахъ, какъ пилюли. Когда-же шары упали въ желудокъ, изъ нихъ вышли работники и выгребли всѣ нечистоты, уложивши ихъ въ корзины при свѣтѣ факеловъ и окончивъ работу, заперлись опять въ свои шары, которые вышли изъ великана обыкновеннымъ путемъ, а Пантагрюель выздоровѣлъ. Этимъ оканчивается первая часть романа. Въ послѣдней главѣ авторъ проситъ извиненія у читателей, обѣщая въ слѣдующей книгѣ разказать гораздо-занимательнѣйшія происшествія. (96)

Вторая часть Пантагрюеля начинается плохимъ десятистишіемъ какаго-то Жанъ-Фавра къ читателямъ (97). За этимъ слѣдуетъ также длинный прологъ, наполненный пустою болтовнею,

(95) Какимъ образомъ — зри въ подлинникѣ.

(96) Любопытно, что въ слѣдующей книгѣ Рабеле советъ не исполняетъ того, что обѣщалъ, и описываетъ не тѣ происшествія, о которыхъ здѣсь вкратцѣ упоминается.

(97) Въ болѣе части изданій Рабеле, глава эта посвящена тѣни Наварской королевы, (à l'esprit de la Roynie de Navarre). Посвященіе написано стихами, весьма-плохими, въ которыхъ авторъ проситъ покойную королеву сойти съ небесъ и прочесть его Пантагрюеля.

гдѣ Рабеле приводитъ апологъ о Діогенѣ, который, во-время приготовления къ войнѣ съ Филиппомъ, видя, что всѣ Афиняне чѣмъ-нибудь занимаются, началъ безо всякой нужды ворочать и катать свою бочку, чтобы не оставаться безъ дѣла (98). Свои труды и романъ свой Рабеле сравниваетъ съ этимъ бесполезнымъ занятіемъ. Покоривъ земли Дипсодовъ и поселивъ въ ней колоніи Утопійцевъ, Пантагрюель далъ замокъ Сальмигондинъ въ управление Панургу, который въ двѣ недѣли прожилъ трехлѣтній доходъ съ него. Пантагрюель сдѣлалъ за это выговоръ Панургу, и тотъ на 5-ти главахъ доказываетъ ему о необходимости и пользѣ долговъ и кредитовъ (99). Въ слѣдующихъ двухъ главахъ также чрезвычайно-темныхъ, Панургъ доказываетъ необходимость и пользу одной части одежды. Съ IX-й главы до послѣдней L-й Панургъ готовится жениться, собирая на этотъ случай совѣты, предсказанія и мнѣнія множества лицъ. Прежде всего онъ обращается къ Пантагрюелю, приводя самъ доказательства, то въ пользу, то противъ женитьбы, на что Пантагрюель попеременно ему отвѣчаетъ: *Maries-vous doncq de par Dieu* и *Point doncq, ne vous mariez*, и наконецъ совѣтуетъ загадать на Гомерѣ или Виргиліи (100), приводя нѣсколько примѣровъ историческихъ лицъ, которыя узнали будущее этимъ родомъ гаданія. Панургъ читаетъ на удачу три стиха Виргилія, по смыслу которыхъ выходитъ, что если онъ женится, то будетъ рогоносцемъ, бить и обкраденъ женою.

(98) Рабеле былъ большой охотникъ до странностей въ слогѣ, набора эпитетовъ, словъ, поговорокъ и т. п. Такъ, говоря о приготовленіи Афинянъ къ защитѣ, онъ называетъ 65-ть сортовъ оборонительнаго оружія, которое они употребляли при отраженіи непріятели. Представляя Діогена, трудящагося надъ бочкой, онъ приводитъ 31 глаголъ, означающій его занятія, въ родѣ слѣдующихъ: *bastoit, boutoit, tabiustoit, culle bustoit, trepoit, trempoit, taroit, timpoit* и т. д.

(99) Въ монологѣ Панурга много остроумнаго, на-пр. то, что должнику нѣчего заботиться о своемъ здоровьи, потому-что объ немъ молятся всѣ кредиторы, что во вселенной всѣ предметы даютъ въ долгъ другъ-другу, солнце лунѣ свѣтъ свой, глаза свое зрѣніе, ноги свое движеніе и т. п.; но все это чрезвычайно-растянуто.

(100) Обычай этотъ, состоявшій въ томъ, что раскрывали на удачу Гомера или Виргилія, и по смыслу стиха, попавшагося на глаза, заключали о задуманномъ предметѣ, былъ извѣстенъ еще Римлянамъ. У нихъ этотъ родъ гаданія назывался: *Sortes Homericae Sortes Virgiliane*.

Недовольный такимъ рѣшеніемъ, онъ перетолковываетъ предсказаніе это въ свою пользу. Для лучшаго убѣжденія Пантагрюель, совѣтуетъ ему попытаться узнать свою участь въ сповидѣніи. Панургъ дѣлаетъ къ этому все нужныя приготовленія и видитъ во-снѣ, что жена, лаская его, приставляетъ ему ко лбу рога и что потомъ онъ превратился въ барабанъ и сова. Пантагрюель объясняетъ это опять также, что онъ будетъ рогоносцемъ, будетъ битъ (какъ барабанъ), и что жена обокрадетъ его (какъ сова). Панургъ, напротивъ, доказываетъ, что рога означаютъ изобиліе, барабанъ веселость, а сова жену-красавицу (101). Потомъ они отправляются къ Сивиллѣ, живущей въ Панеу (Pan-zoust) узнать ея мнѣніе о жевитьбѣ (102). Сивилла написала на 8-ми листьяхъ дикой смоковницы (sycamore) веретенемъ 8-мъ стиховъ и бросила на вѣтеръ, приказавъ собрать ихъ.

Ясный смыслъ этихъ стиховъ предвѣщаетъ Панургу тоже, что и прежнія предсказанія, но онъ все-таки не хочетъ имъ вѣрить, объясняя ихъ по своему (103). Пантагрюель совѣтуетъ ему обратиться съ вопросомъ къ глухо-нѣмому (104), который также показываетъ ему весьма-непріятные знаки, а Панургъ также ихъ перетолковываетъ. Послѣ этого Пантагрюель съ Панургомъ идутъ просить совѣта у умирающаго поэта *Раминагробиса* (105), въ слѣдствіе общепринятаго мнѣнія, что поэты передъ смертію дѣлаются пророками. Раминагробисъ отвѣчаетъ имъ слѣдующими стихами:

Prenez la, ne la prenez pas :

Si vous la prenez, c'est bien fait :

(101) Ma femme sera cointe et jolie comme un belle petite chouette. — По слѣднее сравненіе не совсѣмъ удачно. Замѣтить также, что въ этой-же главѣ является въ первый разъ на сцену *Frère Jean des Entommeurs*, одно изъ главныхъ лицъ Гаргантюа.

(102) Описаніе колдовства этой Сивиллы довольно-занимательно.

(103) Объясненіе это очень забавно.

(104) Этотъ родъ узнаванія будущаго также употреблялся и древними.

(105) Подъ именемъ Раминагробиса, Рабеле вывелъ своего современника, поэта *Кретена*, (Cretin), пользовавшагося при жизни большею извѣстностью, но по смерти всѣми позабытаго. Рондо, приведенное ниже, находится въ собраніи его сочиненій. — Названіе Raminagobis, которое Лафонтенъ въ своихъ басняхъ даетъ котамъ, извѣстно было еще до Рабеле и означало толстяка, укутаннаго въ горностаевый мѣхъ.

Si ne la prenez, en effet
 Se sera ouuré par compas (106)
 Guallopez, maisallez le pas.
 Recullez entrez y de faict
 Prenez la, ne.

Jeusnez, prenez double repas,
 Deffaictes ce qu'estoit refaict,
 Refaictes ce qu'estoit de faict,
 Soubhaitez lui vie et trespas.
 Prenez la, ne.

Послѣ этихъ стиховъ умпрающій поэтъ прибавляетъ нѣсколько выраженій, весьма похожихъ на еретическія, въ слѣдствіе которыхъ потомъ, на двухъ главахъ, Пантагрюель защищаетъ поэта отъ обвиненій въ ересь. — Видя неудачу всѣхъ предсказаній, Панургъ начинаетъ у всѣхъ просить совѣта. Эпистемонъ, не беря на себя отвѣтственности рѣшить этотъ важный вопросъ, посылаетъ его къ знаменитому мудрецу и волшебнику *Геръ Триппу* (107). Великій мужъ, вмѣсто всякаго отвѣта, называетъ ему 26 родовъ гаданій, и спрашиваетъ его: по какому способу хочетъ онъ узнать будущее. Панургъ, раздосадованный болтовнею мудреца, уходитъ отъ него, ничего не узнавши и обращается къ Брату Иоанну (*des Entommeurs*), называя его однимъ неблагопрістойнымъ именемъ, съ прибавкою 154-хъ эпитетовъ. (108) Братъ Иоаннъ въ комическомъ монолoгѣ совѣтуетъ ему женить-

(106) Выраженіе, въ родѣ поговорки, означающее: это будетъ очень хорошо сдѣлано.

(107) Подъ именемъ *Her Trippre*, какъ увѣряютъ комментаторы, Рабеле вывелъ извѣстнаго ученаго его времени, *Генриха Корнелія Агриппу*.

(108) Страсть Рабеле къ набору словъ и эпитетовъ дѣлается несносною отъ излишней изысканности. Удивляешься терпѣнію человѣка, который убилъ столько времени на отысканіе эпитетовъ самыхъ странныхъ, изъ которыхъ больше половины уже не существуетъ въ языкѣ, въ родѣ слѣдующихъ: «C. moignon, pare, laicté, madré, crotésqué, garancé, gréné, goildronné, poudrebif, gigantal etc. etc.»

ся, увѣряя что это-же самое говорятъ колокола, когда въ нихъ звонять: *Marie toy, marie toy, marie, marie, marie, Si tu te maries, maries, maries tres bien t'en trouveras, veras, veras, marie marie* (109). Онъ въ свою очередь называетъ Панурга тѣмъ-же именемъ, сопровождаемымъ другими 152-мъ противоположными эпититами и даетъ ему лучший способъ для того, чтобы не сдѣлаться рогоносцемъ, подтверждая это однимъ анекдотомъ, который мы также не можемъ привести. — Послѣ этого Пантагрюель сзываетъ на обѣдъ теолога, доктора и юриста для того, чтобы они разрѣшили сомнѣнія Панурга, полезна-ли женитьба для души, для тѣла и для имѣнія. Панургъ соглашается выслушать ихъ, хотя съ начала очень остроумно говорятъ, что это ни къ чему не послужитъ, потому что мы поручаемъ тѣло наше — докторамъ, которые терпятъ не могутъ лекарствъ и почти никогда ихъ не принимаютъ, и имѣние адвокатамъ, которые между собою никогда не имѣютъ процессовъ.» — Къ этимъ лицамъ Пантагрюель присоединяетъ и философа. — Теологъ совѣтуетъ жениться, говоря, что онъ не будетъ рогоносцемъ, на что Панургъ отвѣчаетъ ему: Мой мулъ прекрасно-бы леталъ, если-бы у моего мула были крылья! Я не буду рогоносцемъ. — Докторъ, приводя пять причинъ, возбуждающихъ любострастіе, совѣтуетъ жениться, говоря однако, что рога также необходимо слѣдуютъ за бракомъ, какъ тѣнь за чело въскомъ. «Природа (говоритъ докторъ), создавая женщину, отступила отъ здраваго смысла, съ которымъ создавала другіе предметы, и думала гораздо болѣе о доставленіи удовольствія чловѣку, чѣмъ объ индивидуальномъ совершенствѣ женщины.» (110) Послѣ этого, безо всякой снзвн съ предметомъ сужденія, докторъ рассказываетъ нѣсколько анекдотовъ, другіе собесѣдники дѣлаютъ тоже, и между-прочимъ Эпистемонъ рассказываетъ содержаніе одной комедіи, которую онъ самъ съ другими актерами разыгрывалъ въ Монпелье (111) «У одного мужа была нѣмая жена, которую онъ любилъ до безумія. Доктора, по усерд-

(109) Братъ Іоаннъ въ *Пантагрюель* является уже старикомъ. Панургъ говоритъ, что голова его похожа на ландкарту, потому-что на ней переишавы сѣрый, бѣлый и черный цвѣта.

(110) Это мнѣніе Рабеле о женщинахъ очень остроумно и замѣчательно.

(111) Въ числѣ актеровъ названъ и François Rabelais.

ной просьбѣ мужа, нашли средство возвратить ей даръ слова; но жена, получивши этотъ драгоценный даръ, начала говорить до такой степени, что мужъ опять обратился къ докторамъ, съ покорнѣйшею просьбой: нельзя-ли дать ей лекарство, отъ котораго-бы она замолчала. Доктора объявили, что средствъ на это не имѣется и что противъ нескончаемой болтовни жены единственное средство—глухота мужа. Бѣдный мужъ, выбирая изъ двухъ золъ меньшее—согласился и на это, но зато, когда доктора пришли просить вознагражденія за ихъ услугу, то онъ отвѣчалъ, что рѣшительно ничего не слышитъ.» (112) Философъ, на вопросъ Панурга, жениться ему или нѣтъ, отвѣчаетъ:— И то и другое; потомъ когда Панургъ повторитъ свой вопросъ: Ни то, ни другое, и въ такомъ тонѣ продолжаетъ давать отвѣты. (113) Видя, что философія не можетъ разрѣшить этого вопроса, Пантагрюель посылаетъ привезти къ нимъ извѣстнаго и знаменитаго дурака Трибуле, шута Франциска I, (114) давая ему вмѣстѣ съ Панургомъ 210 эпитетовъ. (115) Послѣ этого, неизвѣстно зачѣмъ, Пантагрюель со всей своей свитою отправляется въ Мирелингъ, гдѣ встрѣчаетъ знаменитаго судью *Бридуа*, который рѣшаетъ всѣ дѣла на удачу, бросая кости и смотря по числу, какое на нихъ

---

(112) Этотъ остроумный анекдотъ, походить однако чрезвычайно на сцену въ извѣстной комедіи *L'avocat Patelin*, гдѣ пастухъ, обвиняемый въ покражѣ овецъ, отвѣчаетъ, по совѣту адвоката, на всѣ вопросы судей — овецъимъ блянемъ — *бее*, и дѣлаетъ тоже самое, когда адвокатъ за эту выдумку проситъ у него денегъ.

(113) Въ этой главѣ въ первый разъ является *Гаргантюа*, присутствующій при разговорѣ Панурга съ философомъ. — Въ ней также приведенъ прекрасный отвѣтъ одной Спартанской прелестницы (*Fantesque*), которая на вопросъ: имѣла-ли она любовную связь съ мужичнами, отвѣчала: нѣтъ! но мужичны имѣли иногда любовную связь со мною.

(114) Пантагрюель, въ доказательство того, что дураки иногда даютъ прекрасныя рѣшенія, приводитъ анекдотъ о трактирщикѣ, который хотѣлъ заставить одного бѣдняка заплатить ему за то, что онъ ѣлъ хлѣбъ у его печки, потому-что хотя хлѣбъ у него былъ *свой*, но онъ ѣлъ его съ *дымкомъ* трактирщика. Дуракъ Жеганъ рѣшилъ этотъ вопросъ тѣмъ, что велѣлъ отвѣтчику *позвонить* только тѣмъ деньгами, которыя съ него требовались, чтобы заплатить *звукомъ* за *дымъ*.

(115) Нельзя не удивляться этому ежеминутному набору словъ.

выдетъ. Шестъ главъ, заключающія въ себѣ описаніе ихъ разговоровъ, способа вести тяжбы и т. п. чрезвычайно-темны и утомительны, по множеству судебныхъ терминовъ, цитатъ, ссылокъ на законы и проч. Трибуле даетъ имъ также очень-темный отвѣтъ, который они объясняютъ различно. Между-прочимъ онъ вручаетъ Панургу пустую бутылку, изъ чего тотъ заключаетъ, что имъ надобно съѣздить въ храмъ къ Оракулу *бутылки* (la Dive bouteille). Послѣднія главы второй книги заключаютъ въ себѣ описаніе приготовленій къ этому путешествію, въ которое между-прочимъ Пантагрюель беретъ большой запасъ травы, названной по его имени Пантагрюелевой травой, имѣющей разныя волшебныя свойства. Трава эта, по ботаническому описанію ея, просто, *пенька*, но комментаторы видятъ въ ней аллегорію казней и гоненій, которымъ подвергались протестанты при Францискѣ I (116) Вообще вторая книга Пантагрюеля чрезвычайно-сучна и неинтересна, хотя и наполнена множествомъ выносокъ, отступленій и любопытныхъ цитатъ.

Не смотря на то, что вѣкъ Рабеле не отличался ни нравственностью, ни деликатностью чувствъ, двѣ первыя книги Пантагрюеля возбудили противъ автора много враговъ, которые всѣ въ одинъ голосъ начали обвинять его въ ереси и безбожіи. Франциску I сдѣланъ былъ на него даже формальный доносъ. Онъ прочелъ романъ и объявилъ, что не находитъ въ немъ ни одного подозрительнаго мѣста. Изъ покровителей Рабеле болѣе всѣхъ въ этомъ случаѣ защищалъ его Оде, кардиналъ де-Шатильонъ. По его ходатайству, наслѣдникъ Франциска, Генрихъ II, далъ ему королевскую привилегію на выпускъ въ свѣтъ третьей книги Пантагрюеля. Рабеле издалъ ее вмѣстѣ съ посланіемъ къ кардиналу, въ которомъ благодаритъ своего покровителя за его милости и оправдывается въ возведенныхъ на него обвиненіяхъ. За посвященіемъ слѣдуетъ прологъ, длинный и утомительный, который заключаетъ въ себѣ рассказъ о томъ, какъ одинъ бѣдный дровосѣкъ потерялъ свой топоръ, и Юпитеръ, наскучивъ его безпрестанными молитвами о возвращеніи пропажи, велѣлъ Меркурію дать ему на выборъ три топора: золотой, серебряный и желѣз-

---

(116) Изъ травы этой, которую Рабеле называетъ *pantraguellion*, дѣлаютъ веревки — и потому комментаторы видятъ въ ней аллегорію повѣшенныхъ протестантовъ. Дѣйствительно, тонкая аллегорія!

ный, который онъ потерялъ, съ тѣмъ что если дровосѣкъ, по жадности, возьметъ золотой, то желѣзнымъ отрубить ему голову. а если возьметъ свой собственный, то дать ему въ награду за безкорыстіе все три. Дровосѣкъ выбралъ тотъ, который онъ потерялъ — и такимъ образомъ разбогатѣлъ. Узнавши, что причиною его богатства была потеря топора, все, до которыхъ только дошло это извѣстіе, также потеряли свои топоры и начали зывать къ Юпитеру о возвращеніи пропавшаго. Меркурій явился къ каждому, предлагалъ на выборъ три топора, и всемъ рубилъ головы, потому что все увѣрили, что имъ принадлежалъ золотой. Въ этомъ анекдотѣ, въ прологѣ чрезвычайно-растянутомъ, многіе комментаторы видятъ аллегорію извѣстнаго въ то время происшествія съ однимъ дворяниномъ изъ Пуату, который, пріѣхавши бѣднякомъ ко двору Франциска I, съ хорошенькой женою, уѣхалъ богачомъ въ свои помѣстья и возбудилъ этимъ зависть во всехъ своихъ провинціальныхъ друзьяхъ и сосѣдяхъ, также отправившихся ко двору съ своими половинами, съ тою-же цѣлью. Разумѣется, что ихъ ждала неудача, и они возвратились къ себѣ разоренные этою поѣздкою (117). Если Рабеле точно хотѣлъ написать аллегорію, то напрасно не сдѣлалъ ее пояснѣе и позамысловатѣе (118).

Третья часть начинается описаніемъ корабля, въ которомъ Пантагрюель съ Панургомъ и остальною свитою отправился къ Оракулу Бутылки (119), узнать мнѣніе ея о женитьбѣ Панурга.

Потомъ слѣдуетъ описаніе различныхъ странъ и государствъ, которыя они осматриваютъ. Все эти мѣста, разумѣется, изобрѣ-

(117) Въ прологѣ этомъ есть еще одно любопытное мѣсто для исторіи музыки, въ которомъ Рабеле поименовываетъ почти всехъ извѣстныхъ музыкантовъ того времени.

(118) У этой книги Пантагрюеля былъ также и другой прологъ, который Рабеле напечаталъ сначала отдѣльно, но потомъ въ послѣдующихъ изданіяхъ вовсе уничтожилъ, что весьма-хорошо сдѣлалъ.

(119) Первая глава этой книги носитъ слѣдующее заглавіе: «Comment Pantagruel monta sur mer pour visiter l'Oracle de la Dîue Bacbus. Рабеле называлъ здѣсь бутылку еврейскимъ словомъ, составленнымъ по-подобію звука который она производитъ, когда ее опорожняютъ. (См. Alphabet de l'Auteur Français).

тены самим Рабеле, и не находятся ни на какой картѣ. Комментаторы въ каждомъ словѣ описанія путешествія видятъ намекъ, аллегорію или удивительное остроуміе. Не видя ни перваго, ни втораго, и находя весьма-мало послѣдняго, мы не будемъ распространяться о нелюбопытныхъ и чрезвычайно-утомительныхъ подробностяхъ этого путешествія, и упомянемъ только о замѣчательнѣйшихъ случаяхъ.

Пантагрюедъ со свитою пріѣзжаетъ сначала на островъ *Медалоти* (120), гдѣ покупаетъ много рѣдкихъ вещей и между-прочимъ двухъ единороговъ и *Таранда* (121). Все это посылаетъ онъ къ Гаргантюа, съ письмомъ въ отвѣтъ на посланіе его, полученное по голубиной почтѣ. Отплывъ отъ этого острова и начавъ огибать полюсъ, путешественники встрѣтили корабль, который шелъ изъ страны *фонарициковъ* (pays de Lanternois) (122). На этомъ кораблѣ былъ богатый купецъ Дендено, (Dendenaull), который везъ продавать огромное стадо барановъ. Падутый своимъ богатствомъ, купецъ осыпаетъ плоскими насмѣшками и грубыми шутками Панпурга. Философъ, смиренно выслушавъ всѣ оскорбленія, проситъ у Дендено продать ему одного барана на выборъ. Послѣ новыхъ

(120) *Мудароден* — выгдѣ.

(121) *Тарандъ* баснословное животное, встрѣчающееся у многихъ писателей, которые называютъ его то Тарантомъ, то Тарандомъ. Плиній, въ своей естественной исторіи, увѣряетъ, что звѣрь этотъ дѣйствительно существуетъ, и описываетъ его слѣдующимъ образомъ: «Тарандъ ростомъ съ молодого быка, съ оленьей головою, украшенною длинными и широкими рогами, на ногахъ копыта, шерсть длинная, какъ у медвѣдя, кожа крѣпкая, какъ панцырь и онъ измѣняетъ цвѣтъ ея, смотря, потому, близъ какого предмета находится. Такъ, въ травѣ онъ кажется зеленымъ, подлѣ утеса сѣрымъ, въ водѣ — голубымъ. Свойство это въ немъ одинаково съ *Полипомъ* (?) и хамелеономъ» (Плиній, кн. 8, гл. 34).

(122) Страна эта, съ которой мы еще встрѣтимся въ-послѣдствіи, по мнѣнію комментаторовъ, означаетъ *Трентскій соборъ*, на которомъ католическіе богословы и епископы, во-время Рабеле, долго спорили и ничего не рѣшили. Предположеніе это основываютъ на томъ, что духовенство *освѣщаетъ міръ* — vos estis lux mundi, — и что Рабеле говоритъ далѣе объ этой странѣ, des Lanternois, «qu'on y foisoit grand apprest, comme si l'on y dust profondement lanterner». Жакобъ Библиофилъ думаетъ, что Рабеле представилъ въ этой аллегоріи ла-Рошель, гдѣ кальвинисты хотѣли основать новую Женеву.

насмѣшекъ, купецъ соглашается на это, и взявши съ Панурга огромную цѣну, допытывается, за-чѣмъ ему одинъ баранъ. — «А вотъ увидишь!» отвѣчаетъ Панургъ и, выбравъ самаго здороваго барана, который ходилъ всегда въ головѣ другихъ — бросаетъ его въ море. Тотчасъ-же всѣ остальные бараны, по врожденному инстинкту подражанія, слѣдуютъ за первымъ. Пастухи и прислужники, желая удержать ихъ, падаютъ за бортъ корабля. Самаго Децено, ухватишагося за жирнаго барана, увлекаетъ онъ въ море, гдѣ гордый купецъ тонетъ со всѣмъ своимъ богатствомъ, а Панургъ, сидя на кормѣ, читаетъ ему правоученія о тщетѣ мірскаго величія. Эпизодъ этотъ, извѣстный и тѣмъ, которые не читали Рабеле, былъ бы очень-хорошъ, какъ по идѣ, такъ и по изложенію, если-бы въ подлинникѣ разговоръ не былъ черезъ-чуръ растянутъ и наполненъ ненужными подробностями. Несмотря на это, онъ одинъ изъ лучшихъ въ цѣломъ романѣ. — Послѣ этой встрѣчи, они пристають къ острову *Безносыхъ* (Ennasins), гдѣ всѣ жители родня между собою и носъ у всѣхъ *въ видѣ трѣховаго туза*. Вся эта глава наполнена разными названіями, которыя жители даютъ другъ-другу, и къ которымъ спутники Пантагрюеля приплетаютъ каламбуры. Каламбуры эти и самая глава — верхъ нелѣпости. Это одно изъ тѣхъ мѣстъ у Рабеле, гдѣ сомнѣваешься въ его здравомъ умѣ. — Далѣе, Пантагрюель забѣгаетъ на островъ *Хели* (123), гдѣ, по обычаю той страны, королева и ея свита перецѣловали весь экипажъ. По поводу этого обычая, братъ Іоаннъ рассказываетъ анекдотъ, который случился съ однимъ дворяниномъ по имени Гюнешаруа. Онъ былъ приглашенъ на большой пиръ къ сосѣднему владѣтелю замка. Дамы и дѣвицы, во множествѣ собравшіяся на праздникъ, вздумали подшутить надъ гостемъ, и видя, что онъ уже подъѣзжаетъ, одѣли своихъ молодыхъ пажей въ дамскія платья и велѣли имъ дожидаться у подъемнаго моста пріѣзда дворянина. Гюнешаруа сойдя съ лошади, съ приличною важностію и поклонами перецѣловалъ всѣхъ пажей. Тогда дамы, видѣвшія всю эту сцену, съ женскимъ смѣхомъ окружили дворянина, продолжая надъ нимъ подшучивать. Наконецъ, хозяйка, сжалась надъ нимъ,

(123) Въ этимологіи этого слова комментаторы не согласны между-собою. Одни производятъ его отъ греческаго (губы), другіе отъ еврейскаго слова покой. Не считаемъ нужнымъ приводить ихъ догадки и толкованія

предложила ему въ вознагражденіе поцѣловать всѣхъ настоящихъ дамъ. Но Гюешаруа хладнокровно отвѣчалъ, что въ другой разъ обмануть его не удастся и что если трудно было узнать пажей въ дамскомъ платьѣ, то конюховъ и слугъ, одѣтыхъ дамами, узнать совѣмъ нетрудно. — Послѣ этого остроумнаго анекдота снова слѣдуетъ цѣлая глава нелѣпостей, которыя мы проходимъ молчаніемъ. — Далѣе путешественники пристають къ странѣ *Странчества* (Procuration), въ которой обитаетъ народъ *Ябедниковъ* (chicaneux), жившій только тѣмъ, что предлагаетъ проѣзжающимъ бить себя сколько угодно за извѣстную плату (124). Панургъ рассказываетъ при этомъ случаѣ, какъ пѣкто Баше, богатый землевладѣлецъ, переколотилъ множество подъячихъ, ничего за это не заплатя, потому что, когда они являлись звать его въ судъ, то онъ, одѣвая двухъ изъ своихъ людей—женехомъ и невѣстою, дѣлалъ видъ, будто играетъ свадьбу, и пользуясь народнымъ обычаемъ, въ слѣдствіе котораго всѣ присутствующіе на свадьбѣ даютъ другъ другу маленькіе удары, — избивалъ стряпчихъ до полусмерти (125). Въ XVII главѣ этой книги беспорядочное воображеніе Рабеле переходитъ всѣ границы. Глава эта называется: *Какъ Панпагрюель прошелъ острова Тогю и Богю и о странной смерти Брингенарилла, глотателя вѣтряныхъ мельницъ*. — Въ ней Рабеле рассказываетъ, какъ великанъ этотъ, глотавшій вѣтряныя мельницы, умеръ отъ того, что, не найдя на этихъ островахъ обыкновенно употребляемой имъ пищи, съѣлъ тамъ всѣ печи, котлы и кострюли. Трудно понять, что хотѣлъ сказать Рабеле этимъ чудовищнымъ вымысломъ; если есть что-нибудь нелѣпѣе его, такъ это развѣ объясненія комментаторовъ, отъ которыхъ мы избе-

---

(124) Насмѣшка надъ стряпчими и подъячими, которые при Францискѣ I промышляли нѣрѣдко и этимъ.

(125) Рассказъ этотъ, и безъ того утомительный, увеличивается еще ненужными подробностями, и между прочимъ, описаніемъ маскарада, въ которомъ Баше и его гости одѣваются чертями. — Въ этомъ-же рассказѣ Рабеле составилъ бездну самыхъ варварскихъ и непонятныхъ словъ, въ родѣ: *motambouzevezangouzequoquemorgualasachacquevesinemaffressé, trepignemamprenillorifrizonouffressuré* и т. д. Замѣчательно, что вся эта длинная исторія о Шкааахъ не помѣщена въ первомъ изданіи этой книги, (въ 1548-мъ году, въ Валенціи).

вляемъ читателей (126). — Далѣе на морѣ встрѣчаютъ они цѣлый корабль монаховъ (127) и принимаютъ ихъ это за счастливое предзнаменованіе; но чрезъ нѣсколько времени, напротивъ, ихъ начинаетъ бить ужасная буря, въ-продолженіе которой братъ Іоаннъ ругается и божится, а Панургъ плачетъ, дѣлаетъ обѣты и читаетъ молитвы. Наконецъ буря утихаетъ и Панургъ ободряется въ свою очередь, увѣряя, что онъ нисколько не трусилъ.

Спасшись отъ бури, Пантагрюель и его спутники пристали къ острову *Макреоновъ* (Стариковъ) (128), гдѣ отдохнули и исправили поврежденія въ кораблѣ. На островѣ этомъ, въ огромномъ лѣсу, жили духи и старые герои. (129) Далѣе они пристають къ острову *Скрытому*, (Tarpinois), гдѣ царствовалъ король по имени *Заговѣнье* (Quaresme repant). Жители этихъ острововъ питались только сеledками, семгой, треской и салатомъ (130). Отправляясь далѣе, къ острову всегдашнихъ враговъ Заговѣнья, *Жареныхъ колбасъ* (Andouilles) путешественники встрѣчаютъ у *дикаго* острова (Fagouche) огромнаго кашалота, котораго Пантагрюель убиваетъ стрѣлами. *Жареныхъ колбасы* принимаютъ приплывшихъ къ нимъ иностранцевъ за подданныхъ врага ихъ, Заговѣнья, и на-

(126) Нѣкоторые изъ нихъ видятъ въ Брингенариллѣ Франциска I. Другіе Карла V. Въ этой-же главѣ Рабеле приводитъ бездну торическихъ примѣровъ людей, умершихъ страннымъ родомъ смерти. Надо было имѣть большую начитанность и терпѣніе, чтобы собрать всѣ эти примѣры.

(127) Монахи эти ѣдутъ въ *Хезиль*, въ которомъ многіе комментаторы видятъ также Трентскій-Соборъ. — Самое-же слово *Хезиль* — еврейское названіе созвѣдія Оріона, возбуждающаго, по преданіямъ, бури.

(128) *Махра à l'œil*.

(129) Рабеле не объясняетъ, что это за герои; вообще, четыре главы, заключающія въ себѣ описаніе пребыванія Пантагрюеля на островѣ Макреоновъ, чрезвычайно-темны и неинтересны.

(130) Явный, но не весьма-остроумный намекъ на монаховъ. Главы эти также чрезвычайно-скучны. Въ концѣ Пантагрюель рассказываетъ басню, какъ природа создала гармонию и красоту, а противо-природа (Antiphysie) безобразіе и несогласіе, которыя ходили на головѣ, увѣряя, что этотъ способъ прогуливаться сообразнѣе съ природою, потому-что волосы человѣка похожи на корни, ноги на вѣтви дерева, а дерево не растетъ никогда корнями вверхъ. Комментаторы не объясняютъ, что хотѣлъ сказать Рабеле этой уродливой басней.

падаютъ на нихъ огромною арміею, подкрѣпляемою *Дикими колбасами* и *Горными Сосисками* (Boudins Sovaiges et Saucissons Montigenes). Пантагрюель, съ помощію брата Іоанна, набравшаго пѣлый полкъ поваровъ, разбиваетъ ихъ (131). Во-время сраженія въ облакахъ является огромный поросенокъ съ крыльями въ родѣ вѣтряной мельницы, который, летая надъ сражающимися, извергаетъ на землю горчицу. Послѣ битвы, примпрившись, съ паррицею Жареныхъ колбасъ, *Нифлезетой*, Пантагрюель узнаетъ, что поросенокъ этотъ ихъ богъ, которому они поклоняются. (132) Отсюда странствователи пристають къ *Вѣтряному* острову (Isle de Ruach) (133) гдѣ жители питаются однимъ только вѣтромъ; (134) потомъ къ острову *Цапафиговъ*, нѣкогда богатому и свободному, а теперь бѣдному и покоренному *Папанами* (135). Тамъ, въ одной разрушенной часовнѣ, Пантагрюель встрѣтилъ человѣка, сидящаго по горло въ кропильницѣ, надъ которымъ священники читали заклинанія противъ чорта. На вопросъ, что это значитъ—ему рассказали слѣдующее происшествіе. Чортъ сдѣлалъ уговоръ съ этимъ человѣкомъ, который обрабатывалъ его поле: все, что выростетъ подъ землею должно было принадлежать черту, все-же, что надъ землею, могъ взять себѣ крестьянинъ за труды при обработкѣ поля. Крестьянинъ посѣялъ рожь, ежалъ ее, продалъ прибыльно, а чортъ поѣхавши продавать коренья, былъ всеми осмѣянъ на рынкѣ. Видя что его надули, на другой годъ чортъ сдѣлалъ другое условіе: крестьянинъ долженъ былъ взять себѣ то, что выростетъ подъ землею, а чорту отдать все, показавшееся изъ земли. Но и тутъ лукаваго надули на славу, потому-что мужикъ посѣялъ рѣпу. Видя, что нѣтъ возможности перехитрить человѣка, чортъ объявилъ ему рѣшительно, что все поле будетъ принадлежать тому, кто перецарапаетъ дру-

(131) Рабеле и здѣсь, желая казаться оригинальнымъ, приводитъ 169 именъ поваровъ, составленныхъ большею частію изъ предметовъ ихъ профессіи.

(132) Комментары и эту сумасшедшую фантазію оставляя безъ объясненія, удивляются только граціозности вымысла.

(133) Ruach — по-еврейски значитъ вѣтеръ.

(134) Въ этихъ людяхъ комментаторы видятъ *придворныхъ*.

(135) Названіе «Papèfigue» означаетъ Протестантовъ — gens qui font la figue au Pape. Papimanes — обожатели папы.

гаго. Тутъ преимущество было очевидно на сторонѣ дьявола и потому-то, приготовляясь къ страшному поединку, крестьянинъ съѣлъ въ кропильницу. Между-тѣмъ, какъ надъ нимъ молились священники, жена его надула чорта лучше мужа, увѣря его, когда чортъ явился царапаться, что у мужа ея ужасныя когти, въ доказательство чего показала ему огромную рану которую, по словамъ ея, сдѣлалъ ей мужъ и которая очень-подробно описана у Рабеле. Мы приглашаемъ желающихъ обратиться къ подлиннику, для узнанія развязки этой сказки, оканчивающейся весьма-грязно-нелѣпнымъ образомъ. На островѣ Папамановъ спутниковъ Пантагрюеля окружаютъ всѣ жители съ вопросомъ: видѣли ли они папу, и на утвердительный отвѣтъ осыпаютъ поцѣлуями ихъ ноги и воздаютъ имъ имъ всевозможныя почести. Въ церкви раскрываютъ имъ портретъ Папы, хранящейся за 46 замками и показываемый народу только въ высокотожественные дни, потому-что одинъ взглядъ на этотъ портретъ снимаетъ треть грѣховъ. Послѣ того имъ даютъ большой обѣдъ и все время, пока онъ продолжается, выхваляютъ до небесъ святыя декреталии, которыми островъ этотъ управляется и которыя сдѣлали множество чудесъ. Вообще вся эта глава написана съ явной цѣлью посмѣяться надъ Папою, и удивительно, какъ не сожгли Рабеле за такія насмѣшки. Отплывши отъ острова Папимановъ, въ открытомъ морѣ, надъ кораблемъ Пантагрюеля раздаются страшныя, смѣшанныя голоса. Всѣ слышатъ ихъ, но никто не видитъ существъ, которыя ихъ произносятъ. Страхъ овладѣваетъ всеми. Панургъ проситъ поскорѣе бѣжать изъ предосторожности, но не отъ страха, потому-что онъ ничего на свѣтѣ не боится, кромѣ опасностей. Пантагрюель начинаетъ припоминать историческія преданія и рассказы о голосахъ, слышанныхъ многими извѣстными лицами и причинахъ ихъ происхожденія. ⁽¹³⁶⁾ Кормчій объясняетъ наконецъ это непонятное явленіе: «Мы теперь на границахъ Ледянаго-океана», говоритъ онъ,

---

(136) Между этими причинами очень-замѣчательно по своей дикости, мысль Петронія, который говоритъ, что міры, какъ равнобедренные треугольники, прикасаются между-собою параллельными сторонами, въ центрѣ которыхъ обитаетъ истина и находятся первообразы, оболочки, идеи всѣхъ прошедшихъ и будущихъ словъ, которыя въ извѣстныя времена въ видѣ водопада ниспадаютъ на землю. — Какое ясное и понятное опредѣленіе!

«на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прошлою зимою проехало кровопролитное сраженіе между двумя сѣверными народами. Во-время битвы замерзли въ воздухѣ слова, крики людей и женщинъ, звукъ оружія, ржаніе лошадей. Теперь наступаетъ теплое, весеннее время, и замерзнувшіе звуки оттаиваютъ и слышатся въ воздухѣ.» Вывода изъ этого заключеніе, что верастаявшія еще слова можно даже видѣть, Пантагрюель зачерпываетъ въ воздухѣ цѣлую горсть ихъ. Слова эти были похожи на полупрозрачныя миндалины разныхъ цвѣтовъ и согрѣтые въ рукахъ таяли, какъ снѣгъ. Одно изъ нихъ, которое отогрѣвалъ братъ Іоаннъ, издало звукъ, подобный тому, который издаетъ каштанъ, лопнувшій на огнѣ. Это былъ замерзнувшій звукъ фальконетнаго выстрѣла. Между мерзлыми словами были и бранныя, и жалобныя, крики отчаянія, звуки барабановъ, флейтъ, трубъ и другихъ инструментовъ. Панургъ хотѣлъ сохранивъ на память нѣсколько такихъ словъ, положивъ ихъ въ масло, какъ это дѣлаютъ со льдомъ и снѣгомъ (?) и обернувъ въ солѣму, но Пантагрюель не позволилъ ему этого. Оставляя ихъ, Панургъ очень жалѣлъ что между этими замерзлыми словами не находится отвѣтъ бутылки, за которымъ онъ ѣдетъ такъ далеко. (137)

Послѣ того Пантагрюель со своимъ спутниками пріѣзжаетъ во владѣнія мессира Гастера, перваго магистра всѣхъ художествъ въ свѣтѣ. (Messere Gaster premier Maistre es Arts du monde) и отправляется къ нему на поклонъ со своей свитой. Этотъ *Гастеръ* (желудокъ) царь строгій, нелюбящій прекословія, крѣпкій, крутой, безжалостный. Онъ не слушаетъ никакихъ доказательствъ, потому что родился безъ ушей. Отъ крика его трясется небо и дрожитъ земля. Онъ всегда идетъ впередъ и всѣ уступаютъ ему первое мѣсто. Онъ одинъ избрѣлъ всѣ искусства, науки, художества и машины на свѣтѣ. Онъ учитъ говоритъ сорокъ, воронъ, попугаевъ, синигрей; создаетъ поэтовъ, и дѣлаетъ ручными дикихъ звѣрей. Весь міръ покоряется его законамъ. — Въ

---

(137) Идея мерзлыхъ словъ очень оригинальна и занимательна; но какъ и всѣ лучшіе эпизоды, анекдоты и рассказы у Рабеле, избрѣтена не имъ, а находится въ романѣ испанскаго писателя *Бальтазара Кастильиона*, переведенномъ на французскій языкъ и напечатанномъ въ 1539 году, подъ названіемъ *Придворный*. Этотъ-же рассказъ есть и у *Целія Кальканьина*, въ его *Апологахъ*, изданныхъ въ Феррарѣ, въ 1544 году.

свѣтъ его находятся два рода лицъ: Эпанстримиты (вантрилки) и Гастролатры (обжоры). Послѣдніе даже не признаютъ другого бога, кромѣ желудка — Пантагрюель былъ свидѣтелемъ жертвоприношенія, которое Обжоры дѣлали въ честь Желудка. Оно состояло болѣе чѣмъ изъ 130-ти блюдъ (138). При этомъ авторъ рассказываетъ, какъ Желудокъ изобрѣлъ всевозможныя науки и искусства, начиная съ земледѣлія — искусства добывать пищу, до военныхъ наукъ — посредствомъ которыхъ она охраняется. Между разными изобрѣтеніями Рабеле, приписываетъ Желудку и такія, которыхъ никто не въ состояніи сдѣлать, какъ на-примѣръ способъ сводить дождь съ неба и останавливать его, когда ему вдумается — и искусство никогда не быть раненнымъ (139). Оставивъ Желудка, они въ виду острова Ханефа (140) были застигнуты штилемъ, и въ послѣднихъ четырехъ главахъ третьей книги Рабеле описываетъ, что говорилъ Пантагрюель съ своими приближенными, въ ожиданіи вѣтра, и какъ съ Панургомъ, испугавшимся пушечныхъ выстрѣловъ, сдѣлалось одно происшествіе, о которомъ любопытствующіе могутъ сами справиться. — Эти послѣднія главы очень портятъ весьма-остроумно написанныя рассказы о мерзлыхъ словахъ и Мессирѣ Желудкѣ.

Четвертая книга Пантагрюеля вышла въ 1562-мъ году, спустя 9-ть лѣтъ послѣ смерти Рабеле (141). Онъ умеръ, не окончивши

(138) Всѣ эти блюда названы у Рабеле, равно какъ и тѣ, которыя ему приносятся во-время поста; онъ также приводитъ ихъ болѣе сотни.

(139) Большую часть этихъ сказокъ Рабеле заимствовалъ у Плутарха и Плинія, которые вѣрили самымъ-нелѣпнымъ преданіямъ, и помещали ихъ въ свои ученые статьи. Вообще рассказъ о власти желудка былъ-бы очень-замѣчательнъ, если-бы не былъ до чрезвычайности растянутъ. Самый титулъ своего мессира Гастера Рабеле заимствовалъ у Персея, который называетъ желудокъ «Magister artis, ingeniique largitor venter».

(140) Chanef — по-еврейски лицемеръ.

(141) Въ этомъ году она вышла подъ названіемъ *Звугащаго острова* (L'isle Sonnante), и состояла только изъ 16-ти главъ. Послѣдующія изданія

своего страннаго произведенія, не досказавъ свѣту походовъ своего любимаго героя, съ которымъ не разставался во всю жизнь. Но любопытство современниковъ было сильно возбуждено, всѣ хотѣли знать окончаніе этой исторіи, которая такъ живо трогала грубое воображеніе читающей публики XVI-го столѣтія. Въ бумагахъ Рабеле отыскали четвертую часть неоконченнаго романа, собрали отдѣльныя главы, привели въ порядокъ разбросанныя матеріалы, связали ихъ между собою, и издали въ свѣтъ — на удивленіе его многочисленнымъ поклонникамъ. Много было въ этомъ посмертномъ изданіи пропусковъ и темныхъ мѣстъ, разница въ слогѣ и орфографіи мѣстами была очень-замѣтна, но духъ Рабеле виденъ былъ ясно въ безсвязныхъ главахъ, и выказался даже ярче и рѣзче, чѣмъ въ другихъ его книгахъ. Были люди которые утверждали, что не Рабеле написалъ эту послѣднюю книгу, но фанатическіе комментаторы блистательными аргументами опровергли ихъ доводы, и имя Рабеле еще ярче засіяло послѣ появленія четвертой книги Пантагрюеля. — Прологъ къ ней до того нелѣпъ и теменъ, что мы пропускаемъ его безъ вниманія (142). Обращаемся къ первой главѣ, когда Пантагрюель, Панургъ и свита ихъ, въ которой находится и самъ авторъ пріѣзжаютъ къ *Звучащему* острову (143). Еще издали ихъ поражаетъ смѣшанный звукъ колоколовъ разнаго тона. Приставши къ берегу, они разспрашиваютъ у встрѣтившагося имъ отшельника о причинѣ этого звона. Тотъ, заставивши ихъ сначала, по обычаю той страны, попутиться четыре дня, рассказываетъ, что островъ этотъ населенъ птицами особаго рода, которыхъ все занятіе состоитъ въ томъ, чтобы ѣсть, пить, спать и пѣть, подъ звукъ колоколовъ разныя монотонныя пѣсни. Птицы эти, по свидѣтельству автора, очень-похожи на людей, хотя и покрыты перьями разныхъ

постепенно ее дополняли, разумѣется, передѣлывая по-своему покойнаго автора, и дѣлая свои собственныя вставки и прибавленія.

(142) По мнѣнію всѣхъ комментаторовъ, прологъ составленъ не Рабеле, а кѣмъ-нибудь изъ книгопродавцевъ.

(143) Еще въ третьей книгѣ, во многихъ мѣстахъ, авторъ говоритъ: *Мы* пріѣхали, *мы* плавали, на *нашемъ* кораблѣ, какъ-будто онъ самъ находился въ числѣ путешественниковъ. Въ четвертой книгѣ — онъ прямо является, какъ дѣйствующее лицо въ этой комической Одиссеѣ, и рассказываетъ обо всѣхъ происшествіяхъ, какъ очевидецъ и участникъ.

цвѣтовъ, болѣею частью черными, бѣлыми и сѣрыми. Самцы этихъ птицъ называются: *Clergaux*, *Monagaux*, *Prétregaux*, *Abbégaux*, *Evesgaux*, *Cardingaux* et *Papegaux* ⁽¹⁴⁴⁾. Самки *Clergesses*, *Monagesses*, *Prétregesses* и т. д. Ихъ было безчисленное множество, на *Papegaut* всего одинъ. Происходили они одни отъ другихъ, но безъ плотскаго соединенія. Такъ изъ *Prétregaux* дѣлалась *Evesgaux*, изъ нихъ *Cardingaux*, а изъ этихъ дѣлался одинъ *Papegaut*. Птицы эти сидѣли въ богатоубранныхъ кѣткахъ, надъ которыми висѣли колокола. Стоило только позвонить въ колоколъ и онѣ тотчасъ-же слетались и начинали пѣть на разные голоса. Между ними были и такія, которыя какъ чайки, считались одною рыбою. Птицы эти никогда не рождались на островѣ, но всегда прилетали съ другаго свѣта, изъ *Безѣмьной* страны или той, гдѣ много дѣтей. Отцы ихъ, обрѣзавъ имъ на верхушкѣ головы нѣсколько волосъ, дѣлаютъ ихъ птицами, и поэтому-то большая часть самокъ вѣчно проклинали своихъ родителей, которые сдѣлали ихъ птицами противъ ихъ желанія. — Кромѣ того, по своей волѣ птицами дѣлаются всѣ, которые въ томъ свѣтѣ не хотятъ заниматься ничѣмъ полезнымъ, любятъ жить въ бездѣйствіи, или принуждены бѣжать отъ общества, совершивши какое-нибудь преступленіе. Нѣкоторые изъ нихъ оставляютъ островъ и возвращаются откуда пришли, но въ такомъ случаѣ должны бросить здѣсь свои перья. — Между ними были особыя птицы въ разноцвѣтныхъ перьяхъ, имѣвшія на лѣвомъ крылѣ знакъ, состоящій изъ перпендикулярной линіи, пересѣкавшей другую горизонтальную. Они не пѣли, какъ прочія птицы, и назывались *Gourmandeurs* (*Commandeurs*). Одни изъ нихъ носили на ногѣ повязку, другіе на груди изображеніе барана и разные знаки. Путешественниковъ угощаютъ прекрасно, и *Панургъ* при этомъ случаѣ рассказываетъ басню, какъ оселъ, по приглашенію коня, промѣнялъ свободу на богатство, и изъ приволья луговъ пришелъ вмѣстѣ съ нимъ въ богатую конюшню, гдѣ однако не смѣлъ ни заржать, ни попрыгать, ни совершить разныя другія потребности, безъ того, чтобъ его не прибили за нарушеніе тишины, порядка и чистоты. Только по усердной просьбѣ показали имъ одного *Papegaut*, который сидѣлъ, насупившись, въ своей кѣткѣ, съ двумя молоденьки-

---

(144) Имена эти непереводимы, и къ тому-же ясны безъ перевода.

ми *Cardingaux*. Панургъ началъ бранить некрасивую птицу, но провожатый оставилъ его, сказавши: Дѣлай, что хочешь, но не дотрогивайся до этой птицы, если любишь жизнь. — Послѣ этого разговора путешественники оставили странный островъ и поѣхали далѣе. По дорогѣ приставали они къ острову *Жельза* (Ne des ferremens), гдѣ на высокихъ деревьяхъ росли заступы, топоры, клещи, ножицы, мечи, кинжалы, ножи и тому подобные плоды (145); далѣе сходили они на островъ *Лжи*, гдѣ обитали игроки и обманщики, продающіе поддѣльные моши (146), и наконецъ пріѣхали на островъ, гдѣ царствовалъ эрцгерцогъ *Кошекъ*, *подбитыхъ мѣхомъ*, Грппино (*Grippeminaud, Archiduc des Chatz fourrez*) (147). Тамъ они были схвачены и приведены къ Грппино, который, какъ сфинксъ, предложилъ имъ загадку, впрочемъ весьма-пустую и нелѣбую. Панургъ угадалъ ее и они отправились далѣе, къ острову *Апедетовъ* (Безграмотныхъ) (148), имѣвшихъ на рукахъ и на ногахъ ногти фута въ два и выжимавшихъ въ тискахъ золотое масло изъ различныхъ растений. — Далѣе они выходятъ на берегъ на островѣ *Мышковъ*, жители котораго такъ жирны, что дѣлаютъ у себя на тѣлѣ нарѣзы, изъ которыхъ жиръ выходитъ въ видѣ буффа. Они приутововали тамъ при лопнутіи одного жителя (*les crevailles*). Предвидя минуту, въ которую онъ долженъ лопнуть отъ жира, онъ созвалъ друзей въ послѣдній разъ попить на его кончинѣ. Не далеко отъ этого острова они садятся на мель, но избавленные встрѣтившимся кораблемъ отъ опасности, пріѣзжаютъ наконецъ въ царство королевы *Квиитъ-Эсенции*, называемой *Энтелехию* (149). Королева эта излечивала

(145) Не смотря на всѣ объясненія комментаторовъ, нельзя понять, что хотѣлъ сказать Рабле этой выдумкой.

(146) Во всѣхъ этихъ описаніяхъ нѣтъ ничего замѣчательнаго, и потому мы о нихъ не распространяемся.

(147) Grippez — украсть, стянуть; minauder — гримасничать, кривляться. Кошки эти ясно означаютъ судейское поколѣніе, но весь рассказъ о пребываніи Пантагрюеля на ихъ островѣ вялъ и неинтересенъ.

(148) Апедеты — означаютъ адвокатовъ. Главы этой во многихъ изданіяхъ нѣтъ совсѣмъ. Впрочемъ, въ ней нѣтъ ничего замѣчательнаго.

(149) Аристотель первый употребилъ это весьма-темное слово, (*de Anima lib. II*), означающее особенное свойство каждой вещи — «actus perfectio».

музыкою и пѣніемъ разные роды болѣзней и приняла очень-хорошо путешественниковъ, привѣтствуя ихъ весьма-темною рѣчью, полною философій. Много чудныхъ вещей видѣлъ Пантагрюель на этомъ островѣ. Одинъ лечилъ отъ лихорадки тѣмъ, что вѣшалъ на поясъ больного съ лѣвой стороны лисій хвостъ, другой излечивалъ зубную боль тѣмъ, что натиралъ укусомъ корень больного зуба и приказывалъ съ-полчаса дать ему просохнуть на солнцѣ, третій чудесною машиною, имъ изобрѣтенною, выбрасывалъ дома изъ окошекъ; тутъ дѣлали изъ важныхъ вещей пу-стяки, и изъ пустяковъ важныя вещи, здѣсь тщательно измѣряли длину и вышину скачка блохи, увѣряя, что отъ этого зависи-тъ спасеніе государства; тамъ, на высокой башнѣ беземѣтно стояли часовые, оберегавшіе луну отъ волковъ. Квинтъ-Эссенція жалуется Пантагрюеля и его свиту въ *Извлекатели* (Abstracteurs) и даетъ въ честь ихъ турниръ (150), послѣ кото-раго они оставляютъ ея государство. Далѣе на пути своемъ они встрѣчаютъ островъ *Дорогъ*, на которомъ дороги сами ходятъ (Isle d'Odes en laquelle les chemins cheminent) (151) и пристають къ острову Сацалій (Escloit), гдѣ живетъ монашескій Орденъ Братьевъ-Пѣвуновъ (Frères Fredons). Здѣсь Рабеле описываетъ ихъ праздную жизнь и разговоръ Панурга съ однимъ изъ бра-тій, весьма-неблагопрістойный, въ которомъ монахъ отвѣчаетъ на всѣ вопросы односложными словами. Въ этихъ главахъ также очень-мало занимательнаго.

Послѣ этого Пантагрюель пріѣзжаетъ въ *Атласную* землю, (*pays de Satin*), гдѣ видитъ разнаго рода животныхъ, существо-вавшихъ только въ воображеніи поэтовъ и писателей, и уродли-ваго старика *Наслышку*, (*Oui-dire*) вздорные рассказы котораго слушали толпы народа и передавали другимъ (152). Это былъ послѣдній островъ, который они посѣтили. На четвертый день

Въ этой главѣ Рабеле смѣется надъ учеными, ихъ системами, занятіями, и въ-особенности надъ медициною.

(150) Турниръ этотъ есть описаніе шахматной игры.

(151) одос — дорога. Въ этой главѣ Рабеле осмѣиваетъ выраженіе *до-рога идетъ туда-то*, и представляетъ дороги существомъ одушевленнымъ. Нимало неостроумно.

(152) Наслышка надъ путешественниками, рассказывающими вздорныя басни, въ родѣ тѣхъ, которыя мы находимъ у Плинія.

они прибыли наконецъ къ цѣли своего путешествія — въ страну *Фонарей*, королева которыхъ дала имъ въ провозатые къ храму Бутылки молодого и расторопнаго Фонаря ⁽¹⁵³⁾. Они опускаются подъ землю и приходятъ къ воротамъ храма, на которыхъ блеститъ надпись: *εν οἴνω ἀλήθεια* (въ винѣ — правда). Ворота сами отворяются предъ ними, они входятъ въ храмъ, и глазамъ ихъ снова представляются двѣ доски; на одной изъ нихъ находится слѣдующій стихъ: *Ducunt volentem Fata, nolentem trahunt* ⁽¹⁵⁴⁾. На другой слѣдующая сентенція: *Toutes choses se meuvent en leur fin* ⁽¹⁵⁵⁾. Храмъ былъ украшенъ прекрасной мозанчною работою, представлявшей покореніе Бахусомъ Индіи, и освѣщенъ удивительной, вѣчно-горящей лампой; посрединѣ его былъ фонтанъ, вода котораго, по желанію пившихъ, получала вкусъ различныхъ винъ. Верховный жрецъ Бакбукъ, совершивъ разныя приготовительныя дѣйствія и одѣвъ Панурга въ фантастическій костюмъ, повелъ его для выслушанія оракула Бутылки ⁽¹⁵⁶⁾, которая произнесла слово *Тринкъ* (*Trincq*). Жрецъ объясняетъ ему этотъ оракулъ тѣмъ, что онъ, предварительно напившись, долженъ самъ рѣшиться на то, что ему придетъ въ голову въ пьяномъ состояніи. Восхищенный этимъ отвѣтомъ Панургъ начинаетъ говорить сти-

(153) Подъ страню Фонарей, комментаторы понимаютъ страну, гдѣ просвѣщеніе, науки и искусства стоятъ на высокой степени.

(154) «Хотящаго — судьбы ведутъ, не хотящаго ташутъ.» Стихъ этотъ, извѣстный съ давняго времени, первый приводитъ Сенска, но и онъ заимствовалъ его у Клеанта и Епиктета.

(155) Въ некоторыхъ изданіяхъ Рабеле надпись эта приведена на греческомъ языкѣ: *πρὸς τέλος αὐτῶν πάντα κινεῖται.*

(156) Приближаясь къ бутылкѣ, Панургъ поетъ ей гимнъ въ честь Бахуса. Вотъ его начало:

O bouteille
 Pleine toute
 De mysteres
 D'une aurette
 Je t'escoute;
 Ne differes
 Et le mot proferes
 Auquel pend mon coeur.

хами (157). Братъ Іоаннъ отвѣчаетъ ему также. Послѣ этого они оставляютъ владѣнія Бутылки и Бакбукъ на прощаніе даетъ имъ наставленія, совѣтуетъ стремиться къ точному познанію Бога и его твореній, котораго достигнуть можно занимаясь полезными изысканіями, или посредствомъ просвѣщеннаго руководителя. — Этимъ оканчивается четвертая книга и романъ Рабеле, почти во всѣхъ изданіяхъ, но Жакобъ Библиофилъ отыскалъ въ послѣднее время въ Королевской-библіотекѣ, манускриптъ, содержащій въ себѣ пятую книгу сочиненій Рабеле (четвертую Пантагрюеля) и принадлежавшій, по его догадкамъ, Ронсару, съ которымъ Рабеле въ послѣднее время своей жизни имѣлъ частыя сношенія. Въ этомъ манускриптѣ, вѣроятно, самомъ полномъ и вѣрномъ, есть много вариантовъ, въ сравненіи со всѣми предъидущими изданіями этой книги. Въ немъ нѣтъ двухъ главъ: пребыванія Пантагрюеля у Апедефтовъ и описанія турипра въ царствѣ Квинтъ-Эссенціи, — впрочемъ признанныхъ всѣми комментаторами за апокрифическія. За то въ немъ есть одна глава, пропущенная рѣшительно во всѣхъ изданіяхъ — и что важнѣе всего — есть окончаніе послѣдней (XLVII) главы. Выпущенная глава (*Comment furent les dames lanternes servies à souper*) состоитъ въ описаніи различныхъ блюдъ (чпеломъ 131), поданныхъ на обѣдѣ у царицы Квинтъ-Эссенціи, и названій танцевъ, которыми придворные занимались послѣ ужина (158). Потомъ путешественники отправляются на свой корабль, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ изъ услужливыхъ Фонарей. — Въ окончаніи же послѣдней главы, — Бакбукъ, верховный жрецъ Божественной Бутылки, продолжаетъ давать наставленія Пантагрюелю и его свитѣ, какъ вести себя въ путешествіи и что брать съ собою въ дорогу. Между прочимъ онъ говоритъ весьма странныя физическія и метеорологическія истины. Для образца языка, слога и идей Рабеле, приведемъ нѣсколько фразъ изъ окончанія рѣчи Бакбука, довольно-ясной и безъ перевода:

(157) Невесма-благопристойными начинающимися каламбуромъ на слово «Bacchus».

(158) Рабеле назвалъ 181 танецъ, изъ которыхъ многіе очень-замѣчательны.

«Et ne pensez la tempeste *yssir* (159) et proceder du vent: le vent vient de la tempeste excitée du bas de l'abyssme; ne pensez aussi la pluye venir par *impotence* (160) des vertus *relentines* (161) des cieulx et grauité (162) des nues suspendues: elle vient par euocation des souzb terrennes regions comme par euocation des corps supérieurs; elle de bas en hault estoit inperceptiblement tirée, et vous en tesmoingne le roy poete chantant et disant que l'abisme *inuoque* (163) *l'abisme* (164)... Trouuerez dauantaige vos *naufz* (165) bien duement *pourueues* (166) de tout ce qu'il vous pourroit estre utile et necessaire pour le reste de vostre mesnaige. Pendant que icy auez *sejourné* (167) ie y ai fait ordre *tresbon* (168) donner. Allez, amys, en gayeté d'esprit et portez ceste lettre a vostre roy Gargantua, le saluez de par nous, ensemble les princes et officiers de sa noble court.» — «Взявши письмо и простившись съ Бакбукомъ, говоритъ Рабеле: мы вышли изъ храма и — enfin trouuames noz nauires au port.

Этими словами оканчивается романъ, въ которомъ все-таки нѣтъ конца, и какъ кажется, никогда и не могло быть, потому что трудно себя представить, какимъ образомъ Рабеле могъ развязать это странное сѣбленье лицъ и происшествiй. Весь романъ этотъ составляетъ довольно-любопытное явленiе въ литературномъ мiрѣ, но рѣшительно не заслуживаетъ тѣхъ похвалъ, которыми его осыпаютъ почти всѣ французскiе писатели. Въ немъ нѣтъ никакой общей идеи, никакой связи, никакой послѣдовательности. Происшествiя сѣпляются одно за другое, какъ случится; переверни и перемѣшай всѣ главы какъ угодно — и ро-

(159) *Происходить.*

(160) *Безсилiе.*

(161) *Удерживающiежъ.*

(162) Буква *V* во-время Рабеле употреблялась только въ началѣ словъ, въ срединѣ-же она всегда замѣнялась буквою *U*.

(163) *Призываетъ.*

(164) Правила орфографiи во-время Рабеле были еще очень-шатки. У него самого одно слово встрѣчается написанное разнымъ образомъ, какъ на-примѣръ здѣсь: *abyssme* и *abisme*.

(165) *Корабли.*

(166) *Снабжены.*

(167) Буква *j* не встрѣчается у Рабеле, вмѣсто нея онъ употребляетъ простое *i*. Такъ онъ пишетъ *ie*, вмѣсто *je*.

(168) Нарѣчiе *très* писалось всегда слитно съ прилагательнымъ.

манъ отъ этого ничего не потеряетъ. Выброси цѣлыя десятки и дюжины главъ, откуда угодно — и романъ отъ этого даже выиграетъ. Замѣтно, что Рабеле писалъ, какъ онъ самъ говоритъ, между двумя бутылками (*entre deux vins*) свои чудовищно-дикія, и нелѣпо-странныя сцены. Онъ на каждомъ шагу противорѣчитъ себѣ, повторяетъ себя, забываетъ то, что сказалъ прежде. Не онъ управляетъ своими созданіями, а они имъ. Въ послѣднихъ книгахъ романа онъ совсѣмъ забываетъ своего Пантагрюеля. Героемъ романа дѣлается Панургъ. Онъ одинъ только говоритъ и дѣйствуетъ вмѣстѣ съ авторомъ, который, по какой-то непонятной прихоти, ввелъ самого себя въ дѣйствующія лица романа. Нагло-циническихъ мѣстъ бездна, темныхъ еще больше; не мало и такихъ, гдѣ нѣтъ никакого здраваго смысла. Почти всѣ лучшія мѣста, эпизоды и анекдоты взяты изъ другихъ книгъ и писателей. Если и есть алмазы въ этомъ эксцентрическомъ произведеніи, то ихъ надобно отыскивать въ такой грязи, что не всякой на это рѣшится. Впрочемъ, въ самомъ изложеніи романа мы упоминали объ лучшихъ, также какъ и о дурныхъ мѣстахъ, стараясь подкрѣплять это, по возможности, примѣрами, и потому считаемъ излишнимъ разспространяться о достоинствахъ и недостаткахъ романа. Тѣ, которые будутъ имѣть столько терпѣнія, чтобы прочесть эти утомительныя этюды Рабеле, получатъ лучшее понятіе о немъ, чѣмъ по общимъ сужденіямъ всего романа и отдѣльных мѣстъ. Анализъ долженъ говорить самъ за себя.

Къ посмертнымъ сочиненіямъ Рабеле, изданнымъ его поклонниками, принадлежатъ также *Дураческіе сны Пантагрюеля* (*Songes droslatiques de Pantagruel ou sont contenues plusieurs figures de l'invention de maistre François Rabelais et dernière oeuvre, d'iceluy pour la recreation des bons esprits* (Paris, Richard Breton 1565 in 8). Это рядъ аллегорическихъ портретовъ въ шаржированныхъ карикатурахъ, необъясненныхъ авторомъ (169) и представляющихъ разныхъ лицъ, которыя Пантагрюель и Панургъ встрѣчали на разныхъ островахъ во-время ихъ путешествія.

(169) Эмангаръ въ своемъ изданіи *Дураческихъ сновъ* старался объяснить эти аллегоріи и портреты, но догадки его довольно-натянуты и ничѣмъ не доказаны. Замѣчательно, что въ этихъ снахъ помечены также всѣ танцы, которые приведены Рабеле въ пропущенной главѣ Пантагрюеля.

Въ 1834 году, Брюне, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ библиографовъ Франціи, издалъ *Замѣчанія* на два старинные романа, названные хрониками Гаргантюа (170). Онъ доказываетъ, что первый изъ нихъ принадлежитъ самому Рабеле, и составляетъ первоначальный эскизъ, изъ котораго въ послѣдствіи авторъ развилъ всю идею своего романа. Жакобъ Библиофилъ полагаетъ, что и вторая хроника также произведеніе Рабеле. Отрывки, которые онъ приводитъ, достаточно подтверждаютъ его мнѣніе. Въ нихъ виденъ слогъ и духъ Рабеле, таже изобрѣтательность и страсть изображать самыя грязныя картины и пропешествія. Такъ на примѣръ; начало этой хроники верхъ безстыднаго цинизма (171) конецъ также не уступаетъ началу. Гаргантюа и Пантагрюель занимали Рабеле всю жизнь, были любимыми созданіями его, какъ Фаустъ былъ любимымъ созданіемъ Гете, Донъ-Жуанъ — Байрона. У всякаго, сколько-нибудь замѣчательнаго писателя, есть также любимая идея, съ которой онъ никогда не расстаётся, любимое произведеніе, въ которомъ онъ высказываетъ всю свою душу, все направленіе своего вѣка. Произведеніе это обыкновенно сосредоточиваетъ, соединяетъ, выражаетъ въ себѣ весь духъ времени, всю индивидуальность писателя. По немъ можно судить о состояніи литературы, нравовъ и просвѣщенія его вѣка. — И Пантагрюель съ Панургомъ лучше всякихъ диссертаций представляютъ намъ картину XVI столѣтія. —

Къ мелкимъ произведеніямъ Рабеле принадлежитъ: *Пантагрюелевское предсказаніе погоды, вѣрное, истинное и непремѣнное на безмѣнный годъ. Вновь составленное для пользы и поученія людей вътренихъ и зѣвакъ природныхъ* (172), 1542 года, въ Лионѣ, изданіе Франсуа Жюста, in 24° (173). Это довольно-сносная

(170) «Notice sur deux anciens romans, intitulés les Chroniques de Gargantua. См. примѣчаніе 74-е.

(171) Отрывки изъ этой хроники приведены въ полномъ собраніи сочиненій Рабеле, изданія Шарпантье, о которомъ мы не разъ упоминали.

(172) Вотъ заглавіе это въ подлинникѣ:

Pantagrueline prognostication certaine, veritable, et infaillible pour l'an perpetuel;

Nouvellement composee au proufict et adusement des gens estourdiz et musars de nature. — Par Maistre Alcofribas, Architriclin dudict Pantagruel.

(173) Душа говоритъ, что первое изданіе этой книги было въ 1535-мъ году, и даже прежде. Въ этомъ трудно удостовѣриться, но замѣчательно

и смѣшная сатира на предсказанія календарей того времени, нѣсколько-растянутая неинтересными подробностями. Въ ней 10-ть главъ. Вотъ образчикъ этихъ предсказаній: «Въ этотъ годъ будетъ столько солнечныхъ и лунныхъ затмѣній, что кошельки наши будутъ страдать отъ бездѣйствія (174); раки будутъ ходить бокомъ, а прядильщики канатовъ — задомъ, блохи будутъ почти все черны и жиръ будетъ уменьшаться въ посту; въ кости будетъ выигрывать не всякій, кто захочетъ; во многихъ странахъ звѣри получатъ даръ слова (175); одна половина свѣта надѣнетъ маску, чтобы обмануть другую половину. Въ этотъ годъ прибавится болѣе 27-ми неправильныхъ глаголовъ (176); богатые будутъ здоровѣе бѣдныхъ, а здоровые, здоровѣе больныхъ; умретъ много барановъ, быковъ, свиней и гусей; въ-особенности будетъ большая смертность между обезьянами и верблюдами; старость будетъ болѣзью неизлѣчимою, болѣзни глазъ будутъ много препятствовать зрѣнью; также распространится одна ужасная и неизлечимая болѣзнь, которая заразитъ многихъ, потому-что она прилипчива, — ее будутъ называть недостаткомъ въ деньгахъ. Годъ этотъ будетъ очень-изобиленъ для тѣхъ, которые ни въ чемъ не нуждаются. На улитокъ будетъ большой урожай, и хотя планета Меркурій угрожаетъ петрушкѣ, но, не-смотря на это, цѣна на нее будетъ невысока (177). Изъ людей, родившихся подъ

то, что Дюша, самый неумолчивый комментаторъ Рабеле, увѣряетъ, что сатира эта написана не Рабеле, а какимъ-то неизвѣстнымъ нѣмецкимъ писателемъ, въ первыхъ годахъ XVI столѣтія; въ 1508 году переведена на латинскій и увеличена Якобомъ Генрихманомъ, Нѣмцемъ-же. Съ этимъ согласенъ и Ж. Библиофилъ. Слѣдовательно, Рабеле принадлежитъ только честь перевода этой книги и утайки того, что она написана другимъ.

(174) Чтобы понять эту остроту, надо припомнить, что алхимики того времени золото называли *солнцемъ*, а серебро *луною*.

(175) Каламбуръ въ словѣ *beste* — животное и дуракъ.

(176) Во-время Рабеле французская грамматика не имѣла никакихъ положительныхъ правилъ, въ-особенности для спряженія глаголовъ. Ихъ спрягалъ всякій, какъ ему вздумается, и потому было множество неправильныхъ глаголовъ. Въмѣсто *j'allais* многие писали *j'alla*, другіе *j'allis*, *ils allerent*, *ils allirent* и *ils allarent* — какъ угодно. Употребляли *mors* — вмѣсто *mordu*, *voulsisse* — вмѣсто *youlussent* и т. п.

(177) Насмѣшка надъ астрономами, которые урожай растений приписывали вліянію различныхъ планетъ. Далѣе авторъ еще остроумнѣе осмѣи-

вліянієм Сатурна, многіе будутъ чесаться тамъ, гдѣ ихъ не кусаетъ; подъ вліяніємъ Юпитера — умретъ столько духовныхъ лицъ, что некому будетъ занять ихъ мѣстъ. Одинъ изъ находящихся подъ покровительствомъ Сатурна будетъ въ этотъ годъ въ чистомъ полѣ, на деревѣ, бить ногами прохожихъ; у тѣхъ, которымъ покровительствуетъ солнце, не будетъ подагры на зубахъ. Планета Венера будетъ благопріятствовать ея поклонникамъ, но такъ какъ солнце входитъ въ знакъ Рака (Cancer), то надобно бояться разнаго рода подобныхъ болѣзней. Франція въ этотъ годъ будетъ процвѣтать и возвышаться, Италия останется тамъ-же, гдѣ и теперь; Германія, Швейцарія и проч. возвысятся, если только не упадутъ; Испанія и Португалія станутъ считать свои деньги, если онѣ у нихъ будутъ. Въ Шотландіи святой Треньянъ (178) будетъ дѣлать много чудесъ. Предсказаніе это оканчивается совершенно-безсмысленною фразою, въ родъ начальныхъ стиховъ Гаргантюа «O o rouillies faites-vous vos nids tant haut». — Это одно изъ лучшихъ произведеній Рабеле, потому что довольно-остроумно и коротко.

Мвро философіи (La Chresme philosophale) (179), небольшая сатира, напечатанная въ 1567 году, на нѣкоторыя цѣлѣности, преподававшіяся въ тогдашнихъ школахъ философіи и теологіи. Для насъ она чрезвычайно-темна и не стѣнтъ того, чтобы для объясненія ея рыться въ тогдашнихъ философскихъ книгахъ. Она раздѣлена на пункты, изъ которыхъ вотъ одинъ, для образца тогдашнихъ ученыхъ мнѣній «Utrum зимній холодъ антиподовъ, проходя по перпендикулярной линіи, черезъ однородную солидарность центра, посредствомъ дѣйствія антиперистазіи (180), можетъ разогрѣ-

ваетъ мнѣніе, что у každато короля, паны и вельможи, есть своя звѣзда въ небѣ, «какъ-будто съ рожденіемъ всякаго великаго человека, должна родиться и новая звѣзда! Повѣрьте, что звѣзды точно также заботятся о короляхъ, какъ о нищихъ, о богатыхъ, какъ о дуракахъ». Мысль довольно-смѣлая для того времени.

(178) Собственно Св. Ниній (Ninias). Во-время Рабеле Шотландія исповѣдовала католическую религію.

(179) Вотъ полное ея заглавіе «La chresme philosophale, des questions Encyclopediques de Pantagruel, les quelles seront disputées Sorbonicolificabilitudinisement es Escholes de Decret, pres Sainct Denys de la Chartre à Paris.

(180) *Антиперистазію* называется въ метафизикѣ дѣйствіе двухъ противоположныхъ качествъ, изъ которыхъ одно увеличиваетъ силу другаго, на-примѣръ морозъ увеличиваетъ силу огня.

вать наружную поверхность нашихъ пятокъ». — Сатира оканчивается также довольно-непонятнымъ латинскимъ двуступишемъ. Не надобно забывать, что таинственность была въ большой модѣ во-время Рабеле, и ученые, какъ египетскіе жрецы, старались облекать истины науки въ темныя, мистическія фразы варварски-непонятной терминологіи. Рабеле долженъ былъ слѣдовать за модой.

Послѣ Рабеле осталось также 16-ть писемъ и посланій, которыя были изданы въ 1651 году, въ Парижѣ, съ примѣчаніями и жизнію автора, писанныхъ изъ Италіи, и болѣе всего изъ Рима, къ Жоффрау Эстисаку, епископу въ Мельезе (Maillezais). Онѣ заключаютъ въ себѣ историческіе и политическіе анекдоты того времени, но особенно ничѣмъ незамѣчательны (181). Изъ нихъ видны однако нѣкоторыя обстоятельства и любопытныя черты его современниковъ. Въ первомъ, посылая епископу разные сорта салату, до котораго онъ былъ большой охотникъ, Рабеле рассказываетъ о рѣшеніи дѣла, касательно доноса на его отступничество отъ вѣры, и объ абсолюціи Папы Павла III, также о пребываніи въ Римѣ императора Карла V (182). Въ другомъ мѣстѣ Рабеле жалуется на бѣдность и проситъ небольшого пособія; далѣе описываетъ смуты и междоусобія, бывшія въ его время въ Италіи. Последнее письмо писано 15 февраля 1536 года. Слогъ писемъ нехорошъ и даже негладокъ, и кромѣ интересныхъ историческихъ анекдотовъ, сухъ и вялъ. Въ этомъ-же изданіи помѣщено латинское письмо Рабеле къ Альмаріку Бюшарду (183).

(181) Второе изданіе этихъ писемъ появилось въ Брюсселѣ, въ 1710 году.

(182) Любопытныя подробности о принятіи Карла V-го и аудіенціяхъ Папы. Между прочимъ, Рабеле говоритъ, что для свиты Императора не достало въ цѣломъ Римѣ кроватей и тюфяковъ, что было слѣдствіемъ случившагося еще въ 1527 году взятія Рима Ладскнехтами Коннетабля Бурбонскаго, (убитаго въ это-же время подъ стѣнами Рима), которые до такой степени ограбили жителей и наложили такую контрибуцію, что спустя 10-ть лѣтъ послѣ этого, Клементъ VII приказалъ превратить въ слитки золота и серебра все украшенія Ватикана, и продать съ публичнаго торга три картинальскія шпалы, чтобы насытить жадность католическаго и христіанскаго воинства.

(183) Рабеле самъ издалъ это письмо въ 1532 году, подъ слѣдующимъ названіемъ: «Ex reliquiis venerandae antiquitatis Lucii Cuspидii testamentum».

королевскому совѣтнику и библиотекарю, гдѣ онъ увѣдомляетъ его о найденныхъ двухъ римскихъ манускриптахъ: завѣщаніи Луція Куспидія и контракта о продажѣ; (184) также письмо къ Бальфу Антонию Гюлле, самаго пустаго содержанія, и посланіе въ стихахъ одного Лимузинскаго жителя къ своему другу въ Лондонъ, въ которомъ онъ описываетъ ему послѣднія новости и жалѣетъ, что не можетъ раздѣлять съ нимъ въ Лондонѣ его веселую жизнь. Въ немъ множество латинскихъ фразъ и выраженій. Неизвѣстно, въ насмѣшку-ли употреблялъ ихъ Рабеле, или точно хотѣлъ ввести въ употребленіе. Слѣдующее за этимъ посланіемъ десяти-стишіе (dixain) сожалеетъ объ упадкѣ латинскаго языка. Собраніе писемъ Рабеле оканчивается двумя посланіями въ стихахъ къ двумъ старухамъ различныхъ нравовъ 1 къ злой и развратной, и 2 къ доброй и благочестивой.—О. Ницеронъ въ упомянутыхъ уже нами «*Знаменитыхъ людяхъ*» говорить, что эти посланія принадлежатъ не Рабеле, а какому-то Франсуа-Габеру изъ Иссолюна, который напечаталъ ихъ вмѣстѣ съ другими своими стихотвореніями въ 1551 году. Намъ не удалось видѣть даже заглавія этой книги въ старинныхъ каталогахъ, но въ старыхъ изданіяхъ Рабеле нѣтъ этихъ двухъ посланій. Они появились въ первый разъ въ 1584 году, т. е. спустя болѣе 30 лѣтъ послѣ смерти Рабеле, въ полномъ изданіи его твореній, сдѣланномъ Жанъ-Мартеномъ, Лионскимъ книгопродавцемъ. Въ нихъ впрочемъ нѣтъ ничего особенно-замѣчательнаго. Первое содержитъ наборъ всѣхъ возможныхъ ругательствъ, другое похвалы. Стихи довольно гладки.

Кромѣ того, Рабеле изданы съ комментаріями примѣчаніями и предисловіемъ: Гиппократъ, (Афоризмы и отдѣльные трактаты) Галліенъ (*Ars parva medicinalis*) и нѣкоторые другіе писатели, о которыхъ мы уже упоминали, говоря объ изданіяхъ и произведеніяхъ Рабеле вообще. (185)

(184) Рабеле былъ плохой археологъ и антикварій. Оба эти мнимые остатки древности были подложны и поддѣланы весьма-неискуссно. (См. *Hommes illustres par P. Nicéron. Vie de Rabelais.*)

(185) Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ, вмѣстѣ съ мелкими произведеніями Рабеле помѣщены: 1) Десятистишіе къ тѣмъ наварской королевы, обыкновенно-помѣщаемое въ началѣ второй книги Пантагрюеля. 2) Прологъ третьей книги Пантагрюеля, уничтоженный самимъ авторомъ, помѣтившимъ часть его въ посланіи кардиналу де-Шатильонъ и 3) Прологъ чет-

Вотъ всё что въ 70 лѣтъ своей жизни написалъ этотъ замѣчательный человекъ. Любой писатель XIX вѣка презрительно пожметъ плечами, взглянувъ на 8 тощихъ томиковъ, которые легко могутъ помѣститься въ одномъ и въ которыхъ заключается самое полное собраніе сочиненій Рабеле; но если мы теперь нашли средство издавать всякую недѣлю по тому романа, то ненужно забывать, что во-время Рабеле книгопечатаніе, только что родившееся, было въ младенческомъ состояніи, а книги писались обдуманно и добросовѣстно.

Судьба Рабеле, какъ писателя, завидна, слава его громка и знаменита, имя его знаютъ даже тѣ, которые не только не читали его произведеній, но не читаютъ рѣшительно ничего. А между-тѣмъ есть люди, которые гораздо-выше Медонекаго Священника и талантомъ, и глубиною мыслей, и богатствомъ идей, и пользою, принесенною ими литературѣ, просвѣщенію и человѣчеству. И никто не знаетъ объ этихъ людяхъ, кромѣ тѣхъ, которые посвятили много лѣтъ на изученіе ихъ твореній. Если имя ихъ и произносится кѣмъ-нибудь, то съ нимъ соединяется тем-

вертой книги Пантагрюеля, ненаходившіяся въ первыхъ изданіяхъ этой книги. Обо всемъ этомъ мы упоминали на своихъ мѣстахъ. — Наконецъ, съ именемъ Рабеле дошли до потомства 2 календаря на 1533 и 1535 года. Въ первомъ, въ заглавіи, сказано: Composé par moy, François Rabelais, docteur en medecine et professeur en astrologie, онъ предсказываетъ въ предисловіи, что въ этотъ годъ, въ маѣ мѣсяцѣ произойдутъ отъ соединенія Меркурія съ Сатурномъ важныя перемены въ государствахъ и религіяхъ. (Notable mutation tant de royaumes que de religions, la quelle est machinee par conuenance de Mercure avec Saturne). Впрочемъ, прибавляетъ онъ, все это случится, если будетъ угодно Богу». Въ предисловіи къ другому календарю, онъ, собираясь предсказывать, говоритъ, что стремленіе человека узнать будущее есть лучшее доказательство безсмертія души. Оба эти календаря изданы въ Лионѣ. — Якобъ Виблюфилъ, въ своихъ историческихъ замѣткахъ о жизни и сочиненіяхъ Рабеле, приводитъ также посланіе его къ своему другу, Жану Буше, въ которомъ, впрочемъ нѣтъ ничего замѣчательнаго, и котораго нѣтъ въ другихъ изданіяхъ. — Сверхъ-того, нѣкоторые комментаторы упоминаютъ, что онъ издалъ, въ 1532 году, письма о медицинѣ феррарскаго доктора, Иоанна Манарди, съ предисловіемъ и посланіемъ къ другу своему, Андрею Тирако. Есть также нѣсколько другихъ сочиненій и изданій, приписываемыхъ Рабеле разными комментаторами, подошедшихъ до насъ, отъ которыхъ мы имѣемъ одни заглавія.

ное и смутное понятіе о трудахъ и заслугахъ этихъ нелюбимцевъ славы и счастья. Назовемъ въ примѣръ хоть одного *Монтеня*, жившаго и писавшаго въ одно время съ Рабеле. Кто знаетъ чтонибудь объ этомъ великомъ человѣкѣ, кромѣ его имени. Многіе-ли изучали его многотомныя творенія, написанныя языкомъ тяжелымъ и неправильнымъ даже для его времени? Многіе-ли изъ тѣхъ, которые читали его, поняли мысль философа, по неволѣ выражавшагося языкомъ аллегорическимъ, наполненнымъ варварскими терминами схоластики, для того, чтобы подозрительные фанатики не сожгли его за какуюнибудь смѣлую мысль, какъ сожгло она бѣднаго юриста Беркена, друга и издателя Рабеле. Монтень умеръ непонятый современниками, забытый потомками. А Рабеле издавали сотни разъ, комментировали самые замѣчательные писатели почти всѣхъ вѣковъ и народовъ. Отъ его произведеній сходилъ съ ума Менажъ; Антуанъ Леруа издалъ огромный папегирикъ подъ названіемъ *Elogia Rabaelina*; докторъ Копусъ (Copus) и поэтъ Пассера (Passerat) посвятили жизнь свою на изученіе и комментарий Рабеле. (186) Дюша, Д'Олье (Aulnaye) Брюне, Эсмангаръ (Esmangart), Доле, Жоганно, Бернаръ писали объ немъ огромныя филологическія диссертациі. Кульяръ, Буде, аббатъ Перо (Péreau), Жанъ Буше, отецъ Сепъ-Ромуальдъ, Теофилъ Рено (Rainault) Бальтазаръ Нойе, Гильомъ Ронделе, отецъ Ницеронъ, Дюпюи, Кунгольцъ, Туанусъ (Thuanus) Дю-Вердье, Берниэ, и множество другихъ, не такъ замѣчательныхъ лицъ писали на него цѣлыя томы комментарий. Враги его еще болѣе содѣйствовали къ распространенію его славы. Рабеле до того занималъ современниковъ, что они писали диссертациі даже на имя его. Противники его производили имя Рабеле (Rabelais) отъ двухъ латинскихъ словъ; *rabis* и *laesus*—одержимый бѣшенствомъ. Защитники напротивъ доказывали, что оно составлено изъ словъ *rabbi laesus*—оскорбленный учитель. Нашелся даже ученый, который произвелъ его отъ двухъ арабскихъ словъ, *rab* и *les*, означающихъ насмѣшливый учитель. Образованнѣйшіе люди того времени бредили пантагрюелизмомъ, и долгое время существовало въ Парижѣ веселое, разгульное общество, основанное Рабеле на уставахъ Телемскаго монастыря, безпоко-

(186) Оба эти комментарія не дошли до насъ. Твореніе Пассера было брошено въ огонь монахомъ, который исповѣдывалъ его передъ смертью.

ншее строгих блюстителей нравственности своими оргіями во вкусь древней Эллады. (187)

Сдѣлавъ полный разборъ всѣмъ произведеніямъ Рабеле, и объяснивъ, сколько это было возможно, — существенныя черты этого замѣчательнаго писателя, приведемъ въ примѣръ мнѣнія нѣкоторыхъ авторовъ объ этомъ странномъ человѣкѣ, что будетъ самымъ лучшимъ заключеніемъ нашей безконечной статьи. Вотъ что говоритъ объ Рабеле *Rapin* (Rapin), иезуитъ, современникъ Расина, переводчикъ греческихъ трагедій, прекрасно писавшій латинскіе стихи, одинъ изъ авторовъ знаменитой сатиры на Лигу (*La satire Menipées*), въ своихъ *Reflexions sur la poetique* (part II § XXVIII) *La Satyre de Rabelais, toute spirituelle qu'elle est, est néanmoins écrite d'une maniere si bouffonne et si peu conforme à l'honnesteté du siècle ou nous vivons, que je ne la crois pas digne des honnêtes gens*. Для тѣхъ, кому мнѣіе этого, нынче очень мало извѣстнаго человѣка, не покажется достаточнымъ авторитетомъ, мы приведемъ мнѣіе универсальнаго генія *Вольтера*, съ которымъ совершенно согласны и который, въ своихъ *Mélanges de Littérature et de Philosophie*, говоритъ такъ: *Rabelais dans son extravagant et inintelligible Livre à repandu une extrême gaieté et une plus grande impertinence. Il a prodigué l'erudition, les ordures et l'ennui. Un bon conte de deux pages est acheté par des volumes des sottises. Il n'y a que quelques personnes d'un gout bizarre qui se piquent d'entendre et d'estimer tout cet ouvrage: le reste de la nation rit des plaisanteries de Rabelais et méprise le livre. On le regarde comme le premier des bouffons. On est fâché qu'un homme, qui avait tant d'esprit en est fait un si miserable usage. C'est un philosophe ivre,*

(187) Разсказъ объ одной подобной оргіи дошелъ даже до потомства. Въ Аркельѣ (Arcueil) поклонники новой философіи Рабеле, признававшей своими начальниками Эпикура, Лукіана и Горация, возобновили однажды старинныя празднества въ честь Бахуса: принесли въ честь *Жюделия*, замѣчательнаго драматическаго писателя трагедій съ хорами, по-образу греческихъ), козла, увѣчяннаго цвѣтами, пѣли дионрабы и дѣлали возліянія въ честь всего языческаго олимпя. На оргіи этой присутствовали почти всѣ литературныя знаменитости того времени: Клеманъ Маро, Этьенъ Долле, Бонавентура де-Перье, Морисъ Севъ, Ліонъ Жаме, Ронсаръ, Баифъ, Понтусъ де-Тиаръ, Реми Белло, Іоакимъ дю-Белле и другіе. — Вскорѣ послѣ этой оргіи — общество это рушилось, многіе изъ членовъ его бѣжали изъ Парижа, потому-что монахи обвиняли ихъ въ *идолопоклонствѣ* (!!).

qui n'a écrit que dans le tems de son ivresse. — Послѣ этихъ словъ намъ не остается болѣе ничего, какъ позавидовать тѣмъ, которые восхищаются и авторомъ, и его произведеніями. У нихъ однимъ наслажденіемъ больше, чѣмъ у насъ (188). Для любопытствующихъ приведемъ нѣкоторыя надписи въ честь Франциска Рабеле. Вотъ одна изъ нихъ, написанная знаменитымъ Theodorus Beza:

Qui sic nugatur, tractantem ut seria vincat,

Seria cum faciet, die rogo quantus erit. (189)

(188) Для поклонниковъ Рабеле, кромя нѣсколько разъ упоминаемыхъ нами комментаторовъ этого *шутовскаго Гомера*, приведемъ мнѣнія нѣкоторыхъ другихъ писателей. «De Thou, (Comment. de vita sua Lib. VI.) говорить объ Рабеле: Ingeniosissimum opus composuit, in quo omnium ordinum homines deridendos propinavit. Спезола de Sainte Marthe, въ первой книгѣ «Похвалы великимъ мужамъ», увѣряетъ, что шутки Рабеле, ejusmodi sunt ut lectorem quamlibet eruditum capiant et incredibili quadam voluptate perfundant. Сорбьеръ (последователь La Mothe—le Vayer, философъ скептической секты), въ своихъ «Замѣчаніяхъ», изданныхъ подъ названіемъ: «Sorberiana, говорить: On peut passer avec facilité sur les impuretés de cet auteur, comme on excuse aux excellents peintres les nudites d'Adam et d'Eve. Фонтенель, въ своей Histoire des Oracles, Chap. XVIII, говорить: «Il est certain que Rabelais avait un art très particulier de débiter des choses sçavantes comme des pures fadaises et de dire de pures fadaises le plus pouvent sans ennuyer. Очень любопытно мнѣніе о Рабеле, Кальвина (См. ego In Opusculo de Scandalis.) Alii, ut Rabelaeus, Deperius et Goveanus, gustato Evangelio eadem caecitate sunt percussi Cur istud? nisi quia sacrum illud vitae aeternae pignus sacrilega ludendi aut ridendi audacia ante prophanarant. Для тѣхъ, которые держатся середины въ мнѣніи о Рабеле, вотъ слова Лабрюейра, (въ его Caractères de ce siècle), Rabelais est incomprehensible. Son livre est un enigma quoi qu'on veuille dire: c'est une chimère; c'est le visage d'une belle femme avec des pieds et une queue de serpent, ou de quelque autre bête plus difforme; c'est un monstrueux assemblage d'une morale fine et ingénieuse et d'une sale corruption. Où il est mauvais il passe bien au delà du pire; c'est le charme de la canaille: où il est bon, il va jusqu'à l'exquis et à l'excellent. — Въ Параллели между Гомеромъ и Рабеле, Дюфрени, помѣщенной почти во всѣхъ изданіяхъ Рабеле — есть много хорошихъ и дѣльныхъ замѣчаній, не смотря на странность идеи.

(189) Антуанъ ле-Руа вотъ какъ перевелъ эти стихи:

Qui les serieux passe en ces discours joyeux,

Dis moi, quel il sera devenant sérieux?

Вотъ эпитафія ему, находящаяся въ книгѣ Пакье *des Tombeaux* и въ его *Recueil des Portraits*:

Ille ego gallorum Gallus Democritus, illo

Gratius aut si quid gallia progennit.

Sic homines, sic et coelestia numina lusi,

Vix homines, vix ut numina laesa putes.

Жакъ Тагюро (Tahureau) написалъ на смерть его слѣдующее четверостишіе:

Ce docte, né Rabelais, qui piquoit

Les plus piquans, dort sous la lame ici

Et de ceux même en mourant se moquoit

Qui de sa mort prenoient quelque souci

Бауфъ (Baif) также высказалъ очень-удачную мысль въ своей эпитафіи Рабеле:

O Pluton, Rabelais regoi

Afin que toi qui es le Roi

De ceux qui ne rient jamais,

Tu aies un rieur désormais.

Смерть Рабеле примирила его почти со всѣми врагами, — люди больше ненавидятъ человѣка, чѣмъ славу его. Одинъ Ронсаръ не забылъ своей литературной вражды, онъ не хотѣлъ простить и мертвому его превосходства. Бѣдкими, жолчными стихами оскорбилъ онъ память Усопшаго, и потомство съ негодованіемъ читаетъ плодъ этой безсильной злобы, старавшейся всю жизнь свою очернить, унижить въ Рабеле не писателя, а человѣка (190). Злая клевета хуже безсмысленной по-

(190) Стихи эти приведены въ изданіи Рабеле, Жакоба Библиофила. Вотъ начало ихъ:

Si d'un mort qui pourri repose,

Nature engendre quelque chose,

Est si la génération,

Est faite de corruption,

Une vigne prendra naissance

De l'estomac et de la panse

Du bon biberon qui buvoit

хвалы. Рабеле не заслуживалъ ни той, ни другой. Всего бы лучше было предать забвенію память и труды его, оставя ихъ существовать только въ исторіи литературы. А между тѣмъ есть писатели, которые думаютъ, что послѣ всего, что написано и сказано о Рабеле, много еще остается сказать и написать. Ле-норманъ и Жакобъ Блблюфилъ въ послѣднее время объявили оба: первый, что онъ готовить новыя комментаріи на Рабеле, второй, что онъ пишетъ новыя разысканія о его жизни. (191) Трудно объяснить подобное пристрастіе къ этому страйному цинику. Развѣ нѣтъ другихъ писателей, изученіе которыхъ принесло бы пользу литературѣ и обществу. Мы указали на одного Монтеня, — но мало-ли ихъ, бѣдныхъ труженниковъ, позабытыхъ наукою и свѣтомъ? Отдать справедливость писателю неизвѣстному, раскрыть заслуги, неоцѣненные людьми, — трудъ пріятный и благородный. Но видно и въ наукѣ, какъ въ жизни, мало человѣку ума и терпѣнія, мало заслугъ и таланта, — нужно еще и *счастіе*! Habent sua fata auctori.

ВЛАДИМИРЪ ЗОТОВЪ.

Toujours, ce pendant qu'il vivoit;
Car d'un seul trait sa grande gueule
Eût plus bu de vin toute seule,
L'épuisant du nez en deux coups,
Qu'un porc ne hume de lait doux.

и т. д.

(191) Въ выѣшнемъ году было предположеніе поставить Рабеле памятникъ въ Турени, на площади противъ памятника Декарта.

Въ Парижѣ издается подъ названіемъ *Rabelais*, журналъ, въ родѣ *Сатаны* и *Курсара*. Онъ знаменитъ не числомъ подписчиковъ, но злыми и ѣдкими нападками на литературный и артистическій міръ. Издатель его, нѣкто Лефевр-Делоне (Lefèvre Delaunay), нѣсколько разъ былъ уже при-суждаемъ въ Судѣ Исправительной Полиціи къ уплатѣ довольно-значительныхъ штрафовъ, за разныя, несовсѣмъ-скромныя личности.

О С Ы.

ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ ВСЯКАЯ-ВСЯЧИНА,

АЛЬФОНСА КАРРА И ДРУГИХЪ.

Сюжетъ драмы г-жи Зандъ, говоритъ Альфонсъ Карръ, удивительно какъ схожъ съ сюжетомъ моего романа «Клотильда».

Замужняя женщина говоритъ своему любовнику: «Я никогда не буду принадлежать въ одно и тоже время двумъ.» Само-собою разумѣется, что любовникъ только и думаетъ, какъ-бы убить мужа. По странной ошибкѣ, вмѣсто его, онъ убиваетъ другаго, но, какъ человекъ не глупый, въ убійствѣ, совершенномъ имъ, обвиняетъ мужа. Женѣ это не нравится: она воз-

вращаетъ мужу свою любовь, которой уже не чувствуетъ къ любовнику, видится съ судьями, упрасиваетъ ихъ, и спасаетъ мужа. Мужъ, вырвавшись изъ заключенія, немедленно требуетъ у любовника удовлетворенія за поступокъ, который, по его мнѣнью, неблагороденъ.

Героини извѣстенъ день и часъ дуэли. Она пишетъ къ молодому человѣку, сводитъ его съ ума своимъ кокетствомъ, немного сопротивляется и, наконецъ, отдается ему.

Послѣ чего она говоритъ: «Часъ дуэли пронелъ, вы — обезпечены.»

НВ. Такъ какъ теперь многія дамы берутъ себя за образецъ героинь г-жи Зандъ, то я считаю долгомъ предупредить ихъ, что если-бы, случайно, одна изъ нихъ вздумала привести меня въ замѣшательство подобнымъ вопросомъ, то я для нея уже приготовилъ отвѣтъ.

Чуть только она произнесла-бы: «Вы — обезпечены.»

— А вы сударыня? спросилъ-бы я ее. Что касается до меня, то я разскажу вашему мужу, что задержало меня, и онъ, надѣюсь, меня извинитъ.

Намъ очень-трудно представить себѣ что-нибудь неестественнѣе и мотоннѣе сантиментальныхъ романовъ г-жи Коттенъ и Жанлисъ, а между тѣмъ наши бабушки были отъ нихъ въ восторгѣ и орошали потоками слезъ чувствительныя ихъ страницы. Да и одни-ли только бабушки?

Я знаю одного почтеннаго старика, который въ свое время былъ личимъ воиномъ, и не разъ оказывалъ свою храбрость въ опасныхъ случаяхъ.

Въ одно утро приходитъ къ нему Б., товарищъ и душевный другъ его, и находитъ его съ книгою въ рукахъ, рыдающаго какъ ребенокъ. Б. нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ видѣлъ его подъ непріятельскимъ выстрѣлами, спокойнаго и неустрашимаго; по этому онъ былъ увѣренъ, что его друга постигло необыкновенное несчастье.

— Что съ тобою? спросилъ онъ его съ участіемъ.

Вмѣсто отвѣта онъ услышалъ однѣ только всхлипыванія.

— Да отвѣчай-же, ради Бога! ты меня пугаешь.

— Ма-ма-ма-лекъ А-дель скончался!...

Въ одномъ обществѣ дамы упрекали мужчинъ въ непостоянствѣ: «Это очень-попятно», сказала одна изъ нихъ: «мужчины знаютъ себя цѣлу. Чуть-только они замѣтятъ, что любимы нами, какъ тотчасъ начинаютъ презирать насъ.»

М. избрѣлъ странное средство—ничего не платитъ за пзвощика, на которомъ онъ возвращается домой съ какого-нибудь вечера. Онъ подходитъ къ кому-нибудь изъ своихъ друзей, и говоритъ ему во всеуслышаніе: — А*** я доведу тебя домой.— Присутствующіе смотрятъ на него и говорятъ: Каково! у М. свои лошади:

Сойдя съ своимъ другомъ по лѣстницѣ, М. садится въ первыя попавшія ему сани, и на вопросъ пзвощика: — Куда ѣхать? отвѣчаетъ: А***, говори-же, куда ѣхать, а меня ты высадишь у моихъ воротъ.

Одна красавица дружески разговаривала у себя въ будуарѣ съ М., счастливымъ соперникомъ ея *покровителю*. Раздается звонокъ. — Это онъ! — М. смущается. — Не бойся, мой другъ, я скоро его выпровожу; я знаю, какъ это сдѣлать.

М. прячется въ кабинетъ. ходитъ покровитель.

— Я очень-долго звонилъ, говоритъ онъ.

— Я приводила въ порядокъ свои счета... Я задолжала всѣмъ... Вы ужасный скряга, вы мнѣ ничего не дадите, я живу, какъ нищая!...

— Но, мой другъ...

— Я жду кредиторовъ.

— Но...

— Подите вонъ, я не могу глядѣть на васъ. Ступайте, — завтра приходите ко мнѣ. Покровитель, уходя, тихонько кладетъ на каминъ пачку ассигнацій. Красавица этого не видитъ и провожаетъ его до дверей, чтобы совершенно убѣдиться въ его уходѣ.

М., видѣвшій все это, выходитъ изъ своей засады, беретъ ассигнаціи и кладетъ ихъ себѣ въ карманъ.

— Какъ, мой ангелъ, говоритъ онъ: ты со мною церемонилась, ты отъ меня скрывала причину своего огорченія? Это дурно, очень дурно. Развѣ ты не могла сказать: мнѣ нужны деньги. Я очень сердитъ на тебя, — я требую, чтобъ ты приняла отъ меня эту бездѣлицу: только на этомъ условіи помирюсь съ тобою.

Красавица колеблется, однакожъ не говоритъ ни слова. М. настаиваетъ, заставляетъ ее принять деньги его соперника и уходитъ — рассказать это происшествіе своимъ друзьямъ.

Р. такъ расчетливъ, что, дѣлая себѣ платье, всегда самъ покупаетъ сукно. Однажды онъ посылаетъ за своимъ портнымъ, который, снявши съ него мѣрку, говоритъ ему, что купленного имъ сукна на сюртукъ мало. Раздосадованный М. прогоняетъ его и посылаетъ за другимъ. Тотъ приходитъ, беретъ сукно и обѣщаетъ, что платье будетъ готово чрезъ два дня.

— Принесите счетъ.

— Очень хорошо.

На третій день портной приноситъ платье, которое очень хорошо сидитъ и не узко.

— Гдѣ же счетъ?

— Ахъ, Боже мой! я позабылъ его на столѣ, вмѣстѣ съ моими перчатками.

Кто-то звонитъ. Входитъ слуга и говоритъ, что пришелъ сынъ портного. Портной смущается.

— Что ему надобно?

— Онъ хочетъ видѣть своего отца.

— Пусть войдетъ.

Замѣтно, что портной не желаетъ, чтобъ сынъ его вошелъ.

— Онъ, вѣрно, принесъ счетъ.

— Тѣмъ лучше.

Портной смущается болѣе и болѣе, особенно, когда въ комнату вошелъ мальчишка, въ жилетѣ одного изъ того-же сукна съ сюртукомъ.

— Что тебѣ надобно, негодяй?

— Матушка прислала со мною счетъ.

Но Р., водя рукою по жилету мальчика, уже увѣрлся, что жилетъ сшить изъ его сукна.

— Скажите, пожалуйста, какъ-же это мой прежній портной увѣрлялъ меня, что изъ моего сукна не выйдетъ сюртукъ, между-тѣмъ, какъ вы нашли возможнымъ сдѣлать изъ него еще и жилетъ вашему сыну.

Портной, собравъ все свое хладнокровіе, отвѣчалъ: Вѣрно, его сынъ ростомъ больше моего.

Одна покровительница всего изящнаго оказывала протекцію свою X. юному департаментскому чиновнику, имѣвшему завидный почеркъ и постоянно чинившему ей перья. Нѣкто Z., неочинившій въ свою очередь ни одного пера, вѣроятно, завидуя блистательнымъ качествамъ X., наговорилъ ему однажды много такого, на что отвѣчать презрительнымъ молчаніемъ могъ только такой благонамѣренный юноша, какимъ былъ X. Великодушная покровительница, желая, какъ водилось въ старинныхъ романахъ, наказать порока и наградить добродѣтель, на одномъ вечерѣ у себя торжественно объявила, что у Z. бездна недостатковъ, а у X. глубина премудрости. Въ-заключеніе она сказала: «Что мнѣ болѣе всего нравится въ X., такъ это то, что онъ благороденъ и гордъ, — два качества, которые я считаю лучшими въ мужчинѣ. И вообразите! — Этотъ бесовѣстный Z. осмѣлился сказать ему въ глаза, что у него лакейская фізіономія, и что будто онъ ужасно глупъ. «Благородный и гордый юноша, въ это время стоявшій тутъ и только что очинившій шестое перо, съ выраженіемъ счастья на лицѣ, облобызала руку той, которая такъ лестно отзывалась о немъ.

Одинъ помѣщикъ, пожелой человекъ, прѣхавшій по дѣламъ въ Петербургъ, отправился въ Оперу во-время представленія Лукреціи Борджіа. Въ ту самую минуту, когда г-жа Альбони пропѣла извѣстную балладу, онъ погрузился въ сладостный сонъ. Сосѣдъ его по мѣсту съ ужасомъ замѣ-

тиль, что онъ начинаетъ храпеть и, желая разбудить его, толкнувъ, какъ-бы печально, локтемъ. Сонный, не открывая глазъ, произнесъ жалобнымъ голосомъ: «Да оставь меня, Сонюшка! дай мнѣ уснуть, — вѣдь я усталъ съ дороги. — Historique.

Одна дама, разсматривая на выставкѣ фюзіонотипа статуэтки, изображающія трехъ грацій, во всей ихъ очаровательной наготѣ, замѣтила: «Дурно дѣлаютъ тѣ мужчины, которые пмѣютъ предъ глазами такія вещи: они портятъ свое воображеніе, и потомъ требуютъ отъ бѣдныхъ женщинъ того, что не въ ихъ природѣ.

Господинъ въ черномъ платѣ и въ шляпѣ, обвязанной крепомъ, встрѣчается на улицѣ съ однимъ своимъ прітелемъ: «Боже мой! Какая у васъ потеря? спрашиваетъ его пріатель.

— У меня? У меня никакой нѣтъ потери... Я овдовѣлъ.

Изъ всѣхъ глупыхъ претензій самая-глупая — претензія на молодость.

Жена одного руанскаго негодянта, прѣхавшая съ сыномъ своимъ посмотреть Парижъ, была въ гостяхъ у стариннаго друга ея родителей, маркиза де-Е. По-примѣру всѣхъ пожилыхъ женщинъ, которыя когда-то были хорошенькими, и у которыхъ когда-то было такъ много обожателей, г-жа М. была страшная кокетка.

— А сколько вамъ теперь лѣтъ? спросилъ у нея старый маркизъ, увлеченный къ этому нескромному вопросу воспоминаніями о ея дѣтствѣ, когда онъ, какъ близкій другъ съ домою ея отца, носилъ ее на своихъ рукахъ и игралъ съ нею въ куклы.

Петербургъ. Кто-то разговорился въ обществѣ о знакомомъ ему лицѣ и упомянулъ, что онъ-де литераторъ. Услыхавъ это, одна довольно-почтенная особа обратилась къ нему съ вопросомъ:—А позвольте, батюшка, спросить, что это за чинъ такой, статской или военный?

СМЪСЪ.

ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНІЯ АКТЕРА-ПОЭТА П. С. МОЧАЛОВА *).

РУССКІЯ ПѢСНИ.

I.

Въ хороводѣ поемъ пѣсню мы,
Молодецкую, пѣсню веселую, —
И насъ слушаютъ красны дѣвицы,
Во селѣ нашемъ въ воскресный день;
Отъ-чего-же ты одинъ задумался, —
Не приходишь къ намъ, не дашь голосу; —
Отъ-чего тебѣ не любъ нашъ кругъ,
Хороводы тебѣ опостылили?
Ахъ, вы братцы — други рѣдныя,

*) Получивъ отъ заслуженнаго московскаго актера предлагаемыя четыре стихотворенія въ то уже время, когда главные отдѣлы «Репертуара и Памтеона» были отпечатаны, и желая поскорѣе подѣлиться съ читателями на шего изданія поэтическими произведеніями пламенной души П. С. Мочалова, мы рѣшились помѣстить ихъ въ *Синь*, чтобъ не откладывать до слѣдующей книжки.

Земляки по пашиѣ — по сердцу!
 Не смогу я въ хороводъ идти, —
 Не съумю съ вами пѣсню спѣть!
 Вчера горькой сонъ привидѣлся —
 Будто съ Аннушкой разстался! —
 А сегодня родна-матушка
 Вѣсть сказала мнѣ невзгодную!
 Сонъ — какъ въ руку! — мою Анпушку, —
 За кунца въ городъ просватали!

II.

Скоро-ли буйные вѣтры уйметесь!
 Скоро-ли, тучи, вы разнесетесь! —
 Скоро-ли стихнуть удары громовые, —
 Скоро-ль потухнуть стрѣлы огнёвыя?...

Долго-ли ждатель мнѣ солнышка краснаго! —
 Долго-ли ждатель мнѣ денёчка яснаго!
 Али со мною солнце простилося, —
 Али на вѣкъ отъ меня закатилося!

Не упять мнѣ васъ — вѣтры буйные!
 Не прогнать мнѣ васъ — тучи черныя!
 Не заглушишь удары громовые, —
 Не потушишь васъ, стрѣлы огнёвыя!

Скучно, страшно подь грозою быть! —
 Скучно, грустно одинокимъ жить! —
 Скучно, темно и при солнышкѣ!
 Скучно въ ясный день сиротинущкѣ.

Ужъ давнымъ-давно, — не помню я,
 Старики въ селѣ сказали мнѣ, —
 Какъ отца и мать сырой землѣ,
 Назадъ отдали съ молитвою. —

На чужихъ рукахъ пришлось мнѣ
 Подрастать къ горю безъ радости; —
 Ни родимыхъ, и ни родныхъ мнѣ,
 Никого по сердцу не было.

Хлѣбъ чужой я зарабатывалъ,
 Со слезой, да съ горькой думою;

Скоро-ль, думалъ — отъ чужихъ людей, —
Я хоть въ лѣсъ уйду — въ лѣсу умру!

Скоро-ль, думалъ, отдохну вдали, —
Отъ людей, что мнѣ не по-сердцу;
Скоро-ль, скоро-ль красно солнышко,
Мнѣ проглянетъ сиротинушкѣ!

Вдругъ!.... Ахъ Господи! Ахъ Боже мой! —
Сотворю-же крестъ! — благодать со мной —
Повстрѣчалась со мной ненаглядная! —
И мангла къ себѣ привѣтная.

Пусть бушуютъ вѣтры буйные!
Пусть нахлынуть тучи черныя!
Пускай громъ гремитъ по поднебесью, —
Пускай стрѣлы летаютъ огнёвыя!

Коли вмѣстѣ мы — пусть гроза грозить!
Мы другъ-друга сбережемъ въ злой часъ!
Мы другъ-другу не въ сырой землѣ, —
На груди могилу выроемъ....

III.

Не гляди на меня,
Не кори ты меня —
Добра молодца, —

Какъ не лажу съ тобой, —
Я не слажу съ собой, —
Тяжко на сердцѣ!

Да спиши жъ ту тоску!
Какъ гробову доску,
Отними прочь отъ сердца!

Али вѣкъ свѣковать,
И отрады не знать.
Суждено мнѣ?

Рѣшено! такъ скажи,
Отъ грѣха развяжи —
Здѣсь томиться!

Умереть молодцу! —
 Такъ въ могилу къ отцу —
 Я пойду на покой!

Лишь прошу объ одномъ,
 Чтобъ въ покоѣ *земномъ* —
 Ты меня не будила!

Коль пойдешь погулять,
 Со травы цвѣты рвать, —
 Не ходи, гдѣ сырая могила;

На могилѣ моей —
 Ты цвѣтовъ не найдешь,
 Лишь взойдутъ — и завянутъ;

По напрасну, мой другъ, —
 Ты траву изомнешь;
 Не ходи, гдѣ сырая могила!

ТОРКВАТО ВЪ ВОЛЬНИЦѢ СВ. АННЫ.

Я видѣлъ и землю, и ясное небо, —
 И родины вѣтеръ обвѣялъ меня;
 И съ тайнымъ привѣтомъ летѣлъ ко мнѣ воздухъ
 Роднаго Соренто — съ родной стороны!
 Я слышалъ, казалось, гармонию пѣсни, —
 Залива роднаго прощальный привѣтъ; —
 Волны его говоръ въ душѣ отозвался,
 И грустное чувство стѣснило мнѣ грудь;
 Мой взоръ устремился въ небесную даль,
 И вижу, — несется мой ангелъ-хранитель, —
 Небеснымъ видѣнъ, надъ мной въ вышинѣ!
 Вдругъ внемлю глаголу! — и вѣчные духи
 Къ незримому раю воззвали меня!
 Прости! — о земля, о кладбище умершихъ —
 Простите — о стѣны, — могила Торквата!
 Уже угасаетъ свѣтильникъ мировъ,
 И съ нимъ вечерѣетъ послѣдній мой день!
 Заутро — быть-можетъ, отворятъ темницу, —
 И узрятъ лишь Тасса безжизненный трупъ!
 Умру! — все исчезнетъ! И горе, и стоны,
 И страсти навѣки потухнутъ въ груди!

Землѣ — оставляю мечты, ожиданья...
 Умру!!! — Но въ послѣдній мой часъ роковой, —
 О Д'Есте! — О Д'Есте!....

ИСТОРИЯ СКРИПОКЪ ОЛЬ-БУЛЯ.

Оль-Буль, старый знакомецъ Петербурга и Москвы, объѣздившій потомъ съ своею волшебною скрипкою и Старый и Новый-Свѣтъ, снова воротился въ Европу и прямо явился въ средоточіе наукъ, искусствъ и образованности—въ Парижъ. Разумѣется, въ Парижѣ, какъ и вездѣ, онъ произвелъ всеобщій восторгъ. Журналы наполнены похвалами ему и біографическими объ немъ свѣдѣніями. Въ одной изъ музыкальныхъ газетъ нашли мы слѣдующую любопытную исторію скрипокъ Оль-Буля, и передаемъ ее нашимъ читателямъ.

Оль-Буль, надобно вамъ сказать, страстно любитъ свое искусство, а любя искусство, онъ обожаетъ и самый инструментъ — скрипку, какъ пламенный любовникъ любовницу: онъ, можно сказать, помѣшанъ на скрипкахъ, которыхъ у него множество; на этотъ счетъ существуетъ много сказокъ, и между прочимъ о скрипкѣ, будто-бы подаренной ему старикомъ Паганини по всѣмъ извѣстно, что Паганини былъ не изъ такихъ людей, которые охотники дарить, — и въ щедрости упрекнуть его нельзя. Оль-Буль былъ уже довольно-богатъ знаменитыми инструментами: онъ оставилъ дома у себя, въ своей любезной Норвегіи, полный кваттуоръ *Josifа Гварнеріуса*, у него было уже два Николая Амати, онъ гордился однимъ Страдиваріусомъ, работаннымъ для испанскаго короля Карла II и считалъ себя богачомъ изъ богачей, когда, около 1839-го года, пріѣхалъ въ Вѣну. По дорогѣ въ Италію, въ Ньюйоркъ и въ Петербургъ, онъ слышалъ объ одномъ вѣнскомъ собрателѣ инструментально-музыкальныхъ рѣдкостей; но молва, которая всегда преувеличиваетъ, въ этомъ случаѣ сказала правду.

Тотчасъ по прибытіи въ столицу Австрій, первой заботой Оль-Буля было отправиться къ старику Щегачеку (*Sczèhachek*). Онъ нашелъ его въ уединенномъ домѣ, одѣтаго въ ветошки, какъ стараго цыгана. Имя Оль-Буля достигло до слуха скупаго артиста и потому прелиминаріи были очень-коротки.

Мнѣ уже извѣстно, сказалъ Богемецъ Оль-Булю, — что у васъ богатое собраніе скрипокъ, — у васъ есть, кажется, Гварнеріусъ половины XVIII вѣка?

— Точно, отвѣчалъ Оль-Буль: на немъ стоитъ 1742 годъ — это Gwarnerius de la servante.

Есть собственно три Гварнеріуса — Іосифъ, Микель-Анджело этого искусства, пережилъ собственно двѣ эпохи жизни: сперва, вышедши изъ мастерской своего учителя Страдивариуса, онъ былъ человекъ тихій, скромный, державшійся преданій. Потомъ онъ предался вину и женщинамъ — и въ эту эпоху творилъ чудныя скрипки, которыя звучать сводами старыхъ соборовъ. У него была служанка, которая съ какимъ-то удивительнымъ тактомъ покупала для него матеріалъ — и вотъ объясненіе названія его скрипокъ этой эпохи — Gwarnerius de la servante.

Отвѣтъ Оль-Буля задѣлъ сильно самолюбіе стараго собирателя.

— У меня также, возразилъ онъ: есть инструментъ великаго кременскаго мастера.

— Правда, сказалъ Оль-Буль: но позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что онъ его первой манеры и притомъ порядочно испорченъ.

Щегашекъ склонилъ голову, и норвежскому скрипачу было бы трудно его утѣшить, если бы онъ не вспомнилъ кетати о *Schatz-Kammer* — *Geige*: слова эти собственно значать: сокровище, комната, скрипка.

Гасспре да Сало — можетъ быть, царь всѣхъ скрипичныхъ мастеровъ — жившій въ началѣ XVI вѣка — сработалъ одну скрипку съ такою любовью, что попросилъ Бенвенуто Челлини отчеканить ей рукоятку; матеріалъ скрипки былъ взятъ имъ съ горъ Бресчій, на которыхъ прежде росъ лѣсъ и которыя теперь голы.

Кардиналъ Альдобрандини отдалъ скрипку работы Бенвенуто Челлини и Гаспара да Сало въ художественную инспекскую кладовую, которая называется Шацъ-Каммеръ-Гейге. По взятіи Инспекука Французами въ 1809 году, одинъ солдатъ унесъ ее, и проходя Вѣной, продалъ Щегачеку за 400 флориновъ.

Оль-Буль польстился очень гордости Богемца. Тотъ сначала просилъ его придти завтра, но склонился наконецъ на неотступныя просьбы Оль-Буля, которому было некогда.

Не позволяя артисту слѣдовать за собою, Щегачекъ пошелъ въ свою сокровищницу, гдѣ симметрически были расположены 200 скрипокъ, віолончелей и контробасовъ, и скоро опять возвратился, таща въ рукахъ огромный ящикъ съ рѣзной работою, очень древней.

— Этотъ ящикъ, замѣтилъ онъ: дѣланъ не для скрипки; онъ принадлежалъ одному монастырю и въ немъ задушили сына какого-то курфюрста, во время 30-лѣтней войны.

Говоря это, Богемецъ осторожно открылъ ящикъ.

Оль Буль стоялъ вѣ себя отъ изумленія и восторга, — но Богемець былъ между нимъ и завѣтвымъ плодомъ, какъ драконъ Гесперидскаго-сада.

— Щегачекъ, добѣйшій Щегачекъ! сколько хотите вы за скрипку? Все, что приобрѣлъ я до-сихъ-поръ, ваше, — все мои концерты ваши, но ради Бога, отдайте мнѣ скрипку.

— Дайте мнѣ, отвѣчалъ спокойно Богемець: четверть, цѣлую четверть Вѣны и потомъ — мы посмотримъ.

И Оль-Буль не добился ничего и уѣхалъ изъ Вѣны, получивши только слово старика, что въ случаѣ продажи, ему отдано будетъ предпочтеніе. Черезъ два года потомъ, въ 1842, норвежскій артистъ былъ въ Лейпцигѣ и страдалъ еще по скрипкѣ, какъ вдругъ приносятъ ему письмо съ вѣнскимъ клеймомъ. Сытъ Щегачека писалъ ему:

«Милостивый государь!

«Отецъ мой умеръ и завѣщаніемъ своимъ приказалъ намъ вручить вамъ скрипку Гаспара да Сало.

Естественно, что не-смотря на дарственную завѣщанія, щедрость Оль-Буля къ семейству Щегачека не знала границъ.

Съ этого дня Оль-Буль забылъ своихъ Амат и Страдиваріусовъ и играетъ только на Гаспарѣ да Сало, мелодически лаская рукою золотыя каріатиды Челвини.

ПРАДОНЪ, СОПЕРНИКЪ РАСИНА.

Исторія этого человѣка — одинъ изъ самыхъ поразительныхъ примѣровъ измѣнчивости счастія. Поставленный выше всехъ почти авторовъ своего времени фанатическимъ энтузіазмомъ, онъ самъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ опаснаго торжества, увидалъ свое паденіе и пережилъ его.

Родясь въ Руанѣ, въ 1632 году, онъ рано приобрѣлъ себѣ нѣкотораго рода славу въ парижскихъ салонахъ. Но только въ концѣ 1673 года началъ онъ работать для театра. Первое произведеніе его было Пирамъ и Тизба. Этотъ сюжетъ уже обработывалъ Теофиль въ 1617 и Бенсерадъ въ 1630. Изъ трагедіи Теофиля, имѣвшей огромный успѣхъ, извѣстны только слѣдующіе смѣшныя стихи:

Le voilà ce poignard qui du sang de son maître
S'est souillé lâchement.... il en rougit, le traître.

Піеса Бенсерада — въ пяти актахъ, но писана совершенно въ прозѣ — это доказываетъ, что не Ламоту первому принадлежать опыты въ подобномъ родѣ.

Итакъ Прадонъ началъ обработкою сюжета, который уже дважды былъ обработываемъ болѣе или менѣе счастливо. Онъ начиналъ борьбою, — но если вѣрить ему, его произведение, представленное въ январѣ 1674 года, было очень-хорошо принято, хотя совершенно-противное правиламъ Аристотеля, ибо авторъ, по собственному его признанію, искалъ только сочувствія публики.

Гордый этимъ первымъ торжествомъ, Прадонъ хотѣлъ бороться съ Расиномъ, который своими «Андромахой», «Беренисой» и «Британикомъ» заслужилъ уже имя перваго драматическаго поэта своего времени. Его «Баязетъ», представленный 5 января 1672 года, имѣлъ блистательный успѣхъ, Прадонъ тотчасъ-же принялся за обработку этого сюжета, не смотря на то, что, кромѣ Расина, его обработывали уже Манйонъ и кавалеръ Панкарони. И тотъ и другой, правда, пѣснями неудачу по, не-смотря на эти опыты и на соперничество Расина, Прадонъ продолжалъ заниматься своимъ произведеніемъ, и въ 1676 году на театрѣ Бургонскаго отеля принята его трагедія «Тамерланъ или смерть Баязета». Эта дерзость сначала прошла ему довольно успѣшна; піесѣ его аплодировалъ весь дворъ и даже самъ король. Къ-несчастью ея очень-скоро утомились, и послѣ нѣсколькихъ представлений, Прадонъ принужденъ былъ взять ее обратно съ театра.

На слѣдующій годъ Прадонъ отдалъ на театрѣ Мазариновой-улицы свою трагедію: *Федра* и *Ипполитъ*, — сюжетъ, за который до него еще принимались Гарнье, Ляпинельеръ и Жильбусть, и изъ котораго Расинъ создалъ дивное произведение, игранное на театрѣ Бургонскаго-отеля за два дня до піесы Прадона. Не-смотря на слишкомъ-неоспоримое преимущество, трагедія Расина не понравилась и была освистана; на нее писали пасквили, изъ которыхъ особенно извѣстенъ сонетъ г-жи Дезульеръ. Средство, употребленное врагами Расина, было очень просто: они заняли всѣ мѣста залы на пять представлений, а сами ходили на «Федру» Прадона. Но скоро изыщное восторжествовало — и піеса Прадона была освистана. Онъ утѣшился, ибо, какъ говорилъ онъ, піеса стоила ему только три мѣсяца работы.

Недавно еще — въ бенефиесъ г-жи Дорваль, въ Парижѣ давались двѣ эти піесы. Піеса Прадона была играна въ костюмахъ того времени, и Ипполитъ былъ въ тигровой кожѣ и парикѣ. Но, странное дѣло! Піеса была выслушана до конца, хотя нѣкоторыя мѣста ея возбуждали въ смѣхъ.

Вотъ, на-примѣръ, монологъ Федры:

Je ne le verrai plus! malheureuse princesse,
Penses-tu voir en ce jour ta barbare tendresse
Te rendre la nature et le Dieu ennemis
Et par la main du père assassiner le fils.

Прадонъ былъ даже и версификаторъ очень-холодный, кромѣ того, что онъ вовсе не имѣлъ знанія сцены, чему служить лучшимъ доказательствомъ планъ его Федры. Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ не сдѣлалъ своей героини женою Тезея, чѣмъ и отнялъ весь интересъ пьесы, потому-что тогда Федра вполнѣ въ-правѣ предпочитала молодого и прекраснаго Ипполита старому Тезею.

Мы сказали, что Ляинельерь тоже сочинилъ «Ипполита». Что въ особенности странно, такъ это то, что Расинъ въ своей пьесѣ почти подражалъ этой Федрѣ 1655 года. Расинъ прибавилъ къ плану, одинъ только эпизодъ Арсип, который притомъ не принадлежитъ къ числу красотъ его драмы. Въ остальной части трагедии весь ходъ какъ-бы скопированъ съ Ляинельеровой пьесы. Даже разсказъ Терамена есть подражаніе ему, но подражаніе гениальное. Приведемъ образчикъ для слухенія.

Ляинельерь.

A peine ayant sorti de la cote d'Athènes
Neptune nous vit-il sur le bord de ses plaines,
Où mon prince en son char, suivi de tous ses gens,
Souffrait que ses chevaux fussent moins diligens.

Расинъ.

A peine nous sortions des portes de Trézène,
Il était sur son char — ses gardes affligés
Imitaient son silence, autour de lui rangés.

и потомъ.

Ляинельерь.

C'était un grand taureau de ces humbles plaines,
Qui serait un géant, même entre les haleines,
Et sa tête et son col étaient du même teint
Dont des flots de la mer le vaste dos est peint.
Les fentes de naseaux sont largement ouvertes,
D'un rouge palissant ses côtes sont couvertes,
Et le reste du corps tout d'écailles semé.

Расинь.

Son front large est armé de cornes menaçantes,
 Tout son corps est couvert d'écailles jaunissantes
 Indomptable taureau, dragon impétueux,
 Sa croupe se recourbe en replis tortueux.

Черезъ два года послѣ паденія своего «Ипполита», Прудонъ далъ на театрѣ Бургонскаго отеля другую трагедію, Трояду. Этотъ несчастный человѣкъ никакъ не могъ удержаться отъ избитыхъ сюжетовъ. Трояда была освищена, но Прудонъ имѣлъ удовольствіе видѣть ее представленною въ присутствіи короля и воображалъ, что она поэтому превосходна.

Въ тотъ же годъ и на томъ же театрѣ упала его трагедія — *Статура*, потомъ *Таркваній*, представленный всего только четыре раза. Но *Резулъ* вознаградилъ его за постоянство и имѣлъ 24 представленія. Въ 1697 году Прудонъ отдалъ *Одипіона Африканскаго*, имѣвшаго блистательный успѣхъ. На слѣдующій годъ Прудонъ умеръ. Ему же приписываютъ трагедію «*Эматра*», игранную въ 1677 году. Говорятъ, что въ день представленія ея Прудонъ сидѣлъ въ партерѣ. Съ первыхъ сценъ уже польшились свистки: боясь быть узнаннымъ, авторъ вынулъ ключъ изъ кармана и засвисталъ громче всѣхъ — но въ цѣлой залѣ нашелся одинъ человѣкъ, мушкатель, которому піеса нравилась. Прудонъ свисталъ, не смотря на его замѣчанія, и тотъ въ бѣшенствѣ сорвалъ съ него шляпу и парикъ, на что Прудонъ отвѣчалъ пощечною, за которую и былъ выведенъ за дверь своимъ единственнымъ хвалителемъ и прибитъ имъ шпагой плашмя.

Ему приписываютъ еще трагедію *Германникъ*.

Прудонъ былъ малъ ростомъ и удивительно дуренъ лицомъ; его всѣ ненавидѣли за глупое хвастовство. Разъ, когда его упрекали, что онъ перемѣстилъ въ Европу какой-то азіятскій городъ, онъ отвѣчалъ прищипу де-Конті: — Извините меня В. Высоч.: — я не занимался *хронологіей*. — Одно это слово, если только оно справедливо, уже объясняетъ Прудона.

Вотъ одна очень-умная эпитафія, которую предлагали вырѣзать на его гробницѣ:

Ci gis le poëte Pradon
 Qui durant quarante ans d'une ardeur sans pareille
 Fait à la barbe d'Apollon

Le même métier que Corneille.

БАЛЬ, ПОЧТИ ВАСНОСЛОВНЫЙ, ВЪ ПАРИЖѢ.

Всѣ великолѣпныя празднества, какія когда-либо видѣлъ Парижъ, обращаются въ ничто передъ тѣмъ ослѣпительнымъ баломъ, который данъ былъ недавно знаменитымъ Индѣйцомъ Дуарканатъ-Тагоромъ.

Этотъ богатый бабабъ, состояніе котораго превышаетъ триста миліоновъ, мѣсяца два тому назадъ, купилъ одинъ изъ тѣхъ богатыхъ отелей, въ улицѣ Фобургъ-Сентъ-Оноре, сады которыхъ простираются отъ Елисейскихъ-Полей до Проѣзда-Мариньи. Мѣсье, чѣмъ въ полтора мѣсяца, отель этотъ вполне преобразился отъ подваловъ до чердаковъ, и 5-го марта (21-го февраля) въ немъ отпраздновали новоселье, съ такимъ блескомъ, о какомъ потеряли память въ нашъ вѣкъ меркантилизма и спекуляцій.

Только палитра и краски арабскихъ поэтовъ могли бы передать картину чудесъ, которыя въ этотъ вечеръ совершались передъ нашими ослѣпленными взорами.

Съ восьми часовъ вечера, весь Проѣздъ-Мариньи озарился страннымъ образомъ. Представьте себѣ пятьсотъ слугъ, одѣтыхъ въ восточныя, бѣлыя, какъ снѣгъ, костюмы: каждый изъ нихъ держалъ по факелу и стоялъ между двухъ деревьевъ, по обѣимъ сторонамъ аллеи; всѣ они, по извѣстнымъ сигналамъ, дѣлали различныя движенія и обороты: отъ этого огонь факеловъ то опускался до земли, то поднимался до вѣтвей деревъ, то подвигался къ самой дорогѣ, то кружился возлѣ головъ этихъ бѣлыхъ призраковъ. Нѣкоторыя лошади пугались этого движущагося освѣщенія, а потому живой иллюминаціи приказано, для безопасности, оставаться неподвижною. Тысячи двѣ или три экипажей тянулись по этой аллѣ, въ два ряда.

Обширная палатка, изъ персидской камки, была устроена у вѣзда въ отель, со стороны сада: сюда впускали по одному и по два экипажа, и гости, въ согрѣтой атмосферѣ, выходили изъ каретъ, ступая на густыя мягкіе ковры, которыми была устлана земля. Отсюда черезъ цвѣточные портики, проходили въ восхитительную залу, всю убранную зеркалами: здѣсь снимали теплую одежду и поправляли туалетъ, при помощи пятидесяти камеристокъ, одѣтыхъ по-индѣйски. Прислуга, помѣщавшаяся по сторонамъ этой залы, находилась и въ противоположной аллѣ въ ширину всего сада, гдѣ была устроена обширная галерея для служителей; въ одно время ихъ собралось здѣсь до тысячи двухсотъ человѣкъ: имъ предоставлены были различныя игры, и двадцать рослыхъ лакеевъ, въ восточныхъ ливреяхъ, были назначены единственно для того, чтобъ призывать ихъ по требованію ихъ хозяевъ. Все, какъ видите, было предусмотрено, съ предупреди-

тельностью, вышедшею изъ употребленія въ нашей цивилизованной и утонченной Европѣ.

Четыре новыхъ арки изъ зелени и цвѣтовъ, охраняемая восьмью воинами, въ богатыхъ персидскихъ хламидахъ, съ обнаженными саблями у плеча, составляли преддверіе большой залы, стѣны и потолокъ которой были испещрены розами; хрустальные лампы, розоваго оттѣвка, разливали въ этомъ очаровательномъ мѣстѣ мягкій, пріятный свѣтъ. Здѣсь каждая дама получала роскошный букетъ камелій, среди которыхъ блистала, на серебряномъ стеблѣ, рубинъ, сапфиръ или изумрудъ; на одномъ изъ листковъ этого драгоцѣннаго цвѣтка, видѣлись эмалевыя буквы, непонятныя и неразгаданныя ни однимъ изъ парижскихъ ученыхъ.

Изъ розовой залы вступали въ огромный садъ, зеленѣющія деревья котораго красовались весеннею роскошью. Здѣсь боскеты ракутниковъ, синели или козьей жимолости; тамъ — рябина, съ бѣлыми цвѣтами, тамъ гебеи, съ золотистыми гроздами, поморанцы и ясины, съ своимъ сладкимъ запахомъ. Силою денегъ и искусства взлѣбаны здѣсь все эти чудеса. Съ обширной кровли, накинутаго поверхъ вершинъ самыхъ большихъ деревьевъ, висло, среди цвѣтовъ, несчетное число свѣтящихся шаровъ; обширные проводники кипящей воды разливали въ атмосферѣ сладкую весеннюю теплоту; тучи птицъ, съ яркими перьями, звонко щебетали; свѣжіе фонтаны сливали съ отдаленными звуками музыки свой веселый говоръ, падая въ бронзовыя и мраморныя вазы, и сообщали благовоиному воздуху сада усладительную влажностъ: все было такъ устроено, что вы готовы были думать, что волшебный жезлъ какой-нибудь феи внезапно перенесъ васъ въ сады «Тысячи и одной ночи». Томная пѣга проникала въ ваши члены: вездѣ вы видѣли группы мужчинъ и женщинъ, сидѣвшихъ на зеленой муравѣ у ручьевъ, подъ лимонными деревьями, близъ цвѣтушихъ магнолій и биніоній. Сквозь трепещущія листья до васъ доходятъ аккорды танцевальной музыки; тамъ, въ глубинѣ этихъ боскетовъ, въ раззолоченныхъ залахъ, рой молодежи кружится въ вихрѣ вальса и польки: тамъ то завязывается интрига и танцевальные разговоры. Каждое окно апартаментовъ, посвященныхъ увеселеніямъ, кажется зѣвомъ горнила, отъ яркаго блеска люстръ и жирандолей. Въ центрѣ помѣщалась большая галерея, обтянутая драгоцѣнными штофами, бѣлыми и желтыми, съ серебрянымъ шитьемъ, яркостъ которыхъ усиливала близну рисунковъ стѣнъ и потолока. Здѣсь-то, на тронѣ, изъ золота и шелка, сидѣлъ хозяинъ дома, набабъ Дуарканаутъ-Тагоръ, принимая съ отличною пріятельностью своихъ гостей. Нѣкоторые наши странники подобную форму пріема; но бывшіе въ окрестныхъ странахъ Пенджаба, увѣрають, что это и обычай, и религіозный обрядъ тѣхъ странъ.

За эту галерею, шли три залы, блиставшія золотомъ и пур-

пуромъ. Между среднею залою и галереєю возвышалась эстрада, на которой помѣщался Штраусъ, съ своимъ мощнымъ оркестромъ. Отсюда-то лились волны гармоніи, раздававшейся по всему отелю и доходившей до самого сада. Другія боковыя залы, гдѣ блистали картины искуснѣйшихъ французскихъ живописцевъ — Дяаза, Пап-ти, Делакруа, Вернета, были посвящены, однѣ для танцевъ, другія играмъ и мирной бесѣдѣ. Наконецъ, въ одномъ боковомъ павильонѣ, обращенномъ въ обширную концертную залу, раздавались безпрестанно голоса парижскихъ знаменитыхъ пѣвцовъ и пѣвицъ — Лаблаша, Ронкони, Маріо, Дюпре и г-жъ Гризи, Пау, Штольцъ, Персиани. Дорю вызывалъ изъ своей флейты сладкія мелодіи; подъ опытными пальцами Клары Ловдей фортепіано издавало чистые, блестящіе звуки; Гауманъ игралъ на своемъ страдиваріусѣ пѣсни, пѣбныя будто голосъ человѣческой, а въ рукахъ Баттѣ виолончель плакала самыми трогательными, самыми выразительными пѣвствами.

Всѣ вкусы были угаданы, всѣ желанія удовлетворены. Кто любилъ танцы и игры, находилъ ихъ въ залахъ; кого влекла больше сердечная бесѣда, тотъ могъ мирно предаваться ей на дерповыхъ скамейкахъ и въ темныхъ аллеяхъ сада. Въ залѣ концерта было множество слушателей, а висѣчія койки на вѣтвяхъ деревъ убаюкивали любителей поэтическихъ грезъ и мечтаній. Павильонъ по лѣвую руку, составлявшій панданъ въ концертной залѣ, былъ запертъ до половины перваго часа ночи. Но вдругъ музыка остановилась, танцевальныя звуки смолкли, и окна таинственнаго павильона открылись на столахъ, изъ дорогаго дерева, видны были кашемиры, богатыя индійскія матеріи, китайскій и японскій фарфоръ, игрушки, рѣдкости и драгоценныя каменья. Все это составляло до восьмидесять выигрышей, назначенныхъ для дамъ. Большая серебряная урна, поставленная на бронзовомъ треножникѣ, заключала въ себѣ билеты, съ тѣми же таинственными буквами, которыя были начертаны на серебряныхъ ленткахъ драгоценныхъ цвѣтковъ, розданныхъ въ розовой залѣ; молодая дѣвушка, удивительной красоты, одѣтая баядеркою, вынимала изъ урны, своею тонкою, смугловатою рукою, счастливые жребіи. Какъ только билетъ былъ раскрытъ, и на немъ были буквы, тотчасъ тѣ-же буквы являлись огненными чертами на огромной мраморной черной плитѣ, вѣланной въ фасадѣ павильона; такимъ образомъ каждая дама могла тотчасъ видѣть, счастлива-ли была ея жребій. Многимъ достались богатые выигрыши, въ томъ числѣ и г-жѣ Ронкони, выигравшей превосходную кашемировую шаль, цѣною, по-крайней-мѣрѣ, въ 8,000 франковъ.

Какъ только розыгрышъ этой восточной томболы кончился, снова загремѣла музыка, танцующіе принялись за свое дѣло, играющіе за карты, лѣзвыя мечтатели отравились въ свои койки, влюбленные предались тайной бесѣдѣ, и прохладительныя

всѣхъ сортовъ появились во всѣхъ углахъ и со всѣхъ столовъ.

Въ четыре часа утра, всѣ гости были еще тамъ, никто не оставлялъ бала, и радость горѣла на всѣхъ лицахъ. Въ это время произошла новая перемѣна декораций. Пятнадцать оконъ, выходившихъ во дворъ, открылись и открыли весь дворъ, обращенный въ огромную залу празднества. Восемнадцать столовъ было накрыто во всю длину его: за каждымъ изъ нихъ сидѣло до двухсотъ человѣкъ, что составляло вмѣстѣ до трехъ тысячъ ужинающихъ. Кому не достало здѣсь мѣста, тѣ отправились во второй этажъ, гдѣ три обширныя залы были приготовлены для ихъ приема.

Нельзя вообразить себѣ, какой видъ представлялъ этотъ огромный банкетъ изъ оконъ второго этажа. Тутъ было не то, что бываетъ на нашихъ бѣдненькихъ ужинахъ, гдѣ сидитъ рядъ дамъ, а мужчины стоятъ, ожидая очереди: тутъ всякой нашелъ себѣ приборъ за столомъ празднества; дамы перемѣшивались съ мужчинами; блестящіе туалеты, украшенія и брилліанты сверкали межъ темныхъ нарядовъ мужчинъ. Это было безконечное разнообразіе, которое являлось еще сильнѣе, при двухъ тысячахъ лакеевъ, одѣтыхъ въ золото и пурпуръ. На столахъ возвышались уступами цѣлыя зданія изъ омаровъ (*), дворцы изъ пирожного, горы пастетовъ, дичь съ трюфлями, нѣжныя хлѣбныя блюда, сочныя холодныя и нѣкоторыя чужеземныя яства, весьма уважаемыя въ Индіи, но не употребляемыя во Франціи; промежду всего этого блистали серебряныя жирандоли, съ тысячамъ свѣчей. Двадцать-шесть огромныхъ люстръ, привѣшенныхъ къ потолку, лили на ужинающихъ волны свѣта, который ярко отражался въ граненомъ хрусталѣ и китайскомъ фарфорѣ посуды.

Украшенія залы носили на себѣ отпечатокъ совершенной особености. На потолкѣ и на стѣнахъ была изображена цѣлая исторія Брамъ, которую напрасно силился объяснить мнѣ одинъ изъ старинныхъ жителей Калькуты. Всякій смотрѣлъ на эти золоченныя фигуры и сравнивалъ ихъ съ открытымъ умнымъ лицомъ хозяина дома, который на высокомъ креслѣ предсѣдалъ за центральнымъ столомъ.

Когда всѣ размѣстились, и вино и веселость одушевили кругъ гостей, — послышалась странная музыка. Тѣ изъ посѣтителей, которые слышали нѣкогда индійскіе инструменты, подъ звуки которыхъ танцевали баядерки въ театрѣ «Variétés», въ услышанной музыкѣ узнали что-то знакомое. Мало-по-малу звуки приближались, и вскорѣ въ оставленныхъ залахъ нижняго этажа показалось десятка три музыкантовъ, съ съдыми бородами, въ шолоковыхъ туникахъ: одни изъ нихъ ударяли въ мѣдные литы,

(*) Огромные морскіе рака.

другіе — въ соломенныя связки, тѣ били въ маленькіе тамбурины, иныя дули въ рожокъ. За ними слѣдовали десятковъ пять женщинъ — это были баядерки, которыя стали плясать танецъ своей родной страны. Эти странныя лица, эта лихорадочная пляска, звуки этой дикой музыки, благовонія, сжигаемыя въ серебряныхъ курильницахъ, все заставляло думать, что мы перенесены въ дельійскія или бенаресскія пагоды. Нужно было взглядывать на себя, на свой блѣдный европейскій нарядъ, чтобы убѣдиться, что мы еще въ Европѣ, что мы въ Парижѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Пюшаді-Согласія.

Праздникъ тянулся долго, такъ, что еще многіе были за столомъ, когда стало разсвѣтать. Нѣсколько группъ танцоровъ, отъ правились однако на новый зовъ Штрауса, садъ мало-по-малу снова наполнился гуляющими, и всячія койки снова закатились. Но вскорѣ кареты потянулись къ Пробъзду-Мариньи, унося гостей, въ упоеніи отъ удовольствій и непрішедшихъ еще въ себя, будто послѣ волшебнаго видѣнія.

Никогда Парижъ, никогда, можетъ быть, Европа не видала подобнаго пражествва. Мы старались предать объ немъ самое вѣрное понятіе, и опасаемся, что не успѣли въ этомъ. Если мы пропустили нѣкоторыя подробности, то это отъ того, что онѣ показались бы невѣроятными.

Воспоминаніе объ этомъ единственномъ багѣ навсегда сохранится между Парижанами. (О. В.)

ПЕРВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ КОМЕДИИ БОМАРШЕ «СВАДЬБА ФИГАРО».

Никогда ни одна театральная пьеса не надѣлала столько шума, сколько надѣлала «Свадьба Фигаро» съ той минуты, когда авторъ, неговорившій о ней своимъ друзьямъ ни слова заранѣе, окончилъ ее и принялся хлопотать о постановкѣ на сцену. Французскіе актеры приняли ее безъ затрудненія, но правительствово противилось представленію ея. Король рѣшительно запретилъ ее. Бомарше употребилъ все усилія, чтобы выхлопотать позволеніе и, наконецъ, 27-го апрѣля 1784 года «La folle journée ou le Mariage de Figaro» была сыграна. Вотъ что сказано было объ этой пьесѣ въ одномъ изъ лучшихъ тогдашнихъ журналовъ: Сегодня г-нъ Бомарше, который такъ любитъ шумъ и скандалъ, имѣлъ полное удовольствіе видѣть вокругъ себя не только око сборище простыхъ любителей и любопытныхъ, но даже весь дворъ, принцевъ крови, принцевъ королевской фамиліи, удовольствіе получить въ одинъ часъ

сорекъ писемъ отъ различныхъ особъ, вымавивавшихъ у автора билетовъ и позволенія служить ему хлональщиками; удовольствіе видѣть, что герцогиня Бурбонская съ одиннадцати часовъ утра послала своего лакея къ кассѣ дожидаться раздачи билетовъ, назначенной не ранѣе какъ въ четыре часа; видѣть, какъ голубыя ленточки толпились и толкались въ одной кучѣ съ Саваордами, видѣть, какъ знатныя дамы, позабывъ всю благопристойность и стыдливость, съ утра забрались въ уборныя актрисъ, обѣдали тамъ, и внолнѣ предались ихъ покровительству, въ надеждѣ занять лучшій мѣста въ театрѣ; видѣть, наконецъ, какъ толпа, осадившая театръ, разогнала стражу, выломала не только двери, но даже и желѣзныя рѣшотки. Но настоящимъ триумфомъ для него было то, что онъ успѣлъ выхлопотать отмѣну королевскаго запрещенія, наложеннаго не болѣе какъ годъ тому назадъ, и притомъ съ такою торжественностью, какъ будто-бы дѣло шло о какомъ-нибудь важномъ государственномъ казусѣ. И въ какое время, при какихъ обстоятельствахъ? Когда ни одинъ самый честибѣйшій авторъ не осмѣлился-бы предложить подобной пьесы, опасаясь, чтобы ее не приняли за намѣкъ на слухи, огорчавшіе нынѣшнею зимою королевскую фамилію, и чтобы не напомнить ей эти дерзкія клеветы; когда ни одинъ цензоръ не осмѣлился-бы взять на свою отвѣтственность появленія на свѣтъ произведенія, могущаго подать столько поводовъ къ злобнымъ замѣчаніямъ и сравненіямъ. Какъ-бы то ни было, но пьеса была представлена. Зала театра, разумѣется, задолго до начала спектакля была уже набита биткомъ нетерпѣливыми зрителями. Въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно всегда бываетъ какое-нибудь особенное приключеніе или что-нибудь подобное, чѣмъ развлекается публика до начала спектакля. Такъ и теперь, при появленіи г. Балли де-Сюфрена, публика приняла его съ такими-же рукоплесканіями, какъ и вчера въ Оперѣ. Но такой-же точно приемъ, какъ и герою, сдѣланный г-жѣ Дюгазонъ, въ первой разъ послѣ своей постыдной болѣзни появившейся въ театрѣ, много уменьшилъ достоинство этого интузіазма и привелъ въ негодованіе всѣхъ истинныхъ патриотовъ. Что касается до комедіи, то хотя большая часть зрителей и ожидала, что она будетъ плоха, но никто не ожидалъ, что она будетъ такъ длинна. Всѣ полагали, что она продолжится аккуратно столько времени, сколько обыкновенно продолжается спектакль, потому-что передъ нею не было объявлено никакой маленькой пьесы. Но никто не воображалъ, что она протянется отъ пяти съ половиною часовъ до десяти. И для чего? Чтобы представить намъ господина, котораго въ теченіе этихъ четырехъ съ половиною часовъ дурачить, надувать и почти ругаетъ въ глаза его челядь. Одна дерзость заимать четыре часа французскую публику такимъ отвратительнымъ фарсомъ стоила быть освищенной, а вчера хотѣ и слышалась свистки и довольно часто, но все-таки слишкомъ умѣренные, такъ, что, право, не знаешь

чему болѣе удивляться, наглости-ли г-на Бомарше, или терпѣнію публики. Его высочеству, казалось, чрезвычайно наскучилъ этотъ «folle jougneur». Что касается до графа Артуа, то извѣстно уже, что онъ противился позволенію играть эту піесу, и сказалъ при этомъ королю, что это мерзость или подлость. Не смотря на то нисколько не удивительно будетъ, если этотъ пошлый комическій фарсъ, который хуже даже «Севильскаго Цирюльника», благодаря спеническимъ аксессуарамъ, пѣнію, танцамъ, декораціямъ, живой сатирѣ, неблагопрістойностямъ и злобнымъ намѣткамъ, разсыпаннымъ въ немъ щедрою рукою, пойдетъ далеко и выдержитъ много представленій.

Такъ отправилась о превосходномъ созданіи Бомарше современная ему критика!

ФЕЛЬЕТОННАЯ КРИТИКА ВО ФРАНЦІИ.

Вотъ что напечатано недавно въ одномъ французскомъ журналѣ о современной французской фельетонной критикѣ: «По какому-то странному противорѣчію, критика, которая не занимается уже болѣе книгами и которая какъ-будто рѣшилась совершенно отдѣлится отъ литературнаго движенія, — критика, говоримъ мы, съ яростію накинулась на драматическія произведенія. Нѣтъ ни одного водевиля, ни одной мелодрамы, которая она не считала-бы обязанностию своею разобрать, анализировать, комментировать, ни одного пустѣйшаго безграмотѣйшаго автора, имя котораго она не удостоила-бы сохранить для потомства. Всѣ сокровища эстетики, всѣ силы логики, всѣ тонкости оцѣнки, всѣ порывы восторга и удивленія, всѣ взрывы злобы, все это критики посвящаютъ репертуару восемнадцати театровъ Парижа. Каждый понедѣльникъ постоянно приносятъ огромную пошу, и можно утвердительно сказать, что въ самыхъ лучшихъ стратегическихъ журналахъ не разбираются съ такою точностію и подробностію военные планы Маршала Бюжо, съ какими разбирается пустѣйшій водевильчикъ какого-нибудь вовсе не замѣтнаго куплетиста. Послѣ столь напряженнаго однодневнаго усилія, критика складываетъ руки и отдыхаетъ шесть дней. Все сказанное здѣсь влочится совсѣмъ не къ тому, чтобы мы хотѣли упрекать нашихъ собратовъ за то, что они интересуются нашею драматическою литературою. — Нигдѣ французской умъ не является съ такой блестящей стороны, какъ въ нашихъ фельетонахъ. И что-бы ни говорили, а слава настоящаго нисколько не уступаетъ въ этомъ отношеніи славы прошедшаго. Цѣлая Европа питается нашимъ репертуаромъ»

ромъ, безпрестанно перевода изъ него, и подражая ему при всѣхъ своихъ претензіяхъ на оригинальность. Критика, столь плодovitая въ отношеніи къ посредственностямъ, можетъ въ извиненіе свое сказать, что не можетъ-же она, встрѣтя на пути своемъ какое-нибудь великое имя и какое-нибудь великое произведеніе, посвятить ему всѣ свои страницы, и покинуть въ совершенномъ забвеніи бѣдную посредственность. Все это такъ, но все-же это не резонъ тому, чтобы и другимъ произведеніямъ литературы, кромѣ драматическихъ, не было уже мѣста на солнышкѣ критики, солнышкѣ, если хотите довольно-тускломъ и съ трудомъ прорѣзывающемъ облака своими слабыми лучами, но все-таки солнышкѣ, а солнышко, какое-бы оно ни было, все-таки лучше мрачной ночи пыльнаго книжнаго магазина.»

**КАКЪ ТАРТИНИ, АВТОРЪ «СОНАТЫ ДЬЯВОЛА», СДѢЛАНСЯ
МУЗЫКАНТОМЪ.**

Музыканты, какъ и поэты, часто одному случаю бываютъ обязаны открытіемъ своего призванія. Примѣръ тому Тартини, знаменитый авторъ «Сонаты Дьявола» (Sonate du Diable). Ему только что исполнилось 17 лѣтъ, т. е. онъ только что вступилъ въ тотъ возрастъ, когда жизнь, еще полная обольщенія, является взорамъ нашимъ сквозь призму очарованія, когда самое нѣжное чувство, сокрытое въ глубинѣ души, распускается при первыхъ лучахъ любви, какъ пышный цвѣтокъ при первыхъ лучахъ весенняго солнца, и въ это-то время онъ встрѣтилъ особу, столько же достойную любви по добродѣтели, какъ и по красотѣ. Разумѣется, онъ полюбилъ ее, какъ любить всякое юное сердце — со всею пылкостью. Союзъ этихъ двухъ, хотя пылкихъ, но еще невинныхъ душъ, конечно, не могла помрачить никакая нечистая мысль. Тартини, разумѣется, и въ голову не приходило иначе обладать предметомъ своей страсти, какъ посредствомъ брака. Но, по несчастію для него и по счастью для искусства, у него былъ престрогий отецъ, несколько неодобрявшій на-счетъ этого намѣренія своего сына! Быть-можетъ, онъ былъ и правъ, считая глупостью этотъ столь ранній союзъ, потому-что въ 17 лѣтъ любовь не что иное, какъ энтузіазмъ, скоро проходящій предъ серьезными волненіями сущности. — Молодой Тартини не хотѣлъ покориться вразумленіемъ старика отца, и тотъ, вида, что всѣ его резоны оставались втунѣ, рѣшился недержатъ сына взаперти. Сначала влюбленный юноша приходилъ въ бѣшенство, вопіялъ противъ самовластиа, но вида, что все это ни къ чему не ведетъ,

и что скука овладѣваетъ его уединеніемъ, рѣшился, для разсѣянія, прибѣгнуть къ музыкѣ, которой учился немного, еще будучи ребенкомъ. И вотъ онъ принимается играть на различныхъ инструментахъ, изучать эффекты и средства ихъ — и въ немъ совершается чудное превращеніе, — мысли его противъ его воли принимаютъ совершенно другое направленіе. Онъ больше не любовникъ — онъ артистъ. Занятіе музыкаю скоро заставляетъ его забывать не только свою неволю, но даже и предметъ своей страсти, о которомъ у него остается только одно слабое воспоминаніе, какъ о прекрасномъ снѣ. Итакъ отецъ его былъ правъ — онъ еще не созрѣлъ для любви. Но за то онъ созрѣлъ для искусства, для славы! Скоро молодой Тартини начинаетъ въ совершенствѣ играть на любимомъ своемъ инструментѣ, на скрипкѣ, онъ постигаетъ все ея тайны, побѣждаетъ все трудности; мало того, воображеніе его экзальтируется, и онъ импровизируетъ. Успокоенное, восхищенное семейство ободряетъ юнаго артиста, возвращаетъ ему свободу, которую онъ принимаетъ очень-хладнокровно. Да и въ-самомъ-дѣлѣ, что ему въ свободѣ? Развѣ все минуты его не посвящены исключительно искусству? Итакъ вотъ какимъ образомъ созданъ въ немъ тотъ Тартини, который, спустя нѣсколько лѣтъ, сталъ на такую высокую степень въ мѣрѣ искусства; вотъ какимъ образомъ созданъ этотъ скрипачъ, неизмѣвншій себя соперниковъ, этотъ композиторъ, которому удивленные соотечественники дали лестное имя *il maestro nazioni*, и имя котораго никогда не погибнетъ.

НОВЫЙ ВАТЕЛЬ.

(Сюжетъ для водевилля).

Одна изъ самыхъ знатныхъ и самыхъ остроумныхъ парижскихъ дамъ, г-жа Бах.... собрала недавно въ своей загородной отелѣ персонъ до шестидесяти самыхъ блестящихъ обитателей обоихъ аристократическихъ предмѣстій Парижа. Праздникъ былъ данъ въ честь графа Арнима, прусскаго посланника. Луксбургъ, Palais Bourbon и дипломатическій корпусъ имѣли также знаменитѣйшихъ представителей своихъ въ отелѣ г-жи Бахъ....

Все приглашенные собрались и бесѣдовали въ гостиной, какъ обыкновенно бесѣдуютъ люди, которые почти все видѣли и почти все знаютъ. Какой-то генеральный консулъ разсказывалъ нѣсколько сценъ изъ частной жизни Ибрагима-Паши, а одинъ лангедокскій депутатъ морилъ со смѣху общество письмомъ одного избирателя, въ которомъ тотъ просилъ депутата продать правительству, для ботаническаго сада, двухъ его верблюдовъ, съ

которыми онъ не зналъ что дѣлать.—Правительству это не Богъ знаетъ чего стоить, писалъ избиратель, а вамъ это доставить голюсь. Г-жа Бах... переходившая отъ одного гостя къ другому съ тою граціозною живостію и предупредительностію, которые составляютъ, такъ сказать, добродѣтель въ салонѣ, замѣтила вдругъ одного изъ своихъ слугъ, который стоялъ въ дверяхъ и подавалъ ей знаки, какъ телеграфъ на башнѣ.

Слуга этотъ былъ блѣденъ и взволнованъ; на лицѣ его ясно отпечатѣлся ужасъ, но, какъ видно, онъ не смѣлъ говорить при этомъ блестящемъ обществѣ.

Г-жа Бах... поняла, что случилось что-нибудь необыкновенное.

— Что такое? спросила она, подойдя къ живому телеграфу.

— Ахъ, сударыня! ужасное несчастіе, вскричалъ тотъ, всплеснувъ руками.

— Да что-же такое?

Поваръ пьянъ такъ, что не можетъ даже и пошевеливаться, не только, что готовить обѣдъ.

Между-тѣмъ, время было такое, когда аппетитъ вполнѣ начинается вступать въ свои права, и тутъ дѣло шло не о простыхъ желудкахъ, а о желудкахъ дипломатическихъ. Госпожа Бах... не потерялась. Отвратить затруднительное положеніе не было никакой возможности; она рѣшилась преодолѣть его шуткою.

— Господа, сказала она, обращаясь къ собранію: я пригласила васъ на обѣдъ, но обѣда нѣтъ. Поваръ мой, хотя и живъ, но не лучше мертваго, и мнѣ только сію-минуту сказали объ этомъ. Если вамъ угодно, чтобы у насъ былъ обѣдъ, такъ надобно намъ самимъ приготовить его.

Импровизация г-жи Бах... имѣла огромнѣйшій успѣхъ. Графъ д'Арнимъ заворотилъ обшлага, прочіе послѣдовали его примѣру, и все общество съ громкимъ смѣхомъ спустилось въ кухню.

Поваръ сидѣлъ въ креслахъ, красный, какъ ракъ, неподвижный, какъ сѣнякъ. Кругомъ него стояло множество кострюль, формъ, мисокъ, но ни въ одной ничего не было.

Надобно было побѣдить или умереть. И побѣдили.

Пѣра Франціи заставили жарить на вертелѣ, двухъ депутатовъ заняться котлетами, трехъ секретарей посольства соусами и двухъ президентовъ королевскихъ судовъ супомъ.

Семерыхъ или восьмерыхъ штабъ-офицеровъ морской и сухопутной службы отрядили на поиски въ кладовыя и въ погреба; тѣ возвратились съ сотнею слишкомъ яицъ и десятками двумя цыплятъ и утокъ, и были приняты съ всеобщимъ восторгомъ.

Всѣ дамы объявили, что онѣ большія мастерицы стряпать яичницы.

Въ-слѣдствіе этого въ ту же минуту началось приготовленіе двадцати сортовъ яичницъ: герцогиня готовила яичницу на ро-

мѣ, маркиза яичницу съ трюфелями, виконтесса яичницу со спаржею, баронесса яичницу съ вареньемъ, и т. п.

Г-жа Бах...., какъ главный поваръ, сначала устроила порядокъ и потомъ сама занялась компотами.

Надобно было видѣть, сколько было тутъ смѣху, сколько шутокъ, сколько остротъ, каламбуровъ.

— Немножко укеусу! кричалъ консуль.

— Немножко петрушки для моего каплуна! возгласилъ повѣренный въ дѣлахъ.

— Соли и перцу! просилъ государственный секретарь.

— Муки мѣ! требовалъ королевскій прокуроръ.

Яичницы были готовы, а яичъ все еще оставалось много. Тогда дамы принялись готовить яйца въ смятку, яйца крутыя, *oeufs à la coque*, *oeufs à la neige*.

— Если вы любите яйца, такъ будьте покойны, ихъ наклали во всѣ кушанья, говорила г-жа Бах.... для одушевленія своей поваренной арміи.

Несчастный поваръ по-временамъ пробовалъ приподняться съ своего мѣста, но снова падалъ въ кресла, тяжело вздыхая, и мутными глазами слѣдилъ за этими господами въ черныхъ фракахъ, и господами въ шолковыхъ платьяхъ, завѣшенныхъ салфетками, не постигая, что-такое дѣлаетъ этотъ народъ въ его владѣніяхъ.

Въ десять часовъ г-жа Бахъ возвѣстила, что обѣдъ готовъ, и это извѣстіе было принято съ всеобщимъ энтузіазмомъ. Въ одиннадцать часовъ сѣли за столъ.

Всѣ въ одинъ голосъ объявили, что обѣдъ изготовленъ превосходно, и въ доказательство прообѣдали до четвертаго часу утра.

Въ пять часовъ утра, Ватель г-жи Бахъ вышелъ изъ своей летаргіи, — бросился искать шпаги, чтобы пронзить себя ею, но не нашелъ ничего кромѣ ножа, и считая смерть отъ ножа слишкомъ низкою для себя, рѣшился лучше остаться въ живыхъ.

АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

Вот что рассказывает аббат де-Валенкуръ, современникъ Расина, объ этомъ великомъ поэтѣ: «Я помню, что, бывши однажды въ отелѣ у Депрео, съ М. Николе и съ некоторыми другими пріятелями, мы навели Расина на разговоръ о Софокловомъ Эдипѣ. Онъ прочиталъ намъ всю трагедію, тутъ же и переводилъ ее. Читая, онъ воспламенился самъ, и увлекъ насъ до такой степени, что мы все невольно ощутили чувство ужаса и состраданія, на которомъ основана эта трагедія. Я видалъ лучшихъ нашихъ артистовъ на сценѣ, видалъ лучшихъ наши пѣссы, но никогда не ощущалъ того, что ощущалъ при этомъ чтеніи и до сихъ поръ не могу забыть этой минуты. Расинъ въ высшей степени обладалъ талантомъ декламациі, у него вошло даже въ привычку, сочиняя, громко декламировать свои стихи, и онъ нѣсколько разъ рассказывалъ мнѣ, что когда онъ писалъ своего Митридата, то обыкновенно каждое утро ходилъ въ Тюльерійской садъ, гдѣ въ то время производилось множество работъ, и тамъ, забывшись, принимался громко декламировать свои стихи. Работавшіе тамъ мастеровые, полагая, что это какой-нибудь несчастливецъ идетъ съ отчаяніемъ броситься въ бассейнъ, оставляли работу, и слѣдовали за нимъ, въ намѣреніи предупредить несчастіе.

Нѣкогда у Парижанокъ была мода на такія высокія прически, что и вообразить нельзя. Эта странная мода служила поводомъ къ разнымъ иногда довольно-серьезнымъ, чаще забавнымъ происшествіямъ. На одной старинной каррикатурѣ представленъ парикмахеръ, взлѣзающей по довольно-высокой лѣстницѣ, чтобы наложить небольшой чепчикъ на подобную трагическую колонну изъ волосъ, и это почти правда. Дѣло дошло до того, что наконецъ рѣшено было не впускать женщинъ съ подобною прическою въ амфитеатръ Оперы. Директоромъ этого театра былъ нѣкто Девимъ (Devismes), и онъ-то прибѣгнулъ къ этой мѣрѣ въ слѣдствіе безчисленныхъ жалобъ прочихъ посѣтителей театра. Сначала полагали, что онъ шутитъ, но скоро разосланные аффиши доказали, что это вовсе не шутка со стороны директора. Одна модистка этой эпохи, D-ле Стъ-Кентенъ искусно воспользовалась этимъ обстоятельствомъ: она придумала самую простую гладкую прическу, назвала ее coiffure à la Devismes, и прическа эта начала производить фуроръ. Въ то блаженное старое время весь Парижъ занимался этимъ происшествіемъ, и оно долго служило неистощимымъ предметомъ разговора.

— Когда умеръ Вольтеръ, то родственники и друзья его, рѣшились увезти тѣло его потихоньку и схоронить въ провинціи; одѣли покойника въ дорожное платье, посадили въ карету, привязали подъ мышки, и г-нъ Миго отвезъ его за 40 миль отъ Парижа въ Шампань и тамъ похоронилъ, въ Сельерскомъ аббатствѣ Актерамя было запрещено играть его трагедіи, журналистамъ говорить объ его смерти, въ школахъ учить наизусть его стихи.

— «У насъ нѣтъ болѣе ни литературы, ни грамматики. Нынче говорятъ и пишутъ безъ правилъ грамматики, какъ дѣйствуютъ безъ правилъ совѣсти. Всѣ журналы настоящаго времени, не исключая даже и литературныхъ, отличаются непристойною небрежностью; колонны ихъ безъ конца усеяны барбаризмами, солецизмами и бессмысленными періодами. Въ такое время, когда журналы заступили мѣсто книгъ, кажется, господамъ журналистамъ непростительно унижать такимъ образомъ отечественный языкъ свой». Какъ вы думаете, гдѣ и когда это было напечатано? Въ Парижѣ, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ! *C'est tout comme chez nous!*

— Въ числѣ актрисъ старинной Французской-комедіи, находилась мадемуазель Лаво, слабо исполнявшая роли *jeunes premières*. Въ ту эпоху сценическія представленія были въ большой модѣ у знатныхъ, и многіе изъ нихъ заводили собственные свои театры. У г-жи де Монтелонъ тоже былъ свой театръ, куда часто приглашали извѣстнѣйшихъ артистовъ играть вмѣстѣ съ актерами любителями. М-ле Лаво также была однажды приглашена на такой спектакль; одѣваясь, чтобы ѣхать туда, она какъ-то неосторожно подошла къ камину и на ней загорѣлось платье. У ней былъ въ это время Флери, въ послѣдствіи знаменитый артистъ. Въ испугѣ онъ бросился помогать ей — но дѣло шло плохо, потому-что несчастная артистка жестоко пострадала. Флери тоже сильно обжегся, однако въ тотъ-же вечеръ игралъ, хотя съ подвязанною рукою. Слухъ объ этомъ происшествіи уже распространился, и когда Флери появился на сценѣ, то публика приняла его съ громкими и единодушными рукоплесканіями.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ

АПРѢЛЬ.

ИНОСТРАННЫЕ ТЕАТРЫ.

ПАРИЖСКІЕ.

1) GÉNÉRIÈVE OU LA JALOUSIE PATERNELLE (*Женевьева или отцовская ревность*), комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Скриба.

Этотъ маленькій актъ — ни водевиль, ни комедія, — это, можетъ-быть, пословица, но во всякомъ случаѣ — это чуть-ли лучшее произведеніе Скриба.

Клерамбуръ, превосходный отецъ прелестной дочери, былъ-бы самымъ счастливымъ человѣкомъ въ мірѣ, если-бы его не мучила одна ужасная мысль. Какъ! эта единственная дочь, которой только 18-ть лѣтъ — прекрасная, богатая, сокровище для этого отца, который ее любить и ею живетъ, и эта дочь будетъ у него отнята! Явится мужъ, который оторветъ ее, можетъ-быть, отъ отца — мужъ, который возьметъ себѣ всю ея любовь, всѣ ея ласки, всю

ея нѣжную заботливость!.... Клерамбуру неспосна эта мысль. Онъ обожаетъ дочь свою, онъ любитъ ее со всеѣмъ безуміемъ ревности, и ему кажется, что выдать ее за-мужъ значить навсегда потерять ее. Но вотъ пришелъ часъ, роковой, неизбѣжный часъ. Его дочери 18-ть лѣтъ, и онъ долженъ наконецъ позаботиться о ея участи. Въѣшивается семейство, — тѣтушки и дядюшки хлопчатъ устроить судьбу племянницы и хотятъ даже выписать изъ Парижа въ Марсель жениховъ. Бѣдный Клерамбуръ въ ужасномъ горѣ. Какъ отказать этимъ женихамъ? И Женева знаетъ притомъ, что дѣло идетъ о ея замужствѣ. Боже мой! можетъ-быть, она уже влюблена. И, вѣроятно, она уже любитъ этого полковника, неблагодарная, она забываетъ о своемъ нѣжномъ отцѣ, который дрожитъ, трепещетъ и приходитъ въ отчаяніе!... Любите послѣ этого дѣтей, любите свою дочь всею силою нѣжности, заботьтесь о ней—и все для того, чтобы какой-нибудь повѣса отнялъ ее у васъ съ бою! Но Клерамбуръ чувствуетъ, что ему надобно наконецъ выдать дочь свою за-мужъ. Тогда, съ мученіемъ въ сердцѣ, и съ улыбкой на устахъ, онъ говоритъ Женева, чтобы она сдѣлала выборъ, и подозрѣвая, что она любить полковника, предлагаетъ ей напротивъ, молодаго человѣка, своего коммѣ, очень-скромнаго и простаго, какого-то мосея Адриана. «Боже мой! говоритъ Женева: Адрианъ!... ты хочешь, чтобы я вышла за Адриана!» И Адрианъ, при этихъ словахъ отца, чуть не умираетъ отъ радости. «Дочь моя, отвѣчаетъ отецъ съ отчаяніемъ: я тебя не принуждаю, если ты любишь кого-нибудь другаго.»—Она любитъ другаго, восклицаетъ Адрианъ: она любитъ полковника. — «Я его люблю».... Женева падаетъ въ обморокъ. Что я сдѣлалъ, безумный, говоритъ отецъ: «дочь моя умираетъ.... Женева, дитя мое, — живи, живи, пусть лучше вижу я тебя за-мужемъ, чѣмъ мертвою». Клерамбуръ беретъ перо, чтобы писать къ полковнику, что дочь его его любитъ. Но оказывается, что Женева любила и любитъ Адриана.

2) LE CARILLON DE SAINT MANDÉ (Звонъ въ Сенъ-Манде), водевиль въ одномъ дѣйствіи, гг. Сирандена и Далвена.

Этотъ водевиль что-то эксцентрически-масляничное. Не говоря уже о безпрестанныхъ довольно-непристойныхъ шуткахъ,—здѣсь видно еще нѣчто, чего водевилисты себѣ до-сихъ-поръ не позволяли. Даже певинность вовсе не торжествуетъ въ концѣ пьесы, или если и торжествуетъ, то такъ неблестательно, что не стѣбитъ и говорить. Герои водевиля — воръ, чистѣйшій воръ Дремене Пулялье и дуракъ Коке. Тщетно Коке принимаетъ все

предосторожности, его подъ-конецъ обкрадываютъ. Напрасно онъ заказываетъ ящики со звономъ и шкафы съ ловушками. Коке попадаетъ въ собственные сѣти, и его звонъ звонитъ только его несчастіе, и все отъ-того, что онъ не обращалъ вниманія на одного молодого дворянина, который явился въ его домъ подъ именемъ графа де-Крепн. Этотъ Крепн — никто иной, какъ знаменитый Пулялье, который, волочась за мадамъ Коке, волочится собственно только за шкатулкою ея мужа. Крепн увѣряетъ, что дочь Коке увезъ молодой человекъ Конорденъ, и Коке хочетъ броситься въ погоню, но вспоминаетъ, что надобно взять съ собою денегъ. Онъ бросается къ шкатулкѣ — и самъ попадаетъ въ ловушку, а Пулялье, пользуясь открытіемъ ящика, преспокойно набиваетъ себѣ карманы. Коке кричитъ — но Пулялье спасается, и зрителей должна утѣшать только надежда, что авось когда-либо онъ будетъ повѣшенъ.

3) UN MARI QUI SE DÉRANGE (*Мужъ, который дурно ведетъ себя*), водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. гг. Кормена и Гранже. (Gymnasé).

Авторы этой умной и милой комедіи вовсе не господа, выставленные на ея афишѣ а Скрибъ, благородно пожертвовавшій собою для молодыхъ начинающихъ талантовъ.

Вотъ содержаніе пьесы:

Морисъ де-Россель очень любитъ жену, но вовсе ей не занимается. Мосеё Морисъ женатъ едва еще одинъ годъ, а цѣпи гименея уже тяготятъ его порядкомъ. Шалунъ-мужъ бываетъ и въ англійскомъ-кафе, и въ улицѣ Нотръ-дамъ-де-Лоранъ, и на вечерахъ, гдѣ играютъ въ ланскавехтъ, и на маскарадахъ. Мосеё Морисъ имѣетъ кромѣ-того ошаченую привычку ужинать послѣ балу — и вы догадаетесь, что онъ не станетъ ужинать одинъ.

Итакъ, мадамъ Морисъ Дероссель пренесчастливая женщина. А на глазахъ нашего вѣтренника было между-тѣмъ много хорошихъ примѣровъ. За-чѣмъ не взялъ онъ себѣ за образецъ, на-примѣръ, мосеё Бертолена, своего доктора? Вотъ примѣрный мужъ: онъ вѣчно съ женою, онъ счастливъ только дома.

Но въ одинъ день, или лучше сказать, въ одну ночь, мосеё Морисъ не возвращается домой; — подозревая, что мужъ непременно полькируетъ въ Оперъ, мадамъ Морисъ хочетъ преслѣдовать вѣтренника, «Поскорѣй домино, а вы, мосеё. Бертоленъ, дайте мнѣ руку и пойдете на балъ». Бертоленъ морщится, но отказать не можетъ.

Итакъ, вотъ мосеё Бертоленъ и мадамъ Дероссель въ Оперъ,

и разумѣется, тщетно ищутъ въ этой безумной и огромной толпѣ того, кого имъ нужно. Бертоленъ начинаетъ утѣшать себя мыслию, что онъ очень-спокойно можетъ воротиться къ себѣ домой, но онъ еще не знаетъ мадамъ Морисъ Дероссель. Съ балу Оперы она его тащитъ въ Мезонъ-д'Оръ. Мужъ точно въ Мезонъ д'Оръ, и мадамъ Морисъ, замаскированная, начинаетъ интриговать мужа. Дероссель чрезвычайно-веселъ и поздравляетъ себя съ удачной побѣдой. Бертоленъ тоже встрѣтилъ какую-то маску, которая схватила его за руку и не пускаетъ. «Боже мой! что, если-бы жена моя меня видѣла!» съ ужасомъ говоритъ докторъ. Но означенное домино — сама мадамъ Бертоленъ. Вѣроятно, уже нетрудно угадать, чѣмъ кончится дѣло.

4) LE NOUVEAU JUIF ERRANT (*Новый вѣчный Жидъ*), водевилъ въ трехъ дѣйствіяхъ, г. Варнера.

Въ первомъ актѣ — мы въ одной бельгійской гостинницѣ. Что можно, или его нельзя встрѣтить въ гостинницѣ? Вотъ премилый молодой человѣкъ, Оскаръ Дюранъ, самый-несчастный человѣкъ въ мірѣ. Докторъ медицины, малою съ умомъ и образованіемъ, онъ принужденъ черезъ двѣ недѣли аккуратно топиться для того, чтобы существовать. Обладаемый меланхолією, не имѣя ничего, и дѣлая долги, потому-что ему хочется по возможности быть счастливымъ, Оскаръ преспокойно пишетъ къ своимъ кредиторамъ, что, доведенный до отчаянія, онъ принужденъ утопиться.

Отъ привычки топиться слишкомъ-часто, Оскаръ сдѣлался, разумѣется, превосходнымъ пловцомъ. И потому разъ, увидавши, что какая-то хорошенькая дѣвушка уронила въ воду брошку, Оскаръ бросился въ воду и досталъ ее. Дѣвушка поблагодарила его, и исчезла. Промокшій до костей, Оскаръ высушился на солнцѣ, а между-тѣмъ не на шутку влюбился въ свою прекрасную незнакомку.

Но вотъ онъ, отъ нечего дѣлать, спасаетъ нѣкогого Бертрана — и тотъ за услугу обѣщаетъ дать ему двѣ тысячи ливровъ дохода. Но, узнавши имя своего спасителя, онъ говоритъ, что не можетъ дать ничего. Оскаръ опять въ горѣ. Но его пріятель Дюралебургъ предлагаетъ ему сыграть роль Вѣчнаго Жиды, на провинціальномъ театрѣ. Разумѣется, лучше ужъ это, чѣмъ безнадежно умирать съ голоду. Оскаръ рѣшается; но въ это время пріѣзжаютъ, съ другой стороны, прекрасная незнакомка, мадмуазель Анріэта, и встрѣтивши Оскара, говоритъ ему, что она будетъ въ театрѣ, — да г. Стразбургъ, Жидъ, кредиторъ Оскара, который

удивляется, видя его живымъ, и грозитъ ему его заемнымъ письмомъ. Что дѣлать? бѣжать опять — и Оскаръ отправляется въ костюмъ Странствующаго Жида.

Во второмъ актѣ мы во Франціи, въ замкѣ барона Дюрандье-ра, отца мадмуазель Априэты; онъ ждетъ для дочери жениха, г. Дюранти, и для себя секретаря. Оба являются, и вообразите отчаяніе Оскара, когда онъ узнаетъ, что г. Дюранти женихъ Априэты. Соперники назначаютъ другъ другу дуэль и притомъ дуэль, чисто основанную на случаѣ: изъ пистолетовъ заряжаютъ только одинъ. Оскару благоприятствуетъ счастье.

— Моссье Дюранти, хотите-ли вы жить? — Разумѣется. — Ну так не живите только двадцать часовъ, и въ эти часы я возьму ваше имя. Оскаръ выдаетъ себя за Дюранти.

Но является добрый моссье Бертранъ. Онъ узналъ, что Дюранти мерзавецъ, который обманулъ уже какую-то вѣнскую маркизу и пишетъ подложное письмо отъ ея имени.

— Оскаръ долженъ опять бѣжать.

Въ третьемъ актѣ всѣ лица пьесы собираются у г. Бертрана создавшаго ихъ циркулярнымъ письмомъ.

Онъ объявляетъ имъ, что умеръ г. Дюранъ, эскъ-рыбакъ, ихъ общій родственникъ.

При этихъ словахъ созданные приходятъ въ бѣшенство, и всѣ отрекаются отъ родства съ Дюраномъ. — Позвольте, позвольте, говоритъ Бертранъ: этотъ г. Дюранъ пріѣхалъ изъ Мадагаскара, гдѣ онъ приобрѣлъ значительное состояніе. Но покойникъ былъ чудакомъ, и завѣщалъ имѣніе только тому изъ своихъ родныхъ, у котораго ровно ничего не будетъ.

И потому Оскаръ Дюранъ объявленъ наследникомъ, и разумѣется, женится на Априэттѣ!

Очень-милый и остроумный водевилъ этотъ имѣлъ, разумѣется, большой успѣхъ.

5) JEAN BAPTISTE (*Жанъ-Батистъ*), драма въ пяти дѣйствіяхъ, соч. гг. Мишель-Массона, де-Вильиѣва и Фредерика Тома.

Жанъ-Батистъ — работникъ у мэтръ Дюмона, фабриканта фаянсовыхъ издѣлій и влюбленъ въ мамзель Катерину, дочь г. Дюмона.

Катерина немного горда; она хороша собою, она лучшая швея всей улицы, — эта мамзель Катерина. И всякой день какой-то таинственный обожатель кладетъ на ея окно цвѣты. Въ воображеніи Катерины уже рисуется молодой человекъ, прекрас-

ный и богатый, когда на самомъ дѣлѣ этотъ обожатель не кто-иной, какъ Жанъ-Батистъ.

Но къ нему прїѣзжаетъ его молочный братъ, молодой дворянинъ, виконтъ д'Орвилль, конногвардейскій офицеръ, вѣтренникъ, но славный и добрый малый. Онъ даритъ Жанъ-Батисту десять лундоровъ, и тотъ успѣваетъ оказать Катеринѣ важную услугу, когда она испортила платье одной маркизы.

Катерина, гордая, суровая Катерина, тронута его поступкомъ; она смотритъ на него уже не съ такимъ равнодушіемъ, и Батистъ начинаетъ надѣяться втайнѣ, хотя не смѣетъ сказать ни слова.

Но онъ имѣетъ неосторожность открыться г. Дюмону и просить у него въ письмѣ руки его дочери. Тотъ, разумѣется, приходитъ въ бѣшенство, и выгоняетъ Жанъ-Батиста изъ дому. Въ это же время Катерина узнаетъ, кто послалъ цвѣты на ея окно, и провожаетъ Жанъ-Батиста вздохомъ.

Во второмъ актѣ — мы на праздникъ гризетокъ. Множество гризетокъ и молодыхъ людей, конногвардейцевъ, которыхъ клянутся отомстить одной маркизѣ за ея суровость, и виконтъ д'Орвилль берется занять мѣсто ея любовника, которому она въ эту ночь назначила свиданіе.

Жанъ-Батистъ встрѣчаетъ Катерину; онъ видитъ, что она въ томъ самомъ платьѣ, назначенномъ для маркизы, которое она испортила, и понимаетъ изъ этого, что она его любитъ. Онъ бросается къ ея ногамъ, клянется сдѣлаться ея достойнымъ, и уходитъ.

Но вскорѣ послѣ его ухода два дюжихъ лакея схватываютъ Катерину, принявши ее за маркизу.

Прошелъ годъ. Мы въ домѣ старика Дюмона, но домъ этотъ пустъ и печаленъ. Катерины нѣтъ тамъ, потому-что отецъ прогналъ ее за то, что она сдѣлалась беременна и не хотѣла сказать имени своего обольстителя. Не сказала-же она потому, что сама не знаетъ этого имени.

Жанъ-Батистъ возвращается опять просить руки Катерины. Старикъ обвиняетъ его въ преступленіи, — онъ не знаетъ, что и подумать. Но Дюмонъ раздавленъ каретою на улицѣ, и Жанъ-Батистъ хочетъ спасти честь Катерины.

Наконецъ, дѣло распутывается. Является д'Орвилль, который, какъ благородный человекъ, женился на Катеринѣ, и потомъ погибаетъ на дуэли съ братомъ своей прежней невѣсты. Жанъ-Батистъ женится на Катеринѣ, теперь виконтессѣ д'Орвилль.

Драма интересна, и ведена очень-искусно.

6) *MADMOISELLE MA FEMME* (*Мадмуазель жена моя*), комедія-водевиль, гг. Лефранка и Лабаша.

Дѣйствіе пьесы происходитъ во-время Имперіи и основаніе ея — всевластный капризъ Императора. Наполеону захотѣлось, чтобы молоденькая Анріэта, дѣвица знатнаго происхожденія и богатая, вышла за-мужъ за мосьё Эдуарда де-Салланжъ, дипломата, вовсе его не зная. Тотчасъ по совершеніи обряда, молодые расстаются. Анріэта возвращается въ свой пансіонъ, мосьё де Салланжъ къ своимъ занятіямъ. Но, разумѣется, Анріэтъ хочетъ узнать хорошенько своего мужа. Въ одинъ прекрасный день она отправляется въ Э, въ городъ, въ который пріѣдетъ Эдуардъ. Встрѣтившись съ нимъ въ дилижансѣ, Анріэта хочетъ узнать его, не сказывая ему своего имени. Опъ волочится за Анріэтой, продолжаетъ волочиться и въ Э. Дѣло доходитъ до тайнаго свиданія, и Анріэта готова уже броситься въ объятія мужа.... Какъ вдругъ узнаетъ она, что подъ именемъ Эдуарда де-Солланжа путешествуетъ другой, и что мосьё де-Солланжъ, по политическимъ причинамъ, остался въ Италіи. Но это мистификація, устроенная Эдуардомъ для того, чтобы дать порядочный урокъ женѣ.

2) *UN COMTE BLEU* (*Пестрая сказка*), водевиль въ одномъ дѣйствіи, гг. Лафитта и Фредерика Тома.

Шевалье де-Версанъ, удивительно-милой молодой человекъ и ужасный лгуны. Разъ онъ гонится за каретою одной дамы, и потомъ компрометируетъ ее, разсказывая о ней совершенную небывальщину. Но, къ-несчастью, въ числѣ слушателей находится мужъ, который, разумѣется, требуетъ у жены отчета. Мадамъ де-Лансель чрезвычайно-хитро придумываетъ заставить своего супруга слушать разговоръ съ шевалье де-Версакомъ, изъ котораго мужъ убѣждается, что шевалье лгалъ, какъ Гасконецъ.

8) *UN HOMME GRAYE* (*Степенный человекъ*), водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Е. Сувестра.

Степенный человекъ пьесы — лицо правительственное, нѣкто мосьё Дюпорталь, важный и суровый. Но у него есть племянникъ, мосьё Дюпорталь младшій, и у мосьё Дюпортала младшаго есть пріятельница мамзель Коньи. Племянникъ тѣшится надъ дя-дюшкою, заставляя пріятельницу сводить съ ума степеннаго человека. Водевиль очень-миль и забавень.

9) *LE LAIT D'ANNESSE* (*Ослиное молоко*) водевиль въ 1 дѣйствіи, гг. Дюпѣти и Габріэль.

Водевиль писанъ для Левассера, превосходно играющаго роли молодыхъ вертопраховъ, и весь успѣхъ основанъ на игрѣ этого актера. Все дѣло въ томъ, что молодой шалунъ Овидъ прѣзжаетъ къ нѣкому съѣру де Буврейль, который держитъ сливочную лавку, продаетъ ослиное молоко и проч.), для того, чтобы лечиться ослинымъ молокомъ, а между-тѣмъ волочится за хорошенькой его женою.

10) FRISETTE. (*Фризетта*), водевиль въ одномъ дѣйствиіи гг. Леграна и Лобина.

Фризетта—молодая дѣвушка, очень милая и строгая; она днемъ работаетъ въ магазинѣ, вѣѣ дома, а ночью спитъ. Но есть нѣкто Годріонъ, булочникъ, который спитъ днемъ, а работаетъ ночью, и которому мадамъ Мелансе, женщина очень-разсчитливая, отдаетъ въ наймы комнату Фризетты на дневное время.

Но разъ Фризетта возвращается домой днемъ и находитъ Годріона; является хозяйка, общается устроить дѣло инымъ образомъ, но нечего дѣлать: этотъ день Годріонъ и Фризетта должны провести вмѣстѣ. Прибавьте къ этому то еще, что у Фризеты есть на рукахъ ребенокъ, котораго она приняла подъ покровительство. Годріонъ смѣется надъ этимъ, — и Фризетта отвѣчаетъ ему, что ребенокъ этотъ вовсе не ея, а ея кузины, оставленной однимъ извергомъ. — Кѣмъ это? спрашиваетъ Годріонъ. — Годріономъ, отвѣчаетъ Фризетта. Вообразите себѣ изумленіе бѣднаго Годріона, ни душой, ни тѣломъ невиноваго въ этой исторіи, и успѣвшаго уже влюбиться въ свою новую знакомую. Но дѣло объясняется. Тотъ Годріонъ во все не овъ, а онъ т. е. настоящій Годріонъ предлагаетъ руку и сердце Фризеттѣ.

11) UNE FILLE DU RÉSENT (*Дочь Регента*), комедія въ пяти дѣйствиіяхъ въ прозѣ, Александра Дюма.

Новая комедія Александра Дюма, говорятъ, такъ нещадно искажена цензурою, что самъ авторъ отказывался признать ее своимъ дѣтищемъ, но связанный контрактомъ съ театромъ, долженъ былъ отдать ее мертвую или живую. Отъ этого происходятъ, вѣроятно, и недостатки пьесы.

А между тѣмъ, драма начинается чрезвычайно поэтически. Ночь; — на берегу рѣки стоитъ домъ съ балкономъ. Молодой человѣкъ, въ темномъ плащѣ, подходитъ къ рѣкѣ, но два человека, которые за нимъ слѣдятъ, его останавливаютъ. Онъ спрашиваетъ, по какому праву они его останавливаютъ, и узнаетъ отъ нихъ, что они заговорщики, Оретонцы, прѣхавшіе въ Парижъ убить Регента. Онъ самъ Гостонъ де-Шоле, говоритъ своимъ

братьямъ, что явился сюда проститься съ молодой дѣвушкой, которая его любитъ. Но отъ молодой дѣвушки Гастонъ узнаетъ, что отецъ везетъ ее въ Парижъ. Въ Парижъ? говоритъ Гастонъ: — въ Парижъ! я самъ туда ѣду.

Вотъ прологъ пьесы. Любовь этого молодаго человѣка къ молодой дѣвушкѣ, которая есть не кто иная, какъ дочь Регента, любовь этого молодаго человѣка, обреченнаго эшафоту, могла-бы быть предметомъ прекрасной драмы; но потомъ, эта драма запутывается въ подробности, до того несвязныхъ, что нѣтъ почти возможности пересказать ея крайне-мудреное содержаніе. Гастонъ, который только въ третьемъ актѣ начинаетъ заниматься заговоромъ, попадаетъ, по своей довѣрчивости, на любимца Регента, Дюбуа, который такимъ образомъ узнаетъ все дѣло. Потомъ, когда Гастонъ идетъ убить Регента, онъ узнаетъ въ немъ отца своей Елены и, естественно, отказывается отъ заговора. Много есть прекрасныхъ эпизодическихъ сценъ, много *coups d'effet*; но нѣтъ цѣлаго, нѣтъ человѣчески-выдержанныхъ характеровъ. Пьеса впрочемъ имѣла большой успѣхъ, благодаря интереснымъ подробностямъ.

РУССКІЕ ТЕАТРЫ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКІЕ.

I.

АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

ОТКРЫТІЕ РУССКИХЪ СПЕКТАКЛЕЙ. — НОВЫЙ ДИРИЖЁРЪ ОРКЕСТРА В. М. КАЖИНСКІЙ. — ПАНСИОНЕРЪ-АРТИСТЪ С. ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ТЕАТРОВЪ, Я. М. БРЯНСКІЙ. — ГОРЕ ОТЪ УМА И НОВЫЙ ДЕБЮТАНТЪ, МОСКОВСКІЙ АРТИСТЪ Г. САМАРИНЪ. — ЧЕРНЫЙ ДУГЛАСЪ, ДРАМА. — БЕНЕФИСЪ Г-НА КУЛИКОВА: ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ, ДРАМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ. — МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ, ШУТКА. — ОТСТАВНОЙ ТЕАТРАЛЬНОЙ МУЗЫКАНТЪ И КНЯГИНЯ, ОРИГИНАЛЬНАЯ ДРАМА. — АРТИСТЫ МЕЖДУ СОБОЮ ИЛИ ЧЕЙ ФАНТЪ ВЫНЕТСЯ, ЧТО ТОМУ ДѢЛАТЬ, ДИВЕРТИСЕМЕНТЪ.

Да, мы не ошиблись, говоря на прощаньи съ старымъ театральнымъ годомъ *), что «много сдѣлалъ онъ и еще больше оставяетъ за собою». Эти надежды сбываются блестящимъ образомъ при самомъ началѣ новаго театральнаго года, который, какъ извѣстно, для русскихъ спектаклей считается съ понедѣльника, на оомниной-недѣлѣ, т. е. 15-го апрѣля.

Первое что насъ поразило и обрадовало, когда мы вошли въ театръ, по открытіи спектаклей, это значительное улучшеніе оркестра и новый дирижёръ его В. М. Кажинскій, даровитый композиторъ, прославившійся въ особенности своими польками, и ученый знатокъ музыки, соединяющій въ одномъ лицѣ своемъ теоретика, практика и критика. Такая полнота музыкальнаго образованія въ г-нѣ Кажинскомъ подаетъ намъ самыя блестящія надежды, которыя онъ и оправдываетъ наилучшимъ обра-

---

(*) См. въ нынѣшней книгѣ «Репертуара и Пантеона» обзорніе прошлаго года.

зомъ, мастерски дирижируя оркестромъ и разнообразя выборъ увертюрь, смотря по характеру играемой пьесы или слѣдующаго акта. Дѣло не послѣдней важности — настраивать заразиѣ душу зрителя (такого, разумѣется, который настраивается не въ буфетѣ) къ впечатлѣніямъ, его ожидающимъ. Нечего грѣха таить; прежде увертюры въ Александринскомъ-театрѣ были довольно-монотонны, и состояли болѣею частію изъ старинныхъ пьесъ, изъ какой-то допотопной музыки, всѣми уже по нѣсколько разъ переслушанной; новое являлось рѣдко и потому всегда почти заранѣе отмѣчалось на афишѣ. Внимательная публика съ перваго-же раза изъявила свое удовольствіе, видя значительное улучшеніе оркестра, и громкими рукоплесканіями поощряла г-на Кажинскаго къ дальнѣйшимъ трудамъ.

16-го апрѣля дебютировалъ вновь ангажированный на Александринскую сцену заслуженный артистъ-пансіонеръ Императорскихъ Театровъ, Я. Г. Брянскій, въ роли Эдипа, въ трагедіи Озерова. Приобрѣтеніе для нашей сцены важное: оно повлечетъ за собою возобновленіе многихъ прекрасныхъ пьесъ изъ прежняго репертуара, пьесъ, смѣненныхъ, но незамѣненныхъ новыми. Въ этотъ спектакль собралось публики не такъ много, какъ бы ожидать надлежало; но, разумѣется, это произошло не отъ невниманія къ почтенному артисту, а отъ весьма-простой причины: — для Эдипа Озерова прошло уже время. При всемъ уваженіи нашемъ къ замѣчательному дарованію творца «Эдипа» и «Дмитрія-Донскаго», электрическою искрою потрясавшихъ нѣкогда — и весьма-резонно — нашихъ отцовъ и дѣдовъ, мы не можемъ не скучать, видя эти пьесы на сценѣ; изучать ихъ въ тишинѣ кабинета, и даже многимъ восхищаться въ нихъ, это другое дѣло; но сценическая литература наша ушла далеко отъ того времени, хотя-бы и по одному языку. Чтò ни говорите, а самый-жаркій поклонникъ Озерова не удержится отъ улыбки, слыша слова Эдипа:

Видала-ль ты обломки корабля?

И отвѣтъ Антигоны:

Видала, но почтò?

Если гениальная Рашель могла воскресить Корнеля, Расина и даже Вольтера на французской сценѣ, такъ это потому, что она,

во-первыхъ, гениальная актриса, а во-вторыхъ, языкъ ихъ трагедій не такъ рѣзко отличается отъ новѣйшаго языка французскаго, какъ языкъ Озерова отъ нашего. Самый искусный декламаторъ — ибо въ трагедіяхъ Озерова можно *только декламировать* — не заставитъ насъ забыть шероховатость и грубые, тяжелые обороты языка героевъ Озеровскихъ трагедій. Что дѣлать? Всему есть свое время...

Г-нъ Брянскій продекламировалъ роль Эдипа съ своимъ обычнымъ искусствомъ; публика наградила его рукоплесканіями и вызовами, но — осталась холодна къ цѣлому, не вынесла никакихъ впечатлѣній изъ театра, кромѣ-того пріятнаго, утѣшительнаго чувства, что она снова увидала нѣкогда-любимаго ею артиста, что артистъ этотъ постоянно остается на сценѣ; для ея наслажденія, и что онъ — а это важнѣе и отраднѣе всего — не утратилъ ни одного изъ своихъ прежнихъ достоинствъ.

Роль *Антигоны* занимала г-жа Дюръ. Помнимъ, что лѣтъ около семи тому назадъ, въ этой роли она сдѣлала свой блестящій дебютъ, возбудившій большія надежды. Исполнились ли онѣ, и въ какой мѣрѣ исполнились — здѣсь судить не мѣсто и не время. Скажемъ только, что г-жа Дюръ также хорошо, но еще съ болѣею опытностію сыграла роль свою, какъ и въ первый разъ; не ея вина, если время — охъ, это время! — сдѣлало страннымъ въ устахъ Эдипа стихъ:

Опора *слабая* несчастнаго слѣнца!

Роли *Тезея* и *Полиника* занимали молодые артисты, г-да Славинъ и Александровъ. Если они не совѣмъ-хороши бываютъ въ произведеніяхъ *новой школы*, то тѣмъ менѣе можно быть къ нимъ взыскательными въ роляхъ *Тезея* и *Полиника*. Эти роли, если и можно играть, то *по преданіямъ*, а преданія до нихъ, вѣроятно, не дошли; они-ли въ этомъ виноваты?

17-го апрѣля—*Горе отъ ума*, и первый дебютъ артиста московскихъ театровъ, г-на Самарина, въ роли Чацкаго.

Г-нъ Самаринъ, молодой артистъ съ замѣчательнымъ дарованіемъ, справедливо оцѣненнымъ въ Москвѣ, началъ свое поприще на новой сценѣ смѣло и, не обинуясь скажемъ, началъ прекрасно.—Смѣло, говоримъ мы, ибо явиться въ роли Чацкаго, послѣ В. А. Каратыгина и г. Макеемова передъ петербургской публикой, которая привыкла къ игрѣ этихъ артистовъ, любить ихъ и сроднилась съ образомъ Чацкаго именно въ ихъ лицѣ, это по-

казывает большую уверенность артиста въ самомъ-себѣ. Что онъ началъ свое поприще прекрасно — это подтвердила и публика, неоднократно и единодушными вызовами, послѣ актовъ и по окончаніи всей пьесы.

Да, г. Самаринъ проявлялъ и сыгралъ Чацкаго такъ, какъ ни одинъ изъ нашихъ артистовъ не понималъ и не игралъ его; въ укоръ имъ этого не ставимъ, ибо мало-ли споровъ о значеніи и характерѣ Чацкаго было и между критиками Грибоѣдова? (Можетъ-быть, даже самые эти критики и сбивали съ-толку артистовъ. Г. Самаринъ, какъ видно, самъ изучилъ роль свою, вникая въ каждое слово ея, подмѣчая каждую черту этого страннаго, по-видимому, характера, и потому сроднился, глубоко освоился съ нимъ.) Всѣ прежніе Чацкіе, сколько мы ихъ ни видали, съ перваго появленія своего на сцену, принимали видъ чуть не трагическихъ героевъ, ораторствовали и разглагольствовали со всею важностію проповѣдниковъ, забывая, что Чацкій прежде всего образованный человѣкъ, ни на шагъ неотступающій отъ свѣтскихъ приличій.)

Не таковъ былъ г. Самаринъ. Съ перваго шагу его на сцену, мы увидѣли въ немъ Чацкаго, какимъ онъ долженъ быть, просвѣщеннаго, умнаго, благороднаго свѣтскаго человѣка, который, обрадовавшись свиданію съ Софьей, послѣ долгой разлуки, не можетъ наговориться съ нею, —

Свиданьемъ съ вами оживленъ

И говорливъ, —

какъ онъ самъ выражается. Если въ словахъ его и проскакиваютъ эпиграммы, то это совѣмъ не слѣдствіе проици, жолчи, раздраженія, это слѣдствіе природной настроенности души — подмѣчать все смѣшное:

Мнѣ весело, когда смѣшныхъ встрѣчаю.

Чацкій въ первомъ актѣ совѣмъ не таковъ, каковъ въ послѣдующихъ: здѣсь онъ простодушно-насмѣшливъ, веселъ, оживленъ отрадною мыслию, что онъ наконецъ на родинѣ, въ Москвѣ, въ домѣ, о которомъ осталось въ душѣ его столько пріятныхъ воспоминаній юности; онъ еще не пришелъ въ столкновение съ этимъ обществомъ, съ которымъ въ-послѣдствіи долженъ ссориться на каждомъ шагу, при каждой встрѣчѣ, потому-что, будучи

выше его умомъ и сердцемъ, а между-тѣмъ, связанный съ нимъ рожденіемъ и воспитаніемъ, никакъ не можетъ переварить, такъ сказать, его мнѣній, привычекъ, обычаевъ.)

Г. Самаринъ въ первомъ актѣ былъ именно такимъ Чацкимъ — веселымъ, говорливымъ, простодушно-насмѣшливымъ. Игра его, его разговоръ были натуральны въ высшей степени, и это, по нашему мнѣнію, одно изъ главныхъ достоинствъ молодого артиста. Дай Богъ, чтобы онъ не утратилъ его на будущее время!

Замѣтимъ, что въ первомъ актѣ г. Самаринъ, вѣроятно, отъ весьма-естественной робости при первомъ появленіи передъ новой публикой, слишкомъ торопился, и потому нѣкоторые стихи были произнесены имъ безъ надлежащаго выраженія, или съ выраженіемъ неправильнымъ. При глубокомъ вниманіи, какого артистъ этотъ заслуживаетъ, мы замѣтили, на-примѣръ, неправильное удареніе въ стихѣ:

Однакожь искренно кто радуется такъ?

Удареніе, по нашему мнѣнію, должно быть на словѣ *искренно*, а не *радуется*, какъ сдѣлалъ г. Самаринъ. Еще неправильнѣе произнесены имъ стихи:

Мы съ вами уголокъ, и кажется, что въ этомъ?

Вы помните — вздрогнемъ, чуть скрипнетъ столикъ, дверь...

Г. Самаринъ при этихъ словахъ указалъ на уголокъ: *кажется, что въ этомъ уголокъ*; совсѣмъ нѣтъ; при такомъ способѣ чтенія стихи не получаютъ надлежащаго выраженія, и даже смысла. Отъ-чего Чацкій и Софья вздрагиваютъ, сидя въ этомъ уголокѣ? Чацкій хотѣлъ сказать: «Мы съ вами сидимъ въ уголокѣ, и кажется, что въ этомъ? (что мы сидимъ въ уголокѣ), а вздрогнемъ, чуть скрипнетъ столикъ, дверь». Эти слова намѣкаютъ на особенное взаимное чувство между Софьей и Чацкимъ, на то, что Софья любила Чацкаго, а любовь боится свидѣтелей.

Это замѣчанія мелочныя, но они доказываютъ, съ какимъ вниманіемъ слѣдили мы за игрой г-на Самарина.

Вторымъ и третьимъ актомъ, признаемся откровенно, мы были менѣе-довольны; правда, г. Самаринъ былъ постоянно-вѣренъ характеру Чацкаго, но торопливость много мѣшала ему, особенно въ монологахъ. Монологъ втораго акта: «А судьи кто?» не былъ одушевленъ ироніей въ надлежащей степени; монологъ третьяго

акта — «Въ той комнатѣ незначущая встрѣча», отъ начала до конца не выдержанъ: желая быть натуральнымъ, г. Самаринъ, по нашему мнѣнію, слишкомъ-перехитрилъ: онъ началъ говорить его спокойно, хладнокровно, между-тѣмъ, какъ этотъ монологъ служить отвѣтомъ на вопросъ Софьи: «Скажите, что васъ такъ гнѣвить?» Вообще, въ этомъ монологе не было одушевленія ровнаго, постоянно-возрастающаго; г. Самаринъ не увлекся волненіемъ души, но, говоря, въ тоже время и обдумывалъ, какъ произнести фразу, до такой степени обдумывалъ, что послѣ словъ:

Москва и Петербургъ во всей Россіи то,

Что человекъ изъ города....

онъ вдругъ остановился, какъ-бы принекивая, какого города употребить ему названіе, и потомъ съ особеннымъ удареніемъ прибавилъ: «Бордо», между-тѣмъ, какъ, въ самомъ началѣ монолога этотъ городъ имъ названъ:

Французикъ изъ Бордо, насаживая грудь, и проч.

За то въ четвертомъ актѣ г-нъ Самаринъ былъ превосходенъ: одушевленія, чувства, природы въ немъ было бездна. Послѣдній монологъ произвелъ всеобщій восторгъ въ зрителяхъ, которые, не дожидаясь даже окончанія пьесы — послѣднихъ непогихъ словъ Фамусова — единодушно вызвали молодаго артиста.

Итакъ поздравляемъ нашу сцену съ новымъ приобрѣтеніемъ, тѣмъ болѣе важнымъ, что г-нъ Самаринъ молодой человекъ съ огромнымъ дарованіемъ, что передъ нимъ лежитъ большая дорога, по которой онъ, при любви къ искусству, при желаніи совершенствоваться, можетъ пойти далеко, и очень-далеко.

О прочихъ артистахъ, участвовавшихъ въ «Горе отъ ума», говорить нечего: они все тѣже, что и прежде, и играли также, какъ и прежде. Не можемъ умолчать однако-жъ, что г-жа Самойлова 2-я замѣтно съ теченіемъ времени совершенствуется: лучше сыграть роль Софьи Павловны, по нашему мнѣнію, не возможно. Если позволено намъ желать чего, то мы желали-бы на будущее время въ роли Фамусова видѣть г-на Брянскаго, хотя и г-нъ Григорьевъ сыгралъ ее довольно-удовлетворительно.

Второй дебютъ г-на Самарина (21-го августа) былъ въ пьесахъ *Записки Демона* и *Симонъ Сиротинка*. На этотъ разъ въ немъ было болѣе увѣренности въ самомъ себѣ, и объ главныя роли въ

этих пьесахъ онъ сыгралъ прекрасно, съ простотою, естественностію, ловкостію и одушевленіемъ, за что и былъ награжденъ единодушными вызовами.

19-го апрѣля, въ первый разъ, *Дугласъ Черный*, оригинальная драма въ пяти дѣйствіяхъ.

До-сихъ-поръ мы говорили о новостяхъ, какія представило намъ собственно сценическое искусство въ нынѣшнемъ году, и эти новости одна другой утѣшительнѣе. Теперь дошелъ чередъ и до литературы сценической: она на первой случай даритъ насъ *Дугласомъ Чернымъ*, драмой, которой названіе для иныхъ, можетъ-быть, было очень-заманчиво, но для насъ, признаемся, ничего не обѣщало: мы не любимъ *оригинальныхъ драмъ русскихъ* изъ жизни испанской, итальянской, шотландской и другихъ народовъ; мы въ этомъ случаѣ раздѣляемъ мысли Софьи Павловны (изъ *Горе отъ ума*):

За-чѣмъ ума искать и ѣздить такъ далеко?

Но впрочемъ это только нашъ вкусъ; другіе могутъ думать иначе....

Что-же это за *Дугласъ Черный*? — Это величайшій злодѣй, извергъ, какого только вообразить себѣ можно: онъ не вѣрнитъ ни во что — ни въ дружбу, ни въ любовь, ни въ добродѣтель; онъ такъ разсвирѣпѣлъ на родъ человѣческій, что, подобно Перону, желалъ-бы, чтобы у всѣхъ людей была одна голова, которую можно было-бъ отсѣчь однимъ ударомъ. Что-же сдѣлалъ родъ человѣческій *Дугласу Черному*, который такъ его возненавидѣлъ? Изъ всего людскаго племени два человѣка передъ нимъ виноваты, любовница, которая хотѣла отравить его, и другъ, который его продалъ. Согласитесь, что послѣ этого

Есть отъ-чего въ отчаянье придти!

И дѣйствительно, *Дугласъ* приходитъ въ отчаяніе, рветъ и мечетъ, кричитъ и бѣснуется. Является къ нему оруженосецъ его *Гарольдъ* и проситъ, чтобы онъ отпустилъ его въ другую землю. — За-чѣмъ? спрашиваетъ *Дугласъ*. — Умереть, отвѣчаетъ *Гарольдъ*, безнадежно влюбленный въ прекрасную *Ильзу*, жена *Роберта Аргейя*, начальника небольшого клана (дѣйствіе происходитъ въ *Шотландіи*). — Глупецъ, говоритъ ему *Дугласъ*: неужели ты вѣришь въ добродѣтель женщины? Неужели не можешь ты побѣдить ее лстивыми словами, купить золотомъ? Возь-

ми золото и ступай къ своей Ильзѣ. — Гарольдъ колеблется. — Ну, такъ я куплю ее для другаго, говоритъ Дугласъ. — Гарольдъ рѣшается ѣхать къ ней, но съ тѣмъ только, — думаетъ онъ, — чтобы проститься съ нею на-вѣки.

Онъ уѣзжаетъ. Между-тѣмъ Вильемъ, племянникъ Дугласа, подъ видомъ дружбы, открываетъ спру Роберту Аргейлю, который въ это время находится при Дугласѣ, что Гарольдъ поѣхалъ къ женѣ его, въ которую онъ влюбленъ страстно. Какая цѣль была этого дружескаго доноса? Очень-простая: Вильемъ узналъ, что Гарольдъ—сынъ Дугласа, и что Дугласъ хочетъ сдѣлать его по смерти своимъ наслѣдникомъ; слѣдовъ. Вильемъ надѣялся черезъ погибель Гарольда завладѣть его наслѣдствомъ. Цѣль его отчасти достигнута. Гарольдъ отправился къ Ильзѣ, и пока онъ разсыпался передъ ней въ нѣжностяхъ, которыхъ она никакъ и понять не могла, не думая и не воображая никогда плѣнять Гарольда, вдругъ у воротъ замка раздался рогъ Роберта. — Это мужъ твой, говоритъ Гарольдъ: онъ убьетъ меня!... Но у меня есть ножъ!... Ильза бросается на него и, вырвавъ ножъ, *прячетъ его себѣ за поясъ*. Гарольдъ выпрыгиваетъ въ окно.

Входитъ Робертъ. Сцена нѣжнаго свиданія. Вдругъ Ильза вскрикиваетъ въ объятіяхъ Роберта: она порѣзалась ножомъ, который былъ у нея за поясомъ. Робертъ хватаетъ ножъ — и читаетъ на ручкѣ его имя Гарольда. Бѣшенство овладѣваетъ имъ до такой степени, что онъ, несколько не обращая вниманія на то, что жена его порѣзалась, призываетъ своихъ служителей и велитъ выгнать ее вонъ изъ замка, въ бурную ужасную ночь, а самъ бѣжитъ въ погоню за Гарольдомъ.

Въ слѣдующемъ дѣйствіи Гарольда приносятъ мертваго къ Дугласу. Онъ, разорвавшій всѣ связи съ міромъ, никакъ не показывая виду, что его трогаетъ смерть сына, въ громкихъ фразахъ высказываетъ свою ненависть къ человѣческому роду. Вдругъ является Робертъ Аргейль, и бросаетъ ему перчатку, вызывая на судъ Божій за то, что онъ послалъ Гарольда обезчестить жену его. Дугласъ отвергаетъ поединокъ, и велитъ посадить Роберта въ темницу, какъ преступника, какъ убійцу, который долженъ быть казненъ смертію. Приказаніе его исполнено.

Вдругъ является къ нему Ильза и умоляетъ пощадить ея мужа. Дугласъ звѣрски смѣется надъ ея мольбами, терзаніями, слезами. Ильза предлагаетъ наконецъ свою жизнь за жизнь мужа: она готова умереть, только-бы Робертъ остался живъ. Дугласъ соглашается на такое условіе, прямо говоря, что это хитрость, коме-

дія, которую хотять сыграть съ нимъ, чтобы его разжалобить. — Посмотрите, говорятъ онъ окружающимъ его рыцарямъ, какъ въ минуту казни она будетъ умолять меня, чтобы я казнилъ мужа, а не ея!

Наступаетъ послѣдній часъ. Ильзѣ позволяютъ проститься съ мужемъ въ темницѣ. Робертъ отвергаетъ ее и въ ярости даже хочетъ задушить; наконецъ, тронутый ея мольбами, говоритъ ей прости. Что-бы ужъ тутъ кстати и объясниться имъ между собою — но нѣтъ! Ильзу уводитъ тюремщикъ изъ темницы, и тогда только Робертъ догадывается, въ чемъ дѣло. Онъ приходитъ въ отчаяніе, стучитъ въ двери тюрьмы, хочетъ выломать ихъ — но уже поздно.

Ильзу приводятъ на мѣсто казни: передъ ней плаха и палачъ съ сѣкирой... А между тѣмъ весьма благоухаетъ въ воздухѣ... Миръ такъ прекрасенъ... Все въ немъ дышетъ радостію... Все въ немъ полно жизни... Для Ильзы нѣтъ радости, нѣтъ жизни: ее ждетъ смерть, — вотъ она передъ глазами — и Ильза непоколебима. Сколько Дугласъ ни уговариваетъ ее отказаться отъ ея намѣренія, — она не хочетъ ничего слушать. Наконецъ ей напоминаютъ о ея малолѣтнемъ сынѣ, посылаютъ за нимъ, — Ильза въ отчаяніи бросается на плаху и падаетъ на ней безъ чувствъ...

Такое самоотверженіе глубоко трогаетъ закоснѣлую душу Дугласа: онъ велитъ спячь Ильзу съ плахи, — онъ даруетъ прощеніе ей и мужу ея, — но поздно, — Ильза мертва. Дугласъ въ отчаяніи... Онъ велитъ привести изъ темницы Роберта, — вмѣстѣ рыдаютъ они надъ бездыханной Ильзой, — Ильза не просыпается. Дугласъ въ отчаяніи, хочетъ заколоть себя, — вдругъ является старый бардъ: — Живи, говоритъ онъ ему, и вѣрь въ добродѣтель: Ильза жива!...

Дѣйствительно, Ильза открываетъ глаза, приходитъ въ чувство, — всеобщій восторгъ... Занавѣсъ падаетъ.

Таково содержаніе драмы, очень затѣливой, растянутой, но нелишенной занимательности и нѣкоторыхъ сценическихъ достоинствъ. Видно, что это произведеніе молодаго человѣка, еще мало знакомаго съ сценой, но человѣка не безъ дарованія. Молодость автора выказывается именно въ многословіи, или, лучше сказать, въ *многосфразіи*: поменьше фразъ, побольше дѣйствія, и пьеса много-бы выиграла.

Нѣкоторая часть публики вызывала автора, но онъ, по скромности, вѣроятно, не вышелъ.

Пьеса разыграна прекрасно. Лучшія роли принадлежатъ г-жѣ

Самойловой 2-й и г-нъ Каратыгину 1-му, Максимову и Самойлову. 24-го апрѣля, бенефисъ режиссёра Александринской группы г-на Куликова.

Говорятъ, что г-нъ Куликовъ мастеръ составлять афиши; не отвергаемъ этого, хотя знаемъ мастеровъ, которые, въ этомъ отношеніи, искуснѣе его; но г-нъ Куликовъ сверхъ-того мастеръ составлять и бенефисы такъ, что у него публика высиживаетъ отъ начала до конца спектакля съ величайшимъ удовольствіемъ, что мы на себѣ испытали; въ этомъ не можемъ не отдать ему полной справедливости.

Бенефисъ начался драмою *Евгеній Онегинъ*, (въ трехъ дѣйствіяхъ и четырехъ картинахъ), передѣланной изъ поэмы Пушкина.

Можетъ-быть, многіе, по большей части привыкшіе всхлищаться въсѣмъ тѣмъ, что признано въ литературѣ прекраснымъ и образцовымъ, до того, чтобы считать всякое воспроизведеніе художественнаго созданія — нѣкотораго рода профанаціей, можетъ-быть, многіе, говорю я, съ негодованіемъ увидѣли на афишѣ бенефиса г. Куликова, передѣлку романа великаго русскаго поэта. Они правы съ одной стороны, если хотите, эти отчаянные дилеттанты литературы, но они не правы съ другой: дѣйствительно, покойный поэтъ избралъ форму эпическую для передачи своего идеала, потому, что идеалъ этотъ могъ быть выраженъ эпически, и только эпически. Но всякое созданіе, первоначально назначенное только для избранныхъ сыновъ эпохи, мало по-малу переходитъ и должно переходить въ достояніе толпы, массы, въ собственность народа. И потому дилеттанты правы только въ отношеніи къ искусству, но въ высокой степени неправы въ отношеніи къ толпѣ. Мы, напротивъ, съ радостію встрѣтили эту попытку приблизить къ понятіямъ толпы идеалъ, смутно тревожившій цѣлую эпоху; мы душевно благодаримъ автора передѣлки за самую мысль эту, и положили руку на сердце, скажемъ, что въ цѣломъ остались довольны ея исполненіемъ.

Повторяемъ опять, ни въ поэмѣ Пушкина, ни въ піесѣ цѣтъ ничего драматическаго, ибо самый образъ Онегина принадлежитъ къ числу тѣхъ лицъ безъ личности, которые носятъ въ себѣ задачу цѣлой эпохи, а не задачу собственнаго бытія. Онегинъ поэмы Пушкина есть лицо отвлеченное. Онегинъ въ жизни дѣйствительной былъ-бы, вѣроятно, сляніемъ Онегина и Ленскаго, былъ-бы тѣмъ, чѣмъ былъ самъ поэтъ. Но тѣмъ не менѣе, хорошо, если масса наша хотя въ-половину, хотя въ-четверть приблизится къ разумнѣю этого общаго типа; намъ невольно при-

ходила мысль, что точно тоже должно быть сделано и с другим, еще болѣе близкимъ намъ типомъ, сь Печорнымъ.

Но, не-смотря на удовольствіе, доставленное намъ передѣлкою, не можемъ удержаться отъ нѣсколькихъ замѣчаній, внушенныхъ намъ глубокимъ уваженіемъ къ прекрасному созданію Пушкина. Нѣкоторыя мѣста передѣлки доказываютъ, что ея авторъ или не совсѣмъ понялъ основную идею характера Онегина, или — что еще хуже, — хотѣлъ съузить широкіе размѣры Пушкинскаго идеала. Если такъ, то зачѣмъ это? Давайте Онегина такимъ, каковъ онъ есть, не-смотря на извѣстную степень грандіозности, и повѣрьте, что толпа пойметъ эти широкіе размѣры. Зачѣмъ, на-примѣръ, волокитство Онегина за Ольгою, эта минутная, эгоистическая вспышка чело-вѣка сь огромною душевною пустотою? зачѣмъ, говоримъ мы, эта вспышка представлена какимъ-то подвигомъ дружбы, желаніемъ разубѣдить Ленскаго?... Зачѣмъ въ уста Онегина вложенъ лирическій монологъ надъ убитымъ Ленскимъ, или если уже некому было, кромѣ Онегина, сказать этотъ монологъ, зачѣмъ онъ не сказанъ весь, сь его грустнымъ скептицизмомъ, сь словами:

А можетъ быть и тѣ, — поэта
Обыкновенный ждалъ удѣлъ.

Вѣдь безъ этого грустно-разлюбѣждающаго скептицизма, Ленскій, пожалуй, покажется массѣ высшей натурой, — тогда какъ онъ потому только и прекрасенъ, что погибъ рано, и погибъ отъ столкновенія сь высшей натурой Онегина. Не говоримъ ничего о неестественности этого монолога въ минуту убійства; — мы извинили-бы ее, если-бы она оправдывалась эффектомъ Отъ-чего лучше не заставить было Онегина вспоминать о юномъ поэтѣ, хоть пожалуй на балу у графини Онинной?... Зачѣмъ, далѣе, заставлять Татьяну признаваться или почти признаваться передъ мужемъ, и просить его увезти ее изъ Петербурга, когда поэтъ даже не намекнулъ на это? Нѣтъ, не такова Татьяна Пушкина, не таковъ и мужъ ея... отношенія между ними холодны, принужденны, свѣтски. Зачѣмъ наконецъ заставлять Онегина перерывать — стихами, принадлежащими *не Пушкину* — дивно-прекрасную, лирически нераздѣльную исповѣдь Татьяны?

Но не-смотря на все это, благодарность автору передѣлки, —

хотя благодарность наша была-бы полна, если-бы онъ болѣе скрылъ самого-себя и вѣрнѣе, объективнѣе передалъ поэта.

Драма была разыграна очень-хорошо, съ рѣдкимъ ансамблемъ, но пальма первенства въ ней принадлежитъ г-жѣ Самойловой 2-й. Мы искренно радуемся за развитіе ея таланта, глубоко сочувствуемъ ея таланту, и смѣло скажемъ теперь, что имѣемъ въ ней истинную драматическую артистку. Она была вполнѣ Татьяна поэта, мечтательно-простодушная въ первыхъ сценахъ и въ сценѣ съ нянею, болѣзненно-грустная во время проповѣди Евгенія, — гордая, спокойная при встрѣчѣ съ нимъ на балу, — снова прежняя Таня, бѣдная Таня, при чтеніи его письма, и наконецъ, то сухо-насмѣшливая, то нѣжная и вновь мечтательная, то холодная, то страстная, въ своемъ послѣднемъ монологѣ. Какъ мило-неохотно и вмѣстѣ покорно-робко оперлась она на руку Евгенія, послѣ его проповѣди, и пошла, повикнувъ грустно головкой; какимъ крещенскимъ холодомъ дышала ея свободная, небрежная, аристократическая поза при представленіи ей Онягина ея мужемъ; — какъ равнодушно были сказаны слова: «Вы не изъ нашихъ-ли сторонъ?»... И потомъ, потомъ, какъ поэтически-грустна и женственна была она, читая письмо Онягина; какъ умѣла она придать колоритъ страсти и приличности, выраженію не совсѣмъ приличному, приданному авторомъ передѣлки Пушкинской Татьянѣ, («Чтобъ онъ меня поцѣловалъ»!!!) Съ какимъ грустнымъ abandon смотрѣла она на больного, упавшаго у ногъ ея Онягина — и какъ величаво встала она, и какою злою насмѣшливостью дышали ея слова:

Вася

Я не вино: въ тотъ страшный часъ

Вы поступили благородно.

Да, артистка глубоко поняла Татьяну поэта, поняла въ ея характерѣ даже слегка только обозначенное поэтомъ, и за очаровательное созданіе этой роли стѣдила-бы цвѣтовъ, вѣкогда такъ щедро разсыпаемыхъ нашею публикою.

Отставной театральнѣй музыкантъ и килгилл, оригинальная драма въ двухъ дѣйствіяхъ.

Мы не любимъ почему-то оригинальныхъ драмъ, но были чрезвычайно-пріятно изумлены этой маленькой драмкой. Съ самыхъ первыхъ ея сценъ, съ подробностей домашней жизни бѣднаго петербургскаго люда, мы съ радостью замѣтили благодѣ-

тельное вліяніе такъ-называемой *натуральной школы*, школы нашего великаго Гоголя. Слава Богу! Это не изображеніе итальянскихъ страстей въ вычурныхъ и дикихъ фразахъ, не сборъ несообразностей, одна другой пошлѣе, претензій, одна другой отвратительнѣе. Нѣтъ, это было очень-просто, очень-тихо, очень-человѣчественно, хотя отчасти и напоминало своей идеею добрые старые романы Августа Лафонтена. Одно только,—зачѣмъ авторъ не остановился на этихъ простыхъ, коротко ему знакомыхъ слояхъ жизни, зачѣмъ онъ сдѣлалъ свою героиню княгиней? Чтѣ за страсть выставлять вѣчно салоны, не умѣя сохранить порядочности тона? Характеръ графа Нерадова, на-примѣръ, пахнетъ такъ сильно Хлестаковымъ; слова княгини Севельской, о томъ, что ея обожатель носитъ дурныя перчатки, отзываются не свѣтскостью, а претензією на свѣтскость. Но если авторъ не слишкомъ хорошо знаетъ общество, которое берется описывать, въ замѣну этого, онъ довольно-хорошо знаетъ тѣ отклоненія отъ общечеловѣческихъ чувствованій, которыя невольны въ челоуѣкѣ, принадлежащемъ къ извѣстной сферѣ общества. Его княгиня, убѣжденная, что старикъ музыкантъ — отецъ ея, не *вдругъ* рѣшается признать его отцомъ, и только потому уже природа беретъ свое право надъ нею, и эта черта дѣлаетъ честь автору.

Г-жа Самойлова 2-я опять была очаровательно-мила, какъ женщина, обаятельна, какъ свѣтская дама въ своей маленькой роли. Какую смѣсь простодушія и ума сообщила она словамъ: «Скажите, отъ-чего это я, выходя во второй разъ замужъ, до-сихъ-поръ еще никого на свѣтѣ не любила?» въ разговорѣ съ женихомъ — и какъ трогательно-истинна была она, покоряясь наконецъ святому чувству любви къ отцу. Да! послѣ созданія ею *Ссфы* въ «Горе отъ ума», *Татьяны* въ «Евгеніи Онѣгинѣ» и *княгини Севельской* въ этой маленькой драмѣ, мы смѣло можемъ сказать, что въ нашей молодой артисткѣ таится своя Плессей, и думаемъ, что не увлекаемся въ этомъ случаѣ, что придетъ время, когда слова наши оправдаются въ полной мѣрѣ. Говоримъ это смѣло, ибо увѣрены, что дань нашего глубокаго уваженія и сочувствія къ таланту артистки не повредитъ ей въ ея развитіи.

Г-нъ *Самойловъ* — былъ превосходенъ въ роли стараго музыканта, естественъ и часто глубокъ до трагическаго паюоса.

Г-нъ *Самаринъ*, въ роли молодаго челоуѣка, убѣдилъ насъ еще болѣе въ тѣхъ надеждахъ, которыя уже исполняетъ его блистательный талантъ. Столько истины, столько порывовъ и душев-

ной теплоты въ его игрѣ — и ко всему этому присоединяется утѣшительная мысль, что онъ молодъ, что любовь къ искусству можетъ вести его все выше и выше.

Г-жа Гусева и г-нъ Максимовъ были очень-хороши въ своихъ роляхъ.

Мыльные пузыри, шутка въ одномъ дѣйстви.

Il n'ya rien de tel que l'arpropos, и авторъ милой шутки глубоко постигъ эту великую истину; онъ разсыпалъ по канвѣ легкой, непринужденной интрижки много остроумія, много изящной и безпритязательной злости (какъ на-примѣръ, сцена съ дѣтьми, которыхъ бранить за пусканье пузырей папенька, самъ приходящій въ восторгъ отъ новаго роду пузырей съ дымомъ). Ума и изящества въ этой шуткѣ бездна; жолчныхъ, косвенныхъ остротъ (какъ на-примѣръ о литературныхъ шайкахъ) тоже. Разыграна шутка чудесно-хорошо.

Артисты между собою — премиленькій и преумный дивертисманъ, гдѣ г-нъ Брянскій прочелъ начало «Мѣднаго всадника» Пушкина, и прочелъ прекрасно, хотя мы не совсѣмъ удовлетворены были его чтеніемъ, и желали бы лучше слышать эти мѣдно-литые стихи изъ устъ г. Каратыгина 1-го.

Г-жа Самойлова 1-я, произведшая въ *Ольгинѣ* заслуженный *fu-tore* русскою пѣснюю и костюмомъ русской сельской дѣвушки, который такъ шелъ къ ней, — и въ дивертисманѣ превосходно, съ цыганскою почти страстію, спѣла дивную пѣсню Земфры. Потомъ плясали по-русски г. Гольцъ и г-жа Дюръ; танцы собственно не принадлежать къ нашему вѣдомству, но пляска г-на Гольца имѣетъ много смысла, много русской бойкости и — да простятъ намъ выраженіе — много русскаго юмора. Оконченъ спектакль, естественно, полькой.

Мы вышли изъ театра съ отраднымъ чувствомъ; мы душевно благодарили и дирекцію, за прекрасную монтировку всѣхъ піесъ, и г-на Куликова, за удачный ихъ выборъ. Это былъ истинно бенефисъ режиссёра труппы, и мы желали-бы, чтобы и въ другихъ спектакляхъ столько-же проглядывало его участие.

II.

МИХАЙЛОВСКИЙ ТЕАТРЪ.

а) Нѣмецкіе спектакли.

Abendunterhaltung'и — г-на Гемузеуса — г-на Горнике — г-жи Ваксъ.

Начинаемъ нашу «Летопись» Михайловскаго театра съ нѣмецкихъ спектаклей потому, что ими театръ открылся, въ понедѣльникъ на Святой Недѣлѣ, 8-го апрѣля. Съ давнихъ временъ уже ведется, что первые вечера на Святой-Недѣлѣ на Михайловскомъ театрѣ посвящаются такъ-называемымъ Abendunterhaltungen (Soirées amusantes), спектаклямъ разнообразнымъ, состоящимъ изъ цѣлыхъ комедій или водевилей, отрывковъ и даже музыкальныхъ пьесъ. Эти спектакли, сколько мы запомнить можемъ, всегда открываетъ г-нъ Гемузеусъ, режиссеръ нѣмецкой труппы. Для нынѣшняго своего Abendunterhaltung'a г-нъ Гемузеусъ выбралъ: 1) Die Vice-Uniform, водевилъ г-на Каратыгина 2-го, передѣланный г-мъ Моромъ; 2) Der Obrist von 18 Jahren — (18-ти лѣтній полковникъ) — пьесу, тоже давно извѣстную на русской сценѣ. Оба водевили были разыграны очень-мило; въ первомъ изъ нихъ въ особенности хорошъ былъ г-нъ Моръ; 3) Сцена изъ *Дювы Орлеанской*, которую прочла г-жа Ферзингъ съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой — и только; 4) Die weibliche Schildwache (Женскій щитъ) оперетта, довольно-плохая и скучная.

9-го апрѣля, *вечеръ* г-на Горнике: Verheirathet und nicht verheirathet, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, очень-забавная, передѣланная изъ извѣстной повѣсти Сулье: Une maison de campagne à vendre; *Bär und pascha*, старинный, но тѣмъ не менѣе очень-милый водевилъ, (*Медвѣдь и Паша*) а старый другъ, какъ вы знаете, лучше новыхъ двухъ.

10-го апрѣля, *вечеръ* г-жи Ваксъ: Der Zerrissene, oder der Sturz von Balkon — шутка въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. Нестроя — такое-же сочиненіе, какъ наши комедіи и водевили, передѣланные на *русскіе нравы* съ французскаго. Въ подлинникѣ *шутка* эта называется L'homme blasé, и давно извѣстна посѣгителямъ французскаго театра. Пьеса эта въ передѣлкѣ показалась намъ очень-

скучною, не смотря на прекрасную игру г-жи Граффъ и г-дъ Голландъ и Мора. — Strauss und Lanner, довольно-забавная и поучительная пьеска, которую совѣтуемъ мы, ради ея моральной цѣли, нашимъ переводчикамъ перевести или, пожалуй, передѣлать на русскіе нравы и назвать: *Вотъ до чего доводятъ танцы!*

б) Французскіе спектакли.

ОТКРЫТИЕ СПЕКТАКЛЕЙ. — LE TUTEUR DE VINGT ANS. — LE MAJOR CRAVACHON. — БЕНЕФИСЪ Г-НА ВЕРНЕ: UN PROCÈS CRIMINEL — RICHE D'AMOUR — SUR LES TOITS. —

Французскіе спектакли открылись на Святой Недѣль, 11-го апрѣля, комедіями *Le verre d'eau* и *Le jeu de l'amour et du hasard*, въ которыхъ г-жа Плессе, по-прежнему, была неподражаема.

Въ субботу, 13-го апрѣля, данъ былъ въ первый разъ водевилъ въ 2-хъ дѣйствіяхъ: *Le tuteur de vingt ans*. Жили два закадычные пріятеля — одинъ въ Парижѣ, другой въ Вестъ-Индіи; судьбѣ угодно было, чтобы они умерли почти въ одно время. У вестъ-индекаго пріятеля была дочка, маленькая *Titine*, (la petite Titine) какъ онъ называлъ ее; у парижскаго пріятеля былъ братъ — 20-ти-лѣтній повѣса. Вестъ-индскій пріятель, умирая, завѣщалъ опекунство надъ своей дочерью парижскому пріятелю, въ письмѣ къ которому онъ пишетъ, что его маленькая *Титина* приѣдетъ къ нему съ *кормилицею*; но письмо уже не застало парижскаго пріятеля въ живыхъ, и попало въ руки его брата — молодого повѣсы; тотъ, въ ожиданіи *маленькой Титины* съ *кормилицею*, купилъ ей множество игрушекъ; но каково-же было его удивленіе, когда къ нему явилась взрослая, очаровательная дѣвушка, преумная и пребойкая, которая при отцѣ своемъ управляла комерческими дѣлами и расправлялась съ неграми. Разумѣется, опекуну такому съ такой питомицею жить въ одномъ домѣ неприлично, и потому онъ помѣстилъ ее у своей тетки; но питомица такъ хорошо умѣла повести дѣла, что вскорѣ прибрала въ руки опекуна, привела въ порядокъ дѣла его, выплатила долги молодого повѣсы, избавила его отъ разныхъ глупостей — и вышла наконецъ за него за-мужъ.

Пьеска презабавная, и премило-разыгранная. Г-жа Мейеръ очаровательна въ роли питомицы.

14-го апрѣля *Le Major Cravachon*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, въ которомъ г-жа Эстеръ является въ гусарскомъ мундирѣ. Этотъ маіоръ Кравашонъ, комендантъ Сомюрской крѣпости, въ которой содержатся политическіе преступники, хочетъ выдать дочь свою Олимпию за-мужъ непременно за какого-нибудь отчаяннаго рубаку, какъ самъ онъ; на долю ея и дѣйствительно выпадаетъ такой женихъ, по имени Дервьеръ, который даже дерется на дуэли съ будущимъ своимъ тестемъ; но какъ эта дуэль происходила въ темнотѣ, то маіоръ не замѣтилъ лица его, а молодой человѣкъ, не зная, какихъ качествъ требуетъ маіоръ отъ будущаго мужа своей дочери, думаетъ угодить ему смиреніемъ и дѣвической кротостію. Разумѣется, это бѣситъ маіора, который ни за что не отдаетъ дочь свою за такого смиренника.

Между-тѣмъ въ крѣпость къ маіору Кравашону является отчаянный гусаръ, красавчикъ собой, ловкой, молодецъ молодецъ и притомъ страшный дуэлистъ. Кравашонъ отъ него въ восторгѣ и готовъ отдать ему дочь свою съ руками и ногами. Да только тутъ встрѣтилось маленькое затрудненіе: оказалось, что этотъ гусаръ — переодѣтая женщина, подруга Олимпіи, Амалія, которая рѣшилась на такое превращеніе для того, чтобы освободить изъ Сомюрской крѣпости своего мужа, посаженнаго за какія-то политическія преступленія. Водевиль оканчивается свадьбой Олимпіи съ Дервьеромъ.

Піеса разыграна хорошо. Г-жа Эстеръ, разумѣется, плѣняетъ своимъ гусарскимъ мундиромъ.

23-го апрѣля, въ бенефисъ г-на Вернѣ, любимаго комика французской труппы, дана была комедія *Un procès Criminel*, возобновленная на нашей сценѣ для г-жи Плесси, которая въ роли Клары удивительна.

Riche d'amour — презабавный фарсъ, безъ связи, безъ сюжета, — по чтѣ до этого за дѣло? Вернѣ въ немъ уморителенъ, и публика хохотала съ начала до конца.

Sur les toits — тоже фарсъ, и довольно-забавный, прекрасно разыгранный г-ми Ружи и Готи (*).

(*) 30-го апрѣля данъ былъ бенефисъ г-жи Эстеръ. О немъ въ слѣдующей книжкѣ.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ТАГАНРОГСКОМЪ ТЕАТРѢ.

(Василію Павловичу Кушчу).

Увлеченный водоворотомъ тифлисской жизни, я совѣмъ было забылъ о минувшемъ жить-бытьѣ своемъ въ нашемъ скромномъ Таганрогѣ, о его удовольствіяхъ, о нашихъ прогулкахъ въ саду, о театрѣ, даже и объ артистахъ вашихъ, съ ихъ интригами и партіями... Меня занимало здѣсь другое: другая природа, другая жизнь, другіе люди...

По обыкновенію, въ одинъ прекрасный вечеръ, лежа на диванѣ, перелистывалъ я первую книжку «Репертуара и Пантеона» нынѣшняго года... Вотъ моя статейка о значеніи театра въ Тифлисѣ, — вотъ еще что-то, — вотъ... Что это? — Кушчъ! Вы, Василій Павловичъ!!

Здравствуйте-же, мой добрый Василій Павловичъ! *Рогоръ мши-добитъ брдаздебитъ, чело батонò?*

— Читаю.... Читаю....

Я знаю васъ, и еще лучше васъ, знаю вашъ слогъ: какъ все гладко, мило, — мѣстами наивно, мѣстами *льстиво* и *неправедно*, — особенно, гдѣ дѣло идетъ о прекрасномъ полѣ.... Да, любезнѣйшій Василій Павловичъ! Согласитесь, что, прочитавши статью вашу, нельзя будетъ сказать о васъ — «въ Кушчѣ лъсти нѣсть».

Но, спасибо вамъ! Вы капомнили мнѣ многое, многое. Хотите ли сами вспомнить наше давно-минувшее, чтобы такимъ образомъ настоящее ваше приняло для васъ самихъ болѣе-прозаическій, но за тò болѣе-существенный, болѣе-правдивый видъ?

Я знаю васъ: вы безусловно согласитесь вспоминать прошлое, и я начинаю.

I.

Осень 1844 года. Въ Таганрогѣ страшное движеніе. Только и слышались фразы съ глаголомъ *быть* въ разныхъ наклоненіяхъ и, постоянно, въ будущемъ времени...

— Будете? — Были-бы, да опоздали! — Не будете? — Нѣтъ, заплатили вдвое, и будемъ — Очень-интересно быть. — Буду, буду, досталь таки!

— Гдѣ? — Въ театрѣ.

— Отъ-чего-же такая суматоха? Что даютъ?

Гм! даютъ... съ позволенія сказать — Русалку, дѣпровскую Русалку, то-есть, съ превращеніями, полетами, хорами и проч. и проч. — Цѣна увеличена въ полтора раза. На афишкѣ замѣчено, что постановка пьесы этой обошлась дирекціи — не помню положительно, но кажется — 500 р. ассигнаціями... Какъ-же прикажете послѣ этого быть равнодушнымъ!

Представленіе идетъ нѣсколько разъ сряду, и въ-счетъ, и не въ-счетъ абонементъ... Фуроръ, хлопанье, забвеніе — разумъ-есть: «само»....

Помните вы это, Василій Павловичъ? Не забудьте-же кстати вспомнить и того, что «Русалка» — опера, и что таганрогская труппа, даже въ то блаженное время, когда она была въ полномъ составѣ своемъ, — не отличалась нѣвучестью своихъ сюжетовъ....

Вспомните, какъ чудно переливались голоса Чернявскаго и Маркса въ знаменитыхъ нумерахъ *таккато*: «Гооо-го, гооо-го, гооо-го, гооо-го, гооо-го.... Ктооо ми-лууу-ю жеее ну нааай-детъ»....

Вспомните, какъ публика, не дождавшіея поры-времени, въ въ экстазѣ, стала вызывать по тифлисскому обыкновенію NB — *всѣхъ*, и имѣла удовольствіе увидать Чернявскаго — Тарабара, въ круговращательномъ движеніи — между небомъ и землею (т. е. потолкомъ и поломъ), верхомъ на дѣтской лошади, исправлявшей на тотъ разъ должность *грифа*; вспомните его уморительныя гримасы, его барахтанье... Вспомните, какъ по этому казусному случаю раздѣлились голоса публики, одни говорили, просто: — «Молодецъ Чернявскій! выкинулъ славную штуку!» Другіе, напротивъ: «Бѣдный Чернявскій! экъ его вертитъ!» Третьи-же кричали: «bravo! bravo! kalà! kalà!»

II.

Помните этого чудака-аматѣра, который написалъ нѣсколько рецензій на игру таганрогскихъ актеровъ? — У меня сохранилось два-три листка; хотите, прочитаемъ?

Но, здѣсь кстати поклониться Р. — ву, который передавалъ эти

критическія замѣчанія актерамъ вашимъ; не знаю, какое имѣли вліяніе эти замѣтки на господъ артистовъ... Жаль, если никакого; помню, однако-жъ, что дирекція, въ мое время, отказала *Лебедеву* послѣ перваго дебюта.

III.

А Бабаини! — Помните его въ роли *Кина*, когда онъ, прижмурившись, закрывши нижнюю челюсть лѣвою рукою, правою — кулакомъ — бьетъ себя въ лобъ, и чрезвычайно-патетически выговариваетъ: «Ступай, водовозная кляча!...» Тогда онъ былъ чудно-хорошъ! — А въ «Горе отъ ума», когда онъ съ такимъ же жаромъ обращается къ Софѣ Павловнѣ: «Но, кто-же радуется этакъ?» — или, вспоминая прошлое, кричить:

Здѣсь и тамъ!

По стульямъ прыгаи, столамъ!»

Особенно-замѣчательно въ его декламации то, что онъ тщился какъ можно выразительнѣе произносить слова, имѣющія мѣньшее значеніе, на-счетъ тѣхъ, около которыхъ вертится смыслъ, на-примѣръ «по стульямъ» и «столамъ», онъ тянулъ, тянулъ...

А его указательный переть, которымъ онъ дѣлалъ такъ много чудесъ, изъ желанія подражать какой-то сценической знаменитости! А эти «гммм...» съ закрытіемъ глазъ и вытянутіемъ фи-зіономіи?

Но, онъ оставилъ *ваше обширное зданіе*, т. е. театръ вашъ, и теперь свирѣпствуетъ, какъ слышно, въ Харьковѣ.

IV.

Спасибо вамъ за то, что похвалили старика Петровскаго: добрый человекъ онъ и душою привязанъ къ театру. Любопытности знать подробности его сценической жизни. Помню, въ 1833-мъ году онъ былъ также старъ и также искусенъ, какъ и въ прошломъ году. Особенно-хорошъ Петровскій въ роли слѣпаго старика; помните: «Глаза мои ужѣ слабабыы...» Непонятно, за-чѣмъ онъ нѣкоторыя слова *поетъ*?.....

V.

Качевская — актриса старой французской школы: она тоже поетъ, или декламируетъ, что все одно; но вообще она теперь у васъ, въ Таганрогѣ, самая лучшая тиранка (специально говоря) и актриса (въ генеральномъ смыслѣ).

VI.

Качевской — актеръ бравый. Онъ неподрываетъ въ роляхъ старыхъ солдатъ. Помните его «бррр.... Ваше благородіе!»

VII.

Розанова — такъ-себѣ; можетъ-быть, изъ нея и выйдетъ что-нибудь со-временемъ; а пока... Вы много, черезъ-чуръ польстили ей, Василій Павловичъ.

VIII.

Дорошенко могъ спорить даже и съ нашимъ Маркеомъ въ водевильныхъ роляхъ, и во многихъ игралъ лучше его: этому причина та, что Марксъ замѣтно подражаетъ Живокини, а Дорошенко — оригиналенъ.

Я живо помню его прекрасную, и благородную, оживленную игру; жаль только, что онъ позволяетъ себѣ иногда *фарсить* и *вольничать*.... да и то сказать: этого требуетъ духъ нашихъ водевилей!

IX.

Дорошенкова — порядочная актриса въ водевиляхъ; въ мало-російскихъ пьесахъ — артистка, въ самомъ высокомъ значеніи этого слова....

Помню, въ 1840 г. я былъ въ Ростовѣ, на ярмаркѣ; тамъ Таганрогская труппа давала свои представленія, къ полному удовольствію пріѣзжей и туземной публики. — Объявленъ «Москаль-Чаривникъ». — Иду въ театръ.

Напомню вамъ три обстоятельства: а) я тогда былъ студентомъ; б) я тогда всею душою предавался малороссійской письменности, и всѣми силами изучалъ быть Малороссіяня, с) я видѣлъ, «Москаля» много разъ въ Харьковѣ. . . . .

Хорошо играла Дорошенкова! Чудно играла она роль Малороссіянки, обиженной волокитствомъ *Приндика*, подъячаго..... Вотъ она подбѣгаетъ къ нему, грозитъ ему кулакомъ, засучиваетъ рукава, насмѣшливо смотритъ ему прямо въ глаза — и голосъ ея выражаетъ и угрозу, и насмѣшку, и еще что-то такое, чего нельзя передать словомъ, но что понимаетъ душа... Она была тогда совершенствомъ, типомъ казачки, задѣтой за живое... Невыразимо-хорошо!!!

Піеса кончена. Я вызываю Дорошенкову, не замѣчая, что театръ уже опустѣлъ: — кричу, стучу, — и добился таки своего. Дорошенкова вышла, я одинъ аплодировалъ ей: не знаю, поняла ли она достоинство *такого* аплодисемента?....

X.

Лебедевъ — изъ рукъ вонъ, ниже всякой посредственности, не годится даже въ балаганъ, гдѣ требуется, чтобъ комедіантъ хоть смѣшилъ публику.

XI.

Чернявскій годится въ балаганъ: онъ смѣшитъ *почтеннѣйшую*...

XII.

Тагаирская публика лишилась очень-хорошихъ актеровъ въ Марксовыхъ, Рязанцовъ и Дрейсигъ: послѣдній, какъ Дорошенкова, выше всякаго сравненія въ малороссійскихъ роляхъ; по въ водевилѣ.... сами знаете. Мѣсто Бабанина не осталось празднымъ: его занялъ достойный преемникъ — Лебедевъ....

XIII.

Кстати! дружка Лебедеву, по бездарности, Федоровъ, во-время оно занималъ тоже мѣсто въ вашей труппѣ. Въ томъ-же 1840

году, и тамъ-же въ Ростовѣ, я изумился при взглядѣ на афишку... Я зналъ Федорова еще въ Харьковѣ, гдѣ ему отказали; представьте-же теперь это знаменитое имя напечатанное огромными буквами въ ряду прочихъ дѣйствующихъ — кураивомъ (тамъ были и Марксы, и Качевскіе....), и на-концѣ, еще въ-другой-разъ: «Въ *Разбойникахъ* будетъ занимать роль *Франца Моора* извѣстный **Артистъ** **ФЕДОРОВЪ**.....»

А какъ онъ игралъ! Какъ не жалѣть ни кулаковъ, ни головы, ни горла, ни костюма!!! А это *вращаніе* глазъ! А эта сатирическая улыбка... Ужасъ!!!

XIV.

Вотъ рецензія вышеупомянутаго чудака актера (во II-й замѣткѣ) на первое представленіе «Молдавской цыганки»; кстати, объ этой пьесѣ упоминаете и вы. Выписываю все, отъ начала до конца.

«Цыганку Молдованскую
Сыграли намъ вчера,
По случаю по этому
Расширилась дыра,
Что на завѣсѣ сдѣлана —
На публику смотрѣть,
Когда изволить она
Стучать, кричать, ревѣть.

Кочевская Цыганки роль

Отлично поняла:

Вотъ дама — нечего сказать!

Ужъ правда, — всѣмъ взяла!

И ростъ, и очи, и уста,

И дикція притомъ...

Ну, просто—Боже упаси!

Въ театрѣ гвалтъ и громъ!

Какъ руки распростертыя

Держала вверхъ она

Надъ трупомъ Дорошенкинымъ —

Стройна, южна, блѣдна...

Какъ очи, звѣзды ясныя,

Сверкали молоньей,
Когда Катрицу бѣдную
Она влекла съ собой...

А Леонаки страшнаго
Представилъ Кочевской —
Высокій, звѣрскій, пламенный...
Ужъ подлинно — герой!
Его одежда черная,
И голосъ гробовой,
И чудное вращанье глазъ,
И мимика... Лихой!

Катрицы роль, не знаю — какъ
Розанова взяла,
И много южныхъ прелестей
У роли отняла:
Ну, что за Молдовапочка!
Худа, блѣдна... Ее-ей,
Розанову колбасницей
Я назвалъ-бы скорѣй!

Чернявскій — буффъ жида сыгралъ
И пошло и смѣшно;
А публика все хлопала —
И странно, и грѣшно!
Ну, что за вкусъ у публики?
Фарсёръ, — и, между-тѣмъ,
При дикціи Мстиславскаго
Партёръ и глухъ и-нѣмъ...

О, Дорошенко! Ты игралъ,
Какъ истинный талантъ;
Ты дивно роль свою понялъ;
Ты не былъ фигурантъ: —
Тотъ вычурно одѣнется,
Съ натяжкой говоритъ;
Ты просто слово вымолвишь, —
А сердце заболитъ...

Ты выше всѣхъ: мужайся-же,
Мужайся, мой герой!

Бабаниныхъ, Розановыхъ
 Я не сравню съ тобой:
 Бабанины, Розановы
 Куда какъ хороши!
 Ни дикціи, ни мимики,
 Ни чувства, ни души...

А этотъ... ахъ, какъ бишь его?
 Гонецъ... Гассанъ-ага?...
 Позвольте-ко, позвольте-ко...
 Какъ-бишь его?... Ага!
 Гусь—*Лебедевъ*... О, Муза! Стой!
 Не мнѣ *гусей* щипать!
 Тó дѣло повара; а я
 Скажу. . . . .»

Вмѣсто словъ «дама» и «странно», въ своемъ мѣстѣ подчеркнутыхъ, вы помните, стояли *другія слова*, болѣе приличныя...

Вотъ отрывокъ изъ разбора «Русалки» — тоже, взгляните выше, замѣтка 1-я.

«Русалку, пьесу старую,
 Поставили у насъ:
 Какъ это вамъ покажется?!
 А я скажу сейчасъ
 Про тотъ восторгъ убійственный
 Который овладѣлъ
 . . . . . Публикой
 Какъ *Тарабаръ* летѣлъ;
 Или, когда таинственно
 Русалка изъ воды
 Манила *Князя* въ свой чертогъ,
 Спасала отъ бѣды;
 Въ медвѣдя превращенному
 Чернявскому опять
 Дала фигуру прежнюю
 И шутовской нарядъ...
 Но гдѣ-же мнѣ рассказывать
 Продѣлки всѣ ея,
 И какъ-жѣ мнѣ описывать
 Русалку самое!..»

Русалочка — Розанова
 Куда как хороша!
 Такая, право, милочка!!
 Въ глазеночкахъ душа
 Прекрасная, чудесная,
 Прозрачна, какъ ручей,
 А таля, а пожечка —
Краса фигуры всей...
 Какъ ручку бѣлоснѣжную
 Она вверхъ подняла;
 Какъ звѣздочками — глазками
 Привѣтно повела;
 Какъ прелестью — улыбкою
 Очаровала всѣхъ....
 И есть-же вкусы: — *шикаютъ!*
Не хлопать — такъ ужъ грѣхъ!
 Сочувствіемъ къ прекрасному
 Богъ *душу* одарилъ;
 ..... однихъ безмысленныхъ
 Онь этого лишилъ:
 ..... за-наказаніе,
 Воротимъ ихъ свѣтки,
 И станемъ хлопать душенькѣ
 Отъ полноты руки:
 Не говорю — отъ полноты
 Души — душа въ раю,
 Когда она, чудесная,
 Играетъ роль свою....»

Вотъ еще панегирикъ *Розановой*, изъ разбора *Эсмеральды*:

«Она свѣтковъ не заслужила
 Игрою милою своею....
 Сама природа положила
 Печать прекрасную на ней:
 Всмотритесь — глазки, носикъ, плечи....
 Какъ это мило все!.... хоть ротъ
 Немножко подгулялъ; по рѣчи
 Какъ потекутъ, такъ что твой медь!
 Когда глазами тихо водить,
 Иль руки радугой советъ,
 Или, какъ бѣла-лебедь, ходитъ,

Или чувствительно поеть —
 Хотя раскрывает дурно ротъ,
 Но скажетъ *ахъ* — и сердце поеть!...

—

Скажите, Василій Павловичъ, мое душевное уваженіе Эпаминонду Осповичу Флуки: онъ, какъ директоръ вашего театра, сдѣлалъ много, — сдѣлалъ все, отъ него зависѣвшее, для вашей труппы въ-особенности, и для искусства вообще.

Прощайте!

АЛЕКСАНДРЪ КОРСУНОВЪ.

Тифлисъ, 25 февраля,
 1846 года.

ТИФЛИССКІЙ ТЕАТРЪ.

2 декабря. (Въ пользу г. Петрова). «Двумужница» и «Путешествующая актриса-танцовщица».

Двумужница. Въ роли купца Гаврилы Усова г. Александровъ былъ похожъ на какого-нибудь Гаврилу Нилыча, но не былъ похожъ на отца, у котораго разбойники два раза похищали дочь.

Груня — г-жа Петрова, солидная актриса, пріятна для глазъ, хорошо была одѣта по русски, что даже ей къ лицу; но игра ея вовсе не драматическая: она можетъ быть не дурна въ комедіяхъ и въ водевиляхъ, но не въ драмахъ.

Егоръ Башлыкъ — г. Петровъ рѣшительно былъ дурень, особенно въ послѣднемъ дѣйствіи: у него почему-то языкъ припалъ къ гортани!?

Иванушка — Рязанцевъ молодецъ-молодецъ: сколько въ немъ было проворства, ловкости, чисто-русской молодецкой хватки; только одно не ловко — голосъ сиповать, а то на его игру любо-дорого посмотреть.

Кузмининна, сваха — г-жа Надежина рождена быть свахою: ея дородность, смѣлая игра, манера, голосъ и все чисто-русское, мѣщанское.

Саватій — г. Полтавцевъ былъ натуральнымъ слѣпцомъ и роль выдержалъ отъ начала до конца очень-хорошо.

Миныйчъ, подъячій — г. Маркезъ скопировалъ и сыгралъ подъячаго давнопрошедшихъ временъ такъ хорошо, что его вызвали.

Ванька Выжига — г. *Пряженковский* въ роли нищаго былъ хорошъ какъ нельзя лучше. Вотъ что значитъ быть на своемъ мѣстѣ и браться за роль по своимъ силамъ.

Романъ Боберъ — г. *Львовъ* былъ рѣшительно лучше всѣхъ прочихъ гг.; онъ сыгралъ съ неподдѣльнымъ чувствомъ и одушевленіемъ. Его вызвали.

Дятель, эсаулъ — г. *Дрейсикъ* былъ натуральнымъ *кацапомъ* — головорѣзомъ: лучшее его мѣсто было въ разбойничьемъ притонѣ, когда онъ съ жаромъ вспоминаетъ старину и выхваляетъ разбойничью жизнь.

Прочіе гг-да и гг-жи были, играли, пѣли, говорили и проч.

Путешествующая танцовщица-актриса, веселенькій водевильчикъ, разыгранъ съ большимъ успѣхомъ.

Танцовщица — г-жа *Петрова*, хотя для танцевъ довольно-тяжела и не такъ гибка, но всё-таки въ этой пьесѣ была лучше всѣхъ. Ее вызвали два раза.

Параша — г-жа *Маркезъ* премилая горничная — плутовка.

Пустелькинъ — г. *Смирновъ* хорошъ и всѣхъ смѣшилъ.

Ромирскій — г. *Лаканскій* съ хриплымъ голосомъ.

4. декабря. «Харьковскій женихъ» и «Дезертеръ»

Въ «Харьковскомъ женихѣ» лучше всѣхъ была г-жа *Надежина*, въ роли Аксиньи: она такъ была хороша, такъ натуральна, что и самыя Аксиньи — старыя няньки не могутъ быть лучше г-жи Надежиной. Ее вызвали.

Въ Дезертерѣ роль Фридриха занималъ г. *Львовъ*. Мы отъ него ожидали больше: въ дезертерѣ онъ былъ незавиднъ.

16 декабря. (Въ пользу г-жи *Пряженковской* 2-й). «Генеральша или домашній дѣла», «Суженаго конемъ не объѣдешь» и «Царство женщинъ.»

Генеральша. Въ этой пьесѣ лучше всѣхъ былъ г-нъ *Маркезъ*, въ роли Кутаржа, натаріуса: игра его была проста, натуральна. Мы отъ души радовались за г-на Маркса. И внимательная публика вызвала его одинъ разъ.

Генеральша — г-жа *Пряженковская* 2-я. Да чѣмъ-же она не генеральша?

Г. *Рязанцевъ* преуморительно разыгралъ влюбленнаго писаря Парасоля. Его вызвали.

«Суженаго конемъ не объѣдешь.» разыграли весьма-обыкновенно. — А «Царство женщинъ» такъ себѣ: — *Пряженковская* 2-я царица довольно-красивая.

26 декабря. (Въ пользу гг. Смирновых): «Ревизоръ» и «Гусарская стоянка.»

«Ревизоръ». Роль городничаго занималъ нашъ лучшій комикъ г-нъ Смирновъ; онъ, какъ хорошій актеръ, сыгралъ довольно удачно, но особаго въ немъ ничего не было.

Городничиха — г-жа *Пряженковская* 1-я } хороши.
Дочь — г-жа *Марксъ* }

Тяпкинь-Ляпкинь — г-нъ *Соколовъ*, какакой-то дебютантъ, прелудно игралъ и пренесенно фарсилъ, заикался и, желая придать интереса своей игрѣ, прибѣгалъ къ корчамъ и судоргамъ, — просто изъ-рукъ вонъ.

Бобчинскій — г-нъ *Степановъ* хорошъ.

Хлестаковъ — г-нъ *Марксъ* незавиденъ.

Осипъ, слуга — г-нъ *Дрейсихъ* довольно-натураленъ. О прочихъ нечего и говорить. Вызвали Маркса и гг. Смирнова. Но пьеса разыграна прескучно.

«Гусарская стоянка». Замѣчательна тѣмъ, что въ ней, въ роли Платона Алексѣевича, оживтали *Полтавцева*. И по-дѣломъ! Будъ въ своей тарелкѣ!

28 декабря. «Людмила, мелодрама» и «Путешествующая танцовщица-актриса.»

«Людмила». Графъ Веллдовъ — г-нъ *Марксъ* никогда и ничѣмъ не могъ такъ насъ увлечь, даже позволяемъ себѣ сказать, очаровать, какъ этою ролью; онъ прекрасно постигъ и исполнилъ её; въ немъ было всё соединено: въ мѣстахъ эффектныхъ жаръ, и благородное чувство, и манера стараго воина, вельможи и патриота. Мы внимательно прослѣдили всю игру его и не нашли, за что бы упрекнуть: — рѣшительно Марксъ былъ прекрасенъ. Единодушный вызовъ былъ ему наградою.

Леонидъ — г-нъ *Львовъ* на этотъ разъ былъ красивымъ кавалеристомъ, но не завиднымъ актеромъ. Марксъ сыгралъ несравненно лучше его.

Удалой, вахмистръ — г-нъ *Дрейсихъ* хорошъ.

Филоновъ, профессоръ, — г-нъ *Смирновъ*, какъ умный и опытный актеръ, роль выдержалъ съ приличнымъ достоинствомъ.

Софья, жена Филонова — г-жа *Пряженковская* 1-я роли старыхъ матерей и благородныхъ старушекъ выполняетъ хорошо, и материискаго чувства въ ней всегда бываетъ довольно.

Людмила — г-жа *Смирнова* довольно-пѣвная, довольно чувствительная Людмила, особенно была хороша при прощаніи съ

Леонидомъ, потомъ во 2-мъ актѣ, когда, кончивъ балладу, бѣжитъ изъ комнаты, и, наконецъ, на кладбищѣ.

Графиня Аврора — г-жа *Праясенковская* 2-я не рѣдко, если не искусствомъ, то довольно-порядочною красотою, выкупаетъ недостатки игры своей.

Отдавая похвалы и порицанія, по достоинству замѣчательнымъ, о прочихъ гг., участвовавшихъ въ этой пьесѣ, умолчимъ; за-сѣть то удовольствіемъ выскажемъ нашу благодарность г. *Фролову* за декорациі: онъ на маленькой сценѣ умѣлъ хорошо поставить кладбище.

«*Путешествующая танцовщица актриса*» водевилъ разыгранъ хуже прежняго его представленія. Г. *Смирновъ* — Пустельгинъ, слишкомъ перефарсикъ; да и *Петровой* то не стоило спасибо сказать: въ свой бенефисъ она лучше была.

3 февраля. (Бенефисъ г-на и г-жи Львовыхъ) «Параша Сибирячка» и «*Барабанщикъ*».

Для Парашы были написаны двѣ новыя декорациі: *сибирскій лѣсъ* въ зимнее время и *Московскій Кремль*. *Сибирскій лѣсъ*, какъ видно, набросанный на скорую руку, особыхъ достоинствъ не имѣетъ: лѣсъ да и только. Но Кремль—это совѣмъ другое дѣло: тутъ видна мастерекая кисть декоратора — правильное и пріятное соединеніе колеровъ и хорошая перспектива. При поднятіи занавѣса, въ одно мгновеніе раздались рукоплесканія и крики «Браво! браво! Фролова!» Смотри на Кремль, кто изъ русскихъ въ душѣ не повторилъ незабвеннаго поэта:

Москва! какъ много въ этомъ словѣ

Для сердца русскаго слылось.

Въ декорациі Кремля намъ не понравилось одно: воздухъ тяжелъ, или проще сказать, надъ Кремлемъ повисли тучи. Если-бъ золотыя главы кремля блистали въ свѣтломъ, болѣе голубомъ небѣ, то эффекта было-бы болѣе. Боковыя декорациі Кремля плоховаты: какъ видно, писаны на-скоро. Но что г-нъ Фроловъ хорошій декораторъ, о томъ нѣтъ никакого сомнѣнія.— Теперь поговоримъ объ артистахъ.

Параша — г-жа *Марксъ*, какъ опытная актриса, роль выдержала недурно, въ пучныхъ мѣстахъ съ приличною энергіею, съ одушевленіемъ. У г-жи *Марксъ* большое достоинство въ мимикѣ. Но нѣкоторые изъ зрителей упрекаютъ г-жу *Марксъ* за то, что она, простая дѣвушка, приходила въ чрезмѣрный энтузіазмъ, и

драматизмъ выражала довольно-рѣзкими возгласами и бѣганьемъ по сценѣ.— Впрочемъ, публика Парашею была довольна и вызвала два раза. Но драматическая-ли она актриса, о томъ еще помолчимъ: въ драмѣ мы ее видѣли только въ первый разъ.

Неизвѣстный — г. *Львовъ* владѣеть даромъ трогать и увлекать сердце зрителя. Роль Незвѣстнаго онъ выдержалъ съ большимъ достоинствомъ, за что его вызвали три раза.

Прохожій — г. *Марксъ*, какъ актеръ опытный и старательный, роль выполнилъ отчетливо, но большихъ чувствъ въ немъ незамѣтно.

Писюлькинъ — г. *Смирновъ*. Размѣшить публику его дѣло.

Ленидъ — г. *Лиханскій* такъ щегольски одѣлся, за то такъ щегольски и сыгралъ!?

Исправникъ — г. *Дрейсихъ* куда-то торопился.

«*Барабанищикъ*». Веселевскій водевильчикъ, разыгранъ съ успѣхомъ. Роль барабанищика занимала Львова. Ее вызвали. Прочія Гг. Дрейсихъ, Смирнова, Марксъ, и Надежина въ этой пьесѣ также были хороши, за что и ихъ всѣхъ вызвали.

5-го *Феврала*. «Жизнь игрока» и «Узкіе башмаки».

Жоржъ, игрокъ — г. *Львовъ*. Теперь его можно смѣло поздравить съ побѣдою надъ тѣми господами, которые сомнѣвались въ его талантѣ. Въ «Игрокѣ» Львовъ ни мало не проигралъ, а выигралъ большую сумму: пять единодушныхъ вызововъ, много громкихъ аплодисментовъ и криковъ «браво!» Надо было видѣть, сколько въ немъ было жизни, силы, огня и чувствъ: въ сильныхъ, патетическихкихъ мѣстахъ, Львовъ натурально измѣнялся въ лицѣ и блѣднѣлъ. Онъ своею игрою выкупилъ всѣ, и большія недостатки обстановки пьесы, и не будь его, — пьеса упала бы. Онъ одинъ вынесъ ее на своихъ плечахъ, да Фроловъ не много пособилъ; а Марксъ далеко отсталъ отъ Львова, о Петровой — Амаліи и говорить нечего. Жаль, у Львова двѣ сцены сошли плохо: въ первомъ актѣ, когда онъ, проигравшись, выбѣгаетъ изъ-за кулисъ со стуломъ въ рукѣ и, взмахнувъ имъ, зацѣпилъ за веревку кулисы; и во-2-мъ актѣ, когда онъ вламывается въ кабинетъ жены — Львовъ, выламывая дверь, поскользнулся, вылетѣлъ на сцену вмѣстѣ съ дверью и растянулся на полу.

Де-Жермани — г. *Григорьевъ* былъ очень-хорошъ: роль дряхлаго отца выдержалъ натурально и благородно. Его вызвали.

Варнеръ — г. *Марксъ*: создавъ характеръ Варнера, онъ остался ему вѣренъ до конца пьесы, что дѣлаетъ ему честь. Но по нашему

миѣнію, Марксъ не такъ охарактеризовалъ его. Варнеръ игрокъ, подлець въ душѣ, но наружность его должна быть холодна, солидна и даже благородна. Варнеръ говоритъ Дермонту. «Я самъ, какъ вы видите, хожу сюда, не для игры, а чтобъ предупредить заблудшихъ молодыхъ людей.» По этому судите, каковъ долженъ былъ Варнеръ? Подлѣйшая душа его должна быть прикрыта благороднѣйшею личиною; а у Маркса этого не было: у него душа Варнера высказывалась не въ послѣдствіи дѣлъ, а еще прежде времени — въ его лицѣ, неумѣстной улыбкѣ, въ изысканной игрѣ и приемахъ, и — даже не всегда изысканныхъ. Марксъ Варнеръ былъ не тонкій, умный, скрытный плутъ, а просто отъявленный «мошенникъ», который въ первомъ дѣйствиіи *финтилъ*, во-второмъ злодѣйствовалъ не дурно; а въ третьемъ, являсь съ рыжею, острою бородою, въ какомъ-то колпакѣ, мѣстами вдавался въ комизмъ. За второе дѣйствиіе Маркса вызвали; а за третье, нѣкоторые вызывали, а нѣкоторые шикали, что довольно-несправедливо: если шикать Марксу, то что же дѣлать съ прочими актерами, которые ниже его? А Марксъ одинъ изъ числа лучшихъ актеровъ дѣйственной труппы.

Амалія — г. *Петрова* — для драмъ рѣшительно не годится. Запимая прекрасную роль Амаліи, пробудила-ль она въ комъ чувство состраданія, увлекла-ли кого своею игрою? Нѣтъ! Этого дара ей природа не дала.

Дермонтъ, негодянтъ — г. *Дрейсихъ* сыгралъ дурно: мѣстамъ горячился, торопился и вообще не имѣлъ солидности [почтеннаго негодянта; а былъ похожъ на какого-то титулярнаго совѣтника. — Въ этой-же пьесѣ, въ 3-мъ дѣйствиіи, Дрейсихъ занималъ роль Бирмана трактирщика. Вотъ здѣсь онъ былъ въ своей тарелкѣ.

Рудольфъ Дирекуръ } Извѣстнѣйшій г.
путешественникъ } *Пряженковскій*.

Албертъ, сынъ Жоржа — г. *Лиханскій* на этотъ разъ былъ не дурень.

Карлъ, жокей — въ афишѣ было напечатано — Д-ца Петрова; но вмѣсто ее, по неизвѣстной намъ причинѣ, Жокея игралъ актеръ Насѣдкинъ.

Банкометъ — г. Ивановъ. Его и прочихъ игроковъ мы не имѣли чести видѣть, потому что они играли за кулисами; перспективы освѣщенныхъ комнатъ также не было, а театръ, или сцена представляла долго знакомую намъ комнату, въ которую являлись: Варнеръ, Рудольфъ, Жоржъ и пр. лица.

Послѣ драмы видѣть водевилъ «Узкіе башмаки» мы вовсе не имѣли охоты, и потому о немъ и ничего не можемъ сказать.

Хотя мы и много говорили и писали объ актерахъ и актрисахъ здѣшней труппы, но по окончаніи перваго сезона поговоримъ о нихъ еще немного — какъ будто въ заключеніе.

Актеры:

Г. *Львовъ* молодой, образованный человекъ, получившій воспитаніе въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, изъ любви къ искусству, пожертвовалъ тѣмъ, чего многие другіе такъ добиваются. Львова настоящее ампуа въ драмѣ.

Г. *Смирновъ*, хорошій, умный актеръ, комикъ, являясь часто въ комедіяхъ, доставляетъ публикѣ большое удовольствіе.

Г. *Марксъ*, опытный, старательный актеръ, является въ комедіяхъ, водевиляхъ и драмахъ, занимаетъ всевозможныя роли и многія изъ нихъ выполняетъ хорошо, даже бывали случаи, что Марксъ бывалъ очень-хорошъ; нѣкоторыя-же роли утрируетъ и часто вдается въ фарсъ и вообще лишонъ простоты. Но все-таки Марксъ для здѣшней труппы актеръ необходимый.

Г. *Дрейсихъ* — Режиссёръ. Надо сознаться, съ первыхъ дебютовъ, какъ всякою новизною, (въ здѣшнемъ краѣ) мы были увлечены игрою Дрейсиха; но послѣ многихъ наблюденій, нѣсколько къ нему поохладѣли за роли свѣтскихъ, благородныхъ людей, гдѣ требовалось болѣе благородства, важности и солидности; но въ роляхъ стариковъ, простаковъ, солдатъ, чиновниковъ средней руки, онъ все-таки хорошъ; а въ малороссійскихъ роляхъ — чудо какъ хорошъ.

Г. *Фроловъ* могъ быть хорошимъ актеромъ, способностей онъ нелишенъ; но есть одна причина, которая вредитъ его искусству. За то онъ хорошій декораторъ.

Г. *Рязанцевъ*, молодой человекъ съ хорошимъ дарованіемъ, владеетъ прекрасною, выразительною мимикою, свободною игрою, комизмомъ и юморомъ. Но обладая хорошими средствами, г-ну Рязанову не грѣхъ будетъ обратить строжайшее вниманіе на большее развитіе своего таланта, иначе заглухнетъ, погибнетъ доброе стмя, и г. Рязанцевъ не узритъ славы, какъ ушей своихъ!

Г. *Петровъ* дирижёръ, актеръ и пѣвецъ!

Г. *Пряженковскій* несчастный любовникъ, котораго никто не любитъ.

Гг. *Лиханекій, Степановъ, Полтавцевъ* и *Насьдкинъ*, молодые актеры, которымъ весьма-необходимо учиться и трудиться, какъ нельзя больше.

Актрисы:

Г-жа *Маркезъ* въ настоящее время можетъ назваться первую актрисою здѣшняго театра: она хороша въ роляхъ главныхъ дѣвушекъ, очень-хороша въ роляхъ горничныхъ, модистокъ и вообще живыхъ, разбитныхъ красавицъ, и не обыкновенно-хороша въ малороссійскихъ пьесахъ. Г-жа Маркезъ любимица публики. И дѣйствительно, она дорогая актриса для каждого провинціального театра.

Г-жа *Пряженковская* 1-я старая актриса, весьма-естественна, хороша на роли матерей, старыхъ чиновницъ и даже старыхъ дамъ. Игра ея проста и благородна.

Г-жа *Петрова* актриса опытная, какъ мы уже и говорили, можетъ быть хороша въ комедіяхъ, на роляхъ солидныхъ дамъ, но для драмъ у нея нѣтъ ни чувства, ни искусства.

Г-жа *Львова*, молода, стройна, легка, одѣвается со вкусомъ; очень-недурна въ роляхъ молодыхъ дамъ и барышень; владѣетъ благородною манерою, но, къ-сожалѣнію, рѣдко является на сценѣ. А безъ практическаго изученія искусства талантъ не разовьется.

Г-жа *Смирнова* тоже молодая актриса, является въ комедіяхъ, водевиляхъ и драмахъ. Къ ней хорошо идутъ роли молоденькихъ барышень; она недурна въ Терезѣ и Людмиѣ, и хороша въ переодѣваньи.

Г-жа *Пряженковская* 2-я. И эта тоже молодая и даже красивая актриса, имѣетъ хорошій, но необработанный голосъ; а что всего важнѣе, въ ней мало игры и жизни, а безъ этихъ сокровищъ что за актриса! Въ Пряженковской 2-й даже замѣтно и чувство, и кажется, она должна-бы быть хороша въ драмахъ, но нѣтъ, она безъ энергіи, и потому проблески чувствъ ея проходятъ почти незамѣтными. — Отъ-души желаемъ молодой артисткѣ стараться развить свои способности, и тогда труды ея вознаградятся...

Г-жа *Надежина* не только хорошо, но даже очень-хорошо выполняетъ роли мызницъ, трактирщицъ, прачекъ, кухарокъ, свахъ и старухъ нянекъ; за то такую-же является и въ роляхъ благородныхъ дамъ.

Златопольская и *Никольская*. Молодые дѣвушки. Ихъ тоже называютъ актрисами.

Какъ видно, на сценѣ тифлисскаго театра нѣтъ ни пѣвца, ни хорошей пѣвицы, а самый главнѣйшій недостатокъ въ любовникѣ и драматической актрисѣ, и потому не только драмы, даже водевили иногда теряютъ прелесть свою за недостаткомъ нужныхъ сюжетовъ. Но что дѣлать, — здѣсь Грузія! Назадъ тому около пятидесяти-лѣтъ, если не на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ театръ, то въ виду его, разыгрывались драмы натуральныя, чисто-кровавыя: Лезгины похищали дѣтей и красавицъ тифлисскихъ, и въ бояхъ съ врагами погибали храбрые Грузины.

П. ЕГОРОВЪ.

1846 года.

Тифлисъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Е. Сю, не-смотря на свою знаменитость, не избѣжалъ-таки отъ продѣлокъ своихъ забавниковъ-земляковъ. Недавно отъ имени его разслано было по Парижу до 250 пригласительныхъ билетовъ на вечеринку, которую онъ будто-бы даетъ въ честь своего благополучнаго возвращенія. — Гости собрались и, разумеется, постоявши передъ запертыми воротами, воротились назадъ. Въ одномъ изъ парижскихъ журналовъ напечатано письмо Е. Сю, изъ О-Бордъ (Aux Bordes), отъ 7 н. м., въ которомъ онъ жалѣетъ о подвергшихся этой, по его мнѣнію, весьма-глупой шуткѣ.

— Мендельсонъ-Бартольдъ написалъ оперу, которой сюжетъ заимствованъ изъ «Тысячи и одной ночи».

— Французскій военный министръ назначилъ выдавать ежегодно премію въ 3000 фр., композитору, который напишетъ лучшую военную музыку.

— Въ прошедшей книжкѣ «Репертуара и Нантеона», мы упоминали о

болѣзни извѣстной французской артистки М-ше Дорваль. Болѣзь эта все еще продолжается, вотъ уже четыре мѣсяца. Недавно врачи подали было надежду на выздоровленіе, и директоръ Одеона поспѣшилъ ангажировать болную для главной роли въ новой пьесѣ Понсара «Agnès de Méranie»; однакожь, болѣзь опять усилилась, и врачи совѣтуютъ теперь артисткѣ отправиться въ Италію: — значить плоха надежда.

— Предпріятіе Александра Дюма, касательно постройки новаго театра, на мѣстѣ отеля Фулонъ, быстро идетъ къ осуществленію. Акты общества уже подписаны основателями. Капиталъ общества, собранный единственно только на покупку мѣста и на постройку зданія, какъ говорятъ, простирается до 1,500,000 фр. Всѣ торги заключены и всѣ смѣты сдѣланы. Акціи рѣшительно всѣ разобраны. Работы по устройству залы для драмъ будутъ производимы съ такою поспѣшностію, что поговариваютъ объ открытіи театра въ ноябрѣ или не-позже декабря. Со многими лучшими драматическими артистами вступлено уже въ переговоры. Отъ содѣйствія Фредерика Леметра общество принуждено отказаться, потому-что предложенныя имъ условія слишкомъ-тяжелы. Но г-жа Меллингъ и м-лле Гюйонъ подписали уже условіе. Что касается до репертуара новаго театра, то онъ будетъ чрезвычайно разнообразенъ, потому-что у Дюма, какъ говорятъ, заготовлено уже 35 актовъ. Увѣряютъ, что г. Гостейнъ уже нѣсколько дней тому назадъ получилъ требованія на ложи на первыя представленія его театра. При устройствѣ залы въ-особенности будетъ обращено вниманіе на удобство всѣхъ, даже и самыхъ-дешовыхъ мѣстъ, такъ, чтобы изъ всѣхъ пунктовъ залы была совершенно видна вся сцена.

— На Большомъ Флорентійскомъ театрѣ Пергола дана была 13-го марта н. с. новая опера «Magia di Francia», и имѣла огромный успѣхъ. Опера эта написана молодымъ флорентійскимъ композиторомъ Мабеллини. При первомъ представленіи композиторъ былъ вызванъ *дважды* разъ!

— 18-го марта н. с. въ Вѣнѣ, г-да Карлъ Гаслингеръ, Ст. Леви и др-я Спина давали въ Казино великолѣпный ужинъ Листу. Гостей было приглашено человекъ до ста, и въ томъ числѣ всѣ знаменитости музыкальныя, литературныя и журнальныя. У средняго окна залы поставленъ былъ бюстъ Листа, украшенный лавровымъ вѣнкомъ. Во-время ужина много пѣли и декламировали. Ужинъ продолжался до 3-хъ часовъ утра.

— «Une Lecture au théâtre Français en 1834» (Чтеніе во Французскомъ-театрѣ въ 1834 году): такъ называется новая картина, написанная для версальскихъ галерей членомъ Академіи Изящныхъ Искусствъ, г. Геймомъ. На картинѣ этой находятся портреты всѣхъ замѣчательныхъ драматурговъ, времени Имперіи, Реставраціи и до 1834 года, которыхъ произведенія являлись на сценѣ Французскаго-театра. Остроумный авторъ «Des Etourdis», Андриэ, читаетъ въ фойѣ театра новую пьесу, а вокругъ него группируются Лемерсье, Казимиръ Делавинъ, Александръ Дюваль, Арно (Arnault), Этьель, Пи-

каръ, Александръ Суме, Делавинъ; г-жи: де-Бавръ, Софія Те, Ансело; г-да Викторъ Гюго, Скрибъ, Виенне, Алфредъ де-Виньи, Александръ Дюма, Лебронъ, Жиро, Бриффо, Ансело, Дюпати, Емпи, Лидьеръ, Люсьенъ Д'Епарнъи, Фредерикъ Сулье, Леонъ Галеви, Мельвилъ, Казимиръ Бонжуръ, Планаръ, де-Лонаре, Еммиль Дешанъ. Лица д-цы Марсъ, Розы Дюпион, Плесси, Жоанни, Самсона, Лижье, М. Тейльюръ, дополняютъ эту историческую страницу, на которой собрана вся современная французская драматическая литература.

— Изъ Берлина пишутъ отъ 4 апрѣля: Жени Линдъ передъ отъездомъ своимъ въ Вѣну, куда она ангажирована на два мѣсяца, просталась вчера съ здѣшней публикою, въ роли Амны (въ Соннамбулъ Беллини). Знаменитую пѣвицу вызывали послѣ каждого акта, а послѣ послѣдняго осыпали вѣнками и букетами. Въ полночь весь оркестръ театра Большой-Оперы давалъ серенаду подъ окошками знаменитой пѣвицы. Ж. Линдъ воротится въ Берлинъ къ 20-му юнію. — По другимъ извѣстіямъ, дирекція берлинской Оперы предлагала знаменитой пѣвицѣ ангажементъ и на будущій зимній сезонъ, съ платою 10,666 талер. (40.000 фр.) за 30 ролей, въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ; но она не согласилась, и объявила, что рѣшительно не хочетъ на зиму заключать контракта ни съ однимъ театромъ.

— Имя Тамбурины начертано золотыми буквами на бѣлой мраморной доскѣ, въ Марсельскомъ госпиталѣ, какъ имя одного изъ благотворителей этого человѣколюбиваго заведенія.

— Въ парижской Комической-Оперѣ недавно давали, по возобновленіи Оберову Эмму, первое произведеніе, которымъ Оберъ обратилъ на себя вниманіе публики. Россини, говоря однажды объ Оберѣ, сказалъ: «Этотъ человѣкъ пишетъ пустую музыку, какъ великій музыкантъ.»

— Оль-Буль изъ Парижа отправился путешествовать по Франціи, Бельгій и Голландіи.

— Во французскихъ газетахъ пишутъ, что будто-бы Маріо и Гриси ангажированы на будущій сезонъ къ нашей итальянской оперѣ.

— Въ Миланѣ пользуется огромнымъ успѣхомъ пианистъ Вильмеръ. Тамъшнія газеты называютъ его новымъ Тальбергомъ, новымъ Листомъ. Еще новая звѣзда въ созвѣздіи знаменитыхъ пианистовъ.

— При заключеніи, въ прошедшемъ году, контракта у г-на Баруале съ лондонскою оперою, было условлено, что Донидзетти напишетъ для этого славнаго баритона новую роль Фауста. Но-несчастно, болѣзнь знаменитаго маэстро помѣшала исполненію этой статьи контракта. Въ нынѣшнемъ-же году Баруале не захотѣлъ ѣхать въ Лондонъ, а вознамѣрился воспользоваться временемъ своего отпуска для посѣщенія главныхъ провинціальныхъ театровъ Франціи.

Изъ Вѣны пишутъ, отъ 24 апрѣля. «Первое появленіе Женн Лияд на здѣшнемъ театрѣ происходило 22 апрѣля 1846. Каждое столѣтіе отмѣчаетъ въ своихъ лѣтописяхъ какое-нибудь необыкновенное событіе, феноменъ, метеоръ или т. п. Нынѣшнее отмѣтитъ появленіе Женн Лияд».

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ РЕПЕРТУАРА И ПАНТЕОНА.

Г. Сл., въ Москве. Благодаримъ за присылку, но печатать не можемъ по нѣкоторымъ причинамъ.

— *Г. З. Х. У., въ С. Петербургѣ.* Писса, о которой вы спрашиваете, напечатана въ 3-й кн. «Репертуара и Пантеона» 1843-го года.

— *Г. Булгарину.* Въ № 87 *Сѣв. Пчелы* вы приписываете мнѣ какой-то водевилъ, (какого имени вы не помните), игравшій будто-бы на сценѣ Александринскаго-театра; считаю долгомъ объявить, что на сценѣ Александринскаго-театра не являлось ни одного водевиля съ моимъ именемъ; присвоивать же себѣ чужаго я не намѣренъ, ибо не принадлежу къ числу такихъ людей, которые чужихъ дѣтисей выдаютъ за своихъ.

Издатель и Редакторъ Межевичъ.

5-я книжка «Репертуара и Пантеона» запоздала нѣсколькими днями по причинѣ болѣзни Редактора.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ У М. БЕРНАРДА,

на Невскомъ-проспектѣ, противъ Малой-Морской, въ домѣ Паскаля № 11.

(Цѣны на серебро.)

ПЬЕСЫ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО.

Argent rbls. c.

Bernard. Collection d'airs favoris de l'opéra italien à St. Pétersbourg, arrangés pour Piano seul:	
№ 17. Bellini. Air de la Norma „Casta diva“	— 30
№ 18. Rossini. Trio favori du Barbier de Seville	— 50
№ 19. Donizetti. Romance de la Linda	— 30
№ 20. ——— Romance de l'Elisire d'amore	— 30
№ 21. Verdi. Air de l'opéra i Lombardi	— 50
№ 22. Donizetti. Cavatine de l'opéra Lucrezia	— 50
№ 23. ——— Sextuor de l'opéra Lucrezia	— 30
Burgmüller. Polka-Cotillon, dansée au théâtre	— 75
Dameke. Cinq mélodies inédites, op. 26. № 1. Un souvenir de Voyage.	
№ 2. L'Espérance. № 3. Chansonette allemande. № 4. Réverie.	
№ 5. Barcarolle	1 30
— Arabesque sur un air russe favori, op. 27. № 1	1 —
— Arabesque sur un air de l'opéra „Olga“ de M. Bernard, op. 28	1 —
Frackmann. Canzonetta, op. 8	— 85
Henselt. Frühlingslied. Chanson de printemps, op. 15	1 —
— Air de Balfé transcrit	1 —
— Mazurka et Polka	1 —
— Das ferne Land. Mélodie	— 43
Herz (H.) La foi, l'espérance et la charité. Trois choeurs de Rossini transcrits et variés, op. 146. № 1, 2, 3 . . . . . à	1 —
— Grande fantaisie brillante sur l'opéra Lucrezia Borgia, op. 147	1 72
— Arabesques musicales. Collection de six morceaux faciles sur des thèmes favoris, op. 148. № 1—6 . . . . . à	— 85
— Les fleurs italiennés, op. 149. № 1. Variations sur un thème de Carafa. № 2. Fantaisie sur un thème de Mercadante . . . . . à	— 85
— Souvenirs de la Scala, op. 150. № 1. Caprice sur Maria Parilla de Donizetti. № 2. Variations sur Chiara di Rosenberg de Ricci. à	1 —
Hüntten. Fantaisie sur l'opéra Romeo et Juliette de Bellini, oo. 138	1 15
— Deux ronds, op. 139. № 1. Hélène. № 2. Angiolina . . . . . à	1 15
— Souvenirs de Bellini. Fantaisie, op. 140	1 15
Kalkbrenner. Richard en Palestine. Fantaisie brillante, op. 172	1 43
— Les Charmes de Carlsbad. Grand Rondo brillant pour le Piano avec Orchestre, op. 174	2 58
— Idem pour Piano seul, op. 174	1 72
— Grande Sonate brillante (ded. à Thalberg) op. 177	2 29
— Fantaisie brill. sur la Barcarolle, opéra d'Auber, op. 176	1 43
Langer (L.) Chant bohémien „за Ураломъ“ transcrit et varié, op. 12	— 75
Mayer (C.) Nocturne brillant, op. 81	— 60
Mendelssohn-Bartholdi. Sechs Lieder ohne Worte. VI. Heft	1 50
Meyer (L. de) Machmudier. Air guerrier des Turques, op. 22	1 15
— Bajazeth. Air national des Turques, op. 23.	1 15
— Le Carnaval de Venise, op. 31.	1 15
— Fantaisie sur l'Elisire d'amore, op. 32	1 72
— Variations sur Semiramis, op. 37.	1 72